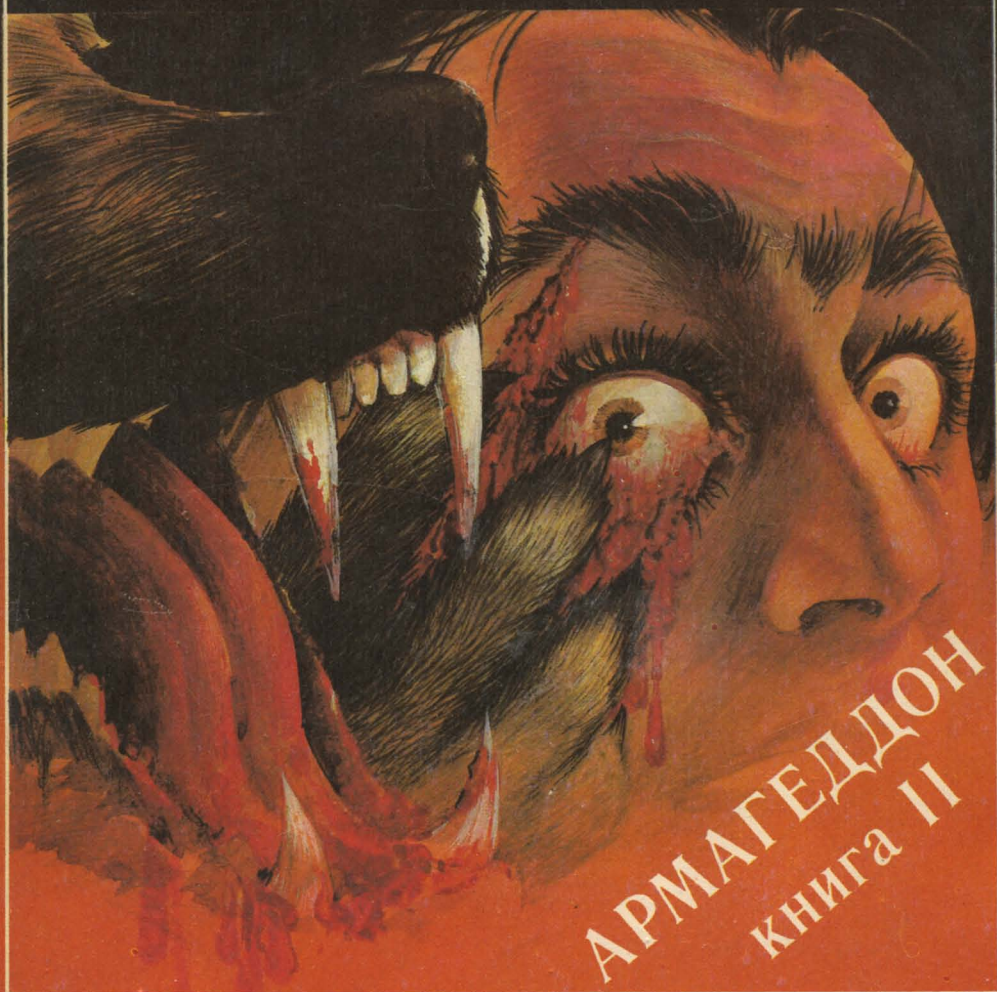

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

АРМАГЕДДОН
книга II

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

А.Н. МИРОНОВ 93

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг

АРМАГЕДДОН

Жуковский
КЭДМЭН
1993

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 10

Stephen King THE STAND

Художник А.Н.Миронов
Главный редактор Б.И.Самарханов

Стивен Кинг
Армагеддон: роман. Книга II

ISBN 5-85743-010-0

Copyright © by Stephen King 1978.
Published by arrangement with Doubleday, a division of Bantam Doubleday,
Dell Publishing Group, Inc.

© А.Н.Миронов, 1993, оформление суперобложки, иллюстрации

© Издательство АОЗТ «Кэдмэн», 1993, перевод

АРМАГЕДДОН

книга II

ГЛАВА 43

Был поздний вечер двадцать седьмого июня. Они разбили лагерь в местечке, которое, судя по вылинявшему указателю, называлось Канкл Фергграундз. Сам Канкл, штат Огайо, был к югу от них. Там был пожар, и большая часть города сгорела. Стью сказал, что, наверное, пожар начался из-за молнии. Гарольд, как всегда, стал с ним спорить. В эти дни, если Стью Редман говорил, что пожарные машины — красные, то Гарольд Лаудер предъявлял факты и цифры, свидетельствующие в пользу того, что большинство из них покрашено в зеленый цвет.

Она вздохнула и перевернулась на другой бок. Никак не могла заснуть, потому что боялась сна.

Слева от нее стояли в ряд шесть мотоциклов. В двадцати шагах от нее крепко спали в своих мешках все остальные. Гарольд, Стью, Глен Бэйтмен, Марк Брэддок, Перион МакКарти. Прими снотворное и *спиши...*

Каждый из них на ночь принимал по полтаблетки веронала. Это была идея Стью. Он отвел Гарольда в сторону и посоветовался с ним, прежде чем сообщить о ней всем остальным, потому что лучший способ польстить Гарольду — это с серьезным видом осведомиться о его мнении. Гарольд много *знал*. И это было хорошо, но в то же время и плохо. Они словно путешествовали в обществе третьесортного божка, более или менее всезнающего, но эмоционально неустойчивого и готового взорваться в любую секунду. В Олбени, где они встретили Марка и Перион, он добыл себе еще один револьвер. Ей было жаль Гарольда, но она начала испытывать страх. Она стала задумываться о том, не чокнется ли он в одну ночь и не начнет ли палить из обоих своих револьверов. Она часто ловила себя на воспоминании о том дне, когда она обна-

ружила Гарольда на заднем дворе, где он стриг лужайку в одних плавках и плакал.

Она легко могла себе представить, как Стью сказал ему об этом, очень тихо, почти конспиративно: *Гарольд, сны представляют для нас серьезную проблему. У меня есть идея, но я не знаю точно, как ее осуществить... слабое успокоительное... но надо выбрать правильную дозу. Немного переборщить — и никто не проснется в случае опасности. Что бы ты предложил?*

Фрэнни каждый вечер брала себе полтаблетки, но не принимала ее. Она не знала, может ли веронал повредить ребенку, но лучше было не рисковать. Говорят, что даже аспирин может разрушить хромосомную цепочку. Так что ей приходилось мучаться от снов — *мучаться*, это подходящее слово. Один из них снился ей чаще прочих, и даже если другие сны в чем-то от него отличались, рано или поздно они плавно в него переходили. Она была у себя дома в Оганквите, и за ней гнался темный человек. Туда и обратно по темным коридорам, через гостиную ее матери, где продолжали тикать дедушкины часы... она знала, что могла бы убежать от него, если бы ей не надо было тащить за собой тело. Это было тело ее отца, завернутое в простыню, и если она бросит его, то темный человек что-то сделает с ним, осквернит его каким-то ужасным способом. Она бежала, чувствуя, что он догоняет ее, и наконец его горячая, отвратительная рука падала ей на плечо. Тело ее ослабело, словно из него вынули все кости, и труп отца выскользнул у нее из рук, и она поворачивалась, уже готовая сказать: *Возьмите его, делайте с ним, что хотите, мне все равно, только не преследуйте меня больше.*

И вот он стоял перед ней, одетый во что-то вроде монашеской рясы с капюшоном, и на лице его ничего нельзя было разглядеть, кроме широчайшей счастливой ухмылки. В этот момент ужас сражал ее наповал, и она с усилием просыпалась, обливаясь потом и не желая больше погружаться в сон. Потому что ему нужно было не труп ее отца; ему нужен был живой ребенок в ее утробе.

* * *

Она снова перевернулась на другой бок. Если в ближайшее время ей не удастся заснуть, она достанет свой дневник и начнет записывать. Она стала вести дневник с пятого июля. В каком-то смысле она делала это для своего ребенка. Это было нечто вроде акта веры, веры в то, что ребенок будет жить. Она хотела, чтобы он знал, как это было. Как эпидемия пришла в Оганквит, как она убежала вместе с Гарольдом, что с ними случилось потом.

Свет луны был достаточно сильным, чтобы писать. Двух-трех страничек дневника ей обычно хватало, чтобы почувствовать сонливость. Это не свидетельствует в пользу моих литературных талантов, — предположила она. Но сначала надо было дать сну еще один шанс.

Она закрыла глаза.

И вновь стала думать о Гарольде.

Ситуация могла бы улучшиться с появлением Марка и Перион, если бы они уже не были к тому моменту полностью поглощены друг другом. Перион было тридцать три, на одиннадцать лет больше, чем Марку, но в новом мире такие различия не учитывались. Они нашли друг друга. Они искали друг друга и были рады держаться вместе. Перион по секрету сказала Фрэнни, что они пытаются зачать ребенка. Слава Богу, что я пила таблетки и не пользовалась спиралью, — сказала Пери. Как бы мне удалось ее вытащить?

Фрэнни едва не рассказала ей о своей беременности (прошло уже больше трех месяцев), но в последний момент что-то удержало ее.

Так что теперь их было шестеро вместо четверых (Глен наотрез отказался вести мотоцикл и ехал, сидя позади Стью или Гарольда), но с появлением еще одной женщины ситуация не изменилась.

Ну а ты, Фрэнни? Что ты хочешь?

Раз уж она *должна* была жить в таком мире, как этот, — подумала она, — ощущая, как в ней тикают биологические часы, заведенные еще на шесть месяцев, — то ей хотелось бы, чтобы рядом с ней был мужчина вроде Стью Редмана — да что там вроде, она хотела *его*. Такова была истинная правда.

Господи, как же ей нужен был мужчина. Но не только для того, чтобы охранять ее и ребенка. Стью привлекал ее, в особенности после Джесса Райдера. Он был спокойным, деловитым, а самое главное он не был тем, кого ее отец назвал бы «двадцатью фунтами дерьма в десятифунтовом пакете».

Его также тянуло к ней. Она прекрасно знала об этом, начиная с того первого ленча в пустынном ресторане на День Независимости. На мгновение — на одно краткое мгновение — их взгляды встретились, и между ними прошла жаркая волна. Она полагала, что Стью тоже знает, как обстоят дела, но он ждал, пока она сама примет решение. Она ведь была сначала с Гарольдом и, стало быть, принадлежала ему. Мысль, достойная вонючего самца, но как она опасалась, окружающий мир снова превратиться в царство вонючих самцов. По крайней мере, на время.

Если бы только нашелся кто-нибудь для Гарольда, но никто не находился, а она боялась, что не сможет так долго ждать. Она подумала о том дне, когда Гарольд неуклюже попытался окончательно утвердить свое право собственности на нее. Как давно это было? Две недели назад? А казалось, что раньше.

Она заснула.

Когда она проснулась, было все еще темно. Кто-то тряс ее за плечо.

Она протестующе забормотала — впервые за эту неделю она спала спокойно и не видела снов, — а потом неохотно выплыла на поверхность, думая, что уже утро и пора ехать. Но с чего бы это им ехать в темноте? Она села и увидела, что луна уже зашла.

Ее тряс Гарольд. Выглядел он испуганно.

«Гарольд? Что-то случилось?»

Она заметила, что Стью тоже был на ногах. И Глен Бэйтмен, и Перион.

«Марк заболел», — сказал Гарольд.

«Заболел?» — переспросила она, и до нее донесся тихий стон с того места, где стояли двое мужчин и Перион.

Фрэнни почувствовала, как ее захлестывает черный ужас. Больше всего на свете они боялась болезней.

«Это не... грипп, Гарольд?» — спросила она, потому что если Марк с запозданием подцепил Капитана Шустрика, то это значило, что с каждым из них может случиться то же самое.

«Нет, это не грипп. Ничего похожего. Фрэн, ты ела этим вечером консервированные устрицы? Или, может быть, во время ленча?»

Она попыталась сосредоточиться. «Да, я съела несколько штук и за ленчем, и за ужином», — сказала она. «Вкус у них был прекрасный. Я очень люблю устрицы. Это пищевое отравление?»

«Фрэн, я просто спрашиваю. Никто не знает, что это такое. Доктора нет дома. Как ты себя чувствуешь? С тобой все в порядке?»

«В порядке, только спать хочется». Но спать ей больше не хотелось. Еще один стон донесся с противоположной стороны лагеря.

«Глен думает, что это аппендицит», — сказал Гарольд. «Что?»

Гарольд только кисло улыбнулся и кивнул.

Фрэн поднялась и подошла к остальным. Гарольд последовал за ней печальной тенью.

«Нам надо как-то помочь ему», — сказала Перион. Голос ее звучал механически, словно она уже множество раз повторила эту фразу. Фрэн посмотрела на Глена, лицо которого выглядело бледным и постаревшим.

«Гарольд сказал, вы считаете, что это аппендицит?» — спросила она.

«Я не знаю», — сказал Глен расстроенным и испуганным голосом. «Конечно, симптомы налицо: у него жар, живот напряжен и вздут, прикосновения причиняют боль...»

«Нам надо как-то помочь ему», — снова сказала Перион и разрыдалась.

Глен дотронулся до живота Марка, и тот закричал от боли. Глен отдернул руку так быстро, словно прикоснулся к раскаленной плите, и посмотрел на Стью и Гарольда с

плохо скрываемой паникой. «Что вы можете предложить, джентльмены?»

Гарольд стоял неподвижно, и его кадык ходил взад и вперед, словно в горле у него что-то застряло. Наконец он выпалил: «Дайте ему немного аспирина».

Перион, сквозь слезы смотревшая на Марка, резко обернулась к Гарольду. «Аспирин?» — спросила она тоном яростного удивления. «Аспирин?» Голос ее поднялся до визга. «И это все, что ты можешь придумать своей ученой задницей? Аспирин?»

Гарольд засунул руки в карманы и посмотрел на нее с несчастным видом, покорно снося упреки.

«Но Гарольд прав», — сказал Стью очень мягко. «В данный момент ничего, кроме аспирина, у нас нет, Перион. Сколько сейчас времени?»

«Вы просто не *знаете*, что делать!» — закричала она на них. «Почему вы не можете честно в этом признаться?»

«Четверть третьего», — сказала Фрэнни.

«А если он умрет?» Пери откинула с лица растрепавшуюся копну золотисто-каштановых волос.

«Оставь их в покое, Пери», — сказал Марк слабым голосом. «Они делают, что могут. Если боль не прекратится, я так или иначе умру. Дайте мне аспирин. Что угодно».

«Я принесу», — сказал Гарольд. «У меня есть немного в рюкзаке. Очищенный», — добавил он, словно надеясь на одобрение.

«Нам надо как-то помочь ему», — вернулась Перион к своему заклинанию.

Стью отвел в сторону Глена и Фрэнни.

«У вас есть какие-нибудь идеи?» — спросил он тихо. «У меня, во всяком случае, нет. Она накинута на Гарольда, но его мысль насчет аспирина была примерно раза в два находчивее моих предложений».

Глен вздохнул. «Может быть, просто кишечник переполнен. Слишком часто мы едим всухомятку. У него подействует живот, и все пройдет».

Фрэнни покачала головой. «Я так не думаю. Если бы дело было в кишечнике, у него не было бы жара. Да и

живот не вздулся бы». Казалось, будто в животе у Марка за ночь выросла целая опухоль. От этой мысли ей стало не по себе. Она не помнила, когда в последний раз (за исключением снов) ей приходилось испытывать такой страх. Как там Гарольд сказал? Доктора нет дома. Как это точно. Как это ужасно точно. Господи, как они одиноки. Как далеко они ушли по канату, под которым кто-то забыл натянуть страховочную сетку. Она перевела глаза с напряженного лица Глена на лицо Стью. И там и там она увидела глубокую боль. В каком-то смысле, — предположила Фрэнни, — так оно и было.

«Что мы будем делать?» — безнадежно спросила Фрэнни. Она думала о своем ребенке, и снова и снова в ее мозгу звучал один и тот же вопрос: *Что если надо будет делать кесарево? Что если надо будет делать кесарево? Что если...*

Позади нее вновь закричал Марк, словно возвещая ей ужасное пророчество, и она почувствовала к нему ненависть.

Они переглянулись в пульсирующей темноте.

Из дневника Фрэн Голдсмит.

6 июля 1990

После недолгих уговоров мистер Бэйтмен согласился ехать с нами. Он заявил, что после всех своих статей («Я пишу их умными словами, чтобы никто не мог догадаться, насколько они примитивны», — сказал он) и после того, как он в течение двадцати лет отравлял студентам жизнь своей социологией, он решил, что не имеет права упустить такую возможность.

Стью спросил, какую возможность он имеет в виду.

«По-моему, это должно быть ясно», — сказал Гарольд своим НЕВЫНОСИМО ВЫСОКОМЕРНЫМ тоном (иногда Гарольд бывает милым, но часто он превращается в мешок дерьма, и этим вечером был как раз такой случай). «Мистер Бэйтмен...»

«Пожалуйста, называй меня Гленом», — сказал он очень спокойно, но Гарольд так на него посмотрел, словно он обвинил его в какой-нибудь социальной аномалии.

«Глен, как социолог, имеет возможность лично присутствовать при зарождении нового Общества, как мне кажется. Он хочет изучить, насколько действительность соответствует теории».

Ну, короче говоря, Глен согласился, что в основном это так, но добавил: «У меня также есть несколько своих теорий, которые я хочу подтвердить или опровергнуть. Я, например, не верю, что человек, возродившийся из пепла супергриппа, будет чем-нибудь отличаться от человека с истоков Нила с костью в носу и с женщиной, которую он держит за волосы. Такова одна из теорий».

Стью сказал своим всегдашним спокойным тоном: «Потому что все лежит под ногами и только ждет, чтобы его подобрали снова». Он выглядел таким мрачным, когда говорил это, что я удивилась, и даже Гарольд посмотрел на него с некоторым интересом.

Но Глен кивнул и сказал: «Правильно. Общество технологий, так сказать, освободило площадку, но забыло унести собой баскетбольные мячи. Появится кто-то, кто помнит правила, и научит всех остальных. Точное сравнение, не правда ли? Надо будет его потом записать».

А Гарольд ему сказал: «Вы говорите так, будто считаете, что все начнется снова — гонка вооружений, загрязнение окружающей среды и так далее. Это еще одна теория? Или просто следствие первой?»

«Не вполне», — начал Глен, но Гарольд его перебил и начал говорить о том, что хотя он о людях довольно невысокого мнения, все же он не думает, что они окажутся *такими* идиотами. Одну его фразу я запомнила, потому что образ был уж очень впечатляющий: «Раз уж Гордиев узел разрублен, нам нет никакого смысла браться за работу и запутывать его снова».

«Время покажет», — только и ответил ему Глен.

Все это происходило около часа назад, а теперь я нахожусь в спальне наверху, и Коджак лежит передо мной на полу. Хороший пес! Здесь довольно уютно, и это напоминает мне о доме, но я стараюсь не думать о доме слишком часто, потому что от этого я плачу. Я знаю, что это звучит ужасно, но, ей-Богу, мне действительно хотелось бы, чтобы кто-нибудь помог мне нагреть постель. И я даже знаю кто.

Выбрось это из головы, Фрэнни!

Итак, завтра мы едем в Стовингтон, и я знаю, что Стью эта идея не очень-то по душе. Он боится этого места. Стью мне *очень* нравится, и мне хотелось бы, чтобы и Гарольд стал лучше к нему относиться. С Гарольдом все так трудно, но, наверное, он не может изменить свой характер.

Глен решил оставить Коджака. Он огорчен этим, хотя у Коджака и не будет никаких проблем с едой. Единственное, что мы можем сделать, — это найти мотоцикл с коляской, но даже и тогда бедный Коджак может испугаться и выпрыгнуть. Покалечится или погибнет.

Как бы то ни было, завтра мы отправляемся.

Запомнить: В «Тексас Рейнджерс» (бейсбольная команда) был подающий по имени Нолан Райан, который умел подавать так, что мяч невозможно было отбить, а это очень сложно. По телевидению показывали комедии с записанным на пленку смехом, и смех включали в забавных местах — считалось, что так смотреть интереснее. На рынках можно было купить замороженные пирожные и торты, а дома надо было только дать им оттаять и есть. Больше всего я любила земляничный пирог Сары Ли.

7 июля 1990

Долго писать не могу. Ехали целый день. Прошлой ночью мне опять приснился этот сон. Гарольду тоже приснился этот? человек? и это его очень расстроило,

потому что он не может объяснить, почему мы оба видели один и тот же сон.

Стью говорит, что ему до сих пор снится Небраска и эта старая негритянка. Она продолжает говорить ему, чтобы он пришел ее повидать в любое время. Стью считает, что она живет в городке Холанд Хоум или Хоумтаун или что-то вроде этого. Говорит, что может ее найти. Гарольд высмеял его и пустился в долгие разглагольствования о том, что сны являются психо-фрейдистским проявлением тех вещей, о которых мы не осмеливаемся думать, когда бодрствуем. По-моему, Стью рассердился, но сдержал себя. Я очень боюсь, что их тайная вражда может перейти в открытую. КАК МНЕ ЖАЛЬ, ЧТО ВСЕ ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ!

Но так или иначе, Стью спросил: «Так почему же у тебя и у Фрэнни был один и тот же сон?» Гарольд что-то пробормотал о совпадении и гордо удалился.

Стью сказал Глену и мне, что он хочет, чтобы после Стовингтона мы отправились в Небраску. Глен пожал плечами и сказал: «Почему бы и нет? Надо же нам куда-нибудь идти».

Гарольд, разумеется, станет возражать из «общих принципов». Черт тебя возьми, Гарольд! Когда же ты наконец подрастешь?

Запомнить: В конце восьмидесятых в США часто не хватало бензина, потому что все на чем-нибудь ездили, а большинство наших нефтяных запасов было израсходовано, и арабы подложили нам свинью. У арабов было столько денег, что они буквально не могли их все истратить. Была такая рок-н-ролльная группа под названием «Зе Ху», которая иногда в конце своих выступлений разбивала гитары и усилители.

8 июля 1990

Уже поздно, и я устала, но я постараюсь записать как можно больше, пока глаза просто не ЗАХЛОПНУТСЯ. Гарольд закончил свою надпись около часа

назад и укрепил табличку на главной лужайке перед центром в Стовингтоне. Стью помог ему.

Я пыталась подготовить себя к разочарованию. Я никогда не подозревала Стью во лжи, и я не думаю, чтобы Гарольд подозревал. Так что я была уверена, что там все умерли, но все равно было очень грустно, и я заплакала. Ничего не могла с собой поделать.

Но не одна я расстроилась. Когда Стью увидел центр, он жутко побледнел. На нем была рубашка с короткими рукавами, и я заметила, что его руки покрылись гусиной кожей. Глаза его обычно синие, но на этот раз они стали какого-то грязного цвета, как океан в плохую погоду.

Он указал на третий этаж и произнес: «Там была моя комната».

Гарольд повернулся к нему, и я заметила, что он собирается высказать один из своих ученых комментариев, но потом он увидел лицо Стью и заткнулся. Мне кажется, с его стороны это был очень мудрый поступок.

После паузы Гарольд сказал: «Ну что ж, давайте посмотрим, что там внутри».

«А зачем?» — ответил Стью, и голос его звучал почти истерически, но он изо всех сил старался удержать себя в руках. Меня это очень напугало, потому что обычно он спокоен, как лед.

«Стюарт...» — начал Глен, но Стью перебил.

«Зачем? Разве ты не видишь, что это мертвое место? Ни духовых оркестров, ни солдат, ничего. Поверь», — сказал он, — «если бы они были здесь, они бы уже давно накиннулись на нас. И нас бы заперли в белых комнатах, как стадо морских свинок». А потом он посмотрел на меня и сказал: «Извини, Фрэн, я сорвался. Просто я очень расстроен».

«Ну что ж, я пойду», — сказал Гарольд, — «кто пойдет со мной?» Но я-то видела, что хотя он и пытается изо всех сил быть БОЛЬШИМ И СМЕЛЫМ, он и сам очень испуган.

Глен сказал, что пойдет, и Стью сказал: «Иди тоже, Фрэн. Взгляни. Удовлетворись».

Я хотела было ему сказать, что останусь с ним на улице, потому что ему было так плохо (и потому что мне действительно не хотелось туда идти), но тогда бы опять начались сложности с Гарольдом, и я сказала о'кей.

Если у нас — у Глена — и были какие-то сомнения насчет правдивости рассказа Стью, то их можно было отбросить сразу же после того, как мы открыли дверь. Запах. Точно так же пахло во всех более или менее больших городах, которые мы проезжали. Похоже на запах гнилых помидоров, и, о, Господи, *опять* я плачу, но разве это справедливо, что люди не просто умирают, а начинают вонять как

Стоп

(позже)

Ну вот я поплакала. Что ж, сегодня слез больше не будет, обещаю.

Несмотря ни на что, мы вошли внутрь. Наверное, проявление болезненного любопытства. Не знаю, как насчет остальных, но лично мне вроде как хотелось посмотреть на комнату, где сидел Стью. А как там было *холодно*, после улицы. Повсюду гранит и мрамор, наверное, фантастическая теплоизоляция. На верхних этажах было теплее, но внизу был запах... и холод... похоже на могилу. МЕРЗОСТЬ.

Было как-то тревожно, словно в доме с привидениями, и мы трое сбились в кучку, словно овцы, и я была рада, что с собой у меня винтовка — пусть и двадцать второго калибра. Звук наших шагов отдавался эхом, как будто за нами кто-то крался, преследовал нас, и я снова начала думать об этом сне, в котором главную роль играл человек в черном балахоне. Ничего удивительного, что Стью не захотел с нами пойти.

Наконец мы добрались до лифтов и поднялись на второй этаж. Там были какие-то кабинеты... и не-

сколько тел. Третий этаж был похож на госпиталь, но у всех палат были герметичные двери и специальные окна, чтобы смотреть внутрь. Там было *очень много* тел, и в палатах, и в коридорах. Женщин почти не было. Интересно, их что, пытались эвакуировать под конец? Нам этого никогда не узнать. Но тогда зачем спрашивать?

Но так или иначе, в конце помещения, соединенного с главным коридором, мы нашли палату с открытой дверью. Там лежал мертвый человек, но он не был пациентом (на них были белые больничные пижамы) и уж точно умер не от гриппа. Он лежал в большой луже высохшей крови и выглядел он так, словно перед смертью пытался выползти из комнаты. Рядом валялся сломанный стул, и все вокруг было в беспорядке, словно здесь была драка.

Глен долгое время оглядывался, а потом сказал: «По-моему, нам лучше ничего не говорить Стью о том, что мы видели эту комнату. Похоже, здесь он был очень близок к смерти».

Я посмотрела на распростертое тело, и мне стало еще страшнее.

«В каком смысле?» — спросил Гарольд, и даже *его* голос звучал неуверенно.

«По-моему, этот джентльмен пришел сюда, чтобы убить Стюарта», — сказал Глен, — «но Стью каким-то образом удалось лучше справиться с аналогичной задачей».

«Но почему?» — спросила я. «Почему они хотели убить Стью, если у него был *иммунитет*? В этом же нет никакого смысла!»

Он посмотрел на меня, и в глазах у него был страх. Они выглядели почти мертвыми, как у скумбрии.

«*Это* не имеет значения, Фрэн», — сказал он. «Смысл и это место, судя по его виду, — это две несовместимые вещи. Существует определенный тип мышления, уверенного в том, что можно замести следы. Такие люди верят в это с той же искренностью и фанатизмом, с которой члены некоторых сект верят

в божественность Иисуса Христа. Потому что для некоторых людей самое важное — это замести следы, даже когда беда уже произошла. Интересно, сколько обладающих иммунитетом людей они убили в Атланте, Сан-Франциско и Топпеке, в центре по изучению вирусных болезней, прежде чем болезнь убила их и положила конец их занятию? Эта задница? Я рад, что он мертв. Мне только жаль Стью, который, возможно, всю свою оставшуюся жизнь будет видеть кошмары с его участием».

И знаете, что потом сделал Глен Бэйтмен? Этот симпатичный человек, который рисует ужасные картины? Он подошел и пнул труп прямо в лицо. Гарольд приглушенно крикнул, словно это его ударили. Потом Глен снова занес ногу.

«Нет», — кричал Гарольд, но Глен ударил труп и во второй раз. Потом он повернулся, утирая рот тыльной стороной ладони, но по крайней мере глаза его перестали быть похожи на глаза дохлой рыбы.

«Пошли», — сказал он, — «идемте отсюда. Стью был прав. Это мертвое место».

Мы вышли, а Стью сидел, прислонясь спиной к железным воротам в высокой стене, которая огораживала здание, и мне захотелось... ну давай же, Фрэнни! Мне захотелось подбежать к нему, поцеловать его и сказать, как мне стыдно за то, что мы ему не верили.

О, Господи, я влюбляюсь в него!

Так или иначе, именно тогда Стью снова сказал нам, что хочет поехать в Небраску, что хочет проверить свой сон. На лице у него было упрямое, взволнованное выражение, словно он предчувствовал, что Гарольд начнет выступать со своими покровительственными рассуждениями, но Гарольд был слишком взволнован после нашего похода в центр, чтобы оказать сильное сопротивление. Но и слабые его возражения прекратились, когда Глен очень сдержанно сообщил, что прошлой ночью ему тоже приснилась старая женщина.

«Конечно, дело могло быть и в том, что Стью рассказал нам свой сон», — сказал он, и лицо его слегка покраснело, — «но было очень похоже».

Гарольд сказал, что, конечно, дело только в этом, но Стью сказал: «Подожди минутку, Гарольд, у меня есть идея».

Идея Стью заключалась в том, что каждый из нас возьмет по листку бумаги и запишет все, что он помнит из своих снов за последнюю неделю, а потом мы сравним. Все это выглядело достаточно научно, поэтому Гарольд не особо возражал.

Результаты получились довольно-таки удивительными.

Гарольду, Стью и мне снится один и тот же «темный человек» (так я его назвала). И мне и Стью он являлся в монашеской рясе, и черты его лица невозможно было различить. Гарольд написал, что этот человек всегда стоит в темном дверном проеме и манит его за собой, «как сводник». Иногда он видит только его ноги и блеск его глаз — «они похожи на глаза ласки», так он написал.

Сны Стью и Глена о старой женщине очень похожи между собой. Сходство слишком большое, чтобы можно было объяснить его совпадением. Оба они считают, что она находится в округе Полк, штат Небраска, хотя по поводу названия городка у них разногласия — Стью говорит, что это Холлингфорд Хоум, а Глен утверждает, что Хемингуей Хоум. Так или иначе, похоже. Оба считают, что смогут найти это место. (Запомни, дневничок: по-моему, это Хемингфорд Хоум).

«Это просто удивительно», — сказал Глен, — «похоже, у нас у всех в психике идут идентичные процессы». Гарольд, разумеется, выразил свое пренебрежение, но выглядел он так, словно ему есть над чем задуматься. Согласился ехать он лишь потому, что «ведь надо же куда-нибудь ехать». Мы уезжаем утром. Я испугана, взволнована и счастлива уехать из Стовингтона.

Запомнить: «Расслабься» — это значит не расстраивайся. «Все ништяк» — это значит, что ты в полном порядке. «Отвязаться» значит хорошо провести время. Многие люди носили майки с надписью ДЕЛО — ТРУБА, и так оно часто и бывало... и есть до сих пор.

Было самое начало первого.

Перион заснула рядом с Марком, которого они два часа назад осторожно перенесли в тень. Он то терял сознание, то приходили в себя, и им было легче, когда он был в обмороке. Остаток ночи он терпел боль, но с наступлением ночи его леденящие душу крики стали почти непрерывными. Они стояли и с безнадежным видом смотрели друг на друга. Аппетита ни у кого не было.

«Это аппендицит», — сказал Глен. «Не думаю, что могут быть какие-то сомнения на этот счет».

«Может быть, мы должны попробовать... ну, прооперировать его», — сказал Гарольд и посмотрел на Глена.

«Мы убьем его», — бесцветно сказал Глен. «Понимаешь ли, Гарольд, даже если мы сумеем разрезать его так, что он не умрет от потери крови, что сделать мы не сможем, мы не отличим его аппендикс от поджелудочной железы. Видишь ли, там нет указательных надписей».

«Но мы убьем его, если не сделаем операции», — сказал Гарольд.

«Ты хочешь попробовать?» — язвительно спросил Глен. «Иногда я удивляюсь, глядя на тебя, Гарольд».

«Что-то я не замечаю, чтобы от *тебя* был большой толк в данной ситуации», — сказал Гарольд, вспыхнув.

«Да прекратите вы», — сказал Стью. «Если только в ваши планы не входит сделать операцию складным ножом, то об этом не может быть и речи. Ближайшая больница осталась в Моми. Нам его туда никогда не довезти».

«Конечно, ты прав», — пробормотал Глен и поскреб небритую щеку. «Гарольд, извини меня. Я совсем не в себе. Я знал, что нечто подобное может случиться — уже случилось, — но, наверное, я знал это число теоретиче-

ски. А жизнь отличается от размышления об отвлеченных предметах в уютном старом кабинете».

Гарольд недоверчиво пробормотал, что принимает извинения, и отошел, глубоко засунув руки в карманы. Он был похож на обиженного десятилетнего переростка.

«Почему мы не доведем его?» — с отчаянием в голосе спросила Фрэн.

«Потому что его аппендикс очень сильно распух», — сказал Глен. «Если он лопнет, то в его организме окажется достаточно яда, чтобы убить десять человек».

Стью кивнул: «Перитонит».

У Фрэнни закружилась голова. Аппендицит? Раньше это был пустяк. *Пустяк*. Она вспомнила, как один из ее приятелей по старшим классам, мальчик по имени Чарли Биггерс, летом перенес операцию аппендицита. Он пробыл в больнице всего два или три дня. С медицинской точки зрения, это был абсолютный пустяк.

Точно так же, как и рождение ребенка.

«Но если мы оставим его на месте, то разве он не лопнет?» — спросила она.

Стью и Глен неуверенно переглянулись и ничего не сказали.

«Ну а тогда прав Гарольд — вы просто убьете его!» — взорвалась она. «Вы должны *что-то* сделать, даже если для этого потребуется складной нож! Вы *должны!*»

«А почему *мы?*» — сердито спросил Глен. «Почему не *ты?* Господи помилуй, у нас нет медицинского справочника!»

«Но вы... он... это не должно случиться! *Операция аппендицита — это пустяк!*»

«Возможно, в старые времена так и было, но не сейчас», — сказал Глен, но она уже пошла прочь, заливаясь слезами.

Она вернулась около трех часов. Ей было стыдно, и она хотела извиниться. Но ни Глена, ни Стью в лагере не оказалось. Гарольд уныло сидел на стволе упавшего дерева. Перион сидела рядом с Марком, скрестив ноги, и

тряпочкой смачивала ему лицо. Она была бледна, но держала себя в руках.

«Фрэнни!» — сказал Гарольд, просветлев.

«Привет», — она подошла к Пери. «Как он?»

«Спит», — сказала Перион, но даже Фрэн было заметно, что он не спит. Он был без сознания.

«Куда ушли остальные, Пери? Ты не знаешь?»

Ответил ей Гарольд. Он подошел со спины, и она почувствовала, как ему хочется потрогать ее волосы или положить руку ей на плечо. Но ей этого не хотелось. В обществе Гарольда она почти всегда стала ощущать острую неловкость.

«Они поехали в Канкл, чтобы отыскать врачебный кабинет».

«Они думают найти там медицинские книги», — сказала Пери. «И кое-какие... кое-какие инструменты».

«Нам так жаль», — сказал Гарольд неуверенно.

Пери подняла голову и улыбнулась вымученной улыбкой. «Я знаю», — сказала она. «Спасибо. Никто в этом не виноват. Если, конечно, Бога нет. А если Он есть, то это *Его* вина. И когда я увижу его, я собираюсь двинуть Его по яйцам».

У Пери было лошадиное лицо и массивное крестьянское тело. Фрэн, которая прежде всего обращала внимание на лучшие человеческие черты (у Гарольда, например, были прекрасные руки), отметила, что у Пери были прекрасные волосы с легким каштановым оттенком, а в ее темно-синих глазах светится ум. Она сказала им, что преподавала антропологию в Нью-Йоркском университете, а кроме того принимала участие во многих политических движениях, в том числе за права женщин и за равноправие перед законом жертв СПИДа. Она никогда не была замужем. Она встретила с Марком в Олбени, где она проводила летний отпуск с родителями, в последний день июня, и после недолгого разговора они решили поскорее убраться из города, до тех пор пока вызревающие в трупах микробы не довершили того, что не смог сделать супергрипп.

Они оставили город и на следующую ночь стали любовниками. Он был со мной нежен, — сказала ей Пери с

тем легким удивлением, которое отличает всех некрасивых женщин, нашедших себе симпатичного мужчину в этом суровом мире.

Постепенно она полюбила его.

А теперь это.

«Странно», — сказала она. «Все мы здесь, кроме Стью и Гарольда, имеем высшее образование, да и ты, Гарольд, обязательно получил бы его, если бы жизнь продолжала идти своим чередом».

«Наверное, это так», — сказал Гарольд.

Пери снова повернулась к Марку и стала отирать его лоб, нежно, с любовью.

«Фрэнни изучала филологию, Глен был профессором социологии, Марк должен был получить степень по американской истории, ты, Гарольд, собирался стать писателем. Мы могли бы сесть в кружок и вести интеллектуальные разговоры. Собственно говоря, мы так и делали, не правда ли?»

«Да», — согласился Гарольд. Голос его был таким тихим, что его почти не было слышно.

«Гуманитарное образование учит вас думать — где-то я это читала. А суровые факты, о которых вы узнаете, это что-то вторичное. Главное, что вы выносите с собой из школы, — это умение конструктивно пользоваться индукцией и дедукцией».

«И это правильно», — сказал Гарольд. «Мне это нравится».

Теперь его рука все-таки опустилась Фрэн на плечо. Она не сбросила ее, но почувствовала себя очень неловко.

«Но это неправильно», — яростно сказала Пери, и удивленный Гарольд убрал руку с плеча Фрэнни. Она немедленно почувствовала облегчение.

«Неправильно?» — переспросил он робко.

«Он умирает!» — сказала Пери с какой-то гневной безнадежностью. «Он умирает, потому что все мы потратили свою жизнь на то, чтобы научиться дурачить друг друга в комнатах общежития или в гостининых дешевых квартирах в университетских городках. Конечно, я могу вам рассказать об индейцах Миди с Новой Гвинеи, а Гарольд сможет

объяснить, на чем основана литературная техника поздних английских поэтов, но чем все это может помочь Марку?»

«Если бы с нами оказался кто-нибудь из медицинского института...» — попробовала начать Фрэн.

«Если бы. Но такого человека среди нас нет. Среди нас нет даже автомеханика или хотя бы бывшего студента сельскохозяйственного колледжа, который хотя бы раз видел, как ветеринар оперирует лошадь или корову». Она посмотрела на них, и ее темно-синие глаза сделались еще темнее. «Какую бы симпатию я к вам не чувствовала, сейчас я променяла бы вас даже на хорошего слесаря. Вы все так боитесь притронуться к нему, хотя и знаете, что произойдет, если вы этого не сделаете. И я такая же».

«Но Стью и Глен пошли на поиски. Это уже кое-что, не так ли?»

Пери вздохнула. «Да, это кое-что. Но ведь это Стью решил идти, верно? Он оказался единственным из нас, кто в конце концов решил, что лучше попытаться что-то сделать, вместо того, чтобы стоять на месте и заламывать руки». Она посмотрела на Фрэнни. «Он не говорил тебе, чем он занимался раньше?»

«Он работал на заводе», — с готовностью ответила Фрэн. Она не заметила, как Гарольд помрачнел из-за того, что она так быстро смогла сообщить эту информацию. «Он паял схемы для микрокалькуляторов. Можно сказать, он был компьютерным инженером».

«Ха!» — сказал Гарольд, кисло улыбнувшись.

«Он единственный из нас, кто понимает, как устроены вещи», — сказала Пери. «То, что он собирается сделать вместе с мистером Бэйтменом, убьет Марка, я почти уверена в этом, но лучше быть убитым, когда кто-то пытается тебе помочь, чем умереть, когда мы тут стоим и смотрим... как на собаку, задавленную автомобилем».

Ни Гарольд, ни Фрэн не смогли ничего ответить. Они только стояли позади нее и смотрели на бледное, неподвижное лицо Марка. Через некоторое время Гарольд снова положил свою потную руку Фрэн на плечо. Она чуть не закричала.

* * *

Стью и Глен вернулись без четверти четыре. Сзади к их мотоциклу был привязан черный докторский саквояж с инструментами и стопка толстых книг в черных переплетах.

«Мы попытаемся», — сказал Стью.

Пери подняла глаза. Лицо ее было бледным и напряженным, голос — спокойным. На самом деле? Пожалуйста. Мы оба этого хотим».

«Стью?» — сказала Перион.

Было десять минут пятого. Стью стоял на коленях на клеенчатой простыне, расстеленной под деревом. Пот реками стекал с его лица. Глаза его сверкали. Фрэнни держала перед ним открытую книгу, раскрывая ее то на одной, то на другой цветной иллюстрации, когда Стью поднимал глаза и кивал ей. Позади него стоял смертельно бледный Глен Бэйтмен и держал в руках катушку с прочными белыми нитками. Между ними стоял открытый саквояж с безупречными стальными инструментами. Саквояж был забрызган кровью.

«Вот он!» — закричал Стью. «Вот он, маленький ублюдок! Здесь! Прямо здесь!»

«Стью?» — сказала Перион.

«Фрэн, покажи мне снова эту картинку! Быстро! Быстро!»

«Ты можешь его удалить?» — спросил Глен. «Господи, Восточный Техас, неужели у тебя получится?»

Гарольда с ними не было. Он ушел еще в самом начале, зажимая рукой рот. Последние пятнадцать минут он стоял к ним спиной в маленькой рощице к востоку от них. Теперь он повернулся к ним, и в его круглом красном лице засветилась надежда.

«Не знаю», — сказал Стью. «Может быть».

Он уставился на цветную иллюстрацию, которую держала перед ним Фрэн. Руки у него были по локоть в крови.

«Стью?» — сказала Перион.

«Вытри мой лоб, Фрэнни, я потею, как глупая свинья... спасибо... Господи, эти проклятые внутренности... ага, попался. Попался».

«Стью», — сказала Перион.

«Дай мне ножницы, Глен. Нет, не те. Которые поменьше».

«Стью».

Он наконец поднял на нее глаза.

«Не стоит», — сказала она спокойно, мягко. «Он мертв».

Он посмотрел на нее, и его сузившиеся глаза медленно расширились.

Она кивнула. «Почти две минуты назад. Но спасибо тебе. Спасибо за то, что ты попытался».

Стью посмотрел на нее долгим взглядом. «Ты уверена?» — прошептал он наконец.

Она снова кивнула. Слезы бесшумно потекли по ее лицу.

Стью отвернулся от них, уронил маленький скальпель, который был у него в руках, и закрыл лицо руками в жесте безысходного отчаяния. Глен уже отошел в сторону, не оглядываясь и сгорбив плечи, словно от удара.

Фрэнни обвила Стью руками и прижала его к себе.

«Ну и дела», — сказал он. Он повторял эту фразу снова и снова, и голос его был таким медленным и бесцветным, что она испугалась. «Ну и дела. Все кончено. Ну и дела. Ну и дела».

«Ты сделал все, что мог», — сказала она и обняла его еще крепче, словно боясь, что он улетит.

«Ну и ну», — сказал он еще раз с унылой безнадежностью.

Гарольд Лаудер смотрел на Фрэнни и Стью с растущим подозрением и страхом. Через несколько секунд он резко повернулся и пошел прочь. Вернулся он только после ужина.

На следующее утро она снова проснулась рано. Кто-то тряс ее за плечо. Я открою глаза, и это окажется Глен или Гарольд, — подумала она сквозь сон. Все повториться снова, и будет повторяться постоянно, до самого конца. Те, кто не усвоил уроков истории...

Но это был Стью. Уже занималась заря. Все остальные спали.

«В чем дело?» — спросила она, садясь на постели. «Что-то случилось?»

«Мне снова снился сон», — сказал он. «Не о старой женщине, а о... о другом. О темном человеке. Я испугался, и тогда я...»

«Постой», — сказала она, испугавшись выражения у него на лице. «Скажи, в чем дело, *пожалуйста*».

«Это Перион. Веронал. Она вынула веронал из рюкзака Глена».

У нее перехватило дыхание.

«О Господи», — сказал Стью потерянно. «Она мертва, Фрэнни».

Она попыталась заговорить, но обнаружила, что не может этого сделать.

«Наверное, надо разбудить остальных», — сказал Стью отсутствующим тоном. Он поскреб щетинистую щеку. Фрэн еще помнила, какой колючей она была вчера, когда они обнялись. Он повернулся к ней в изумлении. «Когда же это кончится?»

«Думаю, никогда», — сказала она тихо.

Они посмотрели друг на друга в свете занимающейся зари.

Из дневника Фрэн Голдсмит

12 июля 1990

Этим вечером мы разбили лагерь к западу от Гилдерленда, штат Нью-Йорк. Наконец-то выехали на дорогу между шоссе №80 и №90. Волнение после встречи с Марком и Перион (вам не кажется, что это прелестное имя? мне кажется) понемногу улеглось. Они согласились ехать с нами... собственно говоря, они первые предложили нам это.

Но я не уверена, что Гарольд предложил бы им стать нашими попутчиками. Вы же знаете, какой он. И он был слегка ошарашен (по-моему, Глен тоже) количеством оружия, которое они на себе тащили.

14 июля 1990

Во время ленча у нас был очень долгий и серьезный разговор об этих снах. Наверное, мы даже задержались дольше, чем следовало. Остановились мы к северу от Батавии, штат Нью-Йорк.

Вчера Гарольд очень скромно (для него) предложил начать принимать небольшие дозы веронала, чтобы посмотреть, не сможем ли мы «подорвать единство сновиденческого процесса», как он выразился. Я поддержала эту идею, чтобы никто не заподозрил, что со мной что-то не так, но я не собираюсь принимать свою дозу, чтобы не повредить Одинокому Ковбою (надеюсь, что он действительно одинок, я не уверена, что смогу вынести двойняшек).

Одобрив предложение насчет веронала, Марк сказал: «О таких вещах нельзя долго думать. Иначе в следующий момент каждый из нас решит, что он Моисей или Иосиф, и у него прямое телефонное сообщение с Господом Богом».

«Темный человек звонит не с небес», — сказал Стью. «И если это погребальный звон, то, по-моему, он доносится из мест, расположенных значительно ниже».

«Короче говоря, Стью хочет сказать, что нас преследует дьявол», — вставила Фрэнни.

«Такое объяснение ничем не хуже других», — сказал Глен.

Мы все посмотрели на него. «Ну», — продолжил он слегка оправдывающимся тоном, как мне показалось, — «если взглянуть на вещи с теологической точки зрения, то разве мы не являемся узлом на канате, который перетягивают друг у друга ад и небеса? Когда происходит что-то необъяснимое, то единственное объяснение этому явлению, которое следует его внутренней логике, — это объяснение теологическое. Вот почему физика и религия всегда шли рука об руку, вплоть до современных хилеров».

Гарольд недовольно заворчал, но Глен продолжал говорить.

«Я уверен в том, что все мы обладаем телепатическими способностями... и они настолько глубоко укоренены в нас, что мы их редко замечаем. Кроме того, способности эти могут иметь в основном предупредительный характер, и это также не позволяет их заметить».

«Почему?» — спросила я.

«Потому что они выполняют роль негативного фактора, Фрэн. Никто из вас не читал исследования о железнодорожных и авиационных катастрофах, проведенного Джеймсом Д.Л.Стонтоном в 1958 году? Оно было опубликовано в социологическом журнале, но бульварные газеты упоминают его при каждом удобном случае».

Мы все покачали головами.

«А следовало бы», — сказал он. «Джеймс Стонтон был одним из тех, кого мои студенты двадцатилетней давности называли бы «настоящей светлой головой» — клинический социолог с деликатными манерами, который в качестве хобби изучал оккультные явления».

«Так расскажите нам о самолетах и поездах», — попросила Пери.

«Ну, Стонтон собрал статистические данные о пятидесяти авиационных катастрофах с 1925 года и о двухстах железнодорожных крушениях с 1900 года. Данные он заложил в компьютер. Он сопоставлял три величины: число пассажиров потерпевшего аварию транспортного средства, число жертв и *емкость* этого транспортного средства».

«Неясно, что он пытался этим доказать», — сказал Стью.

«Чтобы стало ясно, вы должны знать, что он заложил в компьютер еще один набор данных — на этот раз о том же количестве самолетов и поездов, которые *не* попали в катастрофу».

Марк кивнул. «Контрольная группа и экспериментальная группа».

«То, что он обнаружил, было достаточно просто, но приводило к поразительным выводам».

«Так что же это было?» — спросила я.

«Полные самолеты и поезда редко попадают в катастрофы», — сказал Глен.

«Какая идиотская ЧУШЬ!» — завопил Гарольд.

«Не совсем», — спокойно ответил Глен. «В тех случаях, когда поезд или самолет попадает в катастрофу, транспортное средство бывает в среднем заполнено на 61%. В тех случаях, когда катастроф не бывает, в среднем заполняется 76% мест. Разница составляет 15% и несомненно является значимой. Стонтон указывает, что с точки зрения статистики, даже трехпроцентного отклонения было бы достаточно, чтобы серьезно задуматься, и он прав. Это аномалия размером с Техас. Вывод Стонтона заключался в том, что люди *знают*, какие самолеты и поезда попадут в катастрофу... что они бессознательно предсказывают будущее.

У вашей тетушки Салли начинает сильно болеть живот как раз перед тем, как рейс №61 должен был унести ее за пределы Чикаго в Сан-Диего. А когда самолет падает в невадской пустыне, все восклицают: О, тетушка Салли, эта боль в животе была настоящим проявлением Божьей милости. Но до тех пор пока не появился Джеймс Стонтон, никто не подозревал о том, что живот... или голова... или что-то еще заболело на самом деле у *тридцати* людей».

«Я просто не могу в это поверить», — сказал Гарольд, покачивая головой с довольно жалким видом.

«Видите ли», — сказал Глен, — «примерно через неделю после того, как я прочитал статью Стонтона в первый раз, самолет «Маджестик Эйрлайнз» потерпел крушение в аэропорту Логан. Ну, я позвонил в контору «Маджестик» в Логане. Сказал им, что я репортер из манчестерского «Профсоюзного Лидера» — небольшая ложь по уважительной причине. Я сказал, что мы собираем данные по авиакатастрофам и спросил, не могут ли они мне сказать, сколько человек, купивших билеты, не явилось на рейс. Голос у человека звучал довольно удивленно, и он сказал

мне, что авиаперсонал тоже об этом говорил. Не явилось шестнадцать человек. Я спросил его, сколько человек в среднем не является на рейс «Боинга-747» из Денвера в Бостон, и он сказал, что трое».

«Трое», — удивленно повторила Перион.

«Да. Но парень на этом не остановился. Он сказал, что пятнадцать человек *сдали билеты*, а в среднем сдают человек восемь. Так что, хотя газетные заголовки после случившегося и кричали о том, что **АВИАКАТАСТРОФА В ЛОГАНЕ УНЕСЛА ЖИЗНИ 94 ЧЕЛОВЕК**, но с таким же успехом они могли кричать и о том, что **31 ЧЕЛОВЕК ЧУДОМ ИЗБЕЖАЛИ СМЕРТИ В АВИАКАТАСТРОФЕ В ЛОГАНЕ**».

Ну... было много еще всяких разговоров о всей этой телепатии, но все это уже не имело отношения к теме *наших* снов. Помню только, что Стью спросил у Глена (это случилось как раз после того, как Гарольд отошел в сторону в знак крайнего презрения): «Но если мы все обладаем телепатическими способностями, то почему же мы не чувствуем, когда где-то далеко от нас умирает наша возлюбленная, или наш дом разрушает ураганом, или что-нибудь в этом роде?»

«Существует много подобных случаев», — сказал Глен, — «но я готов признать, что их не так-то легко доказать с помощью компьютера. Это интересная проблема. У меня есть теория...»

(А когда ее у него нет, дневничок?)

«...по поводу эволюционного развития человека. Вы ведь знаете, что когда-то люди — или их предки — имели хвост и шерсть по всему телу, и чувства у них были обострены в гораздо большей степени, чем сейчас. Почему сейчас этого нет? Быстро, Стью! У тебя есть шанс стать первым учеником в классе».

«Ну, наверное, по той же причине, по которой люди больше не носят пыльники и очки-консервы, когда садятся за руль. Иногда ты просто перерастаешь вещь. Наступает момент, когда она больше уже не нужна тебе».

«Точно. А зачем человеку телепатические способности, которые абсолютно бесполезны с практической точки зрения? Какой тебе прок будет от того, что сидя в кабинете, ты вдруг узнаешь, что твоя жена погибла в автомобильной катастрофе, возвращаясь с рынка? Тебе ведь позвонят по телефону и скажут, верно? Если эти способности у нас когда-нибудь и были, то они должны были давным-давно атрофироваться, как хвосты и шкуры.

«Что мне интересно в наших снах», — продолжил он, — «так это то, что они предсказывают какую-то будущую борьбу. Мы видим смутные образы протагониста... и антагониста. Если это действительно так, то это все равно что посмотреть на самолет, на котором мы должны лететь... и почувствовать боль в животе. Возможно, нам дарованы средства, с помощью которых мы можем повлиять на наше будущее. Нечто вроде свободной воли из четвертого измерения: возможность заранее выбрать тот или иной ход событий».

«Но мы не знаем, что эти сны *значат*», — сказала я.

«Не знаем. Но можем узнать. Не уверен, можно ли считать слабые проявления телепатических способностей признаком нашего божественного происхождения. Существует множество людей, готовых поверить в чудо ясновидения, не веря в то, что оно доказывает существование Бога, и я являюсь одним из них, но я верю в то, что эти сны являются конструктивной силой, хотя они и могут нас испугать. Поэтому у меня есть вторичные соображения по поводу веронала. Принимать его это все равно что выпить немножко «Пепто-Бисмола», чтобы прошел живот, и сесть на самолет».

Запомнить: Экономические спады, дефициты, «Форд Гроулер», который мог проехать шестьдесят миль по шоссе на одном литре бензина. Чудесная машина. Вот и все, я кончаю. Если записи не станут короче, то этот дневник станет таким же длинным,

как «Унесенные ветром» еще до того, как прискачет Одинокый Ковбой.

16 июля 1990

Только две записи, о снах. Во-первых, в течение этих последних двух дней Глен Бэйтмен был очень бледным и тихим, а этим вечером я заметила, как он принял дополнительную дозу веронала.

Во-вторых, мои собственные сны. Позавчера ночью я спала, как младенец, и ничего не могла вспомнить. Прошлой ночью мне впервые приснилась старая женщина. Ничего не могу добавить к уже сказанному, за исключением того, что от нее исходит аура доброты и радости. Теперь я могу понять, почему Стью так настаивал на том, чтобы мы поехали в Небраску, несмотря на весь сарказм Гарольда. Этим утром я проснулась полностью освеженной, думая, что если только нам удастся добраться до этой женщины, Матушки Абагейл, то все будет ОК. Надеюсь, она действительно там. (Кстати, я абсолютно уверена, что городок называется Хемингфорд Хоум).

Запомнить: Матушка Абагейл.

ГЛАВА 44

Было около четверти десятого утра тридцатого июля. Выехали они только час назад. Ехать приходилось медленно, потому что прошедшей ночью был сильный ливень, и дорога была еще скользкой. Со вчерашнего утра, когда Стью разбудил сначала Фрэнни, а потом Гарольда и Глена, чтобы сказать им о самоубийстве Перион, они почти не разговаривали. Он винит себя, — подумала Фрэн с горечью, — винит себя за то, в чем он виноват не больше, чем в ночной грозе.

Она хотела сказать ему это, отчасти потому, что его следовало поругать за самоедство, а отчасти потому, что она любила его. Эту вторую причину она уже была не в силах скрывать от самой себя. Ей казалось, что она может убедить его в том, что смерть Пери — это не его вина...

но в процессе этого разговора она неизбежно раскроет свои подлинные чувства. Но вскоре это неизбежно случится, и Бог с ним с Гарольдом.

Они завернули за поворот и увидели перевернутый жилой прицеп, перегородивший дорогу. Его ржавый бок все еще блестел после ночного дождя. На обочине стояли три автофургона и большой дорожный грузовик. Рядом стояли люди, по крайней мере, человек двенадцать.

Фрэн была так потрясена, что затормозила слишком резко. Ее «Хонду» занесло на скользкой дороге, и она чуть не упала. Все они остановились и удивленно уставились на столь многочисленную группу живых людей.

«Ну давайте, слезайте», — сказал один из этих людей. Он был высокого роста, с рыжеватой бородой, и носил темные очки.

Сейчас он потребует предъявить водительские права, — подумала Фрэн. Рядом с человеком в темных очках стояло трое мужчин. Остальные были женщины. Их было как минимум человек восемь. Вид у них был бледным и взволнованным. Они сгрудились небольшими группками рядом с запаркованными автофургонами.

У человека в темных очках был револьвер. У остальных мужчин были винтовки. Двое были одеты в остатки военной формы.

«Слезайте, *черт вас возьми*», — сказал человек в темных очках, и один из его товарищей зарядил винтовку.

Глен и Гарольд выглядели озадаченными и испуганными.

«Гарольд», — сказал Стью спокойно. По глазам было видно, что он принял какое-то решение. «Гарольд, не...» А потом все и произошло.

Винтовка Стью висела у него за спиной. Он опустил плечо, чтобы ремень соскользнул вниз, и винтовка оказалась у него в руках.

«Не смей!» — яростно закричал бородач. «Гарви! Вирдж! Ронни! Огонь! По женщине не стрелять!»

Гарольд попытался схватить свои револьверы, поначалу забыв, что они убраны в кобуры.

Глен Бэйтмен по-прежнему сидел на мотоцикле позади Гарольда в удивленном оцепенении.

«Гарольд!» — закричал Стью.

Фрэнни начала снимать с плеча свою винтовку. Она почувствовала себя так, словно воздух вокруг наполнился невидимой клейкой патокой, сквозь которую ей никогда не продрасться. Она поняла, что, возможно, им придется здесь умереть.

Одна из девушек закричала: «СЕЙЧАС!»

Пока Фрэнни снимала с плеча винтовку, взгляд ее скользнул по девушке. Впрочем, ее уже трудно было назвать девушкой — ей было по крайней мере двадцать пять. Ее пепельные волосы висели клоками, словно она недавно подстригла их садовыми ножницами.

Часть женщин застыли от ужаса, но светловолосая девушка и еще трое пришли в движение.

Бородач направил свой револьвер на Стью. Когда молодая светловолосая женщина закричала: «Сейчас!», ствол слегка дернулся по направлению к ней, словно волшебная лоза, почувствовавшая присутствие воды. Револьвер выстрелил. Раздался громкий звук, словно стальным предметом пробили картон. Стью упал с мотоцикла, и Фрэнни вскрикнула.

Потом Стью приподнялся на локтях и стал стрелять. Бородач сделал назад несколько па, словно водевильный танцор, покидающий сцену после бисового номера, и упал на спину.

Двое из троих мужчин дернулись на крик женщины. Один из них нажал курок старомодной ремигтоновской двустволки. Лицо одной из женщин, которая никак не прореагировала на крик светловолосой, превратилось в невероятное кровавое месиво. Лишь один неповрежденный глаз смотрел сквозь ее кровавую маску. В нем застыло удивленное недоумение. Потом женщина упала лицом на дорогу.

Светловолосая женщина схватилась с другим из обернувшихся мужчин. Его двустволка упала на землю между ними. Другая девушка бросилась, чтобы ее поднять.

Третий мужчина, который *не* повернулся к женщинам, открыл огонь по Фрэн. Фрэнни продолжала сидеть на своем мотоцикле с винтовкой в руках, глупо на него

установившись. У него была кожа оливкового цвета, и он был похож на итальянца. Она ощутила, как пуля пронеслась мимо ее виска.

Гарольд наконец-то вытащил из кобуры один из своих револьверов. Он поднял его и выстрелил в человека с оливковой кожей. Расстояние было около пятнадцати шагов. Он промахнулся. Дырка от пули появилась в стенке прицепа чуть-чуть левее головы предполагаемого итальянца. Итальянец посмотрел на Гарольда и сказал: «А теперь я тебя кончу, сукин сын».

«*Не надо!*» — вскрикнул Гарольд. Он выронил пистолет и поднял руки вверх.

Человек с оливковой кожей выстрелил в Гарольда трижды. Все три раза он промахнулся. Третий выстрел причинил наибольший ущерб — пуля визгнула по выхлопной трубе гарольдовской «Ямахи». Мотоцикл упал, а вместе с ним и Гарольд с Гленом.

С начала схватки прошло двадцать секунд. Гарольд и Стью лежали без движения. Глен сидел, скрестив ноги, по-прежнему выглядя так, словно он не понимает, где находится и что вокруг происходит. Фрэнни отчаянно пыталась пристрелить человека с оливковой кожей, но винтовка не действовала, потому что она забыла снять ее с предохранителя.

Ругаясь на языке, который несомненно был итальянским, человек с оливковой кожей снова прицелился в Гарольда, но в этот момент Стью выстрелил ему прямо в лоб, после чего тот рухнул, как мешок картошки.

Теперь к драке за обладание двустволкой присоединилась еще одна женщина. Бывший владелец двустволки попытался отшвырнуть ее в сторону. Она просунула руку ему между ног и сдавила его мошонку. Мужчина потерял всякий интерес к двустволке и, согнувшись пополам, заковылял прочь.

Гарольд пополз до своего выроненного пистолета, схватил его и выстрелил три раза по мужчине, который держался за свои половые органы. Все три раза он промахнулся.

Похоже на Бонни и Клайда, — подумала Фрэнни, — Господи, да ведь все вокруг залито кровью!

Светловолосая женщина проиграла борьбу со вторым мужчиной за обладание двустволкой. Он вырвал оружие и ударил ее ногой, возможно, целясь в живот, но попав по бедру. Она быстрыми мелкими шагами отбежала назад, балансируя руками, и плюхнулась на задницу.

Теперь он пристрелил ее, — подумала Фрэнни, но второй мужчина повернулся, словно пьяный солдат, исполняющий команду «Кругом!», и начал безостановочно палить по группке из трех женщин, съезжившихся от страха рядом с автофургоном.

«Аааааа! Суки!» — кричал этот джентльмен. «Ааааа! Суки!»

Одна из женщин упала и стала биться на дороге, как пронзенная острой рыбой. Две другие пустились бежать. Стю пальнул в стрелка, но промахнулся. Одна женщина вскинула руки и упала. Другая вильнула налево и скрылась за прицепом.

Третий мужчина, потерявший и не сумевший вернуть назад свою двустволку, все еще ковылял вокруг, держась за кошелек. Одна из женщин направила на него двустволку и спустила курок, зажмурив глаза в ожидании грома. Гром не раздался. Двустволка не была заряжена. Тогда она схватила ее за стволы и с размаха ударила мужчину прикладом. Она попала ему по шее, и мужчина рухнул на колени. Он попытался поползти. Женщина, одетая в синий спортивный свитер университета Кент и рваные джинсы, пошла за ним, непрерывно осыпая его ударами.

«Аааааа, вы суки!» — вскрикнул второй мужчина и выстрелил в онемевшую от удивления женщину средних лет. Расстояние между ними было не больше трех футов. Она могла почти дотронуться до ствола своим розовым пальцем. Он промахнулся. Тогда он снова спустил курок, но вышла осечка.

Гарольд схватил револьвер двумя руками, подражая полицейским из фильмов. Он спустил курок, и пуля раздробила второму мужчине локоть. Он выронил винтовку и начал пританцовывать на месте, пронзительно попискивая.

«Я попал!» — восторженно кричал Гарольд. «Попал! Ей-Богу, я попал в него!»

Фрэнни наконец-то догадалась снять свою винтовку с предохранителя. В этот момент снова выстрелил Стью. Второй мужчина упал, держась уже не за локоть, а за живот. Он продолжал пронзительно кричать.

«Господи, Господи», — тихо произнес Глен. Он закрыл лицо руками и заплакал.

Гарольд выстрелил еще раз. Тело второго мужчины дернулось. Кричать он перестал.

Женщина в спортивном свитере университета Кент снова с силой опустила винтовку на ползущего человека. На этот раз удар пришелся прямо по голове. И голова, и ореховый приклад треснули.

На мгновение наступила тишина. Потом запела птица: *Вить-вить... вить-вить... вить-вить.*

Потом девушка в спортивном свитере наступила на тело поверженного врага и испустила продолжительный, первобытный победный клич, который Фрэн Голдсмит запомнила на всю жизнь.

Светловолосую женщину звали Дайна Джургенс. Она была из Ксении, штат Огайо. Девушку в спортивном свитере университета Кент звали Сюзан Стерн. Девушку, которая схватила за мошонку владельца двустволки, звали Патти Крогер. Другие две женщины были немного постарше. Старшую из них, — сказала Дайна, — зовут Ширли Хэммет. Имени той, что помоложе, они не знали. Когда Эл, Гарви, Вирдж и Ронни выбрали ее два дня назад в Арчболде, она была в состоянии шока.

Вдвоятером они отошли от дороги и разбили лагерь на ферме к западу от Колумбии, на границе с Индианой. Все они пребывали в полном оцепенении, и Фрэн подумала позднее, что со стороны их прогулка через поле выглядела как поход, организованный местным сумасшедшим домом.

Глен шел позади нее, и его тонкое, ироничное лицо выглядело совершенно убитым. Он держал ее за руку. От него слегка пахло рвотой.

Все шли очень медленно, но Ширли Хэммет двигалась еще медленнее. Седые волосы неопытно свисали ей на

лицо, а ее ошеломленные глаза смотрели на мир так, как смотрит мышь из своего временного убежища.

Гарольд неуверенно посмотрел на Стью. «Мы ведь разделали их под орех, так, Стью?»

«Пожалуй, Гарольд».

«Слушай, но мы *должны были их кончить*», — серьезно сказал Гарольд, словно Стью придерживался на этот счет какого-то другого мнения. «Вопрос стоял так: или они, или мы!»

«Они прострелили бы вам головы», — спокойно сказала Дайна Джургенс. «Когда они напали на нас, я была с двумя парнями. Они застрелили Рича и Дэмона из засады. А потом, когда все было кончено, еще раз выстрелили им в головы, просто на всякий случай. Если бы вы не сопротивлялись, вы бы уже были мертвы».

«Мы бы уже были мертвы!» — воскликнул Гарольд, обращаясь к Стью.

«Все в порядке», — сказал Стью. «Расслабься».

Гарольд полез в карман и достал шоколадную карамельку. Он чуть не уронил ее, когда разворачивал.

Они дошли до фермы. Поедая карамельку, Гарольд ощупывал себя беглыми движениями, чтобы убедиться в том, что он не ранен. Ему было не по себе. Он боялся посмотреть на свои джинсы. Он был почти уверен, что обмочился, когда празднества у перевернутого жилого прицепа достигли своего апогея.

Во время запоздалого завтрака, который никто толком так и не стал есть, говорили в основном Дайна и Сюзан. Семнадцатилетняя и очень красивая Патти Крогер иногда вставляла словечко-другое. Женщина без имени забила в самый отдаленный угол пыльной кухни. Ширли Хэммет сидела за столом и что-то бормотала.

Дайна уехала из Ксении в компании с Ричардом Дарлиссом и Дэмоном Брэкнеллом. Кто еще остался в живых в Ксении после эпидемии? Она видела только троих: дряхлого старика, женщину и маленькую девочку. Дайна с друзьями предложила троице присоединиться к ним, но

старик отмахнулся от них, сказав что-то насчет того, что-то насчет «одного дела в пустыне».

К восьмому июля Дайна, Ричард и Дэмон стали страдать от кошмарных снов о ком-то вроде Буки, которым пугают маленьких детей. Очень страшные сны. Рич в конце концов пришел к выводу, что Бука существует на самом деле, — сказала Дайна, — и живет в Калифорнии. Он думал, что этот человек, если это только действительно был человек, и был тем самым «делом в пустыне», которое предстояло тем трем людям. Она и Дэмон стали опасаться за его психическое здоровье. Он называл человека из их снов «тяжелым случаем» и утверждал, что он собирает вокруг себя *армию* таких же, как он, «тяжелых случаев». Он говорил, что скоро эта армия начнет наступать с запада и поработит все живое, что осталось на земле. Дайна и Дэмон стали обсуждать между собой возможность ускользнуть от Рича как-нибудь ночью и начали верить в то, что их собственные сны есть лишь следствие его мощного психического влияния.

Выехав из-за поворота в Вилльямстауне, они увидели большой мусоровоз на боку, перегородивший дорогу. Рядом были запаркованы автофургон и дорожный грузовик.

«Мы подумали, что это обычный затор», — сказала Дайна, нервно кроша крекер между пальцев, — «на что, разумеется, они и рассчитывали».

Они слезли с велосипедов, чтобы перетащить их через мусоровоз, и именно в этот момент четыре «тяжелых случая» открыли по ним огонь из канавы. Они убили Рича и Дэмона, а Дайну взяли в плен. Она стала четвертым прибавлением к тому, что они иногда называли зоопарком, а иногда — гаремом. Одной из трех уж имевшихся там пленниц была Ширли Хэммет, которая в то время была еще почти нормальной, хотя все четверо постоянно трахали ее во все три отверстия. «А однажды», — сказала Дайна, — «когда она не смогла дотерпеть до того момента, когда их выводили в кусты справить нужду, Ронни вытер ей задницу мотком колючей проволоки. У нее было трехдневное кровотечение».

«Господи», — сказал Стью. «Это который был?»

«Человек с двустволкой», — сказала Сюзан Стерн. «Тот, которому я разmozжила голову. Мне хотелось бы, чтобы он лежал здесь на полу, и я могла бы проделать то же самое еще раз».

Бородача в темных очках все звали Доком. Он и Вирдж входили в военное подразделение, которое послали в Экрон, когда началась эпидемия. Их задание было «вступить в контакт со средствами массовой информации» — таков был армейский эвфемизм для их подавления. Когда они справились с этой задачей, они занялись «контролем толпы», что было армейским эвфемизмом для стрельбы по мародерам, которые пытались убежать, и вешания тех из них, которые делать этого не пытались.

К тридцатому июня их подразделение прекратило свое существование: его члены либо уже умерли, либо умирали, либо сбежали. Собственно говоря, к последнему разряду относились только Док и Вирдж. Гарви примкнул к ним первого июля, а Ронни — третьего. На этом этапе они закрыли свой необычный маленький клуб для приема новых членов.

«Но ведь со времен вас стало больше, чем их», — сказал Глен.

Неожиданно на эти слова ответила Ширли Хэммет.

«Таблетки», — сказала она, глядя на них из-под седой челки своими глазами пойманной мыши. «Каждое утро таблетки, чтобы мы могли встать, и каждый вечер — чтобы уснуть». После паузы она вновь что-то забормотала себе под нос.

Продолжила рассказ Сюзан Стерн. Ее вдвоем с одной из убитых женщин по имени Рейчел Кармоди, выбрали семнадцатого июня на выезде из Коламбуса. К тому времени компания путешествовала целым караваном, в который входили два микроавтобуса и грузовик дорожной службы. С его помощью они расчищали себе дорогу от заторов и устраивали засаду на шоссе. Таблетки Док держал в объемистом мешке, который был привязан к его ремню. Сильные снотворные для сна, транквилизаторы для путешествий и стимуляторы для привалов.

«Обычно я вставала утром, меня насиловали два-три раза, а потом Док давал нам дневные таблетки. На третий день вся моя... ну, одним словом, вагина покрывалась ссадинами, и любой вид нормального полового акта причинял мне большую боль. Я всегда надеялась, что меня выберет Ронни, потому что он работал только кулаками. После таблеток вы становитесь очень спокойным. Не сонным, но спокойным. Ничего не имеет значение, после того как вы одурманили себя одной такой голубой таблеткой. После этого вам ничего не нужно. Вы хотите просто сидеть, сложив руки на коленях, и смотреть в окно на проносящийся пейзаж или на то, как они с помощью дорожного грузовика разбирают завал. Однажды Гарви вышел из себя, потому что одна девочка, ей было не больше двенадцати, не захотела... ой, я не могу сказать вслух. Короче, Гарви прострелил ей голову. А мне было абсолютно все равно. Я была... спокойна. Через некоторое время вы просто переставали думать о побеге. Гораздо больше вам хотелось получить очередную голубую таблетку».

Дайна и Патти Крогер кивали.

Двадцать девятого они впервые заметили Стью и остальных. Зоопарк находился в лагере, разбитом на площадке для отдыха в стороне от шоссе, когда мимо проехало четыре мотоцикла.

«Ты очень понравилась Гарви», — сказала Сюзан, кивая Фрэнни. Фрэнни поежилась.

Дайна наклонилась к ним поближе и тихо сказала: «И они не скрывали, чье место ты должна была занять». Она еле заметно кивнула в сторону Ширли Хэммет.

«Бедная женщина», — сказала Фрэнни.

«Это Дайна решила, что вы можете стать нашим лучшим шансом», — сказала Патти. «А может быть, и последним шансом. Среди вас было трое мужчин — это видели и она, и Хелен Роджет. Трое вооруженных мужчин. А Док в последнее время стал слегка излишне самоуверен насчет этого трюка с перевернутым прицепом. Он просто действовал, как какое-нибудь официальное лицо, и мужчины в тех группах, которые попадались нам по пути — если

конечно там были мужчины — не сопротивлялись. И получали пулю в лоб. Они были словно зачарованы».

«Дайна попросила нас не глотать таблетки этим утром», — продолжила Сюзан. «Они, к тому же, перестали тщательно следить за нами, и мы знали, что утром они будут заняты перегораживанием дороги. Больше мы никому не сказали. Знали только мы: Дайна, Патти, Хелен Роджет... одна из девушек, которую пристрелил Ронни. И я, конечно. Хелен сказала: «Если они заметят, как мы выплевываем таблетки, они убьют нас». А Дайна сказала, что они убьют нас так и так, рано или поздно, а чем раньше это случится, тем лучше для нас, и нам, конечно, нечего было возразить».

«Мне пришлось держать свою таблетку во рту довольно долго», — сказала Патти. «Она уже начала растворяться, когда я наконец смогла ее выплюнуть». Она посмотрела на Дайну. «Мне кажется, Хелен все-таки проглотила свою. Поэтому она и действовала там медленно».

Дайна кивнула. Она смотрела на Стью с такой теплотой, что Фрэнни стало немного не по себе. «И все это продолжалось бы, если бы не ты, смельчак».

Какое право у нее так смотреть на него? — подумала Фрэн.

Как она может заигрывать с ним, после того что с ней произошло? *И все же, она гораздо красивей меня, несмотря ни на что. К тому же, вряд ли она беременна.*

Стью посмотрел на Дайну, впервые по-настоящему заметив ее, и Фрэн почувствовала сильнейший укол ревности. *Я ждала слишком долго, — подумала она. О, Господи, я ждала слишком долго.*

Она случайно взглянула на Гарольда и увидела, что он старательно прячет свою улыбку. Похоже, это была улыбка облегчения. Она почувствовала внезапное желание встать на ноги, небрежно приблизиться к Гарольду и выцарапать ему глаза своими ногтями.

Никогда, Гарольд! — закричала бы она во время этой операции. Никогда!

Никогда!

* * *

19 июля 1990

О, Господи. Сучилось самое худшее. В книгах, по крайней мере, когда это случается, что-то наконец *меняется*, но в реальной жизни это тянется до бесконечности, как в какой-нибудь мыльной опере.

Позволь, я все тебе расскажу, милый дневничок, хотя мне и не доставляет особого удовольствия это записывать. Мне даже думать-то об этом противно.

Глен и Стью отправились в город за едой (это был Джирард, штат Огайо). Они спросили меня и Гарольда, пойдем ли мы с ними. Гарольд сказал нет — он лучше добудет воды и вскипятит ее. Возможно, уже тогда он вынашивал свои планы.

Марк и Перион куда-то ушли, наверное, за ягодами и еще кое за чем. Я развела костер, чтобы вскипятить котел с водой... и вот приходит Гарольд с котлом (явно только что принял ванну и помыл голову). И вот он вешает свой котел над огнем. А потом подходит и садиться рядом со мной.

Мы сидим на бревне, разговариваем о том о сем, а он вдруг обнимает меня и пытается поцеловать. Я написала «пытается», хотя на самом деле у него это вполне получилось, по крайней мере, сначала, потому что я была просто поражена. Потом я вырываюсь — сейчас это кажется почти забавным, хоть мне и до сих пор противно — и падаю с бревна прямо на спину. Я смяла себе всю блузку и поцарапалась. Тут я начала кричать. Говорят, история повторяется. И действительно, это было так похоже на тот день, когда мы были на моле с Джессом и я прикусила язык.

Через секунду Гарольд уже наклоняется надо мной и спрашивает, все ли со мной в порядке, краснея до самых корней своих только что вымытых волос. И тут я начинаю хихикать.

«Что тут такого забавного?» — спрашивает Гарольд, поднимаясь на ноги. У меня от смеха на глазах

выступают слезы. Но потом я понемногу успокаиваюсь и хочу попросить Гарольда, чтобы он посмотрел, сильно ли я поцарапала спину. Но я этого не делаю, потому что он может принять это за ВОЛЬНОСТЬ.

«Фрэн», — говорит Гарольд. «Мне так трудно тебе об этом сказать».

«Может, тогда лучше не говорить?» — отвечаю я.

«Я должен», — говорит он. «Фрэнни, я люблю тебя».

Конечно, я это знала. Было бы проще, если бы он хотел только спать со мной. Но любовь гораздо опаснее. Как ответить ему нет? По-моему, есть только один способ.

«Я не люблю тебя, Гарольд», — сказала я.

Его лицо сразу как-то обмякло. «Это из-за него, не так ли? Из-за Стью Редмана?»

«Не знаю», — сказала я.

«Зато я знаю». Голос его стал пронзительным, и в нем зазвучали нотки жалости к самому себе. «Конечно, я знаю. Я знал это еще в тот день, когда мы его встретили. Я не хотел брать его с нами, потому что я *знал*. А он сказал...»

«Что он сказал?»

«Что он не хочет тебя! Что ты можешь быть моей!»

«И ты просто получил меня в подарок, как пару новых туфель, так, Гарольд?»

Он не ответил, быть может, поняв, что слишком далеко зашел. С некоторым усилием я припомнила тот день в Фэбиане. Реакция Гарольда на Стью была реакцией собаки, во двор к которой — в ее владения — вошла другая, незнакомая собака. Я почти представила себе, как на загривке у Гарольда дыбом поднимаются волоски. И я поняла, что слова Стью были сказаны для того, чтобы превратить нас из собак в людей. А разве не в этом-то все и дело? Я имею в виду ту адскую борьбу, которая ведется за наши души? А если это не так, то зачем вообще мы пытаемся вести себя прилично?

«Я никому не принадлежу, Гарольд», — сказала я. Он что-то пробормотал.

«Что?»

«Я говорю, что со временем, возможно, тебе придется изменить свое мнение на этот счет».

Глаза Гарольда устремились куда-то вдаль. Он сказал: «Я знаю таких людей. Поверь мне, Фрэнни. Такой парень играет в футбол на месте полузащитника, но в классе сидит, плюясь вокруг шариками из жеваной бумаги, потому что он знает, что учитель натянет ему троечку, чтобы он смог продолжать играть. Такой парень трахается с самой хорошенькой болельщицей, а она считает его вторым Иисусом Христом. Такой парень пердит, когда учитель литературы просит тебя прочесть свое сочинение, потому что оно оказалось лучшим в классе. Конечно, трахальщицы любят его. Так что удачи тебе, Фрэнни».

А потом он просто ушел. Я уверена, что это был вовсе не тот ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ, ТОРЖЕСТВЕННЫЙ УХОД СО СЦЕНЫ, который он планировал. Скорее это было похоже на то, что у него была тайная мечта, а я изрешетила ее пулями — мечта о том, что все изменилось, что прошлое осталось в прошлом. Мне его стало ужасно жалко, потому что он не играл в пресытившегося жизнью циника, он действительно был таким циником, и отнюдь не пресытившимся, а ранимым и несчастным. Его высекли. Но Гарольд никогда не сможет понять, что сначала должно что-то измениться у него в голове, что мир останется тем же до тех пор, пока Гарольд останется тем же. Он копит свои обиды, как пираты копили сокровища...

Уф. Все вернулись, ужин съеден, сигареты выкурены, веронал роздан (мой лежит у меня в кармане вместо того, чтобы растворяться в животе), и все ложатся спать. После нашего с Гарольдом разговора ничего не изменилось, разве что теперь он будет следить за мной и Стью. Я ужасно злюсь, когда пишу эти слова. Какое право он имеет наблюдать за нами?

Какое право он имеет усложнять нашу и без того печальную ситуацию?

Запомнить: Извини, дневничок. Наверное, дело в моем настроении. Ничего не могу вспомнить.

Когда Фрэнни подошла к нему, Стью сидел на камне и курил сигару. Он сидел лицом к западу, где красное солнце вынырнуло из-под облаков и готовилось зайти за горизонт. Хотя только вчера к их группе присоединились четыре женщины, казалось, что это было уже очень давно.

Запах сигары напомнил ей об отце и о его трубке. Вместе с воспоминанием появилась и скорбь, которая почти уже перешла в ностальгию.

Я примирюсь с твоей утратой, папочка, — подумала она. Ты ведь не будешь против?

Стью оглянулся. «Фрэнни», — сказал он с явным удовольствием. «Как поживаешь?»

Она пожала плечами. «По-всякому».

«Хочешь посидеть со мной на камне и посмотреть на заход солнца?»

Она села рядом с ним, и ее сердце забилося чуть-чуть быстрее. Но в конце концов, зачем она сюда пришла? Она ведь знала, в каком направлении пошел Стью, и знала, что Гарольд и Глен с двумя девушками отправились в Брайтон на поиски радиопередатчика (ради разнообразия, эта идея пришла в голову Глену, а не Гарольду). Патти Крогер осталась в лагере, ухаживая за двумя ослабевшими от борьбы подругами. Ширли Хэммет частично начала выходить из своего оцепенения, но этим утром она всех разбудила, закричав во сне и начав отбиваться от воздуха. Женщина без имени, похоже, двигалась в другом направлении. Она сидела. Она ела, если ей подавали. Она мочилась и испражнялась. Она не отвечала на вопросы. Она проявляла признаки жизни только во сне. Несмотря на сильную дозу веронала, она часто стонала и иногда вскрикивала. Фрэнни казалось, что она знает, кого видит в своих снах эта бедняжка.

«Похоже, у нас впереди еще очень долгий путь, правда?»

После секундной паузы он ответил: «Более долгий, чем мы думали. Та старая женщина, она уже не в Небраске».

«Я знаю...» — начала она, а потом прикусила язык.

Он посмотрел на нее со слабой улыбкой. «Вы не принимали лекарства, мадам».

«Мой секрет раскрыт», — сказала она, напряженно улыбаясь.

«И мы с тобой не одиноки», — сказал Стью. «Я сегодня днем разговаривал с Дайной» (она почувствовала глубокий укол ревности и страха, когда услышала, с какой фамильярной интонацией он произносит ее имя) «и она сказала, что ни она, ни Сюзан не хотят принимать снотворное».

Фрэн кивнула. «Почему ты перестал? Тебе давали снотворное... в том месте?»

Он стряхнул пепел. «Мягкое успокоительное на ночь — это все. Им не было смысла пичкать меня таблетками, я и так был крепко заперт. Нет, я бросил пить веронал три ночи назад, потому что я почувствовал, что... теряю контакт». Он на секунду задумался, а потом продолжил. «Глен и Гарольд хотят найти радиопередатчик — отличная идея. А для чего нужен передатчик? Чтобы вступать в контакт. Эти сны, они как радио у тебя в голове, правда, передатчик сломался, и мы работаем только на прием».

«Может быть, мы и передаем тоже», — тихо сказала Фрэн.

Он посмотрел на нее удивленно.

Какое-то время они сидели молча. Солнце проглянуло сквозь облака, словно желая попрощаться перед тем, как зайти за горизонт. Фрэн вполне могла понять, почему древние люди молились ему. В беспредельном спокойствии почти пустой страны солнце — да и луна тоже — начало казаться чем-то более значительным и важным. Чем-то более личным. Эти яркие небесные корабли теперь смотрели на тебя так же, как в детстве.

«Так вот», — сказал Стью. «Прошлой ночью мне снова снился сон об этом черном человеке. Еще более страшный. Он отправляется куда-то в пустыню. В Лас-Вегас, по-моему. И Фрэнни... кажется, он распинает людей... тех, кто сопротивляется ему».

«Что он с ними делает?»

«Так мне приснилось. Ряды крестов вдоль шоссе №15, сделанных из балок и телефонных столбов. А на них висят люди».

«Это просто сон», — сказала она неуверенно.

«Возможно». Он затаился и посмотрел на запад на алеющие облака. «Но предыдущие две ночи, как раз перед тем, как мы наткнулись на этих маньяков, мне снилась она — женщина, которая называет себя Матушкой Абагейл. Она сидела в кабине старого грузовика, остановившегося на обочине шоссе №76. Я стоял рядом и разговаривал с ней совершенно естественно, точно так же, как сейчас с тобой. И она сказала: *Вы должны двигаться еще быстрее, Стюарт. Раз уж такая пожилая леди, как я, способна на это, то такой крепкий техасский парень, как ты, и подавно.* Стю засмеялся, а потом бросил свою сигару и раздавил ее каблуком. С отсутствующим видом, словно сам не подозревая о том, что делает, он положил руку Фрэнни на плечи.

«Они едут в Колорадо», — сказала она.

«Да, похоже на то».

«Скажи... Дайна и Сюзан видели ее во сне?»

«Обе. А прошлой ночью Сюзан приснились кресты. Совсем как мне».

«С этой женщиной теперь много других людей».

Стю согласился. «Двадцать, а может быть, и больше. Ты же знаешь, мы проезжаем мимо людей каждый день. Они просто прячутся и ждут, пока мы проедем. Они боятся нас, но не ее... думаю, они придут к ней. В свое время».

«Или не к ней», — сказала Фрэнни.

Стю кивнул. «Да, к нему. Фрэн, почему ты перестала принимать веронал?»

Она вздохнула и подумала, надо ли говорить ему. Ей хотелось сказать, но она боялась его реакции.

«Как можно рассчитывать на постоянство женщины?» — сказала она наконец.

«Действительно, никак», — согласился он. «Но существуют способы догадаться о том, что они думают».

«Что...» — начала она, но он закрыл ей рот поцелуем.

* * *

Они лежали в траве, освещенные последним светом сумерек. Пока они занимались любовью, кроваво-красный свет уступил место более спокойному пурпурному, и теперь Фрэнни могла видеть звезды, мерцающие сквозь последние остатки облаков. Завтра будет хорошая погода, и к концу дня они должны будут пересечь почти всю Индиану.

Стью лениво хлопнул по комару, парящему у него над грудью. Рубашка его висела на ближайшем кусте. Рубашка Фрэн была на ней, но пуговицы были расстегнуты.

«Я так давно хотел тебя», — сказал Стью, не глядя ей в лицо. «Думаю, ты знала об этом».

«Я хотела избежать неприятностей с Гарольдом», — сказала она. И есть еще кое-что...

«Гарольду еще расти и расти», — сказал Стью. «Но если он возьмет себя в руки, то у него есть шанс стать хорошим парнем. Он тебе нравится, правда?»

«Это не совсем подходящее слово. Нет слова в английском языке, чтобы описать мои чувства к Гарольду».

«А как ты опишешь свои чувства ко мне?» — спросил он.

Она взглянула на него и поняла, что не может сказать, что любит его, не может произнести это прямо сейчас, хотя ей и очень хочется.

«Да нет», — сказал он, словно она в чем-то возразила ему. «Я просто хочу прояснить ситуацию. Я думаю, ты не станешь сейчас говорить Гарольду о том, что произошло. Так ведь?»

«Да», — ответила она благодарно.

«Проблема может разрешиться сама собой. Я видел, как он смотрел на Патти. Она примерно его возраста».

«Я не знаю».

«Ты чувствуешь себя его должником, так?»

«Наверное, да. Мы остались в Оганквите одни, и...»

«Это была чистая случайность, Фрэнни. Ты не должна чувствовать себя обязанной из-за простой случайности».

«Наверное».

«По-моему, я люблю тебя», — сказал он. «Мне не так-то легко это сказать».

«По-моему, я тоже тебя люблю. Но есть еще кое-что...»

«Я знал».

«Ты спросил меня, почему я перестала принимать таблетки».

Она теребила свою рубашку, не осмеливаясь взглянуть на него. Губы ее неестественно пересохли. «Я боялась, что они могут повредить ребенку», — прошептала она.

Он схватил ее за плечи и развернул лицом к себе. «Ты беременна?»

Она кивнула.

«И ты никому не говорила?»

«Нет».

«Гарольд знает?»

«Никто, кроме тебя».

«Господи-ты-Боже-мой-черт-побери», — выдохнул он. Он смотрел ей в лицо очень сосредоточенно, и она испугалась. Она ожидала одного из двух: либо он немедленно порвет с ней (как, вне всякого сомнения, сделал бы Джесс, если бы узнал, что она беременна от другого), либо обнимет ее и скажет, чтобы она не беспокоилась, что он обо всем позаботится. Она не ожидала этого удивленного, внимательного осмотра, и ей вспомнился тот вечер, когда она разговаривала с отцом в саду. Взгляд Стью был очень похож на взгляд отца. Она пожалела, что не сказала Стью о своей беременности до того, как они занялись любовью. Может быть, тогда они вообще не стали бы заниматься любовью, но, по крайней мере, он не мог бы почувствовать себя обманутым, потому что она оказалась... как это там говорили в старые времена? Подпорченным товаром. Думает ли он так? Она не знала.

«Стью?» — спросила она испуганным голосом.

«Ты никому не сказала», — повторил он.

«Я просто не знала как». Она чуть не плакала.

«Когда ты забеременела?»

«В январе», — сказала она, и на глаза ее навернулись слезы. Он обнял ее и дал понять, что все в порядке, не произнося ни слова. Он не говорил ей, чтобы она не беспокоилась, или о том, что он обо всем позаботится, но он снова занялся с ней любовью, и она подумала, что никогда не была так счастлива.

Ни один из них не заметил Гарольда, скрытного и бесшумного, как сам темный человек. Он стоял за кустами и смотрел на них. Никто из них не знал, что глаза его превратились в крошечные смертоносные треугольники, когда Фрэн закричала от наслаждения, объятая бурей продолжительного оргазма.

Когда они кончили, было уже совсем темно.

Гарольд бесшумно скользнул прочь.

Из дневника Фрэн Голдсмит

1 августа 1990

Прошлой ночью ничего не записывала, была слишком взволнована и счастлива. Стью и я теперь вместе. Занимались любовью дважды.

Он согласился с тем, что мне лучше скрывать тайну о моем Одинокое Ковбое как можно дольше, до тех пор пока мы, даст Бог, не прибудем на место. Колорадо, так Колорадо, я не против. Судя по тому, как я себя чувствую этой ночью, в горах мне будет хорошо.

Но прежде чем оставить тему моего Маленького Ковбоя, я хочу сказать еще об одном. Это связано с моим «материнским инстинктом». Существует ли такая штука? Думаю, да. Возможно, это имеет гормональную природу. Я чувствую себя не в своей тарелке уже несколько недель, но очень трудно отделить изменения, вызванные беременностью, от тех, которые были вызваны ужасным несчастьем, постигшим мир. Но, несомненно, во мне возникло какое-то ревнивое чувство («ревность» — в данном случае не самое точное слово, но этой ночью я не могу выразиться удачнее), чувство, что ты передвинулась немного поближе к центру вселенной и должна защищать свою позицию. Вот почему веронал кажется опаснее плохих снов, хотя мое рациональное «я» уверено в том, что веронал — во всяком случае, в таких маленьких дозах, — ребенку повредить не может. И мне кажется, что это ревнивое чувство

также примешивается к моей любви к Стью. Я чувствую, что люблю, как и ем, за двоих.

Пора заканчивать. Мне надо побольше спать, независимо от того, какие сны мне приснятся. Нам не удалось пересечь Индиану так быстро, как мы надеялись — из-за ужасного затора в Элксхарт. В основном там были армейские машины. Много мертвых солдат. Глен, Сюзан Стерн, Дайна и Стью забрали с собой все оружие, которое им удалось найти. Около двух дюжин винтовок, несколько гранат и ракетную установку. Пока я пишу, Гарольд и Стью пытаются разобраться в ее устройстве. Прошу Тебя, Господи, сделай так, чтобы они не взорвались.

Что касается Гарольда, должна сказать тебе, дорогой дневничок, что он НЕ ПОДОЗРЕВАЕТ НИ О ЧЕМ. Когда мы присоединимся к группе Матушки Абагейл, наверное, ему надо будет сказать. Что бы ни случилось, нечестно будет дальше скрывать от него.

Сегодня он в таком веселом настроении, каким я его никогда не видела. Он так часто смеялся, что я подумала, что у него треснет лицо! Он сам предложил Стью помочь ему с этой опасной штукой, и...

Но они идут сюда. Закончу позже.

Фрэнни спала крепко и не видела снов. То же самое можно было сказать и о всех остальных, кроме Гарольда Лаудера. Спустя некоторое время после полуночи он поднялся и подошел к тому месту, где лежала Фрэнни, встал рядом с ней и устремил на нее свой взгляд. Сейчас он не улыбался, несмотря на то что до этого он улыбался весь день. Иногда ему казалось, что лицо его треснет от улыбок, и оттуда выпадут его перекрученные мозги. Возможно, тогда он почувствовал бы облегчение.

Он смотрел на нее, слушая стрекотание летних сверчков. *Мы живем в собачьи дни*, — подумал он. Собачьи дни, если верить Вебстеру, продолжаются с двадцать пятого июля по двадцать восьмое августа. Называются они так потому, что в это время чаще всего встречаются

бешеные собаки. Он посмотрел на сладко спящую Фрэн. Под головой у нее вместо подушки лежал свитер. Рядом валялся рюкзак.

У каждой собаки есть свой день, Фрэнни.

Он наклонился, замерев от треска в своих коленных суставах, но никто не пошевелился. Он расстегнул рюкзак, развязал бечевку и засунул руку внутрь. В глубоком сне Фрэнни что-то пробормотала, потом пошевелилась, и Гарольд задержал дыхание. Он нашел то, что искал, на самом дне, под тремя чистыми кофточками и карманным дорожным атласом. Вот она, тетрадь на металлической спирали. Он вытащил ее, открыл на первой странице и осветил фонариком плотный, но удивительно ясный почерк Фрэнни.

6 июля 1990 — После долгих уговоров, мистер Бэйтмен согласился ехать с нами...

Гарольд закрыл тетрадь и пополз с ней обратно к своему спальному мешку. Он снова чувствовал себя тем маленьким мальчиком, которым он был когда-то, мальчиком, у которого было мало друзей и много врагов, мальчиком, на которого родители почти не обращали внимания, мальчиком, который для утешения обратился к книгам, мальчиком, который мстил своим обидчикам, не пригласившим его играть в футбол или назначившим его школьным дежурным, становясь Джоном Сильвером, или Тарзаном, или Филиппом Кентом... мальчиком с расширенными от волнения глазами, который превращался во всех этих людей поздно ночью под одеялом, освещая фонариком книжную страницу, едва ощущая запах своих собственных газов. Теперь этот мальчик забрался вверх ногами на дно своего спального мешка с дневником Фрэнни и фонариком.

Когда он осветил первую страницу, наступил краткий миг просветления. В этот краткий миг часть его сознания закричала: *Гарольд! Прекрати!* Голос был таким повелительным, что он задрожал с головы до ног. И в этот миг он почувствовал что *может* остановиться, положить дневник на место, отказаться от нее, предоставить их самим себе, чтобы не случилось что-то ужасное и неисправимое.

В этот миг казалось, что он может отодвинуть от себя это горькое питье, выплеснуть его из чаши и наполнить ее тем, что для него найдется в этом мире. *Откажись, Гарольд*, — умолял его этот голос, но, похоже, было уже слишком поздно.

В шестнадцатилетнем возрасте он отказался от Берроуза, Стивенсона и Роберта Ховарда ради других фантазий, фантазий, которые он одновременно горячо любил и ненавидел — не о ракетах и не о пиратах, а о девушках, опускавшихся перед ним на колени в своих шелковых прозрачных ночных рубашках, в то время как он, Гарольд Великий, абсолютно голый, сидел, развываясь на своем троне, готовый в любой момент отхлестать их небольшими бичами или тростями с серебряными набалдашниками. Это были горькие фантазии, в которых принимала участие каждая симпатичная девушка из оганквитской средней школы. Эти сны наяву всегда заканчивались семяизвержением, которое приносило больше страданий, чем удовольствие. А потом он спал, и сперма коркой засыхала у него на животе. У каждой дворняжки есть свой день.

И теперь они вновь были с ним, эти горькие фантазии, эти старые обиды, чьи зубы никогда не затупятся.

Он снова начал читать.

В четыре часа утра он положил дневник Фрэн на прежнее место. Он не принимал никаких особых предосторожностей. Если она проснется, — подумал он холодно, — он просто убьет ее и убежит. Куда? На запад. Но он не остановится в Небраске и даже в Колорадо, о нет.

Она не проснулась.

Он вернулся к своему спальному мешку и ожесточенно занялся мастурбацией. Потом он уснул, но сон его был неглубоким. Ему снилось, что он умирает на крутом скалистом склоне. Высоко над ним, паря в восходящих потоках теплого ночного воздуха, летали стервятники в ожидании поживы. Не было ни звезд, ни луны...

А потом в темноте раскрылся ужасный красный Глаз: хитрый, жуткий. Глаз вселял в него ужас, но в то же время не отпуская от себя.

Глаз манил его.

На запад — туда, где собирались тени, исполняя свою сумрачную пляску смерти.

В тот вечер они разбили лагерь к западу от Джойлета, Иллинойс. Они пили пиво, разговаривали, смеялись. У всех было такое чувство, что самое худшее осталось позади, в Индиане. Особенно все обратили внимание на Гарольда, который был весел, как никогда.

«Знаешь, Гарольд», — сказала Фрэнни поздно вечером, когда компания уже начала разбредаться, — «по-моему, я никогда не видела тебя в таком хорошем настроении. Что с тобой?»

Он весело подмигнул ей. «У каждой собаки есть свой день, Фрэн».

Она улыбнулась ему в ответ, несколько удивленная. Странное выражение, но от Гарольда этого можно ожидать. Впрочем, все это не имеет значения. Самое главное, что дела наконец-то пошли налад.

В ту ночь Гарольд начал вести дневник.

ГЛАВА 45

Как долго он шел на запад? Бог, может, и знает, но Мусорный Бак не знал. Дни. Ночи. Особенно он помнил ночи.

Он стоял, покачиваясь в своих лохмотьях, и смотрел вниз на Циболу, Город Обетованный, Город Мечты. Искалеченной рукой (запястье, сломанное при прыжке с лестницы нефтяного резервуара компании ЧИРИ, срослось неправильно) он взял флягу и допил остатки воды.

«Цибола!» — пробормотал он. «Цибола! Я иду! Я иду! Я сделаю все, что ты хочешь! Я отдам за тебя жизнь!» После того, как он немного утолил жажду, его потянуло в сон. Он уже почти заснул, когда мысль впилась в его мозг, как ледяное лезвие стилета.

А что если Цибола — это только мираж?

«Нет», — пробормотал он. «Нет, ой-ой, нет».

Но простое отрицание не могло отогнать эту мысль. Что если он выпил последние остатки воды, празднуя появление миража? Он по-своему признавал свое сумасшествие, как часто бывает с безумцами. Если это только мираж, то он умрет здесь в пустыне, и им пообедают стервятники.

В конце концов, не в силах больше выносить ужасную возможность, он встал на ноги и пошел обратно к дороге, борясь с тошнотой и чувствуя приближение обморока. С вершины холма он беспокойно уставился вниз, на плоскую равнину, поросшую юккой и перекати-полем. Он облегченно вздохнул.

Она была там!

Цибола, сказка древности, столько людей искали ее, а нашел ее Мусорный Бак!

Далеко внизу, в пустыне, в окружении голубых гор, сама голубая в далекой дымке, с мерцающими башнями и улицами. Там были пальмы... он мог видеть пальмы... и движение... *и воду!*

«Ооо, Цибола», — пропел он и заковылял обратно. Этим вечером, когда Факел Бога закатится за горизонт, он пойдет вперед. Он дойдет до Циболы и начнет с того, что нырнет с головой в первый попавшийся фонтан. А потом он найдет *его*, человека, который велел ему прийти сюда. Человека, который вел его через долины, горы и наконец привел в пустыню. Весь этот путь он проделал всего лишь за один месяц, несмотря на боль в обожженной руке.

Он ждет Мусорного Бака в Циболе, и ему повинуются армии ночи, ему принадлежат бледные всадники-мертвецы, которые устремятся с запада прямо в лицо восходящему солнцу. И они прискачут, бессвязно бормоча, усмехаясь, воняя потом и порохом. Начнутся крики, но Мусорному Баку нет никакого дела до криков. Начнется насилие, до которого ему дела еще меньше. Начнутся убийства, что не играет никакой роли...

...и начнется Великий Пожар.

А вот до этого ему есть дело. В его снах к нему приходил темный человек и с высокой площадки показывал ему

внизу страну, объятую пламенем. Города взрывались, как бомбы. Возделанные поля превратились в линии огня. И даже на реках Чикаго, Питтсбурга и Детройта пылала разлитая нефть. И во сне темный человек сказал ему очень простую вещь, которая и заставила его проделать весь этот путь: *Ты займешь высокий пост в моей артиллерии. Ты тот человек, который мне нужен.*

Он перевернулся на бок, щеки и веки его покраснели от летящего песка. Он начал терять надежду — да, с тех пор, как отлетело колесо у его велосипеда, он начал терять надежду. Казалось, что Бог, Бог шерифов-убийц, Бог Карли Йейтса, в конце концов оказался сильнее темного человека. Но он не потерял веры. И наконец, когда казалось, что он скорее сгорит заживо в пустыне, чем доберется до Циболы, где его ждет темный человек, он увидел ее внизу, спящую в свете заходящего солнца.

«Цибола», — прошептал он и заснул.

Первый сон приснился ему в Гэри, более месяца назад, после того как он обжег себе руку. В ту ночь он заснул, не сомневаясь в том, что умрет. Нельзя получить такой сильный ожог и остаться в живых. В голове у него звучали одни и те же слова: *Живи с факелом, умри с факелом. Живи, умри.*

Ноги привели его в небольшой городской парк, и он упал на землю, а его левая рука вытянулась в сторону, словно кусок неживого вещества, и рукав продолжал дымиться. Боль была огромной, невыносимой. Он никогда не думал, что в мире может быть такая боль. С ликованием он бежал от одного нефтяного резервуара к другому, оставляя за собой примитивные часовые механизмы, каждый из которых состоял из стальной трубки, в которую был залит керосин, отделенный от маленькой лужицы кислоты металлической перегородкой. Эти устройства он опускал в трубы, предназначенные для отвода из резервуаров нефтяных паров. Когда кислота проедала металл, керосин воспламенялся, и это приводило к взрыву резервуара. Мусорный Бак надеялся добраться до дорожной развязки в западной части Гэри, прежде чем хотя бы один

из них взорвется. Ему хотелось увидеть, как целый город будет охвачен огненной бурей.

Но в конструкции последнего устройства он допустил какую-то ошибку. Оно сработало в тот момент, когда он гаечным ключом снимал крышку с трубы. Керосин вырвался из трубки с ослепительной белой вспышкой, и его левая рука была немедленно охвачена огнем.

Крича от дикой боли, он понесся по крыше резервуара. Он неизбежно полетел бы вниз, переворачиваясь, как брошенный в колодец факел, если бы не счастливая случайность: он споткнулся и упал на свою левую руку, сбив пламя.

Он сел, все еще сходя с ума от боли. Позже он подумал о том, что лишь слепой случай — или произволение темного человека — не дал ему сгореть заживо. Большая часть керосина не попала ему на руку. Позже он почувствовал благодарность, но тогда он мог лишь кричать и раскачиваться взад и вперед, вытянув в сторону свою дымящуюся руку.

Когда начало темнеть, он смутно вспомнил, что заложил целых двенадцать устройств. Они могут взорваться в любое время. Каким-то образом ему удалось спуститься вниз с резервуара, и он заковылял прочь, петляя между мертвыми машинами и отставляя свою жареную руку подальше от себя. К тому времени, когда он дошел до небольшого парка рядом с центром города, начался закат. Он сел на траву и попытался вспомнить, что надо делать при ожогах. Смазать их маслом, — сказала бы мать Дональда Мервина Элберта. Но ведь это годилось для ожога горячим паром или беконовым жиром, брызнувшим со сковородки. Он не мог себе представить, как можно смазать маслом потрескавшуюся и почерневшую массу между локтем и плечом. Он не мог себе представить, как до нее вообще можно дотронуться.

Убить себя. Это действительно выход. Он сможет прекратить свои страдания, убив себя, как одряхлевшего пса...

В восточной части города раздался гигантский взрыв, словно ткань реальности грубо разорвали надвое. Столб

огня вырос на темно-синем фоне сгущавшихся сумерек. Ему пришлось зажмуриться.

Несмотря на все мучения, огонь доставил ему удовольствие. Более того, он наполнил его восхищением и ликованием. Огонь оказался лучшим лекарством, даже лучше морфина, который он нашел на следующий день (в тюрьме ему приходилось работать в лазарете). Он никак не связывал свои мучения со взвившимся к небу огненным столбом. Он просто знал, что огонь прекрасен, огонь добр, огонь — это то, в чем он нуждается и будет нуждаться всегда.

Через несколько секунд взорвался второй резервуар, и даже здесь, на расстоянии трех миль, он почувствовал теплую воздушную волну. За ним последовали два других, а потом, после небольшой паузы, подряд взорвалось еще шесть. Теперь смотреть в том направлении было почти невозможно, но он все равно смотрел туда, улыбаясь, забыв о боли в руке и о самоубийстве.

Солнце уже зашло, но вокруг не было темно. Ночь наполнилась желтыми и оранжевыми отсветами пламени. Весь горизонт на востоке был объят огнем. Это напомнило ему картинку из комикса по «Войне миров» Герберта Уэллса, который был у него в детстве. Теперь, спустя много лет, мальчик, у которого был этот комикс, исчез, но остался Мусорный Бак, и он обладал ужасным секретом марсианского луча смерти.

Пора было уходить из парка. Температура поднялась уже градусов на десять. Пора было продолжать свой путь на запад, но встать он не мог. Он заснул на траве, и на его лице усталого, замученного плохим обращением ребенка играли отсветы пламени.

Во сне к нему пришел темный человек в рясе с капюшоном. Лица его не было видно, но Мусорному Баку показалось, что он видел его раньше. Когда бездельники в кондитерской или в пивной начинали издеваться над ним, казалось, что темный человек стоял среди них молчаливо и задумчиво. Казалось, когда он работал на «Скруббе-Дуббе», он видел огненную усмешку этого человека за ветровым стеклом, которое ему приходилось

мыть. Когда шериф отослал его в психушку в Тер От, этот человек был улыбчивым помощником, стоявшим над ним в комнате для электрошока и готовым послать тысячу вольт ему в мозг. Он прекрасно знал этого человека.

«Я сделаю все, что ты захочешь», — благодарно произнес он во сне. «Я готов отдать за тебя жизнь».

Темный человек поднял руки под покровом своей рясы, и она стала похожа на черный воздушный змей. Они стояли на возвышении, а под ними простиралась объятая пламенем Америка.

Ты займешь высокий пост в моей артиллерии. Ты — тот человек, который мне нужен.

Потом он увидел армию из десяти тысяч отверженных мужчин и женщин, идущих на восток через пустыню и через горы. По пустыне ехали грузовики, джипы, автобусы, жилые прицепы и танки. У каждого человека на шее висел черный камень с красной щелью, которая могла стать Глазом, а могла и Ключом. И на огромном грузовике с цистернами он увидел себя и понял, что в цистернах находится жидкий напалм... а за ним едет колонна грузовиков с бомбами, минами, пластиковой взрывчаткой, огнеметами, сигнальными ракетами, гранатами, автоматами и ракетными установками. Скоро должен был начаться танец смерти.

Темный человек вновь поднял руки, а когда он опустил их, вокруг воцарились холод и спокойствие. Пламя погасло, и даже пепел был холодным, и на мгновение он вновь превратился в маленького и испуганного Дональда Мервина Элберта. Только на одно мгновение он заподозрил, что его обманывают, что он будет лишь пешкой в огромной шахматной партии темного человека.

Потом он заметил, что лицо темного человека уже не было полностью спрятано. Два темно-красных угля горели в глубоких глазницах, освещая тонкий, как бритва, нос.

«Я сделаю все, что ты захочешь», — благодарно сказал он во сне. «Я отдам за тебя жизнь! Я отдам за тебя душу!»

«Ты будешь заниматься поджогами», — торжественно сказал темный человек. «Ты должен прийти в мой город, и там тебе все станет ясно».

«Куда? Куда?» Он изнемогал от надежды и нетерпения.

«На запад», — сказал темный человек, исчезая. «На запад. По ту сторону гор».

Тогда он проснулся, и вокруг по-прежнему была ночь, озаренная ярким пламенем. Теперь оно приблизилось. Один за другим взрывались дома. Звезды исчезли за густой нефтяной копотью. Пошел дождь, принесший блаженное облегчение. Все вокруг было покрыто черным снегом пепла.

Теперь, когда у него появилась цель, он смог идти. Он заковылял на запад, время от времени замечая других людей, покидающих Гэри и оглядывающихся через плечо на пожар. Идиоты, — подумал Мусорный Бак почти с нежностью. Вы сгорите. Когда придет время, вы сгорите. Они его не замечали. Для них Мусорный Бак был лишь еще одним оставшимся в живых. Они исчезли в дыму, и незадолго до зари Мусорный Бак перешел границу штата Иллинойс. Позади него огонь уже скрылся за стеной густого дыма. Было утро второго июля.

Он забыл о своих мечтах о сожжении Чикаго. Ему больше не было никакого дела до Уинди Сити. В тот день он взломал кабинет врача и стащил оттуда упаковку морфина. В аптеке он взял банку вазелина и покрыл обожженную часть руки дюймовым слоем. Его мучила сильная жажда, хотелось пить почти все время. Мысли о темном человеке жужжали у него в голове, словно мясные мухи. Когда он рухнул на землю в сумерках, ему уже начало казаться, что город, в который направляет его темный человек, это Цибола.

В ту ночь темный человек снова посетил его сны и с сардонической усмешкой подтвердил, что это так.

Мусорный Бак пробудился от этих спутанных снов-воспоминаний, ощущая пронизывающий ночной холод. В пустыне всегда либо лед, либо пламень. Здесь не существует середины.

Слегка постанывая, он поднялся на ноги. У него над головой триллионы звезд мерцали так близко, что казалось, будто их можно потрогать руками.

Он вернулся к дороге, при каждом шаге вздрагивая от боли. Но теперь он почти не обращал на нее внимания. На мгновение он остановился и посмотрел на спящий внизу город. Потом он продолжил свой путь.

Когда спустя несколько часов заря окрасила небо, Цибола была почти так же далеко от него, как и в тот момент, когда он поднялся на гребень холма и впервые увидел ее. А он, как последний идиот, выпил всю свою воду, забыв о том, какими близкими кажутся в пустыне расстояния. Из-за обезвоживания организма он не решился долго продолжать путь после восхода. Ему надо лечь, прежде чем солнце снова не начало палить.

Через час после восхода он наткнулся на съехавший с дороги «Мерседес-Бенц», правый бок которого глубоко погрузился в песок. Он открыл двери с левой стороны и вытащил наружу двух усохших обезьян — старую женщину со множеством браслетов на руках и пожилого мужчину с эффектной белой шевелюрой. Бормоча себе под нос что-то невнятное, Мусорный Бак вынул ключи из замка зажигания, обошел машину и открыл багажник. Чемоданы оказались незапертыми. Он завесил окна «Мерседеса» одеждой, придавив ее для надежности камнями. Теперь у него была прохладная, сумрачная пещера.

Он заполз внутрь и уснул. Далеко на западе в лучах утреннего солнца сиял город Лас-Вегас.

Машину он водить не умел, в тюрьме его этому не учили, но он мог ехать на велосипеде. Четвертого июля Мусорный Бак раздобыл гоночный велосипед и отправился в путь. Поначалу он ехал медленно, так как левая рука доставляла ему много хлопот. В первый день он дважды падал, и один раз — прямо на ожог. Боль была невыносимой. Ожог гноился и источал омерзительный запах. Время от времени в голове у него мелькала мысль о гангрене, но он не позволял себе размышлять об этом слишком долго. Он начал смешивать вазелин с антисептической мазью, не зная, может ли это помочь, но не

сомневаясь в том, что это не повредит. У него получалась вязкая жидкость молочного цвета, похожая на сперму.

Понемногу он приноровился управлять велосипедом одной рукой и обнаружил, что может ехать с неплохой скоростью. Рельеф стал плоским, и велосипед легко несся вперед. Он выпивал галлоны воды и очень много ел. Он размышлял над словами темного человека: *Ты займешь высокий пост в моей артиллерии. Ты — тот человек, который мне нужен.* Как прекрасны были эти слова — разве до этого момента он был кому-нибудь нужен? Эти слова снова и снова прокручивались у него в голове, пока он нажимал на педали под жарким солнцем Среднего Запада.

Восьмого июля Мусорный Бак пересек Миссисипи и оказался в Айове. Четырнадцатого июля он пересек Миссури к северу от Каунсил Блаффс и въехал в Небраску. Левая рука понемногу стала ему повиноваться, мускулы ног наливались силой, и он спешил, ощущая огромное желание как можно быстрее оказаться на месте.

На западном берегу Миссури Мусорный Бак впервые заподозрил, что сам Бог, возможно, захочет помешать ему выполнить свое предназначение. В Небраске что-то было не так. Там было что-то ужасное, чего он боялся. Казалось, там было все как в Айове... но на самом деле все было иначе. Раньше темный человек приходил к нему каждой ночью, но как только он оказался в Небраске, темный человек исчез.

Вместо него Мусорному Баку стала сниться старая женщина. В этих снах он лежал на животе среди кукурузы, почти парализованный ненавистью и страхом. Перед ним была стена широких, похожих на лезвия кукурузных листьев. Не желая этого, но и не в силах остановиться, он раздвигал листья дрожащей рукой и смотрел. Он видел старый дом на полянке. Дом был поднят на домкратах. Рядом была яблоня, с которой свисали качели из старой шины. А на веранде сидела старая негритянка, играла на гитаре и пела какой-то древний спиричуэл. Каждый раз песня менялась. Большинство из них Мусорный Бак знал, так как когда-то был знаком с женщиной, матерью маль-

чика по имени Дональд Мервин Элберт, которая пела те же самые песни во время домашней уборки.

Этот сон был кошмаром, но не только потому, что в конце его происходило что-то ужасное. На первый взгляд, в нем вообще не было ничего страшного. Кукуруза? Синее небо? Качели из шины? Старая женщина? Что во всем этом могло быть страшного? Старухи не издеваются над тобой и не бросают в тебя камнями. Камнями швыряются только Карли Йейтсы.

Но задолго до конца сна он застывал от страха, словно смотрел он не на старую женщину, а на какой-то загадочный, едва скрытый свет, который готов был в любой момент вспыхнуть вокруг нее огненным сиянием, рядом с которым пылающие резервуары Гэри показались бы свечками на ветру. Свет этот будет таким ярким, что превратит его глаза в пепел. И в этой части сна он мог думать только об одном: *Пожалуйста, заберите меня отсюда, пожалуйста, заберите меня из Небраски!*

Потом песня внезапно обрывалась. Она смотрела прямо на него, сквозь ее жидкие волосы проглядывал коричневый череп, но глаза ее сияли, как бриллианты, и были полны того самого света, которого он так боялся.

Старым, надтреснутым, но громким голосом она выкрикивала: *Ласки в кукурузе!* И он ощущал в себе какую-то перемену и замечал, что превратился в пушистую, коричневатую-черную недоношенную тварь с черными глазами-бусинками. Он был лаской, трусливым ночным зверьком, который нападает на маленьких и слабых.

И тогда он начинал кричать, пока сам не просыпался от собственного крика, в поту и с выпученными глазами. Руки его пробегали по телу, чтобы удостовериться в том, что он по-прежнему человек.

Он проехал четыреста миль по территории Небраски за три дня. Границу Колорадо он пересек неподалеку от Джулесбурга, и сон постепенно начал исчезать.

Восемнадцатого июля к юго-востоку от Стерлинга, Колорадо, не доезжая нескольких миль до Браша, он встретился с Малышом.

* * *

Мусорный Бак проснулся перед самым наступлением сумерек. Несмотря на то, что окна были завешены, в «Мерседесе» стало довольно жарко. Его горло превратилось в пересохший колодец, стенки которого были надраны наждачной бумагой. В висках у него стучало. Когда он вылез из машины, ноги не удержали его, и он рухнул на горячий асфальт. Со стоном он дополз до тени, которую отбрасывал «Мерседес». Там он сел, тяжело дыша.

Он должен добраться до Циболы до завтрашнего восхода. Если он не сможет, он умрет... уже увидев перед собой свою цель! О нет, конечно, темный человек не может оказаться таким жестоким!

«За тебя я отдам свою жизнь», — прошептал Мусорный Бак, и когда солнце зашло за горы, он поднялся на ноги и пошел к башенкам, минаретам и улицам Циболы, в которой вновь засверкали искорки света.

Когда на смену дневной жары пришла прохлада пустынной ночи, идти стало немного легче. Он шел вперед, и голова его болталась, как цветок умирающего подсолнуха. Он не обратил внимания на зеленый люминесцентный указатель ЛАС-ВЕГАС 30.

Он думал о Малыше. Малыш мог бы быть сейчас с ним. Сейчас они ехали бы в Циболу на его двухместном спортивном автомобиле. Но Малыш оказался недостойным, и Мусорному Баку пришлось пересекать дикую пустыню в одиночку.

Около полуночи он рухнул на обочине дороги и забылся беспокойным сном. Город был уже близко.

Он дойдет.

Он был абсолютно уверен, что дойдет.

Он услышал Малыша задолго до того, как увидел его. Это был громкий, трескучий грохот двигателя без глушителя, раздававшийся с востока. Звук шел по шоссе №34 от Юмы, штат Колорадо. Сначала он хотел было спрятаться, как он всегда прятался от других оставшихся в живых, начиная с Гэри. Но на этот раз что-то побудило его остаться на месте.

Грохот становился все громче и громче, и вот уже солнце сверкало на хrome и на
(??ОГНЕ??)

чем-то ярком и оранжевом.

Водитель заметил его. Машина остановилась рядом с ним, тяжело дыша, как загнанное дикое животное, и оттуда вылез человек. Но Мусорный Бак не мог оторвать глаз от машины. Он много знал о машинах и любил их, хотя и не имел водительских прав. Эта машина была красавицей, над которой работали долгие годы и вложили в нее многие тысячи долларов. Такие машины встречаются только на выставках старинных автомобилей, это плод тяжелого труда и любви.

Это был спортивный двухместный «Форд» 1932 года выпуска. На боку было написано: МАЛЫШ.

«Эй ты, длинный, высокий и страшный», — растягивая слова, произнес водитель, и Мусорный Бак наконец оторвал глаза от этой бомбы на колесах.

Роста в водителе было пять футов и три дюйма. Завитые, напомаженные и набриллиантиненные волосы добавляли ему еще три дюйма. На ногах у него были черные остроносые ботинки. Каблуки добавляли владельцу другие три дюйма и доводили его рост до вполне пристойных пяти и девяти. Его рваные потертые джинсы так туго обтягивали его бедра, что можно было прочесть годы выпуска монет в его карманах. На нем была красная шелковая рубашка, обшитая желтой тесьмой и украшенная пуговицами из поддельных сапфиров. Запонки были из полированной кости. У Малыша их было две пары: одна из человеческих коренных зубов, а другая из резцов добермана-пинчера. Поверх этой удивительной рубашки, несмотря на жару, на нем была надета мотоциклетная куртка из черной кожи с изображением орла на спине. К плечам и к ремню были подвешены три заячьих лапки. Над орлом белыми шелковыми нитками было вышито: МАЛЫШ. Лицо этого человека было крошечным и болезненно бледным. Это было лицо куклы с выпученными губами, мертвыми серыми глазами, широким лбом без признака морщин и круглыми щеками.

Два кожаных ремня перекрещивались на его плоском животе, и из каждой кобуры торчало по огромному револьверу калибра 45.

«Ну, парень, что ты скажешь?» — нараспев протянул Малыш.

Все, что Мусорный Бак мог сказать, было: «Мне нравится твоя машина».

И это были правильные слова. Возможно, единственно правильные слова. Через пять минут Мусорный Бак сидел на месте пассажира, а «Форд» разгонялся до крейсерской скорости Малыша, которая составляла около девяноста пяти миль. Велосипед, на котором Мусорный Бак проделал весь путь от восточного Иллинойса, превращался в точку на горизонте.

Мусорный Бак робко предположил, что на такой скорости Малыш не успеет заметить приближающийся затор на дороге. «Ну, парень», — сказал Малыш. «У меня есть реакция. Веришь в эти штучки-дрючки?»

«Да, сэр», — едва слышно произнес Мусорный Бак. Он чувствовал себя как человек, который только что разворошил палкой гнездо змей.

«Ты мне нравишься, парень», — сказал Малыш странным механическим голосом. Его кукольные глаза уставились поверх ярко-оранжевого руля на сверкающую дорожку. С зеркала заднего вида свисала пара игральные костей с черепами вместо точек. «Возьми пива на заднем сиденье».

Мусорный Бак терпеть не мог пива, но он быстро выпил одну банку и сказал, что пиво было прекрасное.

«Ну, парень», — сказал Малыш. «Это единственный хороший сорт пива на свете. Я бы им ссал, если б мог. Веришь в эти штучки-дрючки?»

Мусорный Бак сказал, что верит.

«Меня называют Малышом. Я из Шревепорта, штат Луизиана. Этот зверь выиграл все крупные конкурсы старых автомобилей на Юге. Веришь в эти штучки-дрючки?»

Мусорный Бак сказал, что верит, и взял еще одну банку теплого пива. Это было лучшим, что он мог сделать в данной ситуации.

«А тебя как зовут?»

«Мусорный Бак».

«Что?» На один кошмарный момент мертвые кукольные глаза остановились на лице Мусорного Бака. «Шутки со мной шутить вздумал? Никто и никогда не шутил с Малышом. Поверь в это, парень».

«Я верю», — серьезно сказал Мусорный Бак, — «но меня действительно так называли. Потому что я часто поджигал чужие мусорные баки, почтовые ящики и разное другое. Я сжег пенсионный чек старой леди Симпл, и за это меня отправили в исправительную колонию. А еще я сжег Методистскую церковь в Поутенвилле, штат Индиана».

«Да, ну?» — спросил Кид восхищенно. «Парень, да ты похоже чокнутый, как сортирная крыса. И это отлично. Мне нравятся чокнутые. Я и сам чокнутый. У меня совсем крыша поехала. Мусорный Бак, говоришь? Мне это нравится. У нас с тобой хорошая пара. Чокнутый Малыш и Чокнутый Мусорный Бак. Давай пожмем друг другу руки».

Малыш протянул руку, и Мусорный Бак постарался пожать ее как можно быстрее, чтобы Малыш снова взялся за руль обеими руками. Они скользнули за поворот, и там, перегородив почти всю дорогу, стоял «Бекинз», и Мусорный Бак закрыл лицо руками, приготовившись к немедленному путешествию в астральный план. Малыш даже ухом не повел. «Форд» скользнул по левой обочине, как водомерка, чиркнув боком по кабине грузовика.

«Близко», — сказал Мусорный Бак, когда почувствовал, что может говорить без дрожи в голосе.

«Ну, парень», — равнодушно сказал Малыш. Один из его кукольных глаз торжественно подмигнул Мусорному Баку. «Не надо ля-ля. Как пиво? Ядреное, правда? Бьет по башке после езды на детском велике, так ведь?»

«Конечно», — ответил Мусорный Бак и сделала еще один большой глоток. Он был сумасшедшим, но не настолько, чтобы противоречить Малышу, когда тот ведет машину. Даже и в мыслях не было.

«Ну, не будем вешать друг другу лапшу на уши», — сказал Малыш, потянувшись на заднее сиденье за пивом. «Мы ведь едем в одно место, так?»

«Пожалуй», — осторожно ответил Мусорный Бак.

«Едем на запад», — сказал Малыш. «Чтобы получить свой кусок пирога. Ты веришь в эти штучки-дрючки?»

«Пожалуй».

«Тебе снились сны об этом буке в черном летнем костюме, так ведь?»

«Вы имеете в виду священника?»

«Я всегда имею в виду то, что говорю, и говорю то, что имею в виду», — равнодушно сказал Малыш. «Не надо ля-ля, сраный жук. Это черный летний костюм, и на парне очки-консервы. Такие большие, что лица не видно. Старый мудозвон, вот он кто, так ведь?»

«Да», — ответил Мусорный Бак, отхлебнув еще тепло-го пива. Голова его начала гудеть.

Малыш сгорбился над оранжевым рулем и начал подражать пилоту-истребителю во время воздушного боя. «Форд» завилял из стороны в сторону.

«Ниинининининийяаааааахххх.... ехехехехехехех... будда-будда-будда... получай, фашист... разворачивай пушку, чертов сопляк... такка... такка... такка-такка-такка! Они сбиты, сэр! Все спокойно... Хоу-ОООООООГАХ! Садимся, парни! ХоуОООООООГАХ!»

На протяжении всей этой сцены лицо его оставалось абсолютно бесстрастным. Кожа Мусорного Бака покрывалась тонкой пленкой пота. Он выпил пиво. Теперь ему надо было пописать.

«Но я его не испугался», — сказал Малыш, словно разговор не прерывался ни на секунду. «Хрен ему. Он крутой парень, но Малышу уже приходилось иметь дело с крутыми парнями. Сначала они закрывали рот, а потом — глаза, как говорит Босс. Ты веришь в эти штучки-дрючки?»

«Конечно», — сказал Мусорный Бак.

«Ты знаешь Босса?»

«Конечно», — сказал Мусорный Бак. У него не было ни малейшего представления о том, кто такой Босс.

«Тот, кто не знает, пожалеет об этом. Слушай, знаешь, что я собираюсь делать?»

«Ехать на запад?» — осмелился предположить Мусорный Бак. Предположение казалось достаточно безопасным.

Малыш нетерпеливо дернулся. «После того, как я буду там. После. Знаешь, что я собираюсь делать после?»

«Нет. Что?»

«Хочу ненадолго залечь на дно. Разнюхать ситуацию. Понимаешь эти штучки-дрючки?»

«Конечно», — сказал Мусорный Бак.

«Не надо ля-ля. Просто разнюхать. Разнюхать, кто стоит во главе. Потом...»

Малыш замолчал.

«Потом что?» — неуверенно спросил Мусорный Бак.

«Потом заткну ему рот и закрою ему глаза. Покажу, где зимуют раки. Оторву ему яйца. Ты веришь в это?»

«Да, конечно».

«Я возьму над ним верх», — сказал Малыш доверительно. «Оторву ему яйца. Держись со мной, Мусорный Бак. Нам больше не придется жрать консервированную свинину с бобами. Мы сожрем столько кур, сколько тебе и не снилось».

«Форд» с грохотом понесся дальше. Мусорный Бак сидел на месте пассажира с теплым пивом на коленях, и его одолевало внутреннее беспокойство.

Перед самым рассветом пятого августа Мусорный Бак вошел в Циболу, также известную под названием Лас-Вегас. Где-то на последних пяти милях дороги он потерял свою левую теннисную туфлю, и теперь его шаги звучали так: *шлеп-БУХ, шлеп-БУХ, шлеп-БУХ*.

Он почти дошел, но теперь, когда он пробирался по забитому машинами шоссе, им овладело легкое удивление. Он смог. Он был в Циболе. Он был подвергнут испытанию и с честью выдержал его.

Вокруг него были сотни ночных клубов. «Роллс-Ройс Сильвер Гост» стоял, врезавшись в витрину магазина порнолитературы. Обнаженная женщина вниз головой свисала с фонаря. Он заметил, как ветер гонит мимо него две страницы местной «Сан». Снова и снова мелькал у него в глазах заголовок: ЭПИДЕМИЯ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ, ВАШИНГТОН МОЛЧИТ. Он увидел огромный плакат с надписью НЕЙЛ ДАЙАМОНД! ОТЕЛЬ АМЕРИ-

КАНА 15 ИЮНЯ — 30 АВГУСТА! Кто-то нацарапал **ЛАС-ВЕГАС, УМРИ ЗА СВОИ ГРЕХИ!** на витрине ювелирного магазина, специализировавшегося исключительно на обручальных кольцах. На улице лежал огромный перевернутый рояль, похожий на мертвую деревянную лошадь. Но где же люди? Где вода?

Мусорный Бак задремал на ходу, споткнулся и упал. Когда же он поднял взгляд, он едва смог поверить своим глазам. Он даже не заметил, как кровь потекла из его носа, заливая рваную синюю рубашку.

Высоченное белое здание устремлялось в пустынное небо, монолит в пустыне, игла, памятник, столь же величественный, как Сфинкс или пирамида Хеопса. Окна на его восточной стороне отражали восходящее солнце. Перед входом в здание стояли две золотые пирамиды. Над входом был укреплен большой бронзовый медальон с барельефом оскалившейся львиной головы.

Над медальоном была надпись, также выполненная из бронзы: **МГМ ГРАНД-ОТЕЛЬ.**

Но то, на что были устремлены его глаза, находилось на квадратной лужайке между стоянкой и подъездной дорогой. Оргазмическая дрожь так сильно сотрясала его, что на мгновение он мог лишь, приподнявшись на окровавленных руках, смотреть на фонтан своими выцветшими голубыми глазами. Из груди его стал вырываться тихий стон.

Фонтан работал. Это была великолепная конструкция из камня и слоновой кости, оправленная и выложенная золотом. Струи его освещались цветными прожекторами, которые делали воду то пурпурной, то желто-оранжевой, то красной, то зеленой. Шум падающей воды был очень сильным.

«Цибола», — пробормотал он и с трудом поднялся на ноги. Из носа у него до сих пор капала кровь.

Он заковылял к фонтану, все быстрее и быстрее. Потом ковыляние перешло в бег и, наконец, в сумасшедший порыв. Из глотки его стало вырываться слово, протяжное, как летящий в небеса бумажный змей, и высоко-высоко люди стали подходить к окнам (кто их видел? Бог, возможно, или дьявол, но уж конечно не Мусорный Бак).

Слово летело все выше и становилось все пронзительнее, и слово это было:

«ЦИИИИИИИБОЛАААААА!»

Финальное «аааахх» все звучало и звучало у него на устах, звук, в котором сосредоточились все удовольствия, которые когда-либо испытывали люди на земле, и прекратилось оно только тогда, когда вода в фонтане стала ему по грудь, и он окунулся несколько раз подряд в купель невероятной прохлады и благодати. Он чувствовал, как поры его тела раскрываются, словно миллион ртов, и втягивают в себя воду, как губка. Потом он наклонился над водой и стал пить, как корова. «Цибола! Цибола!» — кричал Мусорный Бак восторженно. «Я готов отдать за тебя свою жизнь!»

Он проплыл несколько метров по-собачьи вокруг фонтана, попил еще воды, потом вскарабкался на бортик и шлепнулся на траву с глухим хлюпающим звуком. Ради этого стоило жить. Неожиданно желудок свело судорогой, и его вырвало. Даже рвота была приятной.

Он поднялся на ноги и, оперевшись о край фонтана своей искалеченной рукой, снова стал пить. На этот раз желудок принял дар с благодарностью.

Булькая, как полный бурдюк, он заковылял к алебастровым ступеням, которые вели ко входу в сказочный дворец между двух золотых пирамид. Ему пришлось напрячь все свои последние силы, чтобы сдвинуть с места дверь-вертушку. Он протиснулся в устланный ковром вестибюль, который, казалось, уходил вперед на многие мили. Ковер был клюквенного цвета, с густым и длинным ворсом. В вестибюле был отдел регистрации, почта, стол портье и окошечки кассиров. Вокруг было пустынно. Справа от него, за декоративной металлической решеткой, было казино. Мусорный Бак посмотрел на него в ужасе — там стояли ряды игровых автоматов, похожих на выстроившихся для парада солдат, а за ними виднелась рулетка и карточные столы. Столы для баккара были окружены мраморными перилами.

«Кто здесь?» — прокаркал Мусорный Бак, но ответа не последовало.

И тогда он испугался, потому что это было место, где водятся привидения, где по углам скрываются чудовища, но из-за усталости страх был не таким сильным. Спотыкаясь, он спустился по ступенькам в казино, пройдя мимо кубинского бара, в темном углу которого тихо сидел Ллойд Хенрид, наблюдая за ним и держа в руке стакан польской воды.

Он подошел к столу, покрытому зеленым сукном, на котором виднелась загадочная надпись **СДАЮЩИЙ ДОЛЖЕН БИТЬ 16 И СТОЯТЬ НА 17**. Мусорный Бак залез на этот стол и немедленно уснул. Вскоре вокруг груды тряпья, которая была Мусорным Баком, собралось около полудюжины человек.

«Что мы с ним будем делать?» — спросил Кен ДеМотт.

«Пусть поспит», — ответил Ллойд. «Он нужен Флеггу».

«Кстати, куда это он запропастился?» — спросил кто-то.

Ллойд повернулся, чтобы взглянуть на человека, слегка лысоватого и выше Ллойда на целый фут. Но несмотря на свой рост, человек под взглядом Ллойда сделал шаг назад. Камень, висевший на шее у Ллойда, был единственным, в центре которого сияла маленькая и вселявшая тревогу красная щель.

«Тебе так не терпится его увидеть, Гек?» — спросил Ллойд.

«Нет», — ответил лысоватый человек, Эй, Ллойд, ты ведь знаешь, что я не...»

«Конечно». Ллойд посмотрел на человека, спящего на столе для игры в блек-джек. «Флегг скоро подойдет», — сказал он. «Он ждал этого парня. Этот парень особенный».

На столе, не подозревая об этом разговоре, спал Мусорный Бак.

Ночь восемнадцатого июля Мусорный Бак и Малыш провели в мотеле города Голден, штат Колорадо. Малыш нашел две комнаты, соединенные дверью. Дверь между номерами оказалась заперта. Малыш, уже порядком навеселе, разрешил эту незначительную проблему, вышибив замок тремя пулями из 45-го.

«Какая комната?» — спросил он. «Выбирай, Мусор».

Мусорный Бак выбрал ту, что была справа, и на некоторое время был оставлен в одиночестве. Малыш куда-то вышел. Мусорный Бак неторопливо размышлял о том, не стоит ли просто улизнуть во мрак, пока не случилось беды, или все же потерпеть ради того, чтобы быстрее добраться до цели, когда Малыш вернулся. Мусорный Бак встревожился, увидев, что он толкает перед собой магазинную тележку, доверху набитую упаковками с пивом. Глаза Малыша покраснели. Прическа в стиле помпадур распустилась, как сломанная часовая пружина, и жирные пряди волос свисали теперь Малышу на уши и на щеки, делая его похожим на опасного (хотя и абсолютно нелепого) пещерного человека, который нарядился в найденную им кожаную куртку, оставленную незадачливым путешественником во времени.

«Теплое», — сказал Малыш, — «но кому какое дело? Правильно я говорю?»

«Абсолютно правильно», — сказал Мусорный Бак.

«Возьми пива, жопа», — сказал Малыш и швырнул ему банку. Когда Мусорный Бак дернул за кольцо, его обдало пеной, и Малыш разразился странно тоненьким хохотом, держась обеими руками за свой плоский живот. Мусорный Бак слабо улыбался. Он решил, что сегодня ночью, когда этот кукольный монстр уснет, он убежит. Он уже сыт по горло. А то, что Малыш сказал о темном священнике... Говорить такие вещи, даже в шутку, — это все равно что испражняться на алтарь церкви или поднимать лицо к небу во время грозы и просить молнию ударить в тебя.

Но хуже всего было то, что Малыш, по-видимому, не шутил. Малыш выдул две банки пива за две минуты, раздавил их и бросил на кровать. Он мрачно смотрел на цветной телевизор, в левой руке держа новую банку пива, а в правой — 45-ый, которым он открывал дверь между двумя номерами.

«Нет электричества, нет и телевизора», — сказал он. «Я ненавижу телек, и я рад, что все эти жопы накрылись. Но Господи-Иисусе-Христе-Боже-мой-поцелуй-меня-взад, где ЭйчБиОу? Где бейсбольные матчи? Где канал «Плейбоя»? Классная была штука, Мусор. Я хочу сказать,

там никогда не показывали парней, которые жрут волосатый пирог, эту бородатую устрицу, понимаешь, о чем я, но у некоторых леди ноги доходили прямо до подбородков, понимаешь, о чем я, так твою мать?»

«Конечно», — сказал Мусорный Бак.

«Не надо ля-ля, мудацкая рожа».

Малыш уставился на мертвый телевизор. «Ах ты, сука бессловесная», — сказал он и выстрелил в экран. Экран лопнул с глухим, сочным треском. Осколки усыпали ковер. Мусорный Бак поднял руку, чтобы защитить глаза, и пролил пиво.

«Эй ты, посмотри-ка, что ты натворил, мудила!» — воскликнул Малыш. Он был охвачен бешеной яростью. Неожиданно 45-ый нацелился на Мусорного Бака, и дуло его казалось таким же большим, как труба парохода. Мусорный Бак почувствовал, как мошонка его онемела. Похоже, он намочил штаны.

«За это я тебе провентилирую мозги», — сказал Малыш. «Ты разлил пиво. Если бы ты разлил какой-нибудь другой сорт, я бы тебе и слова не сказал, но ты разлил мой любимый сорт. Я бы ссал им, если б мог, веришь в эти штучки-дрючки?»

«Конечно», — прошептал Мусорный Бак.

«А как ты думаешь, производят его в наши дни, Мусор? Ты, наверное, думаешь, что да, так?»

«Нет», — прошептал Мусорный Бак. «Наверное, нет».

«Ты совершенно прав. Это исчезающий вид». Он поднял револьвер чуть-чуть выше. Мусорный Бак подумал, что это конец. Потом Малыш опустил пистолет ниже... чуть-чуть. Взгляд его был абсолютно пустым. «Вот что я тебе скажу, Мусор. Сейчас ты возьмешь еще одну банку и выпьешь ее залпом. Если выпьешь всю, не отрываясь, будешь жить. Веришь в эти штучки-дрючки?»

Мусорный Бак подошел к картонной коробке, выбрал банку и открыл ее. Он перевернул банку, и пиво забулькала ему в глотку. Он судорожно глотал, и его кадык дергался вверх и вниз, как обезьяна на ветке. Когда банка опустела, он уронил ее к своим ногам, вступил в беско-

ично долгую битву со своим желудком и выиграл свою жизнь в приступе долгой, раскатистой отрыжки.

Малыш убрал револьвер в кобуру.

«О'кей. Неплохо, Мусорный Бак. Совсем не плохо, так твою мать».

Малыш продолжал пить. Раздавленные банки грудой росли на кровати. Мусорный Бак держал одну банку у себя на коленях и делал из нее маленький глоток каждый раз, когда ему казалось, что Малыш неодобрительно на него поглядывает. Малыш непрерывно бормотал, и голос его становился все тише и тише. Он говорил о местах, в которых побывал. О гонках, которые выиграл. О грузе наркотиков, который он привез из Мексики. Наркотики — дрянная штука, так их растак, но, парниша, когда ты сделаешь несколько ходок через границу, ты можешь вытирать задницу золотой бумагой. Наконец, им понемногу стал овладевать сон, и его маленькие красные глазки стали закрываться все чаще и чаще.

«Я кончу его, Мусор», — пробормотал Малыш. «Приеду туда, разнюхаю ситуацию и буду целовать его трахнутую задницу, пока не увижу, откуда ветер дует. Никто не может приказывать Малышу. Ни одна сука. Я не собираюсь быть мальчиком на побегушках. Есть работа — я ее сделаю. Такой у меня стиль. Я не знаю, кто он такой и откуда, и как ему удастся влезть в наши трахнутые мозги, но я» — протяжный зевок — «пошлю его ко всем чертям. Закрою ему рот, а потом — глаза. Покажу ему, где раки зимуют. Держись со мной, Мусор, или как там тебя».

Малыш медленно опустился на кровать. Только что открытая банка пива выскользнула у него из пальцев. На ковре образовалась еще одна лужа. Упаковка была пустой, и, по расчетам Мусорного Бака, Малыш выпил двадцать одну банку. Мусорный Бак никак не мог понять, каким образом такой маленький человек может выпить столько пива, но кое-что он понял: было время уходить. Он знал это, но он чувствовал себя пьяным, слабым и больным. И больше всего на свете ему хотелось немножечко поспать. В этом ведь нет ничего страшного, правда? Малыш проспит

всю ночь, как бревно, да и половину утра, наверное, тоже. У него достаточно времени, чтобы немного вздремнуть.

Он пошел в другую комнату и прикрыл дверь между номерами. На туалетном столике стоял механический будильник. Мусорный Бак завел его, перевел стрелки на полночь, так как не знал (да и не интересовался), сколько сейчас на самом деле времени, а потом поставил будильник на пять часов утра. Он лег на одну из смежных кроватей, даже не потрудившись снять теннисные туфли. Через пять минут он уснул.

Он проснулся в темной могиле наступающего утра, ощущая запах пива и рвоты. Кто-то лежал рядом с ним в постели, кто-то горячий и извивающийся. В первую секунду он в панике подумал о том, что это ласка, каким-то образом переместившаяся из его сна о Небраске прямо в реальность. Хныкающий тихий стон сорвался с его уст, когда он понял, что животное, забравшееся к нему в кровать, хотя и не очень большое, но явно больше ласки. От пива у него болела голова, а в висках безжалостно стучало.

«Хватайся за меня», — прошептал Малыш в темноте. Мусорного Бака взяли за руку и подсунули ему какой-то твердый пульсирующий предмет цилиндрической формы. «Тяни. Давай, тяни, ты знаешь, как это делается, я это с первого взгляда понял. Давай, дрочила, так твою мать, надрочи меня».

Мусорный Бак знал, как это делается. Он знал об этом, начиная с тех долгих ночей, которые ему пришлось провести в тюрьме. Говорили, что это плохо, что он ведет себя, как гомосексуалист, но педики были гораздо симпатичнее многих других — тех, кто ночами затачивал ложки или просто лежал на койке, грызя костяшки, глядя на тебя и усмехаясь.

У Мусорного Бака в руках оказался предмет, с которым он умел обращаться. Он сомкнул пальцы и приступил к работе. Когда все будет кончено, Малыш снова уснет. И тогда он сможет уйти.

Дыхание Малыша стало прерывистым. Мусорный Бак не сразу понял, что Малыш расстегивает его ремень и

спускает до коленей джинсы и трусы. Мусорный Бак не возражал. Ну, засунет свою штуку ему в задницу, ну и что? От этого не умирают. Это же не яд.

А потом его рука застыла. То, что прижалося к его анусу, было не живой плотью. Это была холодная сталь.

И внезапно он понял, что это такое.

«Нет», — прошептал он. Его глаза расширились от ужаса. Теперь в зеркале он смутно мог различить личико куклы-убийцы, нависшее у него над плечом.

«Да», — прошептал в ответ Малыш. «И не сбивайся с ритма, Мусор. Не сбивайся. Или я спущу курок и разнесу твою фабрику по производству дерьма к чертовой матери. Веришь в эти штучки-дрючки?»

Скуля, Мусорный Бак снова принялся за дело. Дуло 45-го вошло в него, причинив ему дикую боль. Но не почувствовал ли он и возбуждения? Вполне возможно.

Малыш это заметил.

«Нравится?» — выдохнул он. «Я знал, что понравится, мешок с дерьмом. Тебе нравится, когда он ходит у тебя в жопе? Скажи да, мешок с дерьмом. Скажи да, или отправься прямо в ад».

«Да», — прохныкал Мусорный Бак.

«Хочешь, чтобы я продолжал?»

Он не хотел. Несмотря на возбуждение. Но он знал, что нельзя отказываться.

«Да».

«Я не прикоснулся бы к твоему херу, даже если б он был бриллиантовым. Дрочи его сам. Как ты думаешь, зачем Бог дал тебе две руки?»

Сколько это продолжалось? Бог, может, и знает, но Мусорный Бак не знал. Минута, час, век — какая разница? У него появилась уверенность, что в момент оргазма Малыша он ощутит сразу две вещи: горячий ручеек спермы у себя на животе и пулю, разрывающую ему внутренности. Последняя клизма.

Потом бедра Малыша напряглись, и из пениса рванулся прерывистый поток спермы. Рука Мусорного Бака стала скользкой, словно на нее надели резиновую перчатку. Через мгновение пистолет был вытащен. Молчаливые

слезы облегчения брызнули из глаз Мусорного Бака. Он не боялся смерти, во всяком случае, смерти ради темного человека, но он не хотел погибнуть в этой мрачной комнате от рук психопата, даже не увидев Циболы. Он готов был уже начать молиться, но он инстинктивно подозревал, что Бог не станет слушать того, кто отдал свою душу темному человеку. Да и когда Бог помогал Мусорному Баку? Или Дональду Мервину Элберту, если уж на то пошло?

Малыш захрапел.

А теперь я уйду, — подумал Мусорный Бак, но он опасался, что как только он двинется, Малыш тут же проснется. Я уйду, как только буду окончательно уверен, что он уснул. Пять минут. Не больше.

Но никто не знает, сколько длятся пять минут в темноте. Можно даже сказать, что в темноте пяти минут не существует. Он ждал. Постепенно он погрузился в сон.

Он оказался на дороге, где-то высоко в горах. Звезды были так близко, что казалось, их можно потрогать руками. Было очень холодно. По бокам дороги смутно вырисовывались скалы.

Что-то приближалось к нему из темноты.

А потом раздался его голос: *В горах я дам тебе знак. Я покажу тебе мою силу. Я покажу тебе, что случится с теми, кто не подчиняется мне. Жди. Смотри.*

В темноте стали появляться красные глаза. Они окружили Мусорного Бака плотным кольцом. Поначалу он подумал, что это глаза ласок, но когда кольцо еще немного сжалось, он увидел, что это большие горные волки. Уши их торчали вперед, а из черных пастей капала слюна.

Он испугался.

Они поджидают не тебя, мой верный слуга, понял?

А потом они исчезли.

Смотри, — сказал голос.

Жди, — сказал голос.

Сон кончился. Он проснулся и увидел яркий солнечный свет, идущий из окна мотеля. Рядом с окном стоял Малыш, на котором вчерашняя попойка, похоже, никак не отразилась. Все завитки и колечки его прически были приве-

дены в полный порядок, и он любовался своим отражением в зеркале. Его кожаная куртка была наброшена на спинку стула. Кроличьи лапки болтались на ней, как трупки на виселице.

«Эй, мешок дерьма! Я уж думал, мне опять придется смазать тебе руку, чтобы ты проснулся. Вставай, нас ждет трудный день. Сегодня много чего случится, я прав?»

«Конечно», — ответил Мусорный Бак со странной улыбкой.

Когда Мусорный Бак проснулся вечером пятого августа, он все еще лежал на игорном столе в казино «МГМ Гранд-Отеля». Перед ним, оседлав стул задом наперед, сидел молодой человек с прямыми волосами соломенного цвета и в солнцезащитных очках. Первое, что заметил Мусорный Бак, — это был камень, висевший на его открытой шее. Черный, с красной щелью посередине. Как глаз волка ночью.

Он попытался сказать, что хочет пить, но изо рта у него вырвался лишь слабый стон.

«Ну и натерпелся же ты от жары, надо полагать», — сказал Ллойд Хенрид.

«Вы — это он?» — прошептал Мусорный Бак. «Вы здесь...»

«Главный? Нет. Флегг сейчас в Лос-Анджелесе. Но он знает, что ты здесь. Я говорил с ним по радио».

«Он придет?»

«Что? Только для того, чтобы на тебя посмотреть? Нет, черт возьми. Он будет здесь в свое время. Ты и я, паренек, мы просто пешки. Он будет здесь, когда ему будет надо. Тебе так хочется увидеть его?»

«Да... нет... я не знаю».

«Ну, так или иначе, тебе представится такой случай».

«Пить...»

«Конечно. Вот». И он протянул ему термос с вишневым прохладительным напитком. Мусорный Бак осушил его одним глотком, а потом согнулся, схватившись за живот и постанывая. Когда судорога прошла, он посмотрел на Ллойда с немой благодарностью.

«Как ты думаешь, сможешь что-нибудь съесть?» — спросил Ллойд.

«Да, пожалуй».

Ллойд обернулся к стоявшему позади него человеку.

«Роджер, пойди скажи Уитни или Стефани-Энн, чтобы они пожарили этому парню картошки и пару гамбургеров. Нет, черт, что я такое несу. Он ведь заблюет нам все здание. Суп. Пусть дадут ему супа. Хорошо, парень?»

«Все, что угодно», — с благодарностью сказал Мусорный Бак.

«У нас здесь есть парень», — сказал Ллойд, — «по имени Уитни Хорган. Когда-то он был мясником. Он — жирный мешок дерьма, но готовить умеет. В этом ему не откажешь! А здесь есть все. Когда мы сюда въехали, генераторы все еще работали, а холодильники были набиты до отказа. Чертов Vegas! Ну и местечко же здесь!»

«Да», — сказал Мусорный Бак. Ллойд ему уже нравился, хотя он даже не знал, как его зовут. «Это Цибола».

«Чего-чего?»

«Цибола. Город, который искали многие».

«Да, масса людей искало этот город, но большинство из них потом жалело, что нашло. Впрочем, можешь называть его, как тебе заблагорассудится. Похоже, ты совсем перегрелся, пока шел сюда. Как тебя зовут?»

«Мусорный Бак».

Ллойд у это имя, похоже, совсем не показалось странным. Он протянул Мусорному Баку руку. На кончиках пальцев все еще оставались исчезающие следы его пребывания в тюрьме Финикса. «Меня зовут Ллойд Хенрид. Рад познакомиться, Мусор. Приветствую тебя на борту нашего корабля».

Мусорный Бак пожал протянутую руку, и ему с трудом удалось не разрыдаться от благодарности. Насколько он помнил, впервые за всю его жизнь кто-то протянул ему руку для рукопожатия. Он был на месте. Он был принят. Теперь в течение долгого времени он будет пребывать внутри. Ради этого он прошел бы в два раза более длинный путь по пустыне и сжег бы себе вторую руку и обе ноги.

«Спасибо», — пробормотал он. «Спасибо, мистер Хенрид».

«Черт возьми, братец, зови меня Ллойд».

«Ллойд. Спасибо, Ллойд».

«Так-то лучше. После того, как ты поешь, я тебе отведу наверх, в твою комнату. Завтра у тебя будет кое-какая работа. У главного, наверное, на тебя свои планы, но пока и без этого работы достаточно. Мы многое здесь вернули к жизни, но далеко не все. Команда наших ребят на Боулдер Дэм пытается полностью восстановить все электроснабжение. Другие работают над водопроводом. Еще у нас есть разведывательные отряды, мы приводим сюда от шести до восьми человек в день, но пока я тебя избавляю от этих подробностей. Похоже, ты так долго шел под открытым небом, что солнца хватит тебе на месяц вперед».

«Пожалуй», — сказал Мусорный Бак со слабой улыбкой. Он уже готов был отдать свою жизнь за Ллойда Хенрида. Собрав все свое мужество, он указал на камень, покоившийся во впадинке на ллойдовской шее. «Это...»

«Да, все парни, кто обладает кое-какой властью, носят его. Это была его идея. Это черный янтарь. Не совсем камень. Что-то вроде нефтяного пузыря».

«Я имею в виду... красный свет. Глаз».

«Тебе он тоже кажется глазом? Это щель. Особый подарок от него. Я далеко не самый крутой парень из его людей. Но я... черт возьми, по-моему, можно сказать, что я его талисман». Он пристально посмотрел на Мусорного Бака. «Может быть, ты тоже? Кто знает? Уж во всяком случае, не я. Он скрытный, Флегг. Но так или иначе, о тебе он говорил нам особо. Мне и Уитни. Это на него не похоже. Слишком много приходит сюда, чтобы замечать каждого в отдельности». Ллойд выдержал паузу. «Хотя, если он захочет, он все сможет. По-моему, он видит насквозь любого из нас».

Мусорный Бак кивнул.

«Он может творить чудеса», — сказал Ллойд слегка хриплым голосом. «Я видел. Не хотел бы я быть одним из тех, кто против него».

«Да», — сказал Мусорный Бак. «Я видел, что случилось с Малышом».

«Каким малышом?»

«С парнем, с которым мы были вместе, пока не поднялись в горы». Он поежился. «Не хочу говорить об этом».

«О'кей, парень. А вот, наконец, и твой суп. Уитни-таки положил тебе гамбургер. Тебе понравится. Этот парень готовит прекрасные гамбургеры. Постарайся, чтобы тебя не вырвало, о'кей?»

«О'кей».

«Ладно, у меня есть еще дела. Если бы мы мой старый дружок Поук мог бы увидеть меня сейчас, он не поверил бы своим глазам. Еще увидимся».

«Конечно», — сказал Мусорный Бак, а потом добавил робко: «Спасибо, спасибо за все».

«Не говори спасибо мне», — дружелюбно сказал Ллойд. «Скажи спасибо ему».

«Я так и делаю», — сказал Мусорный Бак. «Каждую ночь». Но он разговаривал с самим собой. Ллойд уже шел через вестибюль, беседуя с человеком, который принес суп и гамбургер. Мусорный Бак проводил их взглядом, а потом жадно накинулся на еду и съел почти все. Он чувствовал бы себя прекрасно, если бы взгляд его не упал на тарелку. Это был томатный суп, и его цвет был цветом крови.

Он отодвинул тарелку в сторону. Внезапно его аппетит исчез. Очень просто было сказать Ллойд Хенриду, что не хочешь говорить о Малыше, но гораздо труднее было перестать думать о том, что с ним случилось.

В безоблачный теплый денек, когда они ехали по I-70 из Голдена прямо на Скалистые горы, Малыш отказался от пива ради бутылки виски «Ребел Йелл». Еще пара бутылок, аккуратно упакованных в пакеты из-под молока, стояла между ними. Несколько раз Малыш замечал, что хотел бы ссать «Ребел Йелл», если б мог. Потом спрашивал у Мусорного Бака, верит ли тот в эти штучки-дрючки. Мусорный Бак, бледный от страха и все еще с похмелья после вчерашних трех банок пива, говорил, что верит.

Даже Малыш не мог ехать по этим дорогам со скоростью девяноста миль в час. Он снизил скорость до шестидесяти и пробормотал сквозь зубы что-то нелестное о трахнутых горах. Потом он просиял: «Когда мы доберемся до Юты и Невады, мы наверстаем потерянное, Мусорок. Эта красotka по ровному шоссе может выдавать сто шестьдесят. Веришь в эти штучки-дрючки?»

«Это прекрасная машина», — сказал Мусорный Бак с улыбкой больной собаки.

«А ты думал». Он отхлебнул «Робел Йелл», запил пепси-колой и завопил: *Йахоооууу!*

Через некоторое время скорость упала с шестидесяти до сорока. Потом до тридцати. Малыш постоянно матерился сквозь зубы. «Форд» петлял среди мертвых машин, которых становилось все больше и больше.

«Что за хренотень?» — ярился Малыш. «На хрен они сюда притащились? Решили сдохнуть на высоте десяти тысяч футов, так их мать? Эй вы, мудозвоны, прочь с дороги! Слышите меня? Убирайтесь с дороги!»

Мусорный Бак съезжился от страха.

Они завернули за поворот и наткнулись на ужасный затор из четырех потерпевших аварию машин, который полностью блокировал ведущие на запад полосы I-70. Труп, залитый засохшей кровью, лежал раскинувшись на дороге лицом вниз. Рядом с ним валялась сломанная кукла Чэтти-Кэти. Слева затор нельзя было объехать из-за шестифутового забора. Справа был обрыв.

Малыш отхлебнул «Робел Йелл» и швырнул «Форд» в сторону обрыва. «Держись, Мусорок», — прошептал он, — «едем в обход».

«Там не проедешь», — взвизгнул Мусорный Бак.

«Проедешь», — прошептал Малыш. Глаза его сверкали. Он выехал на обочину.

«На меня не рассчитывай», — быстро сказал Мусорный Бак и схватился за ручку двери.

«Сиди», — сказал Малыш, — «или ты превратишься в дохлый мешок дерьма».

Мусорный Бак обернулся и уперся в дуло .45-го. Малыш напряженно хихикнул.

Мусорный Бак сел обратно. Он хотел закрыть глаза, но не смог этого сделать. В его окне исчезли последние шесть дюймов обочины. Теперь взгляд его упирался прямо в далекие вереницы серо-голубых елей и нагромождение валунов.

Он чувствовал, что до обрыва остается четыре дюйма... два дюйма...

«Еще один дюйм», — стал напевать Малыш. Глаза его были широко раскрыты, а зубы оскалились в широкой усмешке. Пот выступил на его кукольном лбу чистыми и прозрачными каплями. «Еще... только... один».

Все случилось очень быстро. Мусорный Бак почувствовал, как заднее правое колесо провалилось вниз. Он услышал звук падающих камней. Он закричал. Малыш выругался и перешел на первую передачу. С левой стороны, оттуда, где лежал перевернутый труп микроавтобуса марки «Фольксваген», раздался металлический скрежет.

«Лети!» — завопил малыш. «Лети, как птица! Лети, черт тебя побери! ЛЕТИ!»

Задние колеса «Форда» бешено вращались. На секунду показалось, что машина сползает к обрыву. Но потом она дернулась вперед и снова выехала на дорогу.

«Я же говорил тебе, что объедем!» — ликующе закричал Малыш. «Черт возьми! Что скажешь? Что скажешь, Мусорок, обосравшаяся цыплячья задница?»

«Объехали», — сказал Мусорный Бак тихим голосом. Его трясло с ног до головы. А потом, уже второй раз за время, прошедшее после встречи с Малышом, он инстинктивно сказал ту единственную фразу, которая могла спасти ему жизнь. Скажи он что-то другое, Малыш немедленно убил бы его. «Хорошо водишь машину, чемпион», — сказал он. До этого момента он никого в своей жизни ни разу не назвал чемпионом.

«Аааа... ну, не так уж и хорошо», — сказал Малыш покровительственно. «В стране есть еще по крайней мере два парня, которые могли бы сделать то же самое. Веришь в эти штучки-дрючки?»

«Я верю тебе, Малыш».

«Не надо ля-ля, радость моя. Ну что ж, едем дальше».

Но далеко уехать им не удалось. «Форд» остановился через пятнадцать минут, проехав тысячу восемьсот миль от Шревепорта, штат Луизиана.

«Не верю», — сказал Малыш. «Я не... так вашу мать... верю в это!»

Он открыл дверцу и выпрыгнул на дорогу, по-прежнему сжимая в руке на одну четверть полную бутылку «Ребел Йелла».

«ПРОЧЬ С ДОРОГИ!» — заорал Малыш, пританцовывая на своих гротескно высоких каблуках, воплощая собой крохотную природную силу разрушения, нечто вроде землетрясения в бутылке. **«УБИРАЙТЕСЬ С МОЕЙ ДОРОГИ, МУДОЗВОНЫ, ВЫ ПОДОХЛИ, ВАШЕ МЕСТО НА ТРАХНУТОМ КЛАДБИЩЕ, ВАМ НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ НА МОЕЙ ТРАХНУТОЙ ДОРОГЕ!»**

Он швырнул бутылку, и она разбилась на тысячи осколков о бок старого «Порша». Малыш стоял молча, тяжело дыша и слегка покачиваясь взад и вперед.

На этот раз препятствие было более серьезным. Все полосы были под завязку забиты мертвыми машинами. Трупы машин были и на обочине, и на газоне между двумя половинами шоссе.

Малыш вернулся к машине с лицом карликового василиска. Глаза его выпучились от ярости. «Я не оставлю свою машину», — сказал он. «Слышишь меня? Ни за что. Я не оставлю ее. Иди, Мусорок. Иди и посмотри, сколько тянется эта трахнутая пробка. Может, там где-нибудь грузовик перегородил дорогу или что-нибудь в этом роде. Короче, если это так, я пошвыряю в пропасть всех этих сукиных детей. Я сделаю это, и лучше тебе поверить в эти штучки-дрючки. Иди, сынок».

Мусорный Бак не стал возражать. Он пошел по дороге, виляя между машинами. Он был готов в любой момент пригнуться и побежать, если Малыш начнет стрелять. Но этого не случилось.

Мусорный Бак отправился в путь в половине одиннадцатого. Идти приходилось медленно, часто надо было

залезать на капоты и крыши, там где машины сгрудились слишком тесно. К тому времени, когда ему впервые встретился указатель ТУННЕЛЬ ЗАКРЫТ, было уже четверть третьего.

Он озадаченно остановился перед указателем. Туннель закрыт. Какой туннель? Заслоняя глаза от солнца, он вгляделся в даль, и ему показалось, что он что-то увидел. Он прошел еще три сотни ярдов и натолкнулся на страшное месиво разбитых машин и трупов. Часть машин были военными. Часть людей были одеты в хаки. За тем местом, где разыгралась битва — сомнений в этом у Мусорного Бака не было, — стояли все те же ряды мертвых машин. Эти ряды исчезли в двух черных пастях того, что, судя по огромному указателю, носило название ТУННЕЛЬ ЭЙЗЕНХАУЭРА.

Он подошел поближе, еще не зная, что он собирается делать. Две черных пасты в скале внушали ему робость, и по мере того, как он приближался все ближе и ближе, робость переходила в самый настоящий ужас. Пешеходная дорожка шла почти вровень с шоссе, и многие машины попытались выехать на нее. Длина туннеля составляла две мили. Единственный способ пройти сквозь него — это ползти по крышам с одной машины на другую в абсолютной темноте.

В животе у Мусорного Бака похолодело.

Какое-то время он смотрел на туннель, а потом повернулся и пошел обратно к Малышу. Плечи его обмякли, уголки рта дрожали. Может быть, ему удастся проскользнуть мимо?

Через несколько часов Мусорный Бак остановился за «Поршем», о который Малыш разбил бутылку. Он осторожно выглянул из-за капота. «Форд» Малыша ярко выделялся на фоне темно-фиолетового вечернего неба. Сам Малыш сидел за рулем, глаза его были закрыты, а рот приоткрылся. Сердце Мусорного Бака исполнило в груди победный марш. Пьян, как свинья! — выстукивало оно. Пьян, как свинья! Ей-Богу! Пьян, как свинья! Мусорный Бак подумал, что прежде чем Малыш очухается, он успеет уйти миль на двадцать на восток.

Двигался он очень осторожно. Он перебежал от машины к машине, как водомерка, оставляя «Форд» Малыша слева.

«А ну-ка, мудозвон, стой на месте».

Мусорный Бак замер, стоя на четвереньках. Он намолил штаны, и мозг его превратился в обезумевшую черную птицу паники.

Он очень медленно поднял глаза и увидел над собой Малыша. В руках у него было по 45-ому, а на губах застыла ужасная гримаса ненависти и ярости.

«Я п-п-просто проверял, сможем ли мы здесь проехать», — услышал Мусорный Бак свой собственный голос. «Открыта ли дорога назад».

«Ну конечно, на четвереньках. Сейчас я тебе открою дорогу назад. Вставай, сука».

Мусорный Бак с трудом поднялся, ухватившись за ручку стоявшей рядом машины. Два дула 45-ых выглядели абсолютно точно так же, как две пасти туннеля Эйзенхауэра. Он смотрел в лицо смерти и знал об этом. Теперь уже не было такой фразы, которая могла бы спасти его.

Он помолился темному человеку: Прощу тебя... если будет на то твоя воля... я отдам за тебя мою жизнь!

«Что там такое?» — спросил Малыш. «Авария?»

«Туннель. Он забит до отказа. Поэтому-то я и вернулся сказать тебе. Пожалуйста...»

«Туннель», — прорычал Малыш. «Господи-Иисусе-Христе-Боже-мой-поцелуй-меня-в-зад! А ты не врешь, судья морда?»

«Нет! Клянусь, что не вру! На указателе, по-моему, было написано, что это туннель Изинхувера, но мне трудно читать длинные слова. Я...»

«Заткни пасть. Как далеко отсюда?»

«Восемь миль. Может быть, даже больше».

Малыш посмотрел на запад. Потом он перевел глаза на Мусорного Бака. «Ты пытаешься повесить мне на уши лапшу, что эта пробка тянется на восемь миль? Ах ты мешок дерьма!» Малыш угрожающе помахал револьверами.

«Честное слово!» — закричал Мусорный Бак. «Честное слово! Я клянусь, клянусь!»

Малыш посмотрел на него долгим взглядом. «Я убью тебя, Мусорок», — сказал он наконец с улыбкой. «Но сначала мы вернемся к тому затору, который мы объехали сегодня утром. Ты столкнешь пару машин в пропасть. А потом я отыщу другой путь. Я не собираюсь оставлять свою машину», добавил он раздраженно. «Ни за какие коврижки».

«Пожалуйста, не убивай меня», — прошептал Мусорный Бак. «Пожалуйста».

«Если ты сможешь скинуть «Фольксваген» в пропасть меньше, чем за пятнадцать минут, может быть, я и передумаю», — сказал Малыш. «Веришь в эти штучки-дрючки?»

«Да», — сказал Мусорный Бак. Но он успел глубоко заглянуть в эти сверхъестественные блестящие глаза и уже не мог поверить словам.

Когда они добрались до затора, уже почти стемнело. Малыш зашел за микроавтобус и посмотрел на обочину, по которой они проехали около десяти часов назад.

«Нет, уж», — сказал Малыш решительно. «Я здесь больше не поеду до тех пор, пока мы не расчистим путь. Не надо ля-ля».

На одно мгновение Мусорному Баку пришла в голову мысль броситься на Малыша и столкнуть его с обрыва. Малыш обернулся. Револьверы его были небрежно направлены в живот Мусорного Бака.

«Скажи, Мусорок. У тебя ведь были на уме нехорошие мысли. И не пытайся это отрицать. Я тебя, так твою мать, вижу насквозь».

Мусорный Бак яростно затряс головой.

«Не совершай ошибок, Мусорок. А теперь принимайся за дело. У тебя есть пятнадцать минут».

Мусорный Бак уперся в микроавтобус и толкнул его изо всех сил. Микроавтобус сдвинулся дюйма на два. В сердце у него появилась надежда. Может быть, если ему действительно удастся скинуть «Фольксваген» в пропасть и расчистить путь, этот чокнутый сохранит ему жизнь.

Может быть.

Он набычился и снова толкнул микроавтобус. В его недавно обожженной руке вспыхнула боль. Вскоре нежная новая кожа прорвется. И тогда боль превратится в агонию.

Автобус сдвинулся на три дюйма. Пот тек Мусорному Баку прямо в глаза и жегся, как теплое машинное масло.

«Вот идет Джонни с киркой в руке», — пел Малыш. «У него одно яйцо, и он...»

Песня сломалась, как сухой сучок. Мусорный Бак опасно поднял глаза. Малыш стоял в профиль к Мусорному Баку и смотрел на противоположную сторону дороги.

«Что это было?» — прошептал Малыш.

«Я ничего не сл...»

И тогда он услышал. Он услышал тихий шорох гравия и камушков. Его сон вновь предстал перед ним, и во рту у него пересохло.

«Кто там?» — заорал Малыш. «Отвечай! Отвечай, так твою мать, или я буду стрелять!»

И ему ответили, но голос этот не принадлежал человеку. Словно хриплая сирена, поднялся вой, сначала нараставший, а потом быстро перешедший в гортанное ворчание.

«Господи Боже мой!» — сказал Малыш, и голос его был неожиданно тонок.

С той стороны дороги и через нейтральную полосу шли волки, сухопарые серые лесные волки с красными глазами и отвисшими нижними челюстями. Их было более двух дюжин. В приступе ужаса Мусорный Бак снова намочил штаны.

Малыш начал стрелять. Звуки выстрелов отдавались от скал многократным эхом, так что создавалось впечатление, что палит целая артиллерия.

Волки приблизились с прежней скоростью. Их глаза... Мусорный Бак обнаружил, что не может оторваться от их глаз. Это не были обычные глаза обычных волков — в этом он был абсолютно уверен. У них были глаза их Повелителя, который также был и его Повелителем. Неожиданно он вспомнил о своей молитве и перестал бояться. Он отнял руки от ушей. Он не обращал внимания на мокрые джинсы. Он начал улыбаться.

Малыш опустошил оба свои револьвера, уложив при этом трех волков. Потом он убрал оружие обратно в кобуру, не пытаясь его перезарядить, и повернулся к западу. Он прошел около десяти шагов, а затем остановился. Навстречу ему шли новые волки, пробираясь между темными громадами мертвых автомобилей, словно рваные ключья тумана. Один из них поднял кверху пасть и завыл. К нему присоединился второй, потом третий, а потом завыл уже целый хор.

Малыш начал пятиться. Теперь он пытался зарядить один из своих револьверов, но патроны падали из его дрожащих пальцев. И неожиданно он сдался. Револьвер выпал у него из рук и брякнулся о дорогу. Волки бросились на него, словно это был сигнал.

С пронзительным криком ужаса Малыш повернулся и бросился к ближайшей машине, которой оказался голубой «Остин». Глухо, раскатисто рыча, ближайший к нему волк прыгнул как раз в тот момент, когда Малыш уже нырял внутрь.

Он успел. Волк с рычанием отскочил от двери. Через несколько секунд машина была окружена. В окне маячила маленькая белая луна лица Малыша.

Один из волков приближался к Мусорному Баку, низко опустив свою треугольную голову.

Я готов отдать за тебя свою жизнь...

Не чувствуя страха, Мусорный Бак пошел ему навстречу. Он вытянул вперед свою обожженную руку, и волк облизал ее. Через мгновение он уже сидел у его ног.

Малыш смотрел на них. Его рот был широко открыт.

Мусорный Бак закричал: «Так твою мать. Сейчас ты закроешь рот, а потом — глаза! Слышишь меня? ВЕРИШЬ В ЭТИ ШТУЧКИ-ДРЮЧКИ? НЕ НАДО ЛЯ-ЛЯ!»

Пасть волка нежно сомкнулась на здоровой руке Мусорного Бака. Он посмотрел вниз. Волк легонько дергал его. Дергал его в сторону запада.

«Ладно», — безмятежно сказал Мусорный Бак. «Хорошо, парень».

Он пошел, и волк двинулся за ним по пятам, словно хорошо обученная собака. К ним присоединились еще

пять волков. Теперь вокруг него был целый почетный эскорт.

Один раз он остановился и оглянулся через плечо. Машина была окружена терпеливым кольцом волков, а за стеклом маячил бледный круг лица Малыша. Губы его беззвучно двигались. Волки, вывалив наружу языки, словно усмехались Малышу.

Мусорный Бак с удивлением подумал о том, сколько же будут волки сидеть вокруг машины. Ответ, конечно, был очень простым: столько, сколько потребуется. Два дня, три, может быть, даже четыре. Есть там нечего (разве что внутри найдется парочка трупов), пить тоже, днем температура поднимется до ста тридцати градусов по Фаренгейту — парниковый эффект. Волки темного чело- века будут ждать, пока Малыш не умрет от голода или не обезумеет до такой степени, что решится открыть дверь и попытается убежать.

«Я прав?» — закричал он. «Не надо ля-ля, если ты веришь в эти штучки-дрючки!»

Его серые спутники продолжали идти рядом, не обра- щая никакого внимания на его крики. Когда они прохо- дили мимо «Форда» Малыша, один из волков подбежал к машине, понюхал шину и, сардонически усмехаясь, помо- чился на нее.

Мусорный Бак не мог не рассмеяться. Он смеялся, пока слезы не брызнули у него из глаз.

Он шел в сопровождении своего эскорта. После полу- ночи они подошли ко входу в туннель Эйзенхауэра. На этот раз Мусорный Бак не колебался и твердо направил свои шаги в правую черную пасть. Чего ему было бояться с такими телохранителями?

Это было долгое путешествие. Почти сразу же после его начала он потерял всякое представление о времени. Он шел вслепую, от одной машины к другой. Один раз его рука погрузилась во что-то мягкое и влажное, и его обдало тошнотворным зловонием. Но и тогда он не оста- новился ни на секунду. Время от времени он замечал в темноте красные глаза, которые указывали ему путь вперед.

Потом он почувствовал в воздухе свежесть и заторопился вперед, раз даже упав с капота одной машины и больно ударившись головой о бампер другой. Через небольшой промежуток времени он поднял голову и увидел вверху звезды, бледнеющие перед наступлением зари. Путешествие через туннель закончилось.

Его телохранители исчезли. Но Мусорный Бак упал на колени и поблагодарил их в продолжительной и бессвязной молитве. Он видел волю темного человека в действии.

Через две мили дорога немного расчистилась, и идти стало гораздо удобнее. К полудню он дошел до Вейла. Усталость валила с ног. Он разбил стекло, отпер дверь, нашел кровать и немедленно провалился в забытие.

Седьмого августа Ллойд Хенрид вошел в комнату, куда вчера поместили Мусорного Бака. Это была прекрасная комната, расположенная на тридцатом этаже «МГМ Гранд-Отеля». Там стояла круглая кровать с шелковыми простынями, а на потолке было круглое зеркало, той же величины, что и кровать.

Мусорный Бак посмотрел на Ллойда.

«Как чувствуешь себя, Мусор?» — спросил Ллойд.

«Нормально», — сказал Мусорный Бак. «Уже лучше».

«Еда, вода и отдых — вот и все, что тебе нужно», — сказал Ллойд. «Я принес тебе кое-какую чистую одежду. Не знаю, твой ли размер».

«Какая красивая». Мусорный Бак и сам не знал своих размеров. Он взял джинсы и рубашку из рук Ллойда.

«Спускайся на завтрак, когда оденешься», — сказал Ллойд. Голос его звучал почти подобоострастно.

«Хорошо».

Ресторан гудел от разговоров, и он остановился за углом, объятый внезапным страхом. Они посмотрят на него, когда он войдет. Они посмотрят на него и рассмеются. Сначала кто-то захихикает в углу, потом кто-то подхватит, а потом весь зал затрясется от смеха, указывая на него пальцами.

Эй, ребята, прячьте спички — идет Мусорный Бак!

Эй, Мусор! Что сказала старая леди Симпл, когда ты сжег ее пенсионный чек?

Все простыни промочил, Мусорок?

На коже его выступил пот, и он почувствовал себя скользким, несмотря на душ, принятый после ухода Ллойда. Он вспомнил свое лицо в зеркале ванной комнаты, покрытое медленно заживающими струпиями, свое изможденное тело, свои глаза, слишком маленькие для глубоко зияющих глазниц. Да, они рассмеются. Он прислушался к шуму разговора, к позвякиванию столового серебра и решил, что надо улизнуть отсюда подальше и поскорее.

Потом он вспомнил о том, как нежно волк ухватил его за руку и увел его от металлической гробницы Малыша. Тогда он расправил плечи и вошел.

Несколько человек скользнули по нему взглядами, а потом вернулись к еде и разговорам. Ллойд, сидевший за большим столом в центре зала, поднял руку и помахал. Мусорный Бак подошел. За столом сидело еще три человека. Все они ели яичницу с ветчиной.

«Накладывай себе сам», — сказал Ллойд. «У нас здесь самообслуживание».

Мусорный Бак взял поднос и пошел за своей порцией. Стоявший за стойкой толстый человек в грязном поварском халате внимательно смотрел на него.

«Вы мистер Хорган?» — робко спросил Мусорный Бак.

Хорган усмехнулся. «Да, но звать ты меня будешь Уитни. Чувствуешь себя лучше? Когда ты пришел, ты выглядел как Божий гнев».

«Гораздо лучше».

«Выбирай, что хочешь. Я рад, что ты здесь, парень».

«Спасибо», — сказал Мусорный Бак.

Он вернулся к столу Ллойда.

«Мусор, этот человек — Кен ДеМотт. Вот этот парень с лысиной — Гектор Дроган. А этот паренек, который пытается отрастить у себя на лице то, что в таком изобилии растет у него в заднице, называет себя Козырным Тузом».

Все закивали ему.

«А это наш новый друг», — сказал Ллойд. «Его зовут Мусорный Бак».

Последовала серия рукопожатий. Мусорный Бак принялся за яичницу. Потом он поднял глаза на молодого человека с пробивающейся бородкой и спросил тихим вежливым голосом: «Не могли бы вы передать мне соль, мистер Туз?»

Сидевшие за столом удивленно переглянулись, а потом разразились хохотом. Мусорный Бак уставился на них, чувствуя, как в груди его поднимается волна паники, но потом он услышал смех, по-настоящему услышал его и понял, что в нем нет никакой злобы. Никто здесь не будет спрашивать его о том, почему он сжег церковь вместо школы. Никто не будет донимать его пенсионным чеком миссис Симпл. Он тоже может улыбнуться, если хочет. Так он и сделал.

«Мистер Туз», — хихикал Гектор Дроган. «Ну, Козырной, ты даешь».

Козырной Туз передал Мусорному Баку соль. «Зови меня просто Козырной, парень. И я отзовусь в любое время. Ты не будешь называть меня мистером Тузом, а я не буду называть тебя мистером Баком, идет?»

«Идет», — ответил Мусорный Бак, все еще улыбаясь. «Прекрасно».

Мусорный Бак налегал на яичницу, чувствуя внутри приятное тепло. Это ощущение было настолько незнакомо ему, что было почти болезненным. Пока он ел, он пытался понять, что же это за ощущение. Потом он поднял взгляд, посмотрел на окружавшие его лица и подумал, что, пожалуй, он понимает, что это такое.

Это было счастье.

Какие отличные ребята, — подумал он.

И сразу же вслед за этим: *Я дома.*

В тот день его никто не беспокоил, но на следующий день, вместе с большой группой людей, его отправили на Боулдер Дэм. Там они провели целый день, наматывая медную проволоку на перегоревшие генераторы. Он работал сидя на скамейке, с которой открывался вид на озеро Мид. Никто не следил за ним. Мусорный Бак подумал, что здесь нет бригадиров и надсмотрщиков, потому каждый рад своему труду, совсем как он.

На следующий день он узнал, что это не так.

Было четверть одиннадцатого утра. Мусорный Бак сидел на скамейке и наматывал медную проволоку, позволив своим мыслям унести на миллион миль от той работы, которую выполняли его пальцы. Он сочинял псалом, обращенный к темному человеку. Ему пришло в голову, что надо раздобыть большую книгу (Книгу, собственно говоря) и начать записывать в нее некоторые свои мысли о нем. Возможно, когда-нибудь людям захочется ее прочитать. Тем людям, которые чувствуют по отношению к нему то же, что и Мусорный Бак.

К его скамейке подошел Кен ДеМотт, и сквозь его загар Мусорный Бак заметил испуганную бледность. «Пошли», — сказал он. «Работа окончена. Мы возвращаемся в Вегас. Все до одного. Автобусы ждут».

«Почему?»

«Не знаю. Это его приказ. Ллойд всех оповестил. Пошевеливайся, Мусорок. В таких случаях лучше не задавать вопросов».

Когда они подъезжали к городу, Мусорный Бак услышал, как человек, сидевший от него через проход, тихо сказал своему соседу: «Это Гек. Гек Дроган. Черт возьми, и как этот призрак умудряется все разноухать?»

«Заткнись», — сказал сосед и бросил недоверчивый взгляд на Мусорного Бака.

Мусорный Бак отвел глаза и стал смотреть в окно на проносящуюся мимо пустыню. Ему было беспокойно.

Всех их собрали вокруг фонтана. Более четырехсот человек образовали полукруг неправильной формы. Некоторые люди из задних рядов встали на стулья, чтобы лучше видеть. Поначалу Мусорный Бак думал, что они смотрят на фонтан, но когда он протиснулся чуть-чуть поближе, он увидел, что на лужайке перед фонтаном что-то есть.

Кто-то ухватил его за локоть. Это был Ллойд. Лицо его было напряженным и бледным. «Я искал тебя. Он хочет встретиться с тобой после. А пока у нас это. Господи, как

я это не люблю. Пошли. Мне нужна помощь, а ты — один из избранных».

У Мусорного Бака закружилась голова. Он хочет встретиться с ним! С ним! Ну, а пока у нас это... что бы это ни было.

«В чем дело, Ллойд? Что *это*?»

Ллойд не ответил. По-прежнему крепко держа Мусорного Бака за руку, он вел его сквозь толпу к фонтану.

Перед толпой стоял Уитни Хоган. Он курил сигарету. Одной ногой он стоял на том самом предмете, который Мусорный Бак никак не мог разглядеть. Это был деревянный крест. Его вертикальная перекладина была длиной около двенадцати футов.

«Все здесь?» — спросил Ллойд.

«Да», — сказал Уитни. «Похоже, все. Девять человек ушли в разведку. Флегг сказал, что их дожидаться не надо. Как ты, Ллойд?»

«Со мной все будет в порядке», — сказал Ллойд. «Ну... не совсем в порядке, но ты же знаешь — я выдержу».

Уитни кивнул в сторону Мусорного Бака. «Паренек знает?»

«Я ничего не знаю», — сказал Мусорный Бак. В нем боролись чувства надежды и ужаса. «В чем дело? Кто-то в автобусе говорил насчет Гека...»

«Да, это Гек», — сказал Ллойд. «Он употреблял кокаин. Иди, Уитни, скажи, чтобы тащили его сюда».

Уитни пошел, переступив через четырехугольную ямку в земле. Края ее были обмазаны цементом. Мусорный Бак почувствовал, что во рту у него пересохло. Он повернулся и оглядел молчаливую толпу, а потом перевел глаза на Ллойда, который смотрел на крест и трогал белую головку прыща у себя на подбородке.

«Ты... мы... распнем его?» — наконец выдавил из себя Мусорный Бак.

Ллойд неожиданно полез в карман своей линялой рубашки. «Знаешь, у меня кое-что для тебя есть. Он дал мне это, чтобы я вручил тебе. Хочешь?»

Из нагрудного кармана он достал тонкую золотую цепочку с куском черного янтаря. В камне была крошеч-

ная красная щель, совсем как у Ллойда. Ллойд повертел камень перед глазами Мусорного Бака.

В глазах Ллойда светилась правда — слишком явная, чтобы можно было ее проигнорировать. Мусорный Бак понял, что уже никогда у него не будет права плакаться, скулить и говорить, что он ничего не знал. Принимая это, ты принимаешь и все остальное, — говорили глаза Ллойда. А Гек Дроган, ясное дело, является составной частью этого остального. Гек и обмазанная цементом ямка, которая как раз подходит для основания креста.

Он медленно протянул руку. Пальцы его замерли как раз в тот момент, когда уже почти коснулись золотой цепочки.

Это мой последний шанс. Последний шанс снова стать Дональдом Мервином Элбертом.

Но другой голос, гораздо более властный (хотя отчасти и нежный, как прохладная рука на разгоряченном лбу), сказал ему, что время делать выбор давным-давно прошло. Если он выберет Дональда Мервина Элберта сейчас, он умрет. Он искал темного человека по своей свободной воле (если она вообще существует у Мусорных Баков) и принимал его дары. Темный человек спас его от смерти в руках Малыша (мысль о том, что темный человек мог подослать Малыша как раз для этой цели, никогда не приходила ему в голову), а это безусловно означало, что жизнью своей он обязан все тому же темному человеку... человеку, которого многие здесь называли Ходячим Хлыщом. Жизнь! Разве он сам не предлагал ее снова и снова?

Но твоя душа... предлагал ли ты душу свою наравне с жизнью?

Назвался груздем — полезай в кузов, — подумал Мусорный Бак и одной рукой бережно подхватил золотую цепочку, а другой взял черный камень. Камень был прохладным и гладким. Он на мгновение зажал его в кулаке, просто для того чтобы проверить, сможет ли он согреть его теплом своего тела. Он подумал, что вряд ли у него это получится, и оказался прав. Он повесил камень себе на шею, и тот стал холодить его кожу, словно крошечный кусочек льда.

Но Мусорный Бак не возражал против этого холода.

Этот холод уравнишивал тот огонь, которым всегда был объят его мозг.

«Просто скажи себе, что ты его не знаешь», — сказал Ллойд. «Я говорю про Гека. Я всегда так поступаю. Так гораздо легче. Так...»

Двери отеля распахнулись. Иступленные крики ужаса пронесли по толпе.

Группа из девяти человек спустилась вниз по ступенькам. В центре был Гектор Дроган. Он отбивался, как попавший в ловушку тигр. Лицо его было смертельно бледным, и лишь на скулах выступили ярко-красные чахоточные пятна. Пот стекал с него ручьями. Он был абсолютно голым. Его держали пять человек. Среди них был и Козырной Туз.

«Козырной!» — бормотал Гектор. «Послушай, Козырной, что ты скажешь? Окажи мне небольшую услугу, а? Скажи им, чтобы они перестали. Клянусь Богом, я смогу искупить свою вину. Что ты скажешь? Небольшая услуга! Пожалуйста, Козырной!»

Козырной Туз ничего не ответил, лишь крепче вцепился в вырывающуюся руку Гека. Но и это тоже было ответом. Гектор Дроган вновь начал кричать.

Позади торжественно шли трое: Уитни Хоган с большим саквояжем, человек по имени Рой Хупс со стремянкой и Уинки Уинз, лысый человек с бегающими глазами. Уинки нес папку.

Гека поставили рядом с крестом. Кошмарный желтый запах ужаса исходил от него; глаза его закатывались, обнажая грязноватые белки.

«Эй, Мусорок», — сказал он хрипло, пока Рой Хупс устанавливал позади него стремянку. «Мусорный Бак. Скажи им, чтобы они остановили это дело, дружок. Скажи им, что я искуплю свою вину. Скажи им, что такой испуг исправит человека лучше, чем все чертовы тюрьмы на свете. Скажи им, парень».

Мусорный Бак посмотрел себе под ноги. Когда он наклонил голову, в поле его зрения попал черный камень. Казалось, красная щель пристально за ним наблюдает.

«Я не знаю тебя», — пробормотал он.

Краем зрения он увидел, как Уитни опустился на одно колено, открыл саквояж и достал оттуда острые деревянные гвозди. Он положил гвозди на траву, а потом достал из саквояжа большой деревянный молоток. Несмотря на громкий шепот вокруг, слова Мусорного Бака, похоже, проникли сквозь туман паники в мозг Гектора Дрогана. «Как это ты не знаешь меня?» — дико закричал он. «Мы вместе завтракали всего два дня назад! Ты назвал вон того парня мистером Тузом. Как это ты не знаешь меня, цыплячье дерьмо?»

«Я совсем не знаю тебя», — повторил Мусорный Бак, на этот раз более отчетливо. И то, что он почувствовал, было почти облегчением. Теперь он видел перед собой всего лишь незнакомца — незнакомца, который чуть-чуть был похож на Карли Йейтса. Он сжал рукой черный камень. Его прохлада укрепила его еще больше.

«Ты лжешь!» — вскрикнул Гек. Он снова начал вырываться. «Ты лжешь! Ты знаешь, кто я такой! Ты прекрасно это знаешь! Ты лжешь!»

«Нет, я не лгу. Я не знаю тебя, и я не хочу знать, кто ты такой».

Гек снова начал кричать.

«Начинайте», — сказал Ллойд.

Один из людей поставил Геку подножку, и он упал прямо на крест. В это время Уинки раскрыл папку и стал пронзительным голосом читать вложенный в нее отпечатанный на машинке листок.

«Внимание, внимание, внимание! По повелению Рэнделла Флегга, Предводителя Первых Граждан, этот человек, Гектор Алонсо Дроган, приговаривается к смертной казни через распятие, в соответствии с карой, которая полагается за употребление наркотиков».

«Нет! Нет! Нет!» — неистово завопил Гек. Его скользкая от пота левая кисть выскользнула из рук Козырного Туза, и Мусорный Бак инстинктивно опустился на колени и прижал руку к кресту. Через секунду Уитни уже опустился на колени рядом с Мусорным Баком, держа в руках деревянный молоток и гвозди. Он был похож на

человека, собирающегося выполнить небольшую плотницкую работу на заднем дворе.

«Да, отлично, так и держи его, Мусор. Сейчас я прибью его, это не займет и минуты».

«Употребление наркотиков запрещено в нашем обществе, потому что оно мешает индивидууму полностью отдавать себя на службу обществу», — читал Уинки. Он произносил слова быстро, как аукционист. «В данном случае Гектор Дроган был найден с большим запасом кокаина и приспособлениями для его употребления».

В этот момент крики Гека стали такими пронзительными, что могли бы вдребезги разнести кристалл. Голова его моталась из стороны в сторону. На губах у него выступила пена. Когда шестеро людей, в том числе и Мусорный Бак, подняли крест, чтобы вставить его в цементную ямку, струйки крови полились с его рук.

«...делается на благо общества», — продолжал читать Уинки. «Это сообщение заканчивается серьезным предупреждением и приветствиями в адрес Граждан Лас-Вегаса. Пусть этот список правдивых фактов будет прибит над головой отступника и скреплен печатью Первого Гражданина по имени РЭНДЕЛЛ ФЛЕГГ».

«О, Господи, как больно!» — кричал над ними Гектор Дроган. «О-Господи-Господи-Господи-Боже-мой!»

Толпа простояла рядом с крестом еще почти час. Каждый боялся уйти первым. На многих лицах застыло выражение отвращения, многие другие пребывали в состоянии какого-то сонного возбуждения... но если уж искать общий знаменатель, то им был страх.

Однако, Мусорный Бак не был испуган. С чего ему было пугаться? Он же не знал этого человека.

Он его совсем не знал.

В четверть одиннадцатого в комнату Мусорного Бака зашел Ллойд. Он взглянул на него и сказал: «Ты одет? Хорошо. А я боялся, что ты уже лег».

«Нет», — сказал Мусорный Бак. «Я еще не ложился. Но в чем дело?»

Ллойд понизил голос. «Время пришло, Мусорок. Он хочет видеть тебя. Флегг».

«Он?..»

«Да».

Мусорный Бак не помнил себя от радости. «Где он? Я отдам за него свою жизнь, о да...»

«Верхний этаж», — сказал Ллойд. «Он появился как раз после того, как мы сожгли труп Дрогана. С побережья. Он просто оказался здесь, когда мы с Уитни вернулись. Никто ни разу не видел, как он приходит или уходит, но все всегда знают, когда он уходит снова. Или возвращается. Пошли».

Через четыре минуты лифт остановился на последнем этаже, и Мусорный Бак с просветленным лицом и сияющими глазами вышел на площадку. Ллойд остался в лифте.

Мусорный Бак повернулся к нему. «А ты?..»

Ллойд попытался улыбнуться, но это у него не слишком-то хорошо получилось. «Нет, он хочет видеть тебя одного. Счастливо, Мусор».

И прежде чем он успел еще что-либо сказать, двери лифта закрылись, и Ллойд уехал вниз.

Мусорный Бак обернулся. Он был в просторном, роскошно отделанном зале. В зале было две двери... и одна из них, в дальнем конце, медленно открывалась. Там было темно. Но Мусорный Бак различал в дверном проеме силуэт. И глаза. Красные глаза.

Мусорный Бак пошел к силуэту. По мере того как он приближался, воздух становился все прохладнее и прохладнее. По его загорелым рукам забегали мурашки. Где-то глубоко внутри него перевернулся и закричал в могиле труп Дональда Мервина Элберта.

Потом вновь стало тихо.

«Мусорный Бак», — сказал низкий, зачаровывающий голос. «Как я рад, что ты пришел. Как я рад».

«Я... я готов отдать за тебя свою жизнь».

«Да», — успокаивающе произнес силуэт в дверном проеме. Губы его раздвинулись в усмешке, обнажив белые

зубы. «Но не думаю, что в этом будет необходимость. Входи. Дай-ка мне посмотреть на тебя».

Мусорный Бак шагнул внутрь. Дверь закрылась, и они оказались в полутьме. Невыносимо горячая рука сомкнулась на холодной руке Мусорного Бака... и неожиданно он почувствовал покой.

Флегг сказал: «Для тебя есть работа в пустыне, Мусор. Важная работа. Если хочешь».

«Все, что ты скажешь», — прошептал Мусорный Бак. «Все, что ты скажешь».

Рэнделл Флегг обнял его за плечи. «Пошли. Нам надо кое-что обсудить».

ГЛАВА 46

Люси Сванн проснулась без четверти полночь. Над скалистыми горами сверкнула бесшумная зарница. До этого путешествия она никогда не бывала западнее Филадельфии, где жил ее сводный брат.

В другой половине спального мешка никого не было — от этого-то она и проснулась. Она встала и пошла туда, где он мог быть, — в восточную часть лагеря. Она шла бесшумно, не побеспокоив ни одной живой души. Разумеется, кроме Джаджа. Около полуночи было его время, а Джаджа Фэрриса никогда нельзя было застать спящим на часах. Джаджу было семьдесят лет, а присоединился он к ним в Джойлете. Теперь их было девятнадцать человек: пятнадцать взрослых, трое детей и Джо.

«Люси?» — позвал Джадж тихим голосом.

«Да, ты не видел...»

Тихий смешок. «Конечно, видел. Он рядом с шоссе, на том же месте, что и вчера и позавчера».

Она подошла поближе и увидела, что на коленях у него открыта Библия. «Джадж, ты глаза себе испортишь».

«Ерунда. Такую книгу лучше всего читать при свете звезд. Как это там? *«Ужасы устремились на меня; как ветер, развеялось величие мое, и счастье мое унеслось, как облако. И ныне изливается душа моя во мне: дни*

скорби объяли меня. Ночью ноют мои кости, и жилы мои не имеют покоя».

«Как это мило, Джадж».

«Я бы не сказал, что это мило. Это книга Иова. В ней нет ничего милого, Люси».

Он закрыл Библию. *«Дни скорби объяли меня. Ночью ноют мои кости и жилы мои не имеют покоя. Это о нем, Люси. О Ларри Андервуде».*

«Я знаю», — сказала она и вздохнула. «Если бы я только могла понять, что с ним происходит».

Джадж, у которого были свои подозрения на этот счет, промолчал.

«Ведь это не могут быть сны», — сказала она. «Никто их больше не видит, кроме Джо. Но Джо это... особый случай».

«Да, ты права. Бедный мальчик».

«И все здоровы. По крайней мере с тех пор, как умерла миссис Воллмен». Через два дня после Джаджа к ним присоединилась пара, назвавшая себя Диком и Салли Воллменами. Люси казалось абсолютно невероятным, что грипп мог оставить в живых мужа и жену, и она подозревала, что брак их был гражданским и заключен был совсем недавно. Им было за сорок. С первого взгляда было очевидно, что они очень любят друг друга. Потом, неделю назад, в доме старой женщины в Хемингфорд Хоуме Салли Воллмен заболела. Они оставались там в течение двух дней, безуспешно надеясь, что ей станет лучше. Она умерла. Дик Воллмен остался с ними, но теперь он был другим человеком — бледным, задумчивым, молчаливым.

«Он принял это близко к сердцу, вам не кажется?» — спросила она Джаджа Фэрриса.

«Ларри — это человек, который нашел себя в жизни достаточно поздно», — сказал Джадж, прочищая горло. «По крайней мере, мне так кажется. Мужчины, которые находят себя поздно, никогда не бывают в себе уверены. В них сосредоточены все гражданские добродетели: они активны, но никогда не бывают фанатиками, они уважают факты и никогда не пытаются их исказить, они чувствуют

себя не в своей тарелке на руководящей позиции, но никогда не способны уклониться от ответственности. Из них получаются лучшие демократические лидеры, так как они очень редко любят власть. Совсем напротив. А когда что-то случается... когда миссис Воллмен умирает...»

«Был ли это диабет?» — прервал Джадж сам себя. «Вполне возможно. Синюшный цвет кожи, быстрое наступление комы... возможно, возможно. Но если это так, то где был ее инсулин? Могла ли она позволить себе умереть? Было ли это самоубийство?»

Джадж задумался.

«Вы хотели что-то сказать», — мягко напомнила Люси.

«Так вот, когда что-то случается — когда умирает Салли Воллмен от диабета, внутреннего кровотечения или какой-нибудь другой болезни, — такой человек, как Ларри, начинает винить в этом себя. Человек, обладающий всеми гражданскими добродетелями, редко хорошо кончает».

«Мне кажется, здесь скрывается еще кое-что», — грустно сказала Люси.

Он вопросительно посмотрел на нее.

«Как вы там говорили? Ночью ноют мои кости и жилы мои не имеют покоя?»

Он кивнул.

«Не кажется ли вам, что это довольно точное описание влюбленного?»

Он посмотрел на нее, удивившись, что она давно знает то, о чем он хотел умолчать. Люси пожала плечами и горько улыбнулась. «Женщины знают», — сказала она. «Женщины почти всегда все знают».

Прежде чем он смог ей ответить, она ушла к дороге, где сидел Ларри, размышляя о Надин Кросс.

«Ларри?»

«Я здесь», — откликнулся он. «Почему не спишь?»

«Замерзла», — сказала она. Он сидел на обочине, скрестив ноги, словно на сеансе медитации. «Не помешаю?»

«Конечно». Она присела, и он обнял ее за талию. По оценкам Люси, они были сейчас в пятидесяти милях к востоку от Боулдера. Если выехать завтра не позднее девяти, то ленч они смогут съесть уже в Свободной Зоне.

Свободная Зона Боулдера — так выражался по радио человек по имени Ральф Брентнер, и он сказал (в некотором смущении), что Свободная Зона Боулдера — это просто их позывные, но Люси название нравилось само по себе, из-за своего звучания. Оно звучало правильно. Оно звучало как начало новой жизни. И Надин Кросс приняла это название с почти религиозным рвением, словно это был талисман.

Через три дня после того как Ларри, Надин, Джо и Люси прибыли в Стовингтон и обнаружили, что в Центре никого нет, Надин предложила, чтобы они раздобыли радиопередатчик и стали прослушивать все сорок каналов. Ларри принял идею с восторгом, — а так он принимал почти все ее идеи, — подумала Люси. Она не понимала Надин Кросс. Было очевидно, что Ларри влюблен в нее, но она не хотела иметь с ним ничего общего, кроме повседневных дел.

Но так или иначе, идея насчет радиопередатчика была хорошей. Так мы сможем найти другие группы, — сказала Надин, — и условиться с ними о встрече.

К тому времени в их группе насчитывалось шесть человек, включая Марка Зеллмана, сварщика из Нью-Йорка, и Лори Констебл, двадцатипятилетнюю медсестру. Все шестеро оживленно заговорили.

Ларри запротестовал, заявив, что они и так *точно* знают, куда едут. Они следуют за находчивым Гарольдом Лаудером и его товарищами в Небраску. Да и к тому же, сны толкают их туда с такой силой, которой просто нельзя противостоять.

После непродолжительного обсуждения этого аргумента Надин впала в истерику. *У меня нет снов — повторяю: никаких чертовых снов.* Если остальным угодно практиковаться в самогипнозе, ну что ж, прекрасно. Раз существует рациональная причина ехать в Небраску — указатель на лужайке Центра в Стовингтоне, — прекрас-

но. Но она хочет, чтобы все знали, что она едет в Небраску не из-за всяких там метафизических штучек. Если они не возражают, она будет верить в радио, а не в видения.

Марк дружелюбно улыбнулся Надин и сказал: «Если тебе ничего не снится, то как же ты умудрилась разбудить меня прошлой ночью своими разговорами во сне?»

Надин побелела, как бумага. «Ты что, хочешь сказать, что я лгу?» Она почти перешла на крик. «Если это действительно так, то кому-то из нас лучше уйти прямо сейчас!» Джо захныкал и прижался к ней.

Ларри уладил ссору, поддержав идею с радиопередатчиком. И примерно неделю назад они стали принимать послания, но не из Небраски (которая опустела еще до того, как они туда добрались — это они узнали из снов; но и сами сны стали потихоньку линять и больше уже не были такими настоящими), а из Боулдера, штат Колорадо, в шестистах милях к западу.

Люси до сих пор помнила то радостное, почти экстатическое выражение, которое появилось на их лицах, когда сквозь помехи пробился протяжный оклахомский акцент Ральфа Брентнера: «Говорит Ральф Брентнер, Свободная Зона Боулдера. Если вы слышите меня, отвечайте по каналу 14. Повторяю, по каналу 14».

Они могли слышать Ральфа, но тогда силы их передатчика еще не хватало, чтобы ответить ему. Но они приближались. В тот день, когда они впервые услышали голос Ральфа Брентнера, в Боулдере было около двухсот людей, пришедших туда вслед за женщиной по имени Абагейл Фримантл и ее группой. Этим вечером, когда они уже свободно могли болтать с Ральфом, в Боулдере было более трехсот пятидесяти жителей. С их группой это число возрастет почти до четырехсот.

«Ларри?» — сказала она мягко. «Почему Надин скрывает, что видит сны?»

Она почувствовала, как он едва заметно напрягся, и пожалела о том, что подняла эту тему. Но раз уж она начала, то надо довести разговор до конца... если только он не велит ей замолчать.

«Она говорит, что не видит снов».

«Но это не так — Марк был совершенно прав. И она разговаривает во сне. Раз она говорила так громко, что меня разбудила».

Он посмотрел на нее долгим взглядом и спросил: «Что она говорила?»

Люси сосредоточилась. «Она металась в своем спальном мешке и повторяла снова и снова: «Не надо, мне так холодно, не надо, я не вынесу, если ты это сделаешь, мне так холодно, так холодно». А потом она стала рвать на себе волосы. И стонать».

«У людей могут быть кошмары, Люси. И вовсе не обязательно они должны быть... ну, о *нем*».

«По-моему, лучше не говорить о нем после наступления темноты?»

«Пожалуй».

«Тебе не кажется, Ларри, что ее внешний вид слишком о многом говорит?»

«Да». Он знал это. Несмотря на ее утверждения, что сны ей не снятся, под глазами у нее возникли коричневые синяки. И если прикоснуться к ней, то она вдрагивала. Она *содрогалась*.

«Ты любишь ее, так ведь?» — сказала Люси.

«Ну, Люси», — сказал он с упреком.

«Да нет, я просто хотела тебе сказать... я должна это сказать. Я вижу, как ты на нее смотришь... И как она иногда на тебя смотрит, когда ты чем-нибудь занят и... и никто вокруг не видит. Она любит тебя, Ларри. Но она боится».

«Боится *чего*?»

Он вспомнил о своей первой попытке заняться с ней любовью, через три дня после стовингтоновского фиаско. Джо уснул. Ларри подсел к ней, и какое-то время они просто разговаривали, но не о текущей ситуации, а о старом, надежном прошлом. Ларри попытался поцеловать ее. Она оттолкнула его, но не настолько быстро, чтобы он не успел почувствовать то, о чем говорила Люси. Он попытался еще раз, ведя себя одновременно и нежно, и грубо, сгорая от желания. И на одно мгновение она сдалась, она показала ему, что *могло бы* случиться, если бы...

Потом она отстранилась и ушла.

Не делай так больше, Ларри. Пожалуйста, не надо. Или я возьму Джо и уйду.

Но почему? Почему, Надин?

Она не ответила. Просто стояла, опустив голову. Уже тогда под глазами у нее наметились коричневые синяки.

Я сказала бы тебе, если б могла, — ответила она наконец и ушла, ни разу не оглянувшись.

«Когда я училась в старших классах, у меня была подружка, которая вела себя примерно так, как она», — сказала Люси. Ее звали Джолин. Джолин Мейджорс. Сама Джолин не училась. Она уже была замужем за своим дружкой. Когда они поженились, она уже была беременна, но ребенка потеряла. Ее муж служил во флоте и часто был в плаваньи, а Джолин... она любила принимать гостей. А он ее жутко ревновал. Он как-то сказал ей, что если узнает о ее похождениях у него за спиной, то сломает ей обе руки и обезобразит лицо. Ну, и как-то она познакомилась с одним парнем. Он был помощником преподавателя физкультуры в Берлингтон Хай. Они стали встречаться, все время оглядываясь через плечо. Не знаю, нанял ли кого-нибудь ее муж, чтобы следить за ней, но потом это стало уже неважно. Спустя некоторое время она стала совсем сходить с ума. То ей казалось, что парень, который ждет автобуса на углу, — это один из друзей ее мужа. Или же им был коммивояжер, снимавший вслед за ними комнату в каком-нибудь вшивом мотеле. Или даже полицейский, показавший им дорогу к площадке для пикника. Дело дошло до того, что каждый раз, когда дверь захлопывалась от ветра, она вскрикивала. Ее любовник испугался и бросил ее. Но испугался он не мужа Джолин, а ее самой. И как раз перед тем, как ее муж вернулся на побывку, у нее случился нервный срыв. И все потому, что она привыкла любить немного чересчур... и потому что он сходил с ума от ревности. Надин напоминает мне эту девушку, Ларри. Мне жаль ее».

«Ты хочешь сказать, что она боится меня, как эта девушка боялась своего мужа?»

«Возможно», — сказала она, думая о том, что он не понял ни слова из того, что она сказала. Неожиданно она расплакалась.

«Ну», — сказал он. «Ну, успокойся». Он попытался обнять ее.

Она ударила его по рукам. «Ты получаешь от меня все, что хочешь. Тебе нет нужды ломать мне руки!»

«Люси, да я тебя никогда пальцем не тронул», — сказал он угрюмо.

«Боже, как ты глуп!» — закричала она. «Почему мужчины так глупы, Ларри? Вы можете видеть только белое и черное. Да, ты никогда не трогал меня. Я не похожа на нее. Ей ты можешь выкрутить руку, но она только плюнет тебе в глаз и скрестит ноги. Мужчины знают, какое имя подобрать для таких девушек, как я. Они пишут его в кабинках туалетов, я слышала об этом. Но вся моя вина в том, что я хочу тепла. Любви. Разве это так плохо?»

«Нет. Нет, конечно. Но, Люси...»

«Но ты не веришь в это», — сказала она насмешливо. «Вот ты и гонишься за Мисс Высокие Бедра, а пока что, когда заходит солнце, устраиваешь скачки с Люси».

Он сидел и кивал. Каждое слово ее было правдой. Он слишком устал, чтобы возражать. Похоже, и она это заметила.

«Если она станет твоей, Ларри, я первая брошу тебе букет. Я ни на кого не держала зла в своей жизни. Только... попытайся не быть таким разочарованным».

«Люси...»

«Мне просто кажется, что любовь для нас очень важна. Только любовь поможет нам выжить. Ведь против нас — ненависть, и хуже того — пустота». Голос ее прервался. «Уже поздно. Пошли спать. Идешь?»

«Да», — сказал он. Когда они встали, он обнял ее и поцеловал. «Я люблю тебя так сильно, как только могу, Люси».

«Я знаю», — сказала она, устало улыбнувшись.

Через десять минут после того, как Ларри и Люси уснули, проснулась Надин. Ужас пел в ее венах.

Кто-то хочет меня, — подумала она, слушая, как замедляется бешеный бег ее сердца. Так вот в чем дело. Кто-то хочет меня. Это правда.

Но... так холодно.

Сны начались у нее сразу же после окончания эпидемии. В этих снах она понемногу начала узнавать своего будущего жениха, несмотря на то что никогда не видела его лица. Он был тот, кого она ждала всю жизнь. Она хотела быть с ним, но... она не хотела этого. Она была предназначена ему, но он пугал ее.

Потом появился Джо, а потом и Ларри. Все очень усложнилось. Она начала ощущать себя призовым кольцом в перетягивании каната. Она понимала, что ее чистота, ее девственность очень важна для темного человека. Что если Ларри (или любой другой мужчина) познает ее, то темные чары исчезнут. А ее влекло к Ларри.

Надин лежала в темноте и смотрела на звезды.

Боулдер был ее последней надеждой. Старая женщина. В отличие от всех остальных, она никогда не видела ее во сне. Но рациональный, здоровый порядок, который она так надеялась найти в Стовингтоне, начал теперь сосредотачиваться в Боулдере.

Но как она жаждала его холодного поцелуя — даже больше, чем она жаждала ощутить губы своего школьного товарища, когда убегала от него по полю... даже больше, чем поцелуев и объятий Ларри Андервуда.

Завтра мы будем в Боулдере, — подумала она. Может быть, тогда я узнаю, кончено мое путешествие или...

Падающая звезда чиркнула по небу, и она загадала желание.

ГЛАВА 47

Начиналась заря. Стью Редман и Глен Бэйтмен поднимались по горе Флэгстафф.

«Сегодня у меня разболится голова», — сказал Глен. «Не припомню, чтобы я когда-нибудь пьянствовал всю ночь с тех пор, как учился в колледже».

«Этот восход стоит того, чтобы на него посмотреть», — сказал Стью.

«Да, действительно. Красиво. Ты когда-нибудь раньше был в Скалистых горах?»

«Нет», — сказал Стью. «Но я рад, что пришлось». Он поднял фляжку с вином и сделал глоток. «Послушай, социолог, объясни мне, что теперь с нами случится?»

«Сформируется новое общество», — медленно сказал Глен. «Какого типа? Пока предсказать невозможно. Здесь теперь почти четыреста человек. Судя по скорости, с которой они прибывают, к первому сентября нас будет уже тысячи полторы. Запиши мое предсказание номер один».

К удивлению Глена, Стью действительно вытащил из заднего кармана джинсов тетрадь и нацарапал то, что сказал Глен.

«Трудно в это поверить», — сказал Стью. «Мы проехали всю страну и встретили не больше ста человек».

«Да, но ведь они все прибывают, не так ли?»

«Это верно. Уже сейчас Ральф поддерживает контакт с пятью или шестью группами».

«Ну да. А Матушка Абагейл сидит рядом с ним на радиостанции, но говорить по радио не хочет. Утверждает, что боится электрошока».

«Фрэнни так полюбила ее», — сказал Стью. «Отчасти из-за того, что она все знает о родах, но отчасти просто из-за того... что полюбила. Понимаешь, о чем я?»

«Да. Почти все вокруг чувствуют то же самое».

«А сколько людей будет к зиме?» — спросил Стью, возвращаясь к прежней теме.

«Около восьми тысяч».

«Что-то не верится».

«Простая арифметика. Предположим, что от гриппа умерло девяносто девять процентов населения этой страны. Но и тогда должно было остаться около двух миллионов. Предположим, десять процентов погибли уже после эпидемии — от болезней, пожаров и тому подобного. Еще десять умрут этой зимой. Не забывай, что у нас в Боулдере есть пока только один ветеринар. Из оставшегося миллиона и шестисот тысяч, надеюсь, миллион окажется у нас».

«Почему ты думаешь, что большинство будет у нас, а не у него?»

«По одной очень ненаучной причине», — сказал Глен, ероша волосы. «Мне нравится верить в то, что большинство людей по своей природе добры. А мне кажется, что кто бы там ни группировался на западе, они по-настоящему злы. Но у меня есть одно предчувствие...» Он запнулся.

«Валяй, рассказывай».

«Расскажу, так как я пьян в стельку. Но это останется между нами, хорошо?»

«Хорошо».

«Честное слово?»

«Честное слово», — сказал Стью.

«Мне кажется, что большинство технических специалистов пойдут с *ним*», — сказал Глен. «И не спрашивай меня, почему — это только предчувствие. Разве что дело в том, что технари в основном привыкли работать в атмосфере жесткой дисциплины и ясных целей. У него могут оказаться люди, способные запустить ядерные ракеты в Айдахо. У него будут танки, вертолеты, парочка бомбардировщиков Б-52, просто для смеха. Сейчас он, наверное, восстанавливает электричество и коммуникации. Рим строился не в один день, и он знает об этом. У него есть время».

А что же нам делать?»

«Продиктовать тебе список?» — ответил Глен с усмешкой.

Стью жестом указал на приготовленную тетрадь.

«Ты шутишь».

«Нет, я не шучу. Ты сам сказал, что нам пора определиться. Я тоже это чувствую. А с каждым днем времени все меньше и меньше. Мы не можем просто сидеть на месте и баловаться с радиостанцией. Однажды утром мы можем увидеть, как этот тип входит в Боулдер во главе вооруженной колонны, сопровождаемый поддержкой с воздуха».

«Завтра его ждать рано», — сказал Глен.

«Это верно. А как насчет следующего мая?»

«Возможно», — сказал Глен тихим голосом. «Да, очень возможно».

«А что, ты думаешь, случится с нами?»

Глен сделал жест, нажав на воображаемый курок, а потом быстро допил вино.

«Правильно», — сказал Стью. «Так что давай составим план действий. Говори».

Глен закрыл глаза.

«О'кей», — сказал он. «Слушай, Стью. Во-первых, надо воссоздать маленькую Америку. Любыми средствами. Если мы начнем прямо сейчас, мы будем иметь такое правительство, которое захотим. Если мы будем ждать, пока население утроится, у нас могут возникнуть серьезные проблемы».

Предположим, через неделю — это будет восемнадцатое августа — мы соберем митинг. Явка обязательна. Еще до этого должен возникнуть Временный Организационный Комитет. Предположим, из семи человек. Ты, я, Андрос, Фрэн, Гарольд Лаудер, может быть, еще парочка. Комитет должен будет составить повестку для митинга восемнадцатого августа. И я могу сказать тебе уже сейчас, какими будут некоторые пункты этой повестки».

«Записываю».

«Во-первых, зачтение и ратификация Декларации Независимости. Во-вторых, зачтение и ратификация Конституции. В-третьих, зачтение и ратификация Билля о правах. Ратификация осуществляется путем всеобщего голосования».

«Господи, Глен, но мы же все американцы...»

«Нет, здесь ты ошибаешься», — сказал Глен, открывая глаза. Они выглядели запавшими и покрасневшими. «Мы — горстка оставшихся в живых, лишенных какого бы то ни было правительства. А правительство — это *идея*, Стью. Я тебе больше скажу, это устоявшийся стереотип, тропинка памяти, протоптанная в нашем сознании. Большинство людей до сих пор верят в республику, которую они считают демократией. Но эта вера сохранится у них ненадолго. Президент умер, Пентагон сдается внаем, в Конгрессе и в Сенате никто больше не ведет дебатов, кроме, разве что, тараканов и термитов. Люди здесь очень скоро проснутся и поймут, что прошлого больше не существует, и они могут создавать общество таким, каким

захотят. Мы должны заставить их врасплох, прежде чем они не начали действовать».

Он поднял палец.

«Если кто-то встанет на августовском митинге и предложит, чтобы Матушка Абагейл стала во главе, а ты, я и Андрос были назначены ее советниками, эти ребята согласятся без всякого голосования, пребывая в блаженном неведении, что с их одобрения к власти пришла первая в Америке диктатура со времен Хьюи Лонга».

«Что-то не верится. Здесь есть выпускники колледжей, адвокаты, политические активисты...»

«Может быть, когда-то они и были ими. Теперь же это всего лишь горстка усталых, запуганных людей, которые не знают, что с ними будет. Если кто-то начнет пищать, то ему придется немедленно заткнуться, когда ты скажешь им, что Матушка Абагейл с советниками берется восстановить подачу электроэнергии за шестьдесят дней. Очень важно с самого начала *ратифицировать* дух старого общества. Вот, что я имел в виду, когда говорил о воссоздании Америки».

«Продолжай».

«Хорошо. Следующим пунктом повестки должно стать утверждение порядка управления. Идеальная демократия, как в маленьких городках Новой Англии. Пока нас сравнительно мало, система будет работать отлично. И мы проследим, чтобы выборными представителями стали те же люди, которые войдут в Организационный Комитет. Мы поторопимся и проведем голосование до того, как остальные начнут предлагать своих дружков. Мы можем поручить кому-нибудь предложить наши кандидатуры и в первом, и во втором случае. Голосование пройдет так же гладко, как дерьмо сквозь гуся».

«Неплохо придумано», — сказал Стью с восхищением.

«Разумеется», — сказал Глен самодовольно.

«Что еще?»

«Этот пункт получит всеобщую поддержку. Гласить он будет следующее: Матушка Абагейл обладает абсолютным правом вето на любое решение Совета Представителей».

«Господи! Она-то согласится?»

«Я полагаю. Но вряд ли ей когда-нибудь придется использовать свое право. Во всяком случае, я таких обстоятельств не предвижу. И мы сможем дать ей понять, что она является нашим лидером лишь номинально. Думаю, она сама этого захочет... Она старая, усталая...»

Стью покачал головой. «Она старая и усталая, но она смотрит на проблему темного человека с точки зрения религиозного служения, Глен. И она в этом не одинока. Ты знаешь об этом».

«Ты хочешь сказать, что она захочет свой кусок пирога?»

«Может быть, в этом и нет ничего плохого. В конце концов это *ее* мы видели во сне, а не Совет Представителей».

Глен покачал головой. «Нет, я не могу согласиться с мыслью о том, что все мы пешки в какой-то постапокалиптической игре добра и зла. Черт возьми, это же иррационально!»

Стью пожал плечами. Воцарилось долгое молчание. Наконец Глен сказал: «Да, ты прав. Она не может быть просто подставной фигурой. Когда ты был маленьким, Стью, ты когда-нибудь мечтал о том, что станешь одним из семерых епископов при ставосьмилетней негритянке из Небраски?»

Стью уставился на него. Наконец он сказал: «Там осталось еще вино?»

«Все кончилось».

«Хреново».

«Да», — сказал Глен. Потом они долго молча смотрели друг на друга и неожиданно разразились хохотом.

«Проснулись, Матушка?»

«Проснулась», — сказала она сквозь набитый арахисовыми орешками рот. «Заходи, Ральф».

«Около часа назад появилась еще одна команда. Хотят с вами познакомиться, если вы не слишком устали. Симпатичные ребята. Главный у них из длинноволосых, но вроде ничего. Его зовут Ларри Андервуд».

«Ну, приводи их, Ральф», — сказала она.

«Хорошо», — сказал он и повернулся, чтобы уйти.

«Где Ник? Что-то я его давно не вижу».

«Он с Бредом Китченером были на электростанции. Я там тоже был сегодня утром. Решил, что этим вождям нужен хотя бы один индеец, чтобы им командовать».

Матушка Абагейл хихикнула.

«Ты хороший парень, Ральф, ты знаешь об этом?»

«И вы тоже, Матушка. Не в том смысле, что вы парень, но вы понимаете, что я хочу сказать. Но так или иначе, когда мы работали, подошел этот парень Редман. Хотел поговорить с Ником насчет какого-то комитета».

«А что Ник ему ответил?»

«Он исписал пару страниц, но все сводилось к тому, что для него хорошо только то, что хорошо для вас, Матушка Абагейл».

«Я хочу только одного: жить свободной, как я жила всегда. Хочу иметь право высказывать свое мнение, когда придет время».

«Ну, все это у вас будет».

«Остальные думают также, Ральф?»

«Нет сомнений».

«Тогда все прекрасно. Настало время действовать. Люди только ждут, когда им скажут, что надо делать».

«Тогда я могу начинать?»

«Что начинать?»

«Ник и Стью спросили меня, смогу ли я найти и запустить печатный станок, если они наладят электричество. Я только что зашел в школу и отыскал там огромный мимеограф. Хотят отпечатать семьсот плакатов. А нас здесь всего-то четвереста».

«А еще девятнадцать стоят у ворот, и пока мы здесь с тобой болтаем, их хватит солнечный удар. Пойди и приведи их немедленно».

«Иду».

«Ральф...»

Он обернулся.

«Напечатай тысячу», — сказала она.

На веранду вошел молодой человек. Сопровождавшая его женщина осталась внизу. Молодой человек действительно оказался длинноволосым, но волосы у него были

чистые. У него выросла уже довольно большая красно-золотистая борода, обрамлявшая сильное лицо со свежими морщинами около рта и на лбу.

«Так вы на самом деле существуете», — сказал он мягко.

«Я всегда так думала», — сказала она. «Я — Абагейл Фримантл, но большинство здесь называют меня просто Матушкой Абагейл. Добро пожаловать».

«Спасибо», — сказал он глухо, и она заметила, что он борется со слезами. «Я... мы так рады, что пришли сюда. Меня зовут Ларри Андервуд».

Она протянула руку, и он пожал ее совсем слегка, с почтительным страхом, и она почувствовала приступ гордости. Он словно думал, что в ней скрывается огонь, способный его испепелить.

«Вы... мне снились», — сказал он смущенно.

Она улыбнулась и кивнула. На веранду взошла женщина с фиалковыми глазами. Она смело посмотрела Матушке Абагейл в лицо. «Меня зовут Люси Сванн. Рада с вами познакомиться». Несмотря на то что на ней были брюки, она сделала небольшой реверанс.

«Рада, что вы пришли, Люси».

«Вы не будете возражать, если я спрошу... ну...» Она опустила глаза и залилась краской.

«Сто восемь», — ответила Матушка Абагейл.

«Вы мне снились», — сказала Люси и в смущении отошла в сторону.

После нее подошли женщина с темными глазами и мальчик. Взгляд женщины был серьезным и непроницаемым. На лице мальчика было написано откровенное удивление. С мальчиком было все в порядке, но что-то в женщине вселило в нее ощущение могильного холода. *Он здесь, — подумала она. Он пришел под личиной этой женщины... ибо он может скрывать свое обличье и становится волком... вороном... змеей...*

Но это не был он, это была просто женщина. Темный человек никогда не осмелился бы прийти к ней сюда, даже в чужом обличье. Это была просто женщина — с выразительным, чувственным лицом.

Надин Кросс была в смятении. С ней было все в порядке, когда они вошли во двор. С ней было все в порядке, когда Ларри разговаривал со старой леди. А потом ее охватило головокружительное чувство отвращения и страха. Старуха могла... могла что?

Могла видеть.

Да. Она испугалась, что взгляд старухи может проникнуть внутрь ее. Она испугалась, что старуха встанет с качалки и разоблачит ее.

Они смотрели друг на друга, и внутри каждой шевелились свои зловещие страхи. Они оценивали друг друга. Миг этот был очень коротким, но им показался нескончаемым.

Он внутри нее — дьявольское отродье, — подумала Эбби Фримантл.

Вся их сила сосредоточена здесь, — подумала Надин в свою очередь. Она — это все, что у них есть, что бы они не думали по этому поводу.

Джо забеспокоился и потянул ее за руку.

«Хелло», — сказала она тонким, мертвым голосом. «Меня зовут Надин Кросс».

Старая женщина сказала: «Я знаю, кто ты».

Слова повисли в воздухе, и все удивленно посмотрели на них, пытаясь понять, что же происходит.

«Вот как?» — тихо спросила Надин. И внезапно она почувствовала, что Джо — ее последняя и единственная защита.

Она медленно вывела его вперед, как заложника. Его странные цвета морской волны глаза посмотрели на Матушку Абагейл.

Надин сказала: «Это Джо. Вы его знаете?»

«Если его зовут Джо, то меня — Кассандрой», — сказала Матушка Абагейл. «И вы не его мать». Она с облегчением опустила глаза на мальчика, не в силах избавиться от странного ощущения, что женщина выиграла — она поставила между ними маленького паренька и тем самым помешала ей исполнить свой долг... о, но все произошло так внезапно, и она не была готова к этому!

«Как тебя зовут, паренек?» — спросила она мальчика.

Мальчик сделал усилие, словно в горле у него застряла кость. «Он не скажет вам», — сказала Надин, положив руку ему на плечо. «Он не может. По-моему, он вообще не пом...»

«*Лео!*» — неожиданно выговорил Джо ясно и сильно. «Лео Роквей — это я! Я Лео!» И смеясь, он прыгнул на руки Матушке Абагейл.

«Джо», — позвала Надин.

Джо слегка высвободился из объятий Матушки Абагейл и оглянулся на нее.

«Пошли». Теперь она говорила, глядя Эбби прямо в глаза. «Она старая. Ты ее ушибешь. Она очень старая и... не очень сильная».

«По-моему, я достаточно сильна для того, чтобы поддерживать на руках такого паренька», — сказала Матушка Абагейл, но сама уловила в своем голосе какую-то странную неуверенность.

«Он устал. Да и вы тоже, судя по вашему виду. Пошли, Джо».

«Я люблю ее», — ответил мальчик, не двигаясь с места.

Надин слегка вздрогнула. Голос ее стал более резким. «Пошли, Джо».

«*Это не мое имя! Лео! Лео! Вот как меня зовут!*»

Небольшая толпа странников затихла, догадываясь о том, что происходит нечто непредвиденное, но не в силах определить, в чем дело.

Женщины вновь скрестили взгляды, как сабли.

«*Я знаю, кто ты,*» — сказали глаза Эбби.

«*А я знаю, кто ты,*» — ответили глаза Надин.

Но на этот раз первой опустила глаза Надин.

«Хорошо», — сказала она. «Лео или как тебе будет угодно. Пошли, пока ты не слишком утомил ее».

Он неохотно слез с колен Матушки Абагейл.

«Приходи повидать меня в любое время», — сказала Эбби, но она не подняла взгляд, чтобы включить Надин в число приглашенных.

«О'кей», — сказал мальчик и послал ей воздушный поцелуй. У Надин было каменное лицо. Она не произнесла ни слова. Матушка Абагейл посмотрела им вслед. Теперь,

когда лицо женщины исчезло из вида, чувство откровения затуманилось. Матушка Абагейл уже не была уверена в том, что почувствовала. Ну, конечно, она просто еще одна женщина... хотя... так ли это на самом деле?

Молодой человек, Андервуд, стоял внизу, и лицо его было мрачнее тучи.

«Почему ты так себя вела?» — спросил он у проходившей мимо него женщины, и хотя он понизил голос, Матушка Абагейл прекрасно расслышала его слова.

Женщина никак не отреагировала. Она прошла мимо него, не сказав ни слова.

Наступила тишина, и она внезапно почувствовала, что не знает, чем ее заполнить, хотя это надо было обязательно сделать...

...так ли уж обязательно?

Ее ли это дело?

И голос спросил тихо: *Твое ли это дело? Для того ли Господь привел тебя сюда, женщина? Для роли Официального Встречающего у ворот Свободной Зоны?*

Я не могу сейчас об этом думать, — запротестовала она. Эта женщина права: я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО устала.

Он приходит в разных обличьях, — настаивал негромкий внутренний голос. Волк, ворон, змея, женщина.

Что все это значило? Что здесь произошло? Что, Бога ради?

Я сидела здесь, довольная собой, и ждала выражений подобострастного почтения — да, именно так и было, нет никакого смысла это отрицать, — а потом пришла эта женщина, и что-то произошло, и я уже забываю, что это было. Но что-то было в этой женщине... было ли? Ты уверена? Уверена?

К ней почтительно приблизился другой мужчина. «Здравствуйте, Матушка Абагейл», — сказал он. «Меня зовут Зеллман. Марк Зеллман. Из Лоувилля, штат Нью-Йорк. Вы мне снились».

И перед ней возникла внезапная альтернатива. Она могла ответить этому человеку, добродушно поболтать с ним, чтобы он расслабился и пришел в себя, а потом перейти к следующему, и снова к следующему, принимая

их почтение, словно пальмовые ветви. Но могла и не ответить. Она могла последовать за ниточкой своей мысли в глубину самой себя, в поисках того, что хочет открыть ей Господь.

Эта женщина...

Кто?

Но какая теперь разница? Она же уже ушла.

«В штате Нью-Йорк жил мой внучатый племянник», — непринужденно сказала она Марку Зеллману. «В городе под названием Раузис Поинт. На озере Шамплен. Наверное, никогда о таком не слыхали?»

Марк Зеллман сказал, что, конечно, слышал. Почти все жители штата Нью-Йорк знают этот город. Бывал ли он там? На лице его появилась трагическая гримаса. Нет, никогда. Но собирался, уже давно.

«Судя по письмам Ронни, вы не особенно много потеряли», — сказала она, и Зеллман ушел от нее, сияя.

Она поговорила со всеми, со всеми шутила и улыбалась, всех приводила в хорошее расположение духа, но удовольствие, которое она обычно от этого чувствовала, сегодня куда-то исчезло.

Чувство того, что она пропустила что-то очень важное и потом ей придется об этом пожалеть, постепенно угасало в ней, а к вечеру исчезло совсем.

«Завтра подойдут еще ребята, Ники, а послезавтра будет целый парад», — сказал Ральф.

«Хорошо», — написал Ник. «Скоро у нас будет доктор. Так утверждает теория вероятностей».

«Я говорил с парнем, который возглавляет сегодняшнюю группу. Его зовут Ларри Андервуд. Классный парень, Ник. Крутой, как вареное яйцо».

Ник вопросительно поднял брови.

«Ему лет на шесть-семь больше, чем тебе, и лет на восемь-девять меньше, чем Редману. Он как раз такой человек, которых ты велел нам разыскивать. Он задает правильные вопросы».

?

«Первый вопрос — кто главный?» — сказал Ральф. «Второй — что будет дальше? И третий — кто будет всем этим заниматься?»

Ник кивнул. Да — вопросы правильные. Ну а как насчет самого человека?

«Я попробую встретиться с ним завтра и поговорить», — написал Ник на новом листке бумаги.

«Да, стоит этим заняться. Он нормальный парень». Ральф переступил с ноги на ногу. «И я разговаривал с Матушкой, перед тем как этот Андервуд пришел к ней со своими людьми».

?

«Она говорит, что мы должны начинать действовать. Говорит, что должны появиться люди, которые скажут всем остальным, что делать».

Ник написал: Я так и полагал. Завтра я поговорю со Стью и Гленом. Ты напечатал плакаты?»

«А! Эти? Конечно, да», — сказал Ральф. Он показал Нику образец. Свежий отпечаток все еще сильно пах мимеографическими чернилами. Он был довольно большим и привлекал внимание. Графическое решение принадлежало исключительно Ральфу:

**ВСЕОБЩИЙ МИТИНГ!!!
СОВЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ДОЛЖЕН БЫТЬ ИЗБРАН**

20:30, Август 18, 1990

Место:

концертная площадка в парке Кеньон Бульвар в случае
ХОРОШЕЙ ПОГОДЫ

зал Чатакуа в парке Чатакуа в случае
ПЛОХОЙ ПОГОДЫ

**ВО ВРЕМЯ МИТИНГА БУДУТ ПОДАВАТЬСЯ
ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫЕ НАПИТКИ**

Внизу были две примитивных карты Боулдера для тех, кто только что приехал. Внизу были перечислены имена, которые, после небольшого обсуждения, назвали Стью и Глен:

Организационный Комитет

Ник Андрос
Глен Бэйтмен
Ральф Брентнер
Ричард Эллис
Фрэн Голдсмит
Стюарт Редман
Сюзан Стерн

Ник указал пальцем на строчку о прохладительных напитках и вопросительно поднял брови.

«Ну, понимаешь, подошла Фрэнни и сказала, что нам легче будет привлечь людей, если у нас будет, что им предложить. Они с Патти Крогер об этом позаботятся. Печенье и «За-Рекс». Ральф скорчил гримасу. «Если бы мне пришлось выбирать между «За-Рексом» и бычьей мочой, то я бы надолго задумался. Можешь выпить мою порцию, Ники».

Ник усмехнулся.

«Единственное, что меня беспокоит», — продолжил Ральф более серьезным тоном, — «это то, что твои ребята записали меня в комитет. Я знаю, что это означает: Примите наши поздравления, вы будете выполнять самую тяжелую работу. Ну, собственно говоря, я не возражаю. Я всю жизнь работал изо всех сил. Но у комитетов должны быть идеи, а я по этой части не очень-то силен».

На листке бумаги Ник быстро нарисовал большой радиопередатчик, а на заднем плане — радиовышку с исходящими от нее волнами.

«Да, но это совсем другое дело», — сказал Ральф угрюмо.

«Ты прекрасно справишься», — написал Ник.

«Ну, раз ты так говоришь, Ники. Я попытаюсь. Однако, мне по-прежнему кажется, что лучше бы тебе поговорить с этим парнем Андервудом».

Ник покачал головой и похлопал Ральфа по плечу. Ральф пожелал ему спокойной ночи и отправился вверх по лестнице. Когда он ушел, Ник внимательно стал смотреть на плакат. Если Стью и Глен видели экземпляры — а он был в этом абсолютно уверен, — то они уже знают о том, что он вычеркнул Гарольда Лаудера из списка членов Организационного Комитета. Он не знал точно, как они это воспримут, но то, что они еще не зашли к нему, было, похоже, добрым знаком. Они могут потребовать у него, чтобы он вычеркнул кого-нибудь из своих кандидатур. И тогда ему придется сделать это, только для того, чтобы оставить Гарольда за пределами списка. Если так и будет, ему придется отдать им Ральфа. Собственно говоря, Ральф и сам не хочет занимать это место, но, черт возьми, у Ральфа есть природный ум и почти неоценимая способность обходить острые углы. Он был бы очень нужным человеком в комитете, тем более, что Стью и Глен и так уже записали туда всех своих друзей.

Ник отправился принимать душ.

После секса Стью быстро заснул. В последние дни он спал мало, а всю прошлую ночь он пил с Гленом Бэйтменом, обсуждая планы на будущее. Фрэнни надела халат и вышла на балкон.

Они жили в доме на углу Перл Стрит и Бродвея. Их квартира была на третьем этаже, и с балкона ей был виден перекресток. Перл шла с запада на восток, а Бродвей — с севера на юг.

Она провела рукой по своему телу. Беременность стала уже немного заметна. Сегодня у нее со Стью был серьезный разговор. Стью сказал ей, что обсуждал проблему ребенка с Гленом Бэйтменом, и Глен выдвинул идею, что вирус супергриппа по-прежнему может находиться вокруг. Если это действительно так, то ребенок может умереть. Мысль была обескураживающей (Всегда можно, — подумала она, — рассчитывать на то, что Глен Бэйтмен выскажет одну-две Обескураживающих Мысли), но нет сомнений, что если у матери иммунитет, то ребенок?..

Но здесь ведь множество людей, которые потеряли своих детей во время эпидемии.

Да, но это означает...

Означает что?

Ну, это может означать, что все эти люди являются лишь эпилогом к человеческой расе, короткой кодой. Она не хотела, *не могла* поверить в это. Если это окажется правдой...

Кто-то шел по улице. На плече у него болталась легкая куртка, а в руке был то ли револьвер с длинным стволом, то ли бутылка. В другой руке он держал листок бумаги, на котором, судя по тому, как внимательно он изучал номера домов, был написан адрес. Наконец он остановился против их дома. Он смотрел на дверь, словно пытаясь решить, что же делать дальше. Фрэнни подумала, что он очень похож на частного детектива из телесериалов. Она стояла меньше чем в двадцати футах над его головой и находилась в безвыходной ситуации. Если она позовет его, он может испугаться. Если она не сделает этого, он начнет стучать и разбудит Стюарта. И вообще, что он делает здесь с револьвером в руке... если это, конечно, револьвер?

Он неожиданно запрокинул голову и посмотрел вверх, наверное, чтобы проверить, горит ли в доме свет. Взгляды их встретились.

«Боже мой!» — воскликнул человек. Он невольно сделал шаг назад, сошел с тротуара и тяжело приземлился на задницу.

«Ой!» — одновременно воскликнула Фрэнни и сама невольно сделала шаг назад. Позади нее на подставке стоял большой горшок с декоративным растением. Фрэнни задела его. Он зашатался и почти было решил пожить еще немного, но потом с сочным взрывом хлопнулся о балконные плитки.

В спальне Стью что-то проворчал сквозь сон, перевернулся на другой бок и снова затих.

Фрэнни в рот залетела смешинка. Она закрыла рот руками и закусил губы, но продолжала тихонько хихикать. Снова снизошла благодать, — подумала она и зашлась в приступе беззвучного хохота. Если б он был с гитарой, я

могла бы уронить горшок ему на голову. *О соле mio... БАЦ!* От попыток сдержать хохот у нее заболел живот.

Снизу раздался конспиративный шепот: «Эй, там, на балконе... *тсссс!*»

«*Тссс*», — прошептала Фрэнни самой себе. «*Тссссс*, вот так история».

Человек — молодой человек — уже поднялся и отряхивался. Он был строен и хорошо сложен. У него была светлая или песочно-красная борода. Под глазами у него были темные синяки, но он улыбался исполненной раскаяния улыбкой.

«Что вы там сшибли?» — спросил он. «По звуку похоже на фортепьяно».

«Это была ваза», — сказала она. «Это... это...» Но тут ей снова овладел смех. Слезы покатались у нее по щекам. «Вы так забавно выглядели... я знаю, что нехорошо так говорить незнакомому человеку, но... ой, Господи! Это было так смешно!»

«Если бы это случилось в старые времена, я подал бы на вас иск по крайней мере на четверть миллиона. Судья, я посмотрел наверх, а эта молодая женщина уставилась на меня. Да, она строила мне рожи. Во всяком случае, рожа была при ней».

Они немного посмеялись вместе. На молодом человеке были потертые джинсы и темно-синяя рубашка. Летняя ночь была теплой и приятной, и Фрэнни порадовалась, что вышла на балкон.

«Вас случайно зовут не Фрэн Голдсмит?»

«Да, но вас я не знаю».

«Ларри Андервуд. Мы приехали только сегодня. Собственно говоря, я ищу парня по имени Гарольд Лаудер. Мне сказали, что он живет в доме №261 по Перл Стрит вместе со Стюартом Редманом, Фрэнни Голдсмит и другими людьми».

Смешинка исчезла. «Гарольд сначала жил с нами, но он давно выехал. Сейчас он на Арапаху, в восточной части города. Я могу дать вам адрес и показать дорогу».

«Спасибо большое. Но я, пожалуй, подожду до завтра. Вряд ли стоит снова подвергать себя риску».

«Вы знаете Гарольда?»

«И да и нет — точно так же, как и вас. Хотя я должен признаться, что вы совсем не такая, какой я вас себе представлял. Я думал, что вы — блондинка-валькирия, сошедшая прямо с картины Фрэнка Фазетты, с парой 45-ых. Но все равно я очень рад вас встретить».

«Боюсь, я не понимаю, о чем вы говорите».

«Спускайтесь ко мне, и я вам все объясню».

Фрэнни прошла в спальню, накинула легкий плащик и спустилась вниз.

«У меня для Гарольда кое-что есть», — сказал Ларри. «Но это должен быть сюрприз, так что если вы его встретите раньше, чем я, то молчите».

«О'кей, конечно», — сказала Фрэнни. Она была сильно заинтригована.

Он протянул ей длинноствольный револьвер, который оказался длинношеей бутылкой вина. Она подняла этикетку навстречу свету звезд и прочла: «БОРДО 1947». «Лучший сорт Бордо в этом столетии», — сказал он. «Во всяком случае, так говорил один мой старый друг. Его звали Руди, упокой Господь его душу».

«Но 1947... это сорок три года назад. Оно не... не испортилось?»

«Руди говорил, что хорошее Бордо никогда не портится. Но так или иначе, я привез его из Огайо. Так что если это и плохое вино, то оно хорошо путешествовало».

«И это для Гарольда?»

«Да, а еще — вот это». Он достал что-то из кармана и протянул ей. Ей не пришлось поднимать пакетик к свету звезд, чтобы прочитывать этикетку. «Шоколадная карамель!» — воскликнула она. «Гарольд ее так любит... но как вы об этом узнали?»

«Ну, это целая история».

«Так расскажите мне!»

«Ну, хорошо. Давным-давно жил на свете парень по имени Ларри Андервуд, который приехал из Калифорнии в Нью-Йорк, чтобы навестить свою дорогую старую мамочку. Это была не единственная причина его приезда, и другие причины были гораздо менее приятными, но

давайте остановимся на самой благопристойной, хорошо?»

«Почему бы и нет?» — согласилась Фрэн.

«И вот, Злобная Ведьма с Запада или какая-нибудь пентагонская задница насылает на страну великую эпидемию, и прежде чем успеешь сказать: Вот идет Капитан Шустрик! — почти все в Нью-Йорке, включая и мою мамочку, умирают».

«Мне так жаль. Моя мама и папа тоже...»

«Да, все мамы и папы на свете. Но Ларри оказался одним из счастливых. Он вышел из города с леди по имени Рита, которая была не слишком хорошо подготовлена к тому, что произошло. И к несчастью, Ларри оказался не слишком хорошо подготовлен, чтобы помочь ей справиться с этим».

«Никто не был достаточно хорошо подготовлен».

«Но некоторые справились с собой быстрее, чем другие. Так или иначе, Ларри и Рита отправились в сторону побережья, в Мэн. Они доехали до Вермонта, и там леди приняла слишком много снотворных таблеток».

«Ой, Ларри, какой ужас».

«Ларри воспринял это очень тяжело. Собственно говоря, он воспринял это как более или менее божественный приговор силе своего характера. Помимо этого, один-два начинающих человека уже сказали ему, что самая гнусная черта его характера — это великолепный эгоизм, который сияет в нем, как картинка с мадонной на приборной доске «Кадиллака» пятьдесят девятого года выпуска».

Фрэнни поехала.

«Надеюсь, я не слишком вас смущаю, но все это копилось во мне слишком долго, и, кроме того, это имеет отношение к той части истории, которая связана с Гарольдом. О'кей?»

«О'кей».

«Спасибо. По-моему, с тех самых пор, как мы приехали сюда и встретились с этой старой женщиной, я искал человека с добрым лицом, которому я мог бы все это вывалить. Я, правда, думал, что этим человеком окажется Гарольд. Но так или иначе, Ларри продолжал свой путь в

Мэн, так как больше ехать было некуда. К тому времени ему стали сниться очень плохие сны, но он был один и не мог знать, что другие люди также видят их. Он просто предположил, что это очередной симптом нервного срыва. Но в конце концов он добрался до маленького городка на побережье под названием Уэллс, где он встретил женщину по имени Надин Кросс и странного мальчика, которого, как выясняется, зовут Лео Роквей».

«Уэллс», — произнесла она зачарованно.

«Так или иначе, три путешественника подбросили монетку, чтобы узнать, в какую сторону им ехать по шоссе №1, и так как выпала решка, они поехали на юг и в конце концов прибыли в...»

«Оганквит!» — восхищенно воскликнула Фрэнни.

«Совершенно верно. И там, на крыше амбара, я впервые познакомился с Гарольдом Лаудером и Фрэнсис Голдсмит».

«Надпись Гарольда! Ой, Ларри, *как* он будет доволен!»

«В соответствии с указаниями ваших надписей, мы сначала доехали до Стовингтона, потом до Небраски, а потом приехали сюда, в Боулдер. По дороге мы встречали других людей. Среди них оказалась девушка по имени Люси Сванн, с которой мы теперь живем вместе. Мне хотелось бы, чтобы вы с ней познакомились. По-моему, она вам понравится.

Во время путешествия случилось то, чего сам Ларри не очень-то хотел. Его небольшая группка из четырех человек увеличилась до шести. Шесть встретили еще четверых в штате Нью-Йорк. К тому времени, когда мы добрались до дома Матушки Абагейл в Небраске, нас было уже шестнадцать, а перед отъездом мы подобрали еще троих. Ларри был во главе этой отважной команды. Не было никаких выборов или чего-нибудь в этом роде. Просто так получилось. А он не хотел ответственности. Для него это было тяжелой ношей. И я — *он* — всегда боялся, что однажды утром он проснется и найдет чей-нибудь труп в спальном мешке, как уже было однажды в Вермонте, и все будут стоять вокруг него, указывать на него пальцами

и говорить: Это твоя вина. И об этом я никому не мог рассказать, даже Джаджу...»

«Кто такой Джадж?»

«Джадж Фэррис. Старик из Пеории. Когда он смотрит на тебя, ты готов поклясться, что из глаз у него идут рентгеновские лучи. Так или иначе, Гарольд стал для меня очень важен. И чем больше прибавлялось людей в группе, тем важнее он становился. Этот амбар, Господи! Последняя строчка — как раз ваше имя — была написана так низко, что наверное, ему здорово продуло задницу, пока он ее писал».

«Да. Когда он это делал, я спала. Я бы заставила его остановиться».

«Я стал понемногу узнавать о нем», — сказал Ларри. «В амбаре я нашел обертку от шоколадной карамели, а потом эта надпись на балке...»

«Какая надпись?»

Она почувствовала, как Ларри внимательно изучает ее в темноте.

«Просто его инициалы», — небрежно сказал Ларри. «А потом в магазине мотоциклов в Уэллсе...»

«Мы там были!»

«Я знаю. Я заметил, что не хватает пары мотоциклов. Но еще большее впечатление на меня произвело то, как Гарольд добыл бензин из подземного резервуара. Вы, наверное, помогали ему поднять крышку, Фрэн? Я чуть не потерял свои пальцы».

«Нет, мне не пришлось. Гарольд нашел вентиляционное отверстие...»

Ларри застонал и хлопнул себя по лбу. «Господи! Так он просто нашел вентиляционное отверстие, открыл его и засунул туда шланг?»

«Ну да».

«Ай-да Гарольд», — сказал Ларри с таким восхищением, которое ей никогда не доводилось слышать, во всяком случае, в связи с упоминанием имени Гарольда Лаудера. «Да, до этого я не додумался. Так или иначе, мы добрались до Стовингтона. Надин была так расстроена, что упала в обморок».

«А я плакала», — сказала Фрэнни.

«Я не был обескуражен. Неустрашимый Гарольд побывал там до меня, оставил надпись и ушел. И я пошел по его следу».

Его представление о Гарольде очаровало и удивило ее. Но разве не Стью возглавил группу, после того как они выехали из Вермонта и направились в Небраску? Она не могла этого припомнить. Ларри напомнил ей о том, что она забыла... или хуже — приняла, как нечто само собой разумеющееся. Гарольд рисковал своей жизнью, чтобы сделать надпись на крыше — тогда это казалось глупым ребячеством, но в конце концов оно принесло пользу. А как он добыл бензин из этого резервуара... для Ларри это оказалось такой трудной задачей, а Гарольд сделал это как бы походя. Она почувствовала стыд.

«Вот я и принес ему вино и эти конфеты. Когда я попадал в трудные ситуации, я всегда вспоминал о нем, и он помогал мне». Он посмотрел на нее искоса. «Знаете, я-то думал, что вы с ним вместе».

Она покачала головой и посмотрела на свои сжатые пальцы. «Нет...»

Он долгое время ничего не говорил, но она чувствовала на себе его взгляд.

Она встала с бордюра. «Мне пора идти. Было очень приятно познакомиться с вами, Ларри. Приходите завтра, встретитесь со Стью. Приводите свою Люси».

«Как это я мог ошибиться? Насчет Гарольда?» — спросил он, вставая вслед за ней.

«Ой, я не знаю», — сказала она глухо. Неожиданно на глаза ей навернулись слезы. «Вы заставили меня ощутить, что я обошлась с Гарольдом очень плохо... и я не знаю... как это могло случиться... можно ли винить меня за то, что я люблю Стью? Виновата ли я в этом?»

«Нет, конечно нет». Ларри выглядел смущенно. «Послушайте, извините меня. Я вмешиваюсь не в свое дело. Я пойду».

«Он изменился!» — выпалила Фрэнни. «Не знаю, как и почему, но иногда я думаю, что это к лучшему... но я не... на самом деле, я не уверена. А иногда я боюсь».

Она не ответила и только посмотрела себе под ноги. Она подумала, что и так уже сказала слишком много.

«Вы собирались объяснить мне, как туда попасть», — напомнил он мягко.

«Очень просто. Вы пойдете прямо по Арапахоу, пока не увидите небольшой парк. Парк будет справа. Маленький домик Гарольда будет слева, как раз напротив парка».

«Хорошо, спасибо. Очень приятно было встретиться с вами, Фрэн, — разбитый горшок и все такое».

Она улыбнулась, но улыбка вышла неискренней. Вся ее веселость куда-то испарилась.

Ларри поднял бутылку вина. «И если вы встретите его раньше, чем я, то... держите язык за зубами, ладно?»

«Конечно».

«Спокойной ночи, Фрэнни».

Он ушел. Она подождала, пока он не скроется из виду, а потом поднялась наверх и скользнула в постель рядом со Стью, который по-прежнему безмятежно спал.

ГЛАВА 48

Плакаты Ральфа, объявлявшие о митинге восемнадцатого августа, были расклеены по всему Боулдеру. В ту ночь Ник Андрос заснул в хорошем расположении духа. За один день с помощью размноженного на mimeографе плаката Свободная Зона превратилась из неорганизованного лагеря беженцев в сообщество потенциальных избирателей.

Днем они с Ральфом ездили на электростанцию. Он, Ральф и Стью решили послезавтра на квартире Стью и Фрэн провести предварительное совещание. А за это время они прислушаются к тому, что говорят люди.

Ник улыбнулся и приложил ладони к ушам.

«Читать по губам даже лучше, — сказал Стью. — Знаешь, Ник, я начинаю думать, что нам удастся справиться с этими генераторами. Бред Китченер работает, как зверь. Если бы у нас было десять таких людей, то к первому сентября город был бы в полном порядке».

Ник показал ему кружок из большого и указательного пальцев.

В тот день Ларри Андервуд и Лео Роквей направлялись по Арапахоу Стрит в сторону дома Гарольда Лаудера. Ларри нес рюкзак, с которым он проехал через всю страну, но сейчас в нем было только вино и шоколадная карамель.

Ларри посмотрел на один из плакатов, но звон стекла заставил его обернуться. Лео разбил камнем заднее стекло старого «Форда».

«Больше не делай так, Джо».

«Меня зовут Лео».

«Лео, — поправился Ларри. — Больше так не делай».

«Почему?» — добродушно спросил Лео, и очень долго Ларри не мог придумать удовлетворительный ответ.

«Потому что звук очень неприятный», — сказал он наконец.

«Ааа. О'кей».

Они пошли дальше. Ларри засунул руки в карманы. Лео сделал то же самое. Ларри пнул ногой банку из-под пива. Лео свернул в сторону, чтобы ударить валявшийся на дороге камень. Ларри начал насвистывать мелодию. Лео стал аккомпанировать ему тихими пыхтящими звуками. Ларри взъерошил ему волосы, а мальчик посмотрел на него своими загадочными китайскими глазами и улыбнулся. *Господи, да я ведь люблю его,* — подумал Ларри.

Они дошли до парка, о котором говорила Фрэнни, и на другой улице стоял небольшой зеленый дом с белыми ставнями. На цементной дорожке, ведущей к парадной двери, стояла тележка с кирпичами, а рядом жестянка с известковым раствором. Повернувшись спиной к улице, на корточках сидел широкоплечий хлыщ. Рубашки на нем не было, и спина его шелушилась после сильного солнечного ожога. В руке у него был мастерок. Он строил кирпичный барьерчик вокруг цветочной клумбы.

Ларри подумал о словах Фрэнни: *Он изменился... не знаю, как и почему, но иногда я думаю, что это к лучшему... а иногда я боюсь.*

Потом Ларри сделал шаг вперед и сказал именно то, что он собирался сказать в течение долгих дней своего путешествия: «Гарольд Лаудер, я полагаю?»

Гарольд вздрогнул от удивления, а потом обернулся с кирпичом в одной руке и мастерком в другой. С мастерка капал раствор. Он был занесен, словно для удара. Ларри показалось, что краем глаза он увидел, как Лео подался назад. Первое, что ему пришло в голову, — это, конечно, мысль о том, что Гарольд выглядит совсем не так, как он его себе представлял. Его вторая мысль была: *Господи, да уж не хочет ли он меня стукнуть этой штукой?* Лицо Гарольда было мрачным, глаза его сузились и потемнели. Волосы упали прямой волной на его потный лоб. Губы были плотно сжаты.

А потом произошло превращение столь внезапное и радикальное, что Ларри потом не верилось, что он видел Гарольда напряженным и не улыбочивым, с лицом человека, который более склонен использовать мастерок для того, чтобы замуровать кого-нибудь в стене, нежели для того, чтобы построить барьерчик вокруг клумбы.

На лице его появилась широкая и безобидная улыбка. Из глаз его исчезло угрожающее выражение. Он воткнул мастерок в раствор, вытер руку о джинсы и протянул ее для рукопожатия. Ларри подумал: *Господи, да он ведь еще ребенок, гораздо моложе, чем я.*

«По-моему, я вас не знаю», — сказал Гарольд. Рукопожатие его было твердым. Улыбка Гарольда была заражительной, и Ларри улыбнулся в ответ.

«Вы меня — нет, но я вас знаю».

«Правда?» — воскликнул Гарольд, улыбнувшись еще шире.

«Я ехал за вами через всю страну, начиная с Мэна», — сказал Ларри.

«Честное слово?»

«Конечно». Он распустил рюкзак. «Вот у меня тут кое-что для вас есть». Он вынул бутылку Бордо и вручил ее Гарольду.

«Тысяча девятьсот сорок седьмой?» Гарольд смотрел на бутылку с некоторым удивлением.

«Хороший год, — сказал Ларри. — А еще вот это».

Он отдал Гарольду шоколадную карамель.

«Как вы узнали?» — спросил Гарольд, улыбаясь.

«Я ехал по следу ваших надписей... и конфетных оберток».

«Заходите в дом, поговорим. Мальчик будет пить кока-колу?»

«Конечно. Лео, ты...»

Он обернулся, но Лео рядом не было. Он стоял в самом начале дорожки и с видом крайней заинтересованности рассматривал трещины в цементе.

«Эй, Лео! Хочешь колы?»

Лео что-то пробормотал себе под нос.

«Говори громче, — сказал Ларри раздраженно. — Для чего Бог дал тебе голос? Я спросил, хочешь ли ты колы?»

Лео сказал очень тихим голосом: «Лучше я пойду посмотрю, не вернулась ли мама-Надин».

«Какого черта? Мы же только что сюда пришли!»

«Я хочу назад!» — сказал Лео.

Что же это такое, — подумал Ларри, — он ведь чуть не плачет.

«Одну секунду», — сказал он Гарольду.

«Все нормально, — сказал Гарольд с улыбкой. — Иногда дети стесняются. Я тоже таким был».

Ларри подошел к Лео и наклонился, так что их глаза оказались на одном уровне. «В чем дело, паренек?»

«Я просто хочу обратно, — сказал Лео, отводя глаза. — Мне нужна мама-Надин».

«Ну, ты...» Он беспомощно запнулся.

«Хочу обратно. Пожалуйста».

«Тебе не нравится Гарольд?»

«Я не знаю... да нет, он нормальный парень... просто я хочу обратно».

Ларри вздохнул. «Найдешь один дорогу?»

«Конечно».

«О'кей. Но мне очень хотелось бы, чтобы ты пошел с нами. Я так давно ждал встречи с Гарольдом. Ты ведь знаешь об этом, правда?»

«Да-а».

«А обратно мы пойдем вместе».

«Я в этот дом не войду», — зашипел Лео, на секунду вновь превратившись в Джо.

«О'кей, — сказал Ларри поспешно. — Иди прямо домой».

«Хорошо». И неожиданно Лео перешел на шепот. «Почему бы тебе не пойти со мной? Прямо сейчас? Пошли вместе. Пожалуйста, Ларри? Хорошо?»

«Господи, Лео, что за...»

«Ну ладно», — сказал Лео, и прежде чем Ларри успел его о чем-нибудь спросить, он уже заторопился по улице. Ларри взглядом проводил его из виду. Потом он повернулся к Гарольду и смущенно развел руками.

«Я же говорю, все в порядке. Дети иногда ведут себя странно», — сказал Гарольд.

«Да уж, действительно. Но этот ребенок имеет право вести себя так. Он столько пережил».

«Я не сомневался в этом», — ответил Гарольд, и на короткий миг Ларри ощутил недоверие, почувствовал, что столь быстро возникшая симпатия Гарольда к мальчику — всего лишь эрзац настоящего чувства.

«Ну, входите, — сказал Гарольд. — Собственно говоря, вы мой первый гость. Несколько раз заходили Фрэнни и Стью, но они не в счет». Улыбка Гарольда стала немножечко грустной, и Ларри почувствовал к нему жалость.

«Я рад», — сказал он.

«Если вы не возражаете, я пока отложу карамель — сейчас я не ем сладкого, пытаюсь похудеть. Но вино стоит попробовать ради такого случая. Вы пересекли всю страну, ориентируясь по нашим надписям. Это вам не фунт изюма. Вы должны мне об этом рассказать. А пока садитесь вон на тот зеленый стул».

Странно, — подумал Ларри, — он говорит, как политик, — гладко, быстро, бойко.

Гарольд ушел за рюмками, а Ларри сел на зеленый стул. Он огляделся. Ну, не самая замечательная на свете гостиная, но с ворсистым ковром и кое-какой современной мебелью она будет выглядеть неплохо. Лучшее всего был

камин. Прекрасная ручная работа. Но один кирпич в кладке держался на честном слове. Ларри показалось, что он выпал, а потом его небрежно сунули на место.

Он встал и вынул кирпич из кладки. Гарольд продолжал хозяйничать где-то внизу. Ларри уже собирался вложить кирпич на место, когда заметил в образовавшейся дыре толстую тетрадь для записей. Чувствуя легкий стыд, он положил кирпич на место как раз в тот момент, когда шаги Гарольда стали подниматься с нижнего этажа. Когда Гарольд вернулся в гостиную с двумя бокалами в руках, Ларри уже снова сидел на зеленом стуле.

«Я их споласкивал внизу, — сказал Гарольд. — А то они запылились».

«Красивые, — сказал Ларри. — Слушай, я не уверен, что с этим Бордо все в порядке. Может так получиться, что ты готовил рюмки для уксуса».

«Кто не рискует», — сказал Гарольд с улыбкой, — «тот не выигрывает».

От улыбки Гарольда Ларри почему-то стало немного не по себе, и он поймал себя на мысли о том, кому принадлежит эта тетрадь — Гарольду или предыдущему владельцу дома. А если это тетрадь Гарольда, то что, черт возьми, там может быть написано?

Они открыли бутылку Бордо и к общему удовольствию обнаружили, что вино прекрасное. Через полчаса они уже пребывали в состоянии приятного легкого опьянения, причем Гарольд в большей степени, чем Ларри. Но улыбка по-прежнему блуждала у него на губах. Собственно говоря, она стала шире.

Язык у Ларри слегка развязался, и он спросил: «Эти плакаты. Насчет общего митинга восемнадцатого числа. Как получилось, что ты не вошел в состав этого комитета, Гарольд? По-моему, такой парень, как ты, обязательно должен был там оказаться».

Улыбка Гарольда стала еще шире. «Ну, я еще ужасно молод. Наверное, они думают, что у меня не хватает опыта».

«По-моему, это свинство с их стороны». Но действительно ли он так считал?

«Ну, кто знает, что ждет нас в будущем!» — сказал Гарольд, широко улыбаясь. — «У каждой собаки есть свой день».

Ларри ушел в пять часов вечера. Он расстался с Гарольдом дружески. Тот пожал его руку и улыбнулся на прощанье, сказав, чтобы Ларри заходил почаще. Но у Ларри появилось ощущение, что Гарольду будет абсолютно наплевать, если они никогда больше не встретятся.

Он медленно прошел по цементной дорожке и обернулся, чтобы помахать на прощанье, но Гарольд уже скрылся в доме. Дверь была закрыта.

От вина у него немного заболела голова, и он попытался убедить себя в том, что тот легкий озноб, который он почувствовал дома у Гарольда, является всего лишь одним из проявлений незначительного похмелья. Мысли его спутались. Он неожиданно ощутил уверенность, что Гарольд наблюдает за ним из-за задернутых штор, и руки его сжимаются, словно он хватается кого-то за горло, а улыбка его превращается в оскал ненависти... *У каждой собаки есть свой день.*

И в тот же миг он вспомнил о ночи, проведенной в Беннингтоне, когда он проснулся с ужасным чувством, что в темноте кто-то есть... и как потом он слышал (или это ему только приснилось?) приглушенный звук каблуков, уходящих на запад.

Прекрати. Прекрати воображать всякую ерунду.

И неожиданно он поймал себя на том, что вспоминает, как в детстве ходил с мамой в зоопарк в Бронксе. Они вошли в помещение, где жили обезьяны, и запах ударил ему в нос, как кулак. Он повернулся и хотел выбежать на улицу, но мама остановила его.

Просто дыши, Ларри, — сказала она. И через пять минут ты не будешь чувствовать никакого запаха вообще.

И он остался, хотя и не поверил ей. Но оказалось, что она была права. Взглянув на часы, он увидел, что они

провели у обезьян около получаса, и он уже не мог понять, почему входящие леди зажимают нос, а на лице у них появляется гримаса отвращения. Он сказал об этом своей матери, и Элис Андервуд засмеялась.

Пахнет-то по-прежнему плохо, но не для тебя.

Как это получается, мамочка?

Я не знаю. Это доступно каждому. А теперь скажи самому себе: «Сейчас я вдохну настоящий запах обезьяньего жилища», и потяни носом.

Он так и сделал и вновь ощутил зловоние. На этот раз оно было даже сильнее и омерзительнее, чем в самом начале. Сосиски и вишневый пирог рванулись вверх, но он выбежал на свежий воздух и с трудом сумел побороть рвоту.

Это селективное восприятие, — подумал он, — и она знала, что это такое, даже если ей и не было известно, как это называется. Он услышал голос своей матери: *А теперь скажи самому себе: «Сейчас я вдохну настоящий запах Боулдера».* И он ощутил этот запах. Он ощутил запах медленного разложения за закрытыми дверьми и задернутыми шторами.

Он пошел быстрее, чуть ли не пустившись бегом, вдыхая это сочное, густое зловоние, которое он — как и все остальные — давно перестал сознательно ощущать, потому что оно было повсюду.

Вино и шоколадная карамель рванулись вверх. Это обезьянья клетка, из которой он никогда не выберется, разве что если поедет на необитаемый остров, и хотя до сих пор он ненавидел рвоту больше всего на свете, такое чувство, что сейчас...

«Ларри? С тобой все в порядке?»

Ларри вздрогнул от удивления. Это был Лео. Он сидел на бордюре в трех кварталах от дома Гарольда и играл шариком для пинг-понга.

«Что ты здесь делаешь?» — спросил Ларри.

«Я хотел, чтобы мы пошли домой вместе», — смиренно сказал Лео, — «но мне не хотелось заходить в дом того парня».

«Почему?» — спросил Ларри и сел на бордюр рядом с Лео.

Лео пожал плечами. «Я не знаю».

«Лео?»

«Что?»

«Для меня это очень важно, потому что Гарольд мне нравится. У меня к нему двойственное чувство. Тебе когда-нибудь приходилось двойственно относиться к кому-нибудь?»

«Мое чувство к нему однозначно».

«И что же это за чувство?»

«Страх, — просто ответил Лео. — Мы можем пойти домой к маме-Надин и маме-Люси?»

«Конечно».

Они пошли по Арапахоу. Лео продолжал играть с шариком для пинг-понга.

«Извини, что тебе пришлось так долго ждать», — сказал Ларри.

«Все о'кей».

«Да нет, действительно, если б я знал, я бы поторопился».

«Мне было чем заняться. Я нашел это у того парня на лужайке. Шарик для пинг-понга».

«Пинг-понга», — поправил Ларри машинально. «Как ты думаешь, почему Гарольд задерживает шторы?»

«Чтобы никто не мог заглянуть внутрь, наверное», — сказал Лео. — «Он занят какими-то тайными вещами. Он там прячется, как труп».

Они дошли до угла Бродвея и повернули на юг. Им встретился Дик Воллмен. Он приветственно махнул Ларри и Лео. Они помахали ему в ответ.

«Тайными вещами», — вслух повторил Ларри.

«Может быть, он там молится темному человеку», — небрежно обронил Лео, и Ларри дернулся, словно его ударило током.

«Ты действительно так думаешь?» — спросил Ларри, стараясь, чтобы его голос звучал непринужденно.

«Я не знаю. Но он не похож на нас. Он часто улыбается. Но мне кажется, там какие-то черви у него внутри. Они заставляют его улыбаться. Большие черви, которые пожирают его мозг».

«Джо... то есть Лео...»

Глаза Лео — темные, отсутствующие, китайские — внезапно прояснились. Он улыбнулся. «Смотри, вон Дайна. Мне она нравится. Эй, Дайна!» — закричал он, приветственно махнув рукой. — «У тебя есть жвачка?»

Дайна, занятая тем, что смазывала звездочку гоночного велосипеда, обернулась и улыбнулась. Она полезла в карман рубашки и достала пачку «Джуси Фрут». Со счастливым смехом Лео побежал к ней.

Эта мысль о белых червях за улыбкой Гарольда... как это Джо (*нет, Лео, его зовут Лео*) пришла в голову такая сложная — и такая кошмарная — идея? Мальчик был наполовину в трансе. И не только он один. Сколько раз за те немногие дни, что он пробыл здесь, Ларри замечал, как кто-нибудь останавливается на улице, как вкопанный, мгновение смотрит в пустоту, а потом идет дальше? Все изменилось. Казалось, само человеческое восприятие поднялось на новый уровень.

Это было чертовски страшно.

Ларри направился туда, где Лео и Дайна делили жвачку.

В тот день Стью застал Фрэнни за стиркой на маленьком дворике за их новым домом. Она обернулась и увидела его в воротах.

«Ха-ха, очень смешно. Сколько ты там уже стоишь, красавчик?»

«Пару минут. Чем это ты занимаешься? Похоже на брачный танец дикой лесной утки».

«Ха-ха». Она посмотрела на него холодно. «Еще одна такая шуточка, и спать тебе придется на кушетке. А можешь отправляться на Флэгстафф со своим дружком Гленом Бэйтменом».

«Послушай, но я не хотел...»

«Здесь, между прочим, и ваша одежда, мистер Редман. Хотя вы теперь у нас и отец-основатель, но это не мешает вам иногда пачкать трусы дерьмом».

Стью усмехнулся, а потом вынужден был рассмеяться. «Грубовато, радость моя».

«В данный момент я не склонна к вежливости».

«Когда моя жена занималась ручной стиркой», — сказал Стью, — «она пользовалась стиральной доской. Помнится, у моей матери их было штуки три».

«Я знаю», — раздраженно сказала Фрэнни. — «Мы с Джун Бринкмейер обошли пол-Боулдера в поисках этой штуки, но ни одной не нашли. Прогресс ушел далеко вперед».

Он снова заулыбался.

Фрэнни уткнула руки в бока. «Уж не пытаешься ли ты поиздеваться надо мной, а?»

Улыбка исчезла с его лица, и он обнял ее. «Ты знаешь, как я тебе благодарен за то, что ты стираешь мою одежду», — сказал он, — «и я знаю, что беременной женщине лучше известно, чем ее мужчине, что ей можно делать, а что нет. Но, Фрэнни, к чему эти хлопоты?»

«К чему?» Она посмотрела на него в недоумении. «Ну а что ты будешь носить? Будешь ходить в грязной одежде?»

«Фрэнни, магазины полны одеждой. И у меня часто встречающийся размер».

«Ты хочешь сказать, что одежду надо выбрасывать, только потому что она *грязная*?»

Он неуверенно пожал плечами.

«Ну уж нет», — сказала она. — «Это старые штучки. Вроде тех коробок, куда упаковывали Биг-Маки, и одноразовых бутылок. Нет смысла начинать все сначала».

Он нежно поцеловал ее. «Хорошо. Только следующая стирка — моя, ясно?»

«Прекрасно», — сказала она лукаво. — «А как скоро это будет? Когда я рожу?»

«Когда мы починим электричество», — сказал Стью. — «Тогда я притащу тебе самую большую стиральную машину на свете и сам запущу ее. А пока нам надо кое о чем поговорить».

«Предложение принимается». Она крепко поцеловала его, и он ответил на ее поцелуй. По всему ее телу распространилось тепло (не тепло, а жар, не надо стесняться, я вся горю, и так бывает всегда, когда он целует меня), от которого напряглись ее соски, и появилась приятная тяжесть внизу живота.

«Прекрати», — сказала она, слегка задыхаясь, — «а то одной беседой дело у нас не ограничится».

«Поговорим попозже».

«Одежда...»

«Пусть помокнет — грязь лучше отойдет», — сказал он серьезно. Она засмеялась, и он закрыл ей рот поцелуем. Он повел ее к дому, и она удивилась, как жарко светит солнце. *Бывало ли раньше так жарко? Может быть, это ультрафиолетовые лучи? Или высота? Неужели так бывает каждым летом? Так жарко?*

Уже на лестнице он стал раздевать ее, и жаркая волна подхватила ее тело.

«А теперь садись», — сказал он.

«Но...»

«Говорю тебе, садись».

«Стюарт, я туда выпала полпачки стирального порошка. Одежда просто *спиннется*».

«Не беспокойся».

Она села на раскладной стульчик под навесом. Стю снял ботинки и носки и закатал брюки по колено. Когда он шагнул в таз и начал с серьезным видом топтать одежду, она захихикала.

«Хочешь провести ночь на кушетке?»

«Нет, Стюарт», — сказала она покаянным тоном и снова начала хихикать... пока слезы не полились у нее из глаз и не заболели мускулы живота. Овладев собой, она спросила: «В третий и последний раз: о чем ты хотел со мной поговорить?»

«Этим вечером у нас будет первое заседание», — сказал Стю.

«У меня есть две коробки пива, сырные крекеры, пепперони...»

«Не о том речь, Фрэнни. Сегодня приходил Дик Эллис и сказал, что хочет выйти из комитета».

«Вот как?» Она была удивлена. Дик никогда не казался ей человеком, способным уйти от ответственности.

«Он сказал, что будет счастлив выполнять любую работу, как только у нас появится настоящий доктор, но

в данный момент это не в его силах. У него сегодня было двадцать пять пациентов, и одна из них — с гангреной на ноге. Гангрена, по всей видимости, началась из-за царапины, которую она получила, когда подползала под забор из колючей проволоки».

«Плохи дела».

«Дик спас ее... Дик и эта медсестра, которая пришла вместе с Андервудом. Высокая, красивая девушка. Ее зовут Лори Констебл. Дик сказал, что без нее женщина просто бы умерла. Так или иначе, они ампутировали ногу по колено. Операция продолжалась три часа, и они совершенно вымотались. А плюс к этому у них на руках маленький мальчик с судорожными припадками, и Дик ломает голову над тем, эпилепсия ли это, или внутричерепное давление, или диабет. Было несколько случаев пищевого отравления из-за того, что люди ели еду с истекшим сроком хранения. Он утверждает, что многие могут умереть, если мы не расклеим плакат с инструкцией о том, как пополнять продовольственные запасы. Так, на чем я остановился? Две сломанные руки, один случай гриппа...»

«Господи! Грипп?»

«Расслабься. Это обычный грипп. Аспирин сбивает температуру, больной не потеет... и приступ не повторяется. Никаких черных пятен на шее. Но Дик не знает точно, какими антибиотиками пользоваться. Он читает ночи напролет, чтобы это выяснить. А еще он боится, что грипп распространится, и начнется паника».

«А кто заболел?»

«Женщина по имени Рона Хьюэтт. Она пришла сюда пешком из Ларами, штат Вайоминг. Дик говорит, что от нее остались кожа да кости».

Фрэн кивнула.

«К счастью для нас, эта Лори Констебл, похоже, положила глаз на Дика, хотя он в два раза ее старше. Но я в этом ничего плохого не вижу».

«Как великодушно с твоей стороны удостоить их своего одобрения, Стюарт».

Он улыбнулся. «Как бы там ни было, Дику уже сорок восемь, и у него неважное сердце. Сейчас он не может

заниматься всем сразу... Фактически, он сейчас учится на доктора». Он серьезно посмотрел на Фрэн. «Я могу понять, чем он так привлек Лори. В наших краях он больше всех похож на героя. Он ведь обычный ветеринар и до смерти боится убить кого-нибудь».

«Стало быть, нам нужно подыскать для комитета кого-нибудь еще».

«Да. Ральф Брентнер ратует за этого Ларри Андервуда, да и из твоих слов следует, что он парень — что надо».

«Да. По-моему, он прекрасно справится. А сегодня я виделась с его леди. Она очень приятная и без ума от Ларри».

«Честно говоря, Фрэнни, мне не очень-то нравится, как он вывалил перед тобой всю свою биографию, при первой же встрече».

«По-моему, это случилось только потому, что я с самого начала была с Гарольдом. Похоже, он очень удивился, что я с тобой, а не с ним».

«Что он навоображал о Гарольде?»

«Спроси его и узнаешь».

«Наверное, я так и сделаю».

«Ты собираешься пригласить его в комитет?»

«Скорее да, чем нет». Он встал. «Мне хотелось бы включить в комитет старичка по имени Джадж, но ему семьдесят лет, а это уж слишком много».

«Ты говорил с ним о Ларри?»

«Нет, но Ник говорил. Джадж сказал ему, что Ларри — это не совсем тот человек, которого мы ищем. Он сказал, что Ларри только начинает обретать себя, но со временем он станет намного лучше».

«Очень лестная рекомендация».

«Да, — сказал Стью. — Но, прежде чем пригласить его в комитет, я все-таки спрошу у него, что он думает о Гарольде».

«Что там с Гарольдом?»

«С таким же успехом я могу спросить об этом у тебя, Фрэн. Ты ведь по-прежнему ощущаешь себя ответственной за него».

«Разве? Я не знаю. Но когда я думаю о нем, я каждый раз чувствую себя немного виноватой».

«Почему? Потому что я помешал ему? Фрэн, ты когда-нибудь хотела его?»

«Конечно, нет». Она чуть не вздрогнула.

«Однажды я солгал ему», — сказал Стью. — «Ну... это была не совсем ложь. Это случилось в тот день, когда мы встретились. Четвертого июля. Похоже, он еще тогда почувствовал, что может произойти. Я сказал, что не хочу тебя. Но как я мог тогда знать, захочу я тебя или нет? В книгах бывает любовь с первого взгляда, но в реальной жизни...»

Он остановился, и губы его расплылись в улыбке.

«Чему это ты улыбаешься, Стюарт Редман?»

«Я просто подумал, что в реальной жизни мне потребовалось...» Он почесал подбородок в раздумье. «Ну, скажем, часа четыре».

Она поцеловала его в щеку. «Это очень мило с твоей стороны».

«Это правда. Но так или иначе, мне кажется, что он запомнил мои слова и затаил на меня обиду».

«Он никогда не сказал о тебе ни одного плохого слова, Стью. И ни о ком другом».

«Это так», — согласился Стью. — «Он улыбается. Именно это-то мне и не нравится».

«Но ты ведь не думаешь, что он... вынашивает замыслы мести?»

Стью улыбнулся и встал. «Нет, только не Гарольд. Глен думает, что оппозиционная партия сформируется вокруг Гарольда. Это не страшно. Надеюсь, он не помешает нам в наших планах».

«Просто помни о том, что он напуган и одинок».

«И ревнив».

«Ревнив? Мне так не кажется. Но он может чувствовать себя отвергнутым. Думаю, он ожидал, что его включат в Организационный Комитет».

«Ник настоящ, чтобы его там не было, и мы согласились. Выяснилось, что никто из нас по-настоящему не доверяет ему».

«В Оганквите», — сказала она, — «он был самым невыносимым созданием, которое только можно себе пред-

ставить. Во многом это объяснялось его семейной ситуацией, как мне кажется... но после гриппа он начал меняться. Он начал стараться быть... мужчиной. А потом он изменился снова. Начал все время улыбаться. Больше с ним уже не поговоришь по душам. Он весь ушел в себя. Так бывает с людьми, которые переходят в новую религию или прочитывают...» Она запнулась, и в глазах у нее мелькнуло что-то, очень похожее на страх.

«Прочитывают что?»

«Что-то, что изменяет их жизнь, — сказала она. — *Капитал. Майн Кампф*. Или просто перехваченные любовные письма».

«Я не понимаю, о чем ты?»

«Гммм?» Она посмотрела на него, словно ее разбудили посреди дневного сна. «Ни о чем. Ты повидаешься с Ларри Андервудом?»

«Конечно... если с тобой все в порядке».

«Со мной все прекрасно. Иди. Встреча в семь часов. Если поторопишься, как раз успеешь поужинать».

«Хорошо».

«И не забудь спросить у него, что он думает о Гарольде».

«Не беспокойся», — сказал Стью. — «Не забуду».

«И наблюдай за его глазами, когда он будет отвечать, Стюарт».

Когда Стью небрежно спросил о его впечатлениях от Гарольда (речь о вакансии в организационном комитете еще не заходила), в глазах Ларри Андервуда появилось озадаченное и настороженное выражение.

«Фрэн рассказала о моем пристрастии к Гарольду?»

«Да».

Ларри и Стью сидели в гостиной небольшого домика. На кухне Люси готовила обед. Плита работала на газовом баллоне. Люси напевала отрывки из «Хонки Тонк Уимен», и голос ее звучал совершенно счастливо.

Стью закурил. Он ограничивал себя пятью-шестью штуками в день — ему не очень-то улыбалась перспектива быть прооперированным Диком Эллисом по случаю рака легких.

«Ну, все время, пока я следовал по пятам Гарольда, я повторял себе, что он может оказаться совсем не таким, каким я его себе представил. Так и случилось, но я все пытаюсь понять, что он за человек. Он был чертовски любезен. Гостеприимный хозяин. Мы с ним выпили за здоровье друг друга. Но...»

«Но?»

«Мы подошли к нему со спины. Лео и я. Он сооружал кирпичную стенку вокруг цветника и резко повернулся... не слышал, что мы подходим, пока я не заговорил... и в течение минуты я повторял самому себе: Господи, этот хлыщ сейчас меня убьет».

В дверном проеме появилась Люси. «Стью, вы останетесь на обед?»

«Спасибо, но Фрэнни ждет меня. Так что у меня есть только минут пятнадцать».

«Точно?»

«В следующий раз, Люси, спасибо».

«О'кей». Она вернулась на кухню.

«Вы пришли только для того, чтобы спросить о Гарольде?» — спросил Ларри.

«Нет», — сказал Стью, принимая решение. — «Я пришел спросить, не войдете ли вы в наш временный комитет. Один из нас, Дик Эллис, вынужден отказаться».

«Так вот оно что?» — Ларри подошел к окну и посмотрел на пустынную улицу. — «А я-то думал, что смогу вернуться к частной жизни».

«Принимать решение вам. Нам нужен один человек. Вас рекомендовали».

«Кто, если не секрет?»

«Поспрашивали у людей. Похоже, на Фрэнни вы произвели очень сильное впечатление. Ник Андрос говорил — ну, он, конечно, не говорит, но вы понимаете — с одним из людей, пришедших с вами. Его зовут Джадж Фэррис».

«Джадж дал мне рекомендацию? Здорово. Знаете что, вот кого вам надо включить в комитет. Он даст сто очков вперед самому дьяволу».

«Ник тоже так считает. Но ему семьдесят лет, а возможности нашей медицины довольно-таки ограничены».

«Так этот комитет не такой уж и временный, как можно было бы подумать, так ведь?»

Стью улыбнулся и немного расслабился. Он все еще не мог определить, как он относится к Ларри Андервуду, но было совершенно ясно, что у парня есть голова на плечах. «Ну-у-у, можно сказать и так. Мы хотим добиться, чтобы наш комитет был переизбран в полном составе».

«И желательно без возражений», — сказал Ларри. Взгляд его был дружелюбным, но острым — очень острым. «Могу я принести вам пива?»

«Лучше не стоит. Слишком много выпил с Гленом Бэйтменом пару дней назад. Фрэн — терпеливая девушка, но и ее терпению бывает предел. Ну, что скажете, Ларри? Присоединяетесь к нам?»

«Наверное... черт возьми, да. Я-то мечтал добраться сюда, пристроить своих людей и переложить ответственность на кого-нибудь другого».

«Сегодня вечером у нас состоится небольшое собрание по поводу митинга восемнадцатого числа. Сможете прийти?»

«Конечно. Можно взять с собой Люси?»

Стью медленно покачал головой. «Даже не говорите ей об этом. Мы хотим пока поддержать информацию в секрете».

Улыбка исчезла с лица Ларри. «Я не очень-то гожусь для плаща-и-кинжала, Стью. Лучше мне сразу сказать вам об этом. Мне кажется, то, что случилось в июне, случилось потому, что слишком много людей увлекалось этой игрой».

«Ну, а если бы речь шла о военном времени?»

«Не понимаю».

«Тот человек, который снился нам. Сомневаюсь, что он просто исчез».

Ларри удивленно задумался.

«Глен говорит, что не понимает, почему никто не обсуждает наши сны», — продолжил Стью. — «Возможно, люди все еще оглушены. Все, что они хотят, — это зализать свои раны и похоронить своих мертвецов. Но если Матушка Абагейл здесь, то тогда *он* должен быть там. Может быть,

большинство наших людей и не думают о нем, но я готов прозакладывать душу, что он думает о нас».

«Думаете, он следит за нами? — сказал Ларри тихо. — Подходящая мысль перед обедом. Улучшает аппетит».

«Ларри, я сам ни в чем не уверен. Но Матушка Абагейл говорит, что это не кончится, пока он не одолеет нас, или мы — его».

«Надеюсь, она не говорит об этом на людях. А то эти все убегут в Австралию».

«Я-то думал, что вы не сторонник секретности».

«Да, но это...» Ларри запнулся. Стью дружелюбно улыбался, и Ларри улыбнулся ему в ответ, но довольно кисло. «О'кей. Вам очко. Мы все обсудим и будем держать языки за зубами».

«Прекрасно. Встретимся в семь».

«Непременно».

Они вместе направились к двери. «Еще раз спасибо Люси за приглашение», — сказал Стью. — «Вскоре мы с Фрэнни обязательно его примем».

«О'кей». Когда Стью уже подошел к двери, Ларри окликнул его.

Стью обернулся и вопросительно посмотрел на Ларри.

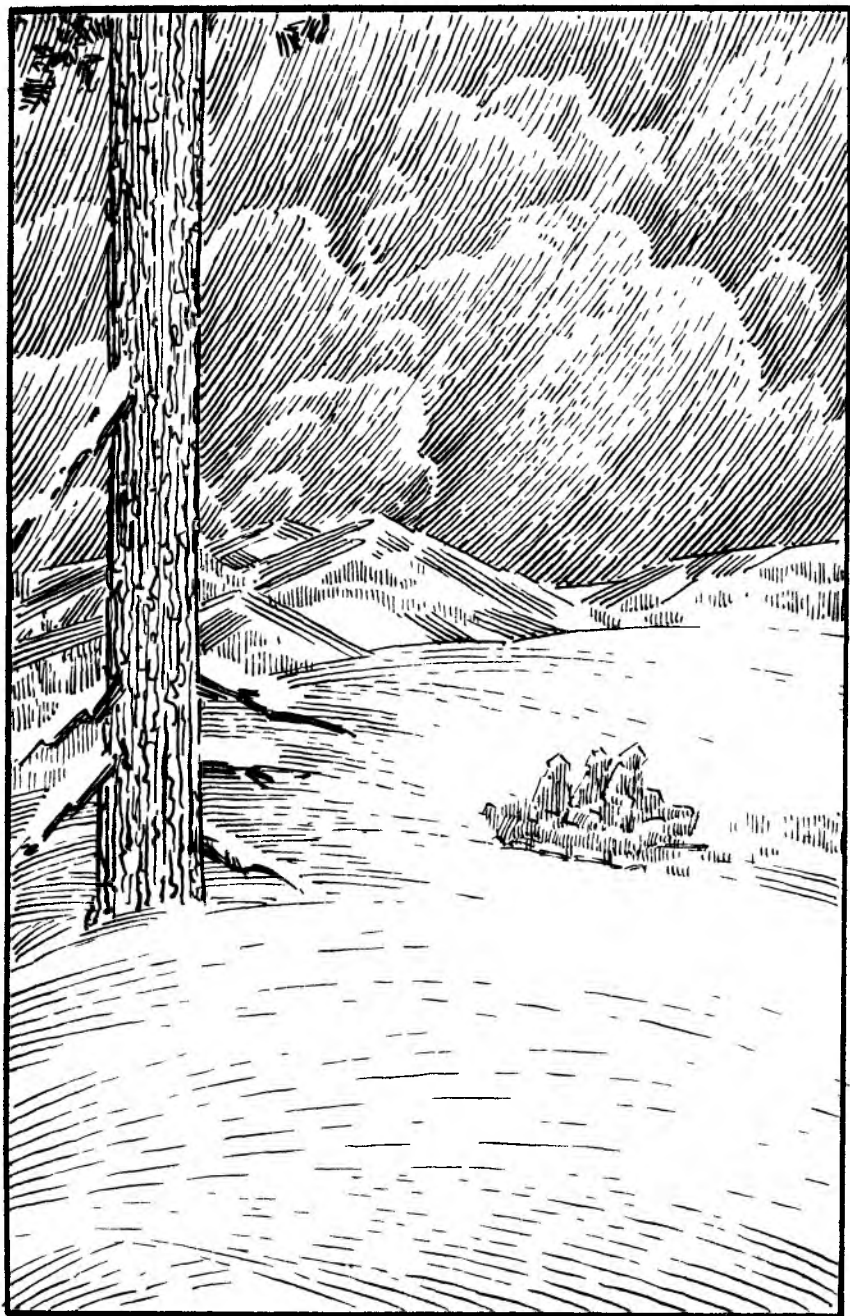
«С нами из Мэна пришел мальчик», — медленно произнес Ларри. «Его зовут Лео Роквей. У него есть свои трудности. Мы с Люси заботимся о нем вместе с женщиной по имени Надин Кросс. Надин и сама со странностями, вы знаете об этом?»

Стью кивнул. В городе ходили кое-какие слухи о странной сцене, разыгравшейся между Матушкой Абагейл и Надин Кросс, когда Ларри привел свою группу.

«Надин заботилась о Лео одна, пока я с ними не встретился. Лео видит людей насквозь. И не он один. Может быть, всегда существовали такие люди, но после гриппа их стало чуть-чуть больше. И Лео... он не захотел войти в дом Гарольда. Даже на лужайке не пожелал остаться. Это... довольно забавно, не так ли?»

«Пожалуй», — согласился Стью.

Мгновение они задумчиво смотрели друг на друга, а потом Стью пошел домой ужинать. Во время еды они с

А.Н. МИРОНОВ 93

Фрэн почти не разговаривали. Когда она домыла последнюю тарелку, пришли первые участники собрания.

После того, как Стью ушел к Ларри, Фрэнни бросилась вверх в спальню. В углу шкафа лежал ее спальный мешок, с которым она проехала через всю страну. Личные вещи она хранила в небольшой сумке на молнии. Большинство этих вещей уже нашли свое место в их новой квартире, но некоторые по-прежнему лежали в сумке на дне спального мешка. Там же был и ее дневник.

Она вытащила его и задумчиво на него посмотрела. С тех пор как они приехали в Боулдер, она сделала всего лишь восемь или девять записей, да и те были очень короткими. За последние четыре дня она не вписала туда ни слова. Похоже, она совсем забыла о дневнике, хотя и твердо намеревалась вести его, когда они устроятся на новом месте. Для ребенка.

Она листала страницу за страницей, и вдруг одна из них чем-то привлекла ее внимание. Вверху были слова: *занимались любовью дважды*, но не на них остановился ее взгляд. В нижней части страницы, рядом с какой-то болтовней о материнском инстинкте, она увидела темный, жирный отпечаток пальца.

Ну, конечно, я ведь целый день ехала на мотоцикле, — пронеслось у нее в голове, — хотя я и умывалась при каждом удобном случае, но руки ведь все равно пачкаются, и...

Она подняла руку, вовсе не удивившись тому, что она дрожит, и приложила свой большой палец к отпечатку. Отпечаток был значительно больше.

Ну, конечно, он больше, — сказала она самой себе. — Когда размажешь грязь, естественно, пятно станет больше. Вот и все, вот и единственная причина этого...

Но отпечаток вовсе не был так уж размазан. Линии и завитки проступали достаточно четко.

И это не был жир или масло, не стоило себя обманывать.

Это был высохший шоколад.

Шоколадная карамель, — подумала Фрэнни.

Мгновение она даже боялась обернуться, опасаясь, что над своим плечом она увидит ухмылку Гарольда, повисшую в воздухе, как улыбка Чеширского Кота из «Алисы в стране чудес». Его губы раздвинутся, и он торжественно произнесет: *У каждой собаки есть свой день, Фрэнни. У каждой собаки есть свой день.*

Но даже если Гарольд тайком прочитал ее дневник, то значит ли это, что он вынашивает планы тайной вендетты против нее, Стью или кого-нибудь еще? Конечно, нет.

Но Гарольд изменился, — прошептал ее внутренний голос.

«Черт возьми, не так уж сильно он изменился!» — выкрикнула она в пустую комнату. Она слегка вздрогнула от звука своего собственного голоса и напряженно рассмеялась. Потом она спустилась вниз и начала готовить ужин. Они будут ужинать раньше из-за собрания... но неожиданно собрание уже не показалось ей таким важным, как раньше.

*Выдержки из стенограммы собрания
Организационного Комитета,
состоявшегося 13 августа 1990 года*

Собрание было проведено на квартире у Стью Редмана и Фрэнсис Голдсмит. Присутствовали все члены Организационного Комитета, в их числе: Стюарт Редман, Фрэнсис Голдсмит, Ник Андрос, Глен Бэйтмен, Ральф Брентнер, Сюзан Стерн и Ларри Андервуд.

Ведущим собрание был избран Стюарт Редман. Секретарем была избрана Фрэнсис Голдсмит...

Стью Редман продемонстрировал плакат, сочиненный в связи с пищевыми отравлениями Диком Эллисом и Лори Констебл и брошко озаглавленный ЕСЛИ ВЫ ЕДИТЕ, ТО ДОЛЖНЫ ЭТО ПРОЧЕСТЬ. Он сказал, что Дик хочет, чтобы плакат был напечатан и расклеен по Боулдеру еще до митинга восемнадцатого августа, так как в городе было уже пятнадцать случаев пищевого отравления, причем

два из них — очень серьезные. Комитет единогласно проголосовал за то, чтобы Ральф изготовил тысячу копий плаката Дика и поручил десяти людям расклеить их по всему городу...

Сюзан Стерн сделала сообщение еще об одной проблеме, которую Дик и Лори попросили обсудить на собрании. Оба они считают, что надо создать Похоронный Комитет. По мнению Дика, это должно стать одним из пунктов повестки дня всеобщего митинга. Все мы знаем, что в Боулдере удивительно мало трупов, если учесть его население до эпидемии, но мы не знаем, что является причиной этого... да она сейчас и не важна. Но так или иначе, в городе остались тысячи тел, и если мы хотим здесь жить, нам надо от них избавиться.

Стью спросил, насколько эта проблема серьезна в настоящий момент, и Сью ответила, что по-настоящему серьезной она станет только к осени, когда сухая, жаркая погода сменится влажной и дождливой.

Ларри внес предложение внести вопрос о создании Похоронного Комитета в повестку митинга 18 августа. Предложение было принято единогласно.

Потом Ральф Brentner зачитал заявление, подготовленное Ником Андросом. Я привожу его слово в слово.

«Один из самых важных вопросов, стоящих перед нашим комитетом, заключается в том, должны ли мы во всем довериться Матушке Абагейл и рассказывать ей обо всем, что происходит на наших собраниях, как открытых, так и закрытых? Вопрос этот может быть сформулирован и иначе: Должна ли Матушка Абагейл во всем довериться нашему комитету и рассказывать нам обо всем, что происходит на ее встречах с Богом... в особенности на закрытых?»

Все это может звучать как полная чепуха, но на самом деле это сугубо прагматический вопрос. Нам надо определить место Матушки Абагейл в нашем сообществе, так как наша задача заключается не

только в том, чтобы снова встать на ноги. Если бы дело было только в этом, она нам вообще бы не была нужна. Но, как мы все знаем, существует еще и проблема темного человека или, как его называет Глен, Врага. Мое доказательство его существования элементарно, и мне кажется, что большинство жителей Боулдера согласятся с моими доводами: мне снилась Матушка Абагейл, и она существует на самом деле; мне снился темный человек, и, следовательно, он должен существовать, хотя я его никогда не видел. Все здесь любят Матушку Абагейл, да я и сам ее люблю. Но мы далеко не уйдем — собственно говоря, мы вообще не сдвинемся с места, — если она не одобрит наши начинания.

Сегодня я пришел к ней и прямо задал ей вопрос, пойдет ли она вместе с нами. Она сказала, что пойдет, но у нее есть свои условия. Она была очень откровенна. Она сказала, что у нас есть полная свобода в том, что касается руководства «земной жизни» общества — так она выразилась. Уборка улиц, распределение жилья, ремонт электростанции.

Но она ясно заявила, что с ней должны советоваться по *всем* вопросам, имеющим отношение к темному человеку. Она верит в то, что мы являемся фигурами в шахматной партии между Богом и Сатаной. Главным агентом Сатаны в этой партии является Враг, который называет себя Рэнделлом Флеггом. По причинам, которые лучше знать Ему самому, Бог избрал ее *Своим* главным представителем. Она верит — и в этом я с ней согласен, — что приближается борьба не на жизнь, а на смерть. Она считает, что эта борьба — и есть самое важное, и она абсолютно непреклонна в том, что мы должны советоваться с ней по всем вопросам, связанным с этой борьбой... *и с ним.*

Я не хочу вдаваться в религиозную подоплеку всего этого и спорить о том, права она или нет, но совершенно очевидно, что даже если мы отбросим всю подоплеку, перед нами стоит проблема, с кото-

рой мы *обязаны* считаться. В связи с этим у меня есть несколько предложений».

Последовало обсуждение заявления Ника.

Ник внес предложение изъять из рассмотрения комитета всю теологическую, религиозную или сверхъестественную подоплеку проблемы Врага. Оно было принято единогласно.

Тогда Ник предложил, чтобы главной секретной задачей комитета было признано сопротивление силе, известной под именем темного человека, Врага и Рэнделла Флегга. Глен Бэйтмен поддержал предложение, добавив, что время от времени могут появляться и другие задачи — как например, создание Похоронного Комитета, — которые также являются очень важными. Предложение прошло единогласно.

Потом Ник внес свое самое первое предложение о том, что мы должны информировать Матушку Абагейл о всех делах комитета. Принято единогласно.

По просьбе Ника комитет перешел к непосредственному обсуждению проблемы темного человека. Ник предложил послать на запад трех добровольцев, чтобы они внедрились в лагерь темного человека и узнали, что там происходит.

Сью Стерн немедленно вызвалась быть добровольцем. После обсуждения Глен вынес предложение запретить всем членам Организационного Комитета, как временного, так и постоянного, который будет избран на митинге, участвовать в качестве добровольцев в выполнении этой задачи. Сью Стерн спросила, в чем причина этого.

Глен: «Мы все уважаем твое искреннее стремление помочь, Сюзан, но мы просто не знаем, вернутся ли те люди, которых мы посылаем, а если да — то когда это произойдет и в каком они будут виде. А пока у нас много работы по приведению в порядок жизни в Боулдере. Если ты уйдешь, нам придется вводить на твое место кого-то нового и посвящать его во все

наши дела. По-моему, мы просто не можем позволить себе такой напрасной траты времени».

Сью: «Наверное, ты прав... или по крайней мере благоразумен... но иногда мне приходится удивляться, совпадают ли эти две вещи. Ты говоришь, что мы не можем послать никого из комитета, потому что мы так чертовски незаменимы. Ну и мы просто... просто...»

Стью: «Прячемся за чужими спинами?»

Сью: «Да, спасибо. Именно это я и хотела сказать. Мы прячемся за чужими спинами, а сами посылаем туда кого-нибудь другого, кто может быть распят на телеграфном столбе, или еще что-нибудь похуже».

Ральф: «Что может быть хуже?»

Сью: «Я не знаю, но если кто и *знает*, так это Флегг».

Глен: «Но мы теперь политики. Первые политики новой эры. Нам остается только надеяться, что причина, по которой мы подвергаем жизнь других людей опасности, более справедлива, чем те причины, по которым прежние политики делали то же самое».

Стью: «Никогда не думал, что стану политиком».

Ларри: «Добро пожаловать в клуб».

Предложение Глена о том, что никто из членов комитета не может пойти в разведку, было принято единогласно.

После этого началось обсуждение того, каких людей следует посылать в разведку и какие задачи перед ними надо ставить.

Ларри: «У меня есть предложение. Я бы послал Джаджа Фэрриса».

Сью: «Что? Этого старика? Ларри, ты, наверное, спятил».

Ларри: «Он самый проникательный человек из всех, кого я встречал. Кстати, ему всего лишь семьдесят. Рональд Рейган был президентом и в более преклонном возрасте».

Фрэн: «Я бы не сказала, что это очень хорошая рекомендация».

Ларри: «Но он здоров и крепок. И я думаю, темный человек не заподозрит, что мы пошлем шпионить за ним какого-то старичка... а его подозрения мы должны принимать во внимание. Не удивлюсь, если узнаю, что он выставил специальных часовых, которые проверяют проходящих к нему людей на предмет их шпионской принадлежности. И кроме того — я знаю, что это прозвучит грубо, в особенности для Фрэн, — но если мы потеряем его, то нам не придется терять человека, которого ожидают впереди добрых пятьдесят лет жизни».

Фрэн: «Ты прав. Это действительно звучит грубо».

Ларри: «Я могу добавить только то, что Джадж согласится. Он действительно хочет помочь. И я действительно думаю, что он сумеет это сделать».

Глен: «Кто-нибудь еще хочет высказаться по этому поводу?»

Ральф: «Я не знаю этого джентльмена. Но, по-моему, неправильно подвергать человека опасности только потому, что он стар. В конце концов, вспомните, кто нами руководит — старая леди, которой за сто лет».

Сью: «Послушай, Ларри. Что если он проведет темного человека, а потом умрет от сердечного приступа, возвращаясь к нам?»

Стью: «Это может случиться почти с каждым. Или просто несчастный случай. По-моему, Ларри прав. Такого хода Флегг от нас не ждет. Я поддерживаю предложение. Кто за?»

Принято единогласно.

Сью: «Ну, я поддержала твое предложение, Ларри — может быть, ты теперь поддержишь мое».

Ларри: «Да, такова политика. Так кого ты выдвигаешь?»

Сью: «Дайну».

Ральф: «Какую Дайну?»

Сью: «Дайну Джургенс. Она самая мужественная женщина из всех, кого я знаю. Конечно, у нее есть один недостаток: ей еще нет семидесяти, но думаю, если мы объясним ей, в чем дело, она согласится».

Фрэн: «Да — раз уж это действительно необходимо, то она подходит для этого. Я поддерживаю предложение».

Стью: «О'кей, кто за?»

Принято единогласно.

Глен: «Номер третий?»

Ник (Ральф читает): «Если Фрэн не понравилось предложение Ларри, боюсь, мое ей не понравится еще сильнее. Я предлагаю...»

Ральф: «Ник, ты сошел с ума!»

Стью: «Давай, Ральф, читай».

Ральф: «Ну ладно... здесь написано, что он предлагает... Тома Каллена».

Общий хохот.

Стью: «О'кей. Ник берет слово. Он исписал уже кучу бумаги, так что читай, Ральф».

Ник: «Во-первых, я знаю Тома так же хорошо, как Ларри знает Джаджа, а может быть, и лучше. Он любит Матушку Абагейл. Он готов пойти ради нее на все, в том числе и на то, чтобы быть поджаренным на медленном огне. Это действительно так, безо всяких гипербол».

Фрэн: «Ну, Ник, никто же с этим не спорит, но Том...»

Стью: «Помолчи, Фрэн — слово у Ника».

Ник: «Во-вторых, Враг не ожидает, что мы пошлем шпионить за ним умственно отсталого. Ваша единая реакция на мое предложение может быть самым лучшим аргументом в его пользу».

В-третьих, я хочу сказать, что хотя у Тома и есть задержка в умственном развитии, он не дурак. Однажды во время урагана он спас мне жизнь, и действовал он гораздо быстрее, чем кто бы то ни было в его ситуации. Том ведет себя как ребенок, но и ребенка можно кое-чему научить. Мы можем нау-

чить Тома какой-нибудь очень простой истории. В конце концов, даже если они поймут, откуда он, они могут предположить, что мы просто отослали его, потому что...»

Сью: «Потому что мы не хотели, чтобы он портил нам наследственность — здорово придумано».

Ник: «...потому что он умственно отсталый. Он может даже сказать, что ненавидит тех, кто прогнал его, и хочет вернуться, чтобы отомстить им».

Фрэн: «Нет, я просто не могу поверить...»

Стью: «Слово у Ника. Давайте соблюдать очередность».

Фрэн: «Да, извините меня».

Ник: «Кому-то из вас может показаться, что из Тома, потому что он умственно отсталый, будет легче вытрясти его историю, чем у человека с более развитым умом, но...»

Ларри: «Да».

Ник: «...но на самом деле, верно как раз обратное. Если я скажу Тому, что он просто *должен* придерживаться той истории, которую я ему расскажу, он так и сделает. И никакие попытки не заставят его отказываться от нее».

Сью: «Но если он так сроднится со своей выдуманной историей, то как он поймет, что пора возвращаться?»

Ральф: «Извините меня, мадам, но, похоже, здесь как раз об этом и написано».

Сью: «Ааа».

Ник (читает Ральф): «Мы можем попросить у Стена Ноготни сделать ему внушение в состоянии гипноза. У Стена была небольшая гипнотическая практика на вечеринках. Он попробовал загипнотизировать Тома, и это у него прекрасно получилось. Мы можем внушить ему, например, что он должен вернуться, когда луна будет полной. А когда он вернется, то, погрузив его в глубокий гипноз, мы сможем заставить его вспомнить все, что он видел».

Ральф: «Это конец записи».

Сью: «У меня вопрос, Ник. Ты собираешься запрограммировать Тома не выдавать никакой информации о том, что мы делаем?»

Глен: «Ник, позволь я отвечу на этот вопрос, а если ты будешь со мной несогласен, то просто покачай головой. Мне кажется, Тома вообще не надо программировать. Пусть расскажет все, что он о нас знает. Флегту и так почти все известно о нас».

Ник: «Совершенно верно».

Глен: «Так я поддерживаю предложение Ника. На мой взгляд, проигрывать нам нечего — мы можем только выиграть. Это очень смелая и оригинальная идея».

Фрэн: «Ты говоришь, что проигрывать нам нечего, Глен. Ну, а как же сам Том? А как же наши собственные души? Как ты можешь быть таким хладнокровным? И Ник, гипнотизировать его, чтобы он вел себя, как... как курица, которой голову засунули в мешок? Как тебе не стыдно! А я-то думала, что он твой друг!»

Стью: «Фрэн...»

Фрэн: «Нет уж, я скажу. Неужели вы действительно хотите превратить этого милого мальчика в смертника? Неужели вы не понимаете, что мы начинаем все старое дерьмо сначала? Что мы будем делать, если они убьют его, Ник? Что мы будем делать, если они убьют их всех? Выращивать новые вирусы? Улучшенную версию Капитана Шустрика?»

Наступила пауза, во время которой Ник писал ответ.

Ник (читает Ральф): «То, что сказала Фрэн, на меня очень глубоко подействовало, но я по-прежнему настаиваю на этой кандидатуре. Я не чувствую никакой радости по поводу того, что мы пошлем Тома туда, где он может быть подвергнут пыткам и убит. Но я хочу указать на то, что он сделает это ради Матушки Абагейл и ее идей, а не ради нас. Я уверен в том, что мы должны использовать все

находящиеся в нашем распоряжении средства, чтобы предотвратить угрозу с запада. Он распинает людей. Я знаю это из моих снов. Я знаю и то, что некоторым из вас также снился этот сон. Он снился и самой Матушке Абагейл. И я знаю, что Флегт — это зло. Если кто и разработает новую разновидность Капитана Шустрика, так это он — чтобы применить ее против нас. Мы должны остановить его, пока это еще в наших силах».

Фрэн: «Все это правда, Ник. С этим я не могу спорить. Я знаю, что он несет с собой зло. Но мы пытаемся остановить его с помощью его же средств. Я буду голосовать против. Если уж нам придется посылать людей на запад, то давайте по крайней мере посылать тех, кто понимает, на что идет».

Стью: «Кто-нибудь еще хочет высказаться?»

Глен: «Давайте голосовать, Стью».

Стью: «Хорошо, пойдем по кругу. Я голосую за».

Фрэн: «Против».

Стью: «Глен?»

Глен: «За».

Стью: «Сью?»

Сью: «Против».

Стью: «Ник?»

Ник: «За».

Стью: «Ральф?»

Ральф: «Ну, мне эта идея не особенно нравится, но раз Ник ее поддерживает, то я голосую «за».

Стью: «Ларри?»

Ларри: «За».

Стью: «Предложение принимается пятью голосами против двух».

Фрэн: «Стью?»

Стью: «Да?»

Фрэн: «Я хочу переголосовать. Раз уж мы действительно пошлем Тома туда, то лучше сделать это всем вместе. Извини, что я подняла такой переполох, Ник. Фрэнни голосует «за».

Сью: «Тогда я тоже. Единым фронтом».

Стью: «Повторное голосование единогласно. Вот платок, Фрэн. И я хочу, чтобы в стенограмме было зафиксировано, что я люблю тебя».

Ларри: «На этой ноте нам следует разойтись».

Сью: «Поддерживаю».

Принято единогласно.

«Ты идешь спать, Стью?»

«Да. Уже поздно?»

«Почти полночь».

Стью вошел в комнату с балкона. На нем были надеты одни белые шорты. Фрэнни в очередной раз удивилась уверенной глубине того чувства, которое она к нему испытывала.

«Думаешь о собрании?»

«Да, думал». Он налил себе стакан воды из графина на ночном столике и сморщился от пресного, кипяченого привкуса. «Ты права, Фрэнни. Это грязное дело — посылать шпионов. Единственная неувязка в том, что Ник тоже прав. Что делать в такой ситуации?»

«Проголосовать, как велит тебе совесть, и спать спокойно».

Она протянула руку к керосиновой лампе. «Гасить свет?»

«Да». Она погасила лампу, и он скользнул рядом с ней под одеяло. «Спокойной ночи, Фрэнни», — сказал он. «Я люблю тебя».

Она лежала, глядя в потолок. Она уже примирилась с их решением насчет Тома Каллена... но грязный шоколадный отпечаток никак не шел у нее из головы.

У каждой собаки есть свой день, Фрэн.

Может быть, надо сказать Стью прямо сейчас, — подумала она. Но ведь это ее трудности. Она просто должна подождать... понаблюдать... и посмотреть, не случится ли чего.

Заснула она не скоро.

ГЛАВА 49

Рано утром матушка Абагейл лежала в постели без сна. Она пыталась молиться.

Она поднялась, не зажигая лампу, и встала на колени в своей белой хлопчатобумажной ночной рубашке. Она прижалась лбом к Библии, которая была открыта на Деяниях Апостолов. Обращение непреклонного старого Савла на Дамасской дороге. Он был ослеплен светом, и пелена спала с его глаз. Деяния Апостолов были последней книгой в Библии, в которой доктрина подкреплялась чудесами, а что такое чудо, как не рука Бога в действии?

И ее глаза были закрыты пеленой. Суждено ли этой пелене когда-нибудь упасть?

«Укажи на мой грех, Господь. Я пребываю в неведении. Я знаю, что не обратила внимания на что-то, что должна была увидеть. Я не могу спать, не могу испражняться, и я не ощущаю Тебя, мой Господь. Я чувствую себя так, словно молюсь по испорченному телефону, а сейчас неподходящее время для таких чувств. Чем я оскорбила Тебя? Я слушаю, Господи. Я внимаю голосу моего сердца».

И она действительно слушала. Она закрыла глаза ладонями, склонилась еще ниже и попыталась очистить свое сознание. Но там все было темно.

Прошу Тебя, господи, прошу Тебя...

Но перед ее внутренним взором возникала лишь одинокая грязная дорога в море кукурузы. На ней была женщина с торбой, в которой лежали только что убитые куры. Появились ласки. Они бросались вперед и вцеплялись зубами в мешок. Они чувствовали запах крови, старой крови греха и свежей крови жертвы. Она слышала, как старая женщина возносит свои молитвы Господу, но голос ее был слабым и жалким, капризный голос, который не молил смиренно о том, чтобы исполнилась воля Бога, какое бы ей ни было отведено место в его планах, а требовал, чтобы Бог спас ее и она смогла бы закончить работу... свою работу... словно она знала, чего хочет Бог, и могла требовать подчинения Его воли своей. Ласки становились все смелей и смелей. В торбе появились

большие дыры. А когда они съедят кур, им этого покажется мало, и они примутся за нее. Да. Так они и сделают...

А потом ласки разбежались в разные стороны, не доев свою добычу, и она подумала, в ликование: *Бог все-таки спас меня! Да возвеличится Имя Его! Бог спас свою преданную и верную слугу.*

Не Бог, старуха. Я.

Она обернулась, и на обочине, выйдя из кукурузы, словно серебристое привидение, стоял огромный горный волк, и челюсти его раскрылись в сардонической ухмылке, а глаза его горели. Вокруг его толстой шеи был побитый серебристый воротник, и с него свисал маленький кусочек черного янтаря... а в центре его была крошечная красная щель, похожая на глаз. Или на ключ.

Я приду за тобой, Матушка. Не сейчас, но очень скоро. Мы затравим вас, как собаки травят оленей. Я — все, что ты обо мне думаешь, но я больше этого. Я волшебник. Я человек, который разговаривает с будущим. Твои люди знают меня лучше, чем ты, Матушка. Они называют меня Джоном Завоевателем.

Уходи! Оставь меня во имя Всемогущего Господа!

Но как она была испугана! Не за людей, окружавших ее, которых во сне символизировали куры в торбе, но за саму себя. Она боялась за свою душу.

Твой Бог не имеет надо мной никакой силы, Матушка. Он слишком слаб.

Нет! Неправда! Моя сила равна силе десяти человек. Я поднимусь на крыльях, как орлы...

Но волк усмехнулся и подошел ближе. Она вздрогнула, ощутив его тяжелое дыхание. Страх ее достиг максимальной степени. И волк, по-прежнему усмехаясь, начал говорить двумя голосами, спрашивая, а потом отвечая самому себе.

«Кто добыл воду из скалы, когда мы мучались жаждой?»

«Я», — ответил волк тоненьким наглым голоском.

«Кто спас нас, когда мы потеряли мужество?» — спросил усмехающийся волк, пасть которого была теперь от нее на расстоянии всего лишь нескольких дюймов.

«Я», — проскулил волк, подбираясь еще ближе. «Так пади ниц и восхвали мое имя, я принес воду в пустыню, восхвали мое имя, я верный и преданный слуга, который приносит воду в пустыню, и мое имя — это также и имя моего Повелителя...»

Пасть волка раскрылась, чтобы поглотить ее.

«...мое имя», — пробормотала она. «Восхвали мое имя, вознеси хвалу Богу, источнику благодати, вознесите хвалу Ему вы, создания, живущие на земле...»

Она подняла голову и оглядела комнату. Ее Библия упала на пол. В окне, обращенном на восток, занималась заря.

«О, Господи!» — закричала она громким, дрожащим голосом.

Кто добыл воду из скалы, когда мы мучились жаждой?

Господи, так вот почему пелена застилала ее глаза и мешала ей видеть то, что она должна была видеть?

Горькие слезы полились у нее из глаз. С трудом она поднялась с пола и подошла к окну. Артрит вонзал тупые иглы в суставы ее ног.

Она посмотрела в окно. Теперь она знала, что ей надо делать. Она вернулась к шкафу и сняла через голову свою ночную рубашку. Рубашка упала на пол. Теперь она стояла обнаженной, и тело ее было таким морщинистым, словно оно было руслом реки времени.

«Да исполнится воля Твоя», — сказала она и начала одеваться.

Через час она медленно шла по Мэплтон Авеню в направлении лесных зарослей и узких ущелий за пределами города.

Стью был на электростанции вместе с Ником, когда ворвался Глен. «Матушка Абагейл», — сказал он без всяких предисловий, — «Она ушла».

Ник метнул в него острый взгляд.

«Что ты такое говоришь?» — спросил Стью, отводя его от группы людей, наматывавших медную проволоку на неисправные генераторы.

Глен кивнул. Он проехал пять миль на велосипеде и до сих пор не мог перевести дух.

«Я пришел ей рассказать о вчерашнем собрании. Я хотел, чтобы она узнала насчет Тома, потому что я как-то засомневался в этой идее... наверное, на меня подействовали слова Фрэнни. Я хотел сделать это пораньше, потому что Ральф сказал, что сегодня приходят еще две группы, а вы ведь знаете, что она любит принимать новоприбывших. Я пришел около половины девятого. *Она не ответила на стук, и я вошел.*

Я подумал, что если она спит, то я просто уйду... но я хотел убедиться, что она не... не умерла или что-нибудь в этом роде... ведь ей *столько лет*».

Ник ни разу не оторвал глаз от губ Глена.

«Но ее там вообще не оказалось. А это я нашел у нее на подушке». Он протянул им листок бумаги. Крупным, дрожащим почерком там было написано:

Мне надо на какое-то время уйти. Я согрешила и возомнила, что знаю волю Бога. Моим грехом была ГОРДОСТЬ, и Он хочет, чтобы я опять обратилась к Нему.

Скоро я снова буду с вами, если будет на то Божья воля.

Эбби Фримантл

«Что же нам теперь делать?» — спросил Стью. «Как ты думаешь, Ник?»

Ник взял записку и перечитал ее. Потом он отдал ее Глену. Выражение боли исчезло с его лица, осталась только грусть.

«По-моему, нам надо перенести общий митинг на сегодняшней вечер», — сказал Глен.

Ник покачал головой. Он достал свой блокнот, что-то написал на страничке, вырвал ее и вручил Глену. Стью прочитал записку, заглянув Глену через плечо.

«Человек предполагает, Бог располагает. Матушке Абгейл нравилось это выражение, она часто его повторяла. Глен, ты сам говорил, что она руководствуется в своей

жизни иными принципами, чем мы. Что делать? Она ушла. Мы не можем этого изменить».

«Но ведь поднимется волнение...» — начал Стью.

«Конечно, поднимется волнение», — сказал Глен. «Ник, не стоит ли нам по крайней мере устроить заседание комитета и обсудить проблему?»

Ник нацарапал: «С какой целью? Зачем устраивать собрание, которое ничего не сможет решить?»

«Ну, мы можем организовать поисковый отряд. Она не могла уйти далеко».

Ник два раза обвел в кружок фразу: «*Человек предполагает, а Бог располагает*». Ниже он написал: «Если вы найдете ее, то как вы собираетесь привести ее сюда? В цепях?»

«Конечно, нет!» — воскликнул Стью. «Но мы не можем просто так бросить ее на произвол судьбы, Ник! У нее появилась какая-то вздорная идея, что она обидела Бога. Что, если она решит пойти в какие-нибудь проклятые заросли, как какой-то парень из Ветхого Завета?»

Ник написал: «Я почти уверен в том, что именно это она и сделала».

«Ну так пойдем за ней!»

Глен положил руку Стью на плечо. «Погоди минутку, Восточный Техас. Давай-ка рассмотрим подоплеку этого дела».

«К черту эту подоплеку! Я не вижу никакой подоплеки в том, чтобы позволить старой женщине бродить черт знает где день и ночь, пока она не умрет от солнечного удара или переохлаждения!»

«Она не обычная старая женщина. Она — Матушка Абагейл, и здесь она выступает в роли местного Папы Римского. Если Папа решит отправиться в Иерусалим, разве правоверный католик станет отговаривать его?»

«Черт возьми, но ты же понимаешь, что это не одно и то же!»

«Нет, это как раз одно и то же. Во всяком случае, так считают жители Свободной Зоны. Стью, готов ли ты ответственно утверждать, что Бог и в самом деле *не* велел ей уйти в леса?»

«Не-еет... Но...»

Все это время Ник что-то писал, а теперь он протянул листок Стью.

«Стью, это ничего не меняет, разве что пострадает боевой дух Свободной Зоны. Да и в этом я не уверен. Люди не станут разбегаться, только потому что она ушла. Но это означает, что нам не придется немедленно посвящать ее в наши планы. Может быть, это и к лучшему».

«Я схожу с ума», — сказал Стью. «Иногда мы говорим о ней, как о препятствии, которое надо преодолеть, как будто она — это затор на дороге. А иногда ты говоришь о ней так, словно она Папа Римский и не может ни в чем ошибиться, даже если захочет. Но я *люблю* ее. Чего ты хочешь, Ники? Чтобы кто-нибудь споткнулся о ее труп этой осенью в одном из ущелий к западу от города? Хочешь оставить ее там, чтобы из нее получилась... священная пища для ворон?»

«Стью», — мягко сказал Глен. «Ведь она сама решила уйти».

«Черт возьми, какая чепуха», — сказал Стью.

К полудню новость об исчезновении Матушки Абагейл распространилась. Как Ник и предсказывал, общим чувством оказалось скорбное смирение, а не тревога. Люди решили, что она ушла, чтобы молиться о Божьем наставлении, которое поможет всем выбрать правильный путь на общем митинге восемнадцатого августа.

«Не хочу богохульствовать, называя ее Богом», — сказал Глен во время скромного ленча в парке, — «но она является чем-то вроде Его доверенного представителя».

Вы можете определить силу общественной веры, наблюдая, насколько эта вера ослабевает, когда исчезает ее эмпирический объект».

«Повтори-ка еще раз».

«Когда Моисей разбил золотого тельца, евреи перестали ему поклоняться. Но Христос удалился позавтракать уже на две тысячи лет, а люди не только верят в Его учение — они живут и умирают, не сомневаясь в том, что в конце концов Он придет. Вот именно так Свободная

Зона и относится к Матушке Абагейл. Эти люди абсолютно уверены, что она вернется. Ты с ними разговаривал?»

«Да», — сказал Стью. «Не могу в это поверить. Старая женщина разгуливает неизвестно где, а все думают о том, успеет ли она произнести Десять Заповедей на каменных табличках к общему митингу».

«Может быть, и успеет», — сказал Глен угрюмо. «Так или иначе, так думают далеко не все. Ральф Брентнер, например, вырывает свои волосы с корнем».

«Молодец Ральф». Он пристально посмотрел на Глена. «Ну а ты, лысый? Ты-то сам что думаешь?»

«Прошу тебя не называть меня так. Это не вполне достойно. Но я скажу тебе... это немного забавно, но Старина Восточный Техас оказался куда более невосприимчивым к Божьим чарам, которыми она околдовала все общество, чем агностик-социолог. Я думаю, она вернется. Что думает Фрэнни?»

«Не знаю. Я вообще не видел ее сегодня утром. Наверное, ест кузнечиков с медом вместе с Матушкой Абагейл. «Господи, Глен, я так надеюсь, что с нашей старой леди все в порядке».

Фрэн даже не знала, что Матушка Абагейл ушла. Утро она провела в библиотеке, читая литературу по садоводству. И она оказалась не единственным читателем. Она заметила еще двух-трех человек с книгами по фермерству, очкастого молодого человека, сосредоточенно изучавшего книгу *Семь независимых источников энергии для вашего дома*, и хорошенькую светловолосую девушку лет четырнадцати с потрепанной книжкой в бумажной обложке под названием *Шестьсот простых рецептов*.

Она ушла из библиотеки около полудня и отправилась домой по Уолнат Стрит. По дороге она встретила Ширли Хэммет, женщину, которая путешествовала вместе с Дайной, Сюзан и Патти Крюгер. С тех пор Ширли стало значительно лучше. Теперь она выглядела как проворная и симпатичная городская кумушка.

Она остановилась, чтобы поздороваться с Фрэн. «Как вы думаете, когда она вернется? Я у всех спрашиваю. Если

бы в городе была газета, я бы написала туда письмо с просьбой провести опрос населения. Что-нибудь вроде: «Что вы думаете о позиции сенатора Бангхоула по поводу истощения запасов нефти?» Понимаете?»

«Кто вернется?»

«Матушка Абагейл, разумеется. Да вы что, девушка, с луны свалились?»

«В чем, собственно, дело?» — спросила Фрэнни с тревогой. «Что случилось?»

«Вот так и все. Никто ничего толком не знает». И Ширли рассказала Фрэн о том, что происходило в городе, пока она была в библиотеке.

«Просто взяла и... ушла?» — спросила Фрэнни, нахмурившись.

«Да. Разумеется, она вернется», — добавила Ширли конфиденциальным тоном. «Так написано в записке».

«Если будет на то Божья воля?»

«Это просто способ выражаться, я уверена», — сказала Ширли и посмотрела на Фрэн с некоторым холодком.

«Ну... я надеюсь. Спасибо, что рассказали мне, Ширли. У вас еще бывают головные боли?»

«Нет, все прошло. Я буду голосовать за вас, Фрэн».

«Гммм?» Мысли ее унеслись далеко, и на мгновение она не могла сообразить, что Ширли имеет в виду.

«На выборах в постоянный комитет!»

«Аа. Хорошо, спасибо. Я пока не вполне уверена, что действительно хочу этим заниматься».

«Вы прекрасно справитесь. Вместе с Сюзи. Но мне надо идти, Фрэн. Счастливо».

Они разошлись в разные стороны. Фрэн поспешила домой, желая выяснить, нет ли у Стью какой-нибудь дополнительной информации. Но когда она вернулась домой, там никого не оказалось. Она опоздала минут на пятнадцать. Записка под сахарницей сообщала: «Вернусь к девяти тридцати. Я с Ральфом и Гарольдом. Ни о чем не беспокойся, Стью».

Ральф и Гарольд? — подумала она и ощутила внезапный укол ужаса, никак не связанный с исчезновением Матушки Абагейл. Но чего мне бояться за Стью? Господи,

если Гарольд попытается сделать что-то... ну, что-то не совсем обычное... Стью разорвет его на части. Если только... если только Гарольд не подкрадется сзади и...

Вернусь к девяти тридцати.

Господи, как долго ждать.

Она постояла на кухне еще несколько секунд, хмурясь на свой рюкзак, который она положила на кухонный стол.

Я с Ральфом и Гарольдом.

Стало быть, маленький домик Гарольда на Арапахоу будет абсолютно пуст до девяти тридцати вечера. Если, конечно, они не там, а если они будут там, то она сможет удовлетворить свое любопытство. Она доедет туда на велосипеде в считанные минуты. Если там никого не окажется, то она может найти там что-нибудь, что даст ей наконец возможность расслабиться... или... но она не позволит себе думать об этом.

Расслабиться? — переспросил внутренний голос. — Или окончательно свихнуться? Предположим, ты найдешь там что-то необычное? И что тогда? Что ты будешь делать с этим?

Она не знала.

Ни о чем не беспокойся, Стью.

Но она беспокоилась, и причиной этого был отпечаток пальца в ее дневнике. Потому что человек, который способен стащить твой дневник и тайком выведать твои мысли, — это человек, у которого нет принципов и правил. Такой человек может подкрасться сзади к тому, кого ненавидит, и столкнуть его с высоты. Или взять в руки камень. Или нож. Или револьвер.

Ни о чем не беспокойся, Стью.

Но если Гарольд сделает что-нибудь подобное, то он ведь не сможет вернуться в Боулдер. Что он тогда будет делать?

Но Фрэн знала ответ на этот вопрос. Она еще не знала, совпадает ли реальный Гарольд с тем человеком, которого она себе вообразила, но в глубине души она знала, что для таких людей сейчас появилось прибежище.

Она надела на спину рюкзак и вышла за дверь. Через три минуты она уже ехала на велосипеде по Бродвею в

сторону Арапахоу. По дороге она думала: *Они сидят в гостиной Гарольда, пьют кофе и разговаривают о Матушке Абагейл. И все чувствуют себя прекрасно. Просто прекрасно.*

Но маленький дом Гарольда был темен, пуст... и заперт. Уже само по себе для Боулдера это было необъяснимой странностью. В старые времена люди запирали двери, когда уходили, чтобы не украли их телевизоры, стерео, драгоценности. Но теперь стерео и телевизоры были повсюду, и много же с них толку было без электроэнергии, а что касается драгоценностей, то можно отправиться в Денвер и привезти с собой целый мешок.

Почему ты запер дверь, Гарольд, когда все вокруг стало бесплатным? Потому что никто так не боится кражи, как сам вор? Так?

Она не была профессиональным взломщиком и уже смирилась с тем, что надо уезжать, когда ей пришла в голову мысль попробовать подвальные окна. Первое же из них неохотно распахнулось, пропуская ее в подвал.

Фрэн огляделась, но вокруг все было спокойно. Никто, кроме Гарольда, пока не поселился в таком отдаленном районе. И это тоже было странно. Гарольд мог улыбаться, пока лицо его не треснет надвое, похлопывать людей по плечу и проводить время в компании, он готов был с радостью предложить помощь, когда о ней просили, а иногда и безо всякой просьбы, он мог внушить людям симпатию к себе — и действительно, жители Боулдера были о нем очень высокого мнения. Но где он поселился? Это свидетельствовало о существовании несколько иного аспекта взглядов Гарольда на общество и свое место в нем... возможно. А возможно, он просто любил тишину и покой.

Она влезла в окно, запачкав блузку, и спрыгнула на пол. Теперь подвальное окно располагалось на уровне ее глаз. Гимнастом она была таким же, как и взломщиком, и чтобы вылезти отсюда, ей придется что-нибудь пододвинуть к окну.

Фрэн огляделась. Подвал был оборудован под игровую комнату. Повсюду валялись игрушки, а стены были увешаны плакатами. На самом большом из них был изображен Джордж Буш, выходящий из церкви в Гарлеме со вскинутыми вверх руками и широкой улыбкой на лице.

Фрэнни поднялась по лестнице и вошла в кухню. Здесь ничто не привлекло ее внимание, и она отправилась в гостиную. В гостиной было темно, настолько темно, что она почувствовала тревогу. Гарольд не только запирает двери, но и задергивал шторы. К чему задергивать шторы в городе, в котором это служит признаком того, что в доме никто нет, кроме трупов?

Гостиная, как и кухня, была аккуратно прибрана, но мебель выглядела тяжеловесной и не совсем новой. Лучшим местом в этой комнате был камин с таким широким кирпичным барьером, что на нем можно было сидеть. Она и присела на него, задумчиво оглядываясь вокруг. Когда она усаживалась, под ней шевельнулся расшатавшийся кирпич, и она уже собиралась было встать и посмотреть, что там такое, когда кто-то постучал в дверь.

Страх опустился на нее, как облако пуха. Она замерла на месте и затаила дыхание.

Снова раздался стук, на этот раз погромче.

Господи, — подумала она. — Спасибо хоть шторы опущены.

Вслед за этой мыслью сердце ей сжала холодная уверенность в том, что она оставила велосипед где-нибудь на виду перед домом. Так ли это? Она не могла вспомнить.

Стук раздался еще раз, и женский голос спросил: «Есть кто-нибудь дома?»

Фрэн сидела, не шевелясь. Она неожиданно вспомнила, что оставила велосипед за домом, под бельевой веревкой. От фасада его не было видно. Но если посетитель пожелает попробовать заднюю дверь...

С неопишуемым облегчением Фрэн услышала, как шаги удалятся по цементной дорожке.

Повинуясь бессознательному импульсу, Фрэн бесшумно выбежала в прихожую и выглянула на улицу в узкую щелочку между рамой и краем шторы. Она увидела

женщину с длинными темными волосами, в которых попадались абсолютно белые пряди. Женщина села на небольшой мотороллер, припаркованный у обочины. Заведя мотор, она откинула волосы назад и заколола их.

Это Надин Кросс — женщина, которая пришла с Ларри Андервудом. Знает ли она Гарольда?

Надин тронулась и вскоре скрылась из виду. Фрэн издала громкий вздох облегчения. Через пять минут, слишком перенервничавшая для того, чтобы продолжать поиски, Фрэн уже вылезала из окна. Ей удалось отпихнуть стул достаточно далеко, чтобы нельзя было заподозрить, что кто-то с его помощью вылезал в окно. Стул, правда, стоял теперь немного в стороне от своей прежней позиции, но люди редко обращают внимание на такие вещи... да и не похоже на то, что Гарольд часто пользуется подвалом.

Она закрыла окно и пошла за велосипедом. Через пятнадцать минут она уже была у себя дома.

Дома никого не оказалось.

Она открыла свой дневник, посмотрела на шоколадный отпечаток пальца и подумала о том, куда мог исчезнуть Стью.

Стью, пожалуйста, приходи. Ты нужен мне.

После ленча Стью расстался с Гленом и вернулся домой. Он сидел в гостиной и думал о том, куда могла уйти Матушка Абагейл, когда в дверь постучали.

«Стью?» — позвал Ральф Брентнер. «Эй, Стью, привет, ты дома?»

С Ральфом был Гарольд Лаудер. Его улыбка сегодня потускнела, но не исчезла окончательно. Он выглядел как веселый посетитель похорон, старающийся сохранять серьезный вид.

Ральф, очень обеспокоенный исчезновением Матушки Абагейл, встретил Гарольда полчаса назад. Гарольд возвращался домой после того, как помогал таскать воду из боулдеровского ручья. Ральфу Гарольд нравился, так как он всегда был готов послушать чужие жалобы и посочувствовать им... и никогда не требовал ничего взамен. Ральф

рассказал ему о том, как исчезла Матушка Абагейл, и о том, как он боится, что у нее может случиться сердечный приступ, или она сломает одну из своих хрупких костей, или умрет от солнечного удара или переохлаждения, если ее не найти до ночи.

«А ты ведь знаешь, что почти каждый вечер идет дождь», — закончил Ральф, уже когда Стью наливал им кофе. «Если она промокнет, она наверняка простудится. А что потом? Воспаление легких, наверное».

«Но что мы-то можем сделать?» — спросил у них Стью. «Мы не можем заставить ее вернуться, если она не хочет».

«Нет», — уступил Ральф. «Но у Гарольда есть одна великолепная идея».

Стью перевел глаза на Гарольда. «Как твои дела, Гарольд?» — спросил он.

«Прекрасно. А ты?»

«Прекрасно».

«А Фрэн? Ты заботаешься о ней?»

«Делаю все, что могу. Так в чем же твоя идея?»

«Ну, смотри. Я понимаю точку зрения Ника. И Глена тоже. Они считают, что Свободная Зона смотрит на Матушку Абагейл как на религиозный символ».

«Что ты имеешь ввиду под религиозным символом?»

«Я бы назвал ее земным воплощением заключенного с Богом завета», — сказал Гарольд, и глаза его слегка затуманились. «Как священные коровы в Индии».

«Да, точно», — сказал Стью. «Эти коровы... им ведь разрешают ходить по улицам и устраивать автомобильные пробки, так? Они могут заходить в магазины, а могут и вообще уйти из города».

«Да», — подтвердил Гарольд. «Но большинство коров больны, Стью. Они всегда находятся на грани голода. Некоторые больны туберкулезом. И все потому, что они являются религиозным символом. Люди уверены в том, что Бог о них позаботится, совсем как жители Боулдера уверены в том, что Он позаботится о Матушке Абагейл. Но у меня есть свои сомнения по поводу Бога, который считает, что бедной бессловесной корове можно позволить бродить черт знает где, мучаясь от боли».

Лицо Ральфа на мгновение потемнело, и Стью понял угадал его чувства. Стью и сам почувствовал то же самое, и это позволило ему понять, что значит для него Матушка Абагейл. Он почувствовал, что Гарольд был очень близок к богохульству. «Но как бы то ни было», — сказал Гарольд резко, оставляя тему индийских священных коров, — «мы не можем изменить мнение людей о Матушке Абагейл».

«Не можем и не хотим», — быстро добавил Ральф.

«Правильно!» — воскликнул Гарольд. «В конце концов, именно она нас объединила, и не только с помощью радиопередатчика. Моя идея заключается в том, что мы сядем на свои верные мотоциклы и прочедем местность к западу от Боулдера. Если мы не будем слишком удаляться друг от друга, то мы сможем поддерживать связь с помощью радиотелефонов».

Стью кивал. Именно это ему и хотелось сделать весь день. Независимо от священных коров и Бога, было просто неправильно оставлять ее одну. Это не имеет никакого отношения к религии — это просто бездушная черствость.

«А если мы найдем ее», — сказал Гарольд, — «Мы сможем спросить, не нужно ли ей чего-нибудь».

«Например, чтобы мы подвезли ее до города», — вставил Ральф.

«В крайнем случае, мы разобьем над ней шатер», — сказал Гарольд.

«О'кей», — сказал Стью. «Я думаю, что это чертовски хорошая идея, Гарольд. Позволь только, я оставлю записку для Фрэн».

Но пока он писал записку, у него возникло непреодолимое желание обернуться и посмотреть через плечо на Гарольда, чтобы увидеть, чем занят Гарольд, когда Стью на него не смотрит, и какое выражение застыло в его глазах.

Гарольд вызвался обследовать извивающийся участок дороги между Боулдером и Недерландом, так как именно здесь, по его расчетам, вероятность наткнуться на Матушку Абагейл была меньше всего. Даже он, пожалуй, не смог бы пройти от Боулдера до Недерланда за один день, а что

уж говорить об этой старой чокнутой дуре. Но у него появилась возможность прокатиться и кое о чем подумать.

Теперь, без четверти семь, по пути обратно он решил немного отдохнуть. Радиотелефон, который он повесил на руль «Хонды», слабо потрескивал голосом Ральфа Брентнера. Радиус действия телефонов был не очень велик, а Ральф был где-то на Флэгстаффе.

Потом в телефоне послышался голос Стью. Он звучал громче и ближе. Стью был в парке Чатакуа, всего лишь в четырех милях от местоположения Гарольда. «Повтори еще раз, Ральф».

Снова раздался голос Ральфа. Похоже, Ральф орал изо всех сил. Может быть, у него случится удар. Прекрасное событие, чтобы закончить день. «Здесь ее нет. Прежде чем стемнеет, я спускаюсь! Перехожу на прием».

«Гарольд!» — раздался голос Стью. «Вызываю Гарольда Лаудера! Ты слышишь, Гарольд?»

Гарольд поднялся, подошел к мотоциклу, нажал на телефоне переговорную кнопку и произнес приятным голосом, в котором сквозила необходимая нота обескураженности: «Я здесь. Я спускался с дороги. Думал, что кто-то лежит в канаве. Но это просто старая куртка. Перехожу на прием».

«О'кей. Почему бы тебе не приехать в Чатакуа, Гарольд? Подождем вместе Ральфа».

Любишь раздавать приказы, жополиз? У меня есть, что тебе ответить. Есть.

«Гарольд, ты слышишь?»

«Да, извини, Стью. Я просто витал в облаках. Я могу быть там через пятнадцать минут».

«Ты слышишь нас, Ральф?» — завопил Стью так, что Гарольд вздрогнул.

«Оставайся в парке Чатакуа», — голос Ральфа пробивался сквозь густые помехи. «Я еду туда. Отбой».

«Я тоже еду», — сказал Гарольд. «Отбой».

Он выключил радиотелефон, сложил антенну и снова повесил его на руль. На секунду он застыл на «Хонде», не заводя двигатель. На нем была армейская куртка. Теплая подкладка не мешает, когда едешь на мотоцикле на

высоте шести тысяч футов, даже если дело происходит в августе. Но куртка служила и для другой цели. В ней было много карманов на молниях, и в одном из них лежал «Смит-Вессон»-38. Гарольд достал револьвер и повертел его в руках. Револьвер был заряжен.

Сегодня?

А почему бы и нет?

Он затеял эту поездку потому, что у него мог возникнуть шанс остаться со Стью наедине на достаточно долгий срок. Похоже, такой шанс ему представился. Но у поездки была и еще одна цель.

Он не собирался доезжать до Недерланда, жалкого, маленького городишки, примостившегося рядом с Боулдером и известного только тем, что якобы там однажды останавливалась Патти Херст. Но по мере того, как он ехал все дальше и дальше, что-то изменилось.

Если положить магнит на один конец стола, а кусок металла — на другой, то ничего не произойдет. Но если слегка подталкивать кусок металла к магниту, то в один прекрасный момент он станет продвигаться вперед немного дальше, чем можно было бы ожидать, исходя из силы толчка. Подтолкните его еще пару раз, и равновесие между силой трения и силой притяжения магнита нарушится.

Кошмарный, зачаровывающий процесс.

По пути в Недерланд, на запад, Гарольд почувствовал, как точно такой же процесс начинается в нем самом.

Было без десяти семь. К половине восьмого он сможет прикончить их обоих. Фрэн не поднимет тревогу до десяти тридцати, а к тому времени он будет уже далеко. Но всего этого не случится, если он будет сидеть без движения и терять время.

«Хонда» завелась со второй попытки. Хороший мотоцикл. Гарольд усмехнулся. Гарольд излучал радостное веселье. Он поехал по направлению к парку Чатакуа.

Сумерки уже начались сгущаться, когда Стью услышал, как мопед Гарольда въехал в парк. Через мгновение он увидел, как передняя фара «Хонды» замелькала между

деревьями. Потом он увидел одетую в шлем голову Гарольда, которая поворачивалась туда-сюда, высматривая его.

Стью замахал руками и закричал. Гарольд увидел его, помахал в ответ и перешел на вторую передачу.

После сегодняшнего дня Стью стал думать о Гарольде значительно лучше... лучше, чем когда-либо. Идея Гарольда была великолепной, пусть даже она и не принесла результатов. И Гарольд настоял на том, что будет искать по дороге на Недерланд... холодно, должно быть, там, даже несмотря на теплую куртку. Когда Гарольд подъехал, Стью заметил, что вечная улыбка Гарольда стала теперь больше похожа на гримасу. Лицо его было напряженным и слишком бледным. Разочарован, что затея не удалась, — подумал Стью. Он почувствовал внезапный укол стыда за то, что они с Фрэнни всегда считали, будто постоянная улыбка Гарольда и его слишком дружелюбное обращение с людьми — всего лишь нечто вроде камуфляжа. Задумывались ли они когда-нибудь о том, что парень просто пытается начать жизнь с чистой страницы, и у него просто не все пока получается?

«Совсем ничего?» — спросил он Гарольда, поднимаясь с камня.

«Ничего», — сказал Гарольд. Улыбка появилась снова, но она была больше похожа на маску. Лицо его было смертельно бледным. Руки его были засунуты в карманы куртки.

«Неважно. Это была отличная идея. Скорее всего, она уже вернулась к себе домой. А если нет, то мы можем продолжить поиски завтра»

«Но это уже будет больше похоже на поиски трупа».

Стью вздохнул. «Может быть... да, может быть. Не хочешь ли поехать ко мне поужинать, Гарольд?»

«Что?» Стью показалось, что Гарольд слегка отшатнулся в сгущавшийся под деревьями сумрак. Улыбка его стала еще напряженней.

«Поужинать», — терпеливо повторил Стью. «Фрэнни будет рада тебя видеть. Честное слово. Она действительно будет рада».

«Ну, может быть», — сказал Гарольд, по-прежнему выглядя неуверенно. «Но я... ну, ты же знаешь, как я к ней отношусь. Может быть, будет лучше, если мы... просто отложим это ненадолго. Ничего личного. Вы двое так хорошо друг с другом ладите. Я знаю об этом». На губах у него снова засияла искренняя улыбка. Она была заражительной, и Стью улыбнулся в ответ.

«Тебе решать, Гарольд. Но дверь открыта, в любой момент».

«Спасибо».

«Да нет, это я должен благодарить тебя», — сказал серьезно Стью.

«Меня?»

«За то, что ты поднял нас на поиски, когда остальные бросили все на произвол судьбы. Пусть даже нам и не удалось ее найти. Разреши, я пожму тебе руку». Стью протянул руку для рукопожатия. Гарольд уставился на нее отсутствующим взглядом, и на мгновение Стью показалось, что его жест не будет принят. Потом Гарольд вынул правую руку из кармана куртки — казалось, она зацепилась за что-то, может быть, за молнию — и пожал руку Стью. Рука Гарольда была теплой и немного потной.

Стью посмотрел на дорогу. «Ральф уже должен быть здесь. Надеюсь, он не попал в аварию, спускаясь с этой чертовой горы. Он... а вот и он».

Стью вышел на обочину. Вдалеке засверкала фара и принялась играть в прятки за деревьями.

«Да, это он», — сказал Гарольд позади Стью странным бесцветным голосом.

«И с ним кто-то едет».

«Ч-Что?»

«Вон там». Стью показал на вторую фару, которая двигалась вслед за первой.

«Аааа». Опять этот странный голос. Стью обернулся.

«С тобой все в порядке, Гарольд?»

«Просто устал».

Второе транспортное средство принадлежало Глену Бэйтмену и оказалось малосильным мопедом. Рядом с ним мотороллер Надин выглядел как «Харли». Позади Ральфа

ехал Ник Андрос. Ник пригласил всех отправиться к ним с Ральфом домой и выпить кофе и (или) бренди. Стью согласился, но Гарольд извинился и сказал, что не может.

Он так чертовски разочарован, — подумал Стью. Симпатия, которую он ощутил к Гарольду, была не только сильнее, чем когда-либо, но и длительнее. Он повторил приглашение Ника, но Гарольд только покачал головой и сказал Стью, что он уже вымотался за день, и что ему надо поскорее лечь спать.

К тому времени, когда он добрался до дома, он так дрожал, что едва смог вставить ключ в замочную скважину. Когда он наконец открыл дверь, он ринулся внутрь, словно за ним по пятам гнался маньяк. Он захлопнул дверь, повернул ключ и задвинул засов. Потом он на мгновение прислонился к двери с откинутой головой и с закрытыми глазами, находясь на грани истерических рыданий. Когда он снова овладел собой, он пробрался из прихожей в гостиную и зажег все три керосиновые лампы. В комнате стало светло.

Он сел на свой любимый стул и закрыл глаза. Когда сердце его стало стучать медленнее, он подошел к камину, вынул незакрепленный кирпич и достал свой дневник. Потом он снова сел, перелистнул страницы на то место, где он в последний раз остановился, немного помедлил и написал: *«14 августа 1990 г.»* Он писал почти полтора часа.

Он убрал дневник и закрыл его кирпичом. Теперь он был спокоен. Все свои чувства он перенес на бумагу. Он передал страницам всю свою ненависть и весь свой страх, но решение его осталось неизменным. Это хорошо. Иногда после того, как он писал в дневник, им овладевало беспокойное, нервное чувство. Тогда он знал, что в чем-то сфальшивил или писал без усилия, которое необходимо для того, чтобы заточить тупой край правды до такой степени, чтобы при прикосновении к нему выступила кровь. Но этим вечером он положил на место свой дневник в состоянии покоя и безмятежности.

Гарольд подошел к окну и посмотрел на пустынную улицу. Он спокойно размышлял о том, как близок он был к тому, чтобы достать револьвер и попытаться уложить их всех. Но в последний момент какой-то перетершийся канат все-таки удержал его, вместо того, чтобы порваться.

Теперь ему хотелось спать. День был длинным и полным событий.

Расстегивая рубашку, Гарольд потушил две из трех керосиновых ламп, а последнюю взял с собой в спальню. Когда он проходил через кухню, взгляд его упал на открытую дверь в подвал.

Он замер.

Потом он подошел к двери, высоко подняв лампу и спустился по первым трем ступенькам. Спокойствие в его сердце уступило место страху.

«Кто там?» — крикнул он. Ответа не последовало. В свете лампы он видел плакаты на стенах. Он спустился еще на три ступеньки. «Здесь есть кто-нибудь?»

Нет. Он почувствовал, что там никого не было. Но его страх от этого не стал меньше.

Потом он спустился вниз и внимательно осмотрел пол. Под окном было просыпано немного засохшей земли. Гарольд опустил лампу вниз. На земле, четкий, как отпечаток пальца, был след от теннисной туфли... не пересекающиеся под прямым углом полосы и не зигзаги, а набор кругов и линий. Он уставился на след, выжигая его в своем мозгу, а потом ударом ноги превратил его в небольшое облачко.

«Ты заплатишь!» — тихо крикнул Гарольд. «Кто бы ты ни был, ты заплатишь за это!»

Он поднялся по лестнице и долго ходил по дому, отыскивая другие знаки непрошеного вторжения. Он ничего не нашел. В конце концов он оказался в гостиной, и спать ему совсем не хотелось. Он уже внутренне соглашался с мыслью о том, что кто-то — возможно, ребенок — влез к нему просто из любопытства, когда мысль о дневнике взорвалась у него в мозгу, как сигнальная ракета в полночном небе. Мотив вторжения был таким

очевидным, таким ужасным, что он чуть было его не просмотрел.

Он подбежал к камину, поднял кирпич и схватил дневник. В первый раз он по-настоящему понял, насколько же опасна эта тетрадь. Если кто-нибудь найдет ее, то все будет кончено. Кому, как не ему знать об этом? Разве для него все не началось с дневника Фрэн?

Он взял дневник с собой в спальню и положил его под подушку вместе со «Смит-Вессоном», думая о том, что надо сжечь его, но прекрасно зная, что никогда не сможет этого сделать.

Стью вернулась в четверть десятого. Фрэн лежала, свернувшись калачиком на двуспальной кровати. На ней была одна из его рубашек — она доходила ей почти до колен, — а в руках она держала книгу под названием *Пятьдесят дружественных растений*. Когда он вошел, она быстро встала.

«Где же ты был? Я так беспокоилась!»

Стью объяснил, что у Гарольда возникла идея отправиться на поиски Матушки Абагейл, чтобы хотя бы узнать, где она. О священных коровах он не упомянул. «Мы бы взяли тебя с собой, малышка, но тебя нигде нельзя было найти».

«Я была в библиотеке», — сказала она, наблюдая за тем, как он снял с себя рубашку и положил ее в мешок для грязного белья.

Гарольд читал ее дневник — теперь она была в этом уверена. Она ужасно боялась, что Гарольд может заманить Стью в какое-нибудь уединенное место и... ну, сделать с ним что-нибудь. Но почему сейчас, сегодня, когда она только что все узнала? Если уж Гарольд столько времени ничего не предпринимал, то не логичнее ли было бы предположить, что он так никогда ничего и не предпримет? И разве не возможно, что, прочитав ее дневник, Гарольд увидел всю бессмысленность своих ухаживаний за ней?

«Никаких следов, Стью?»

«Никаких».

«Как выглядел Гарольд?»

«Очень изнуренным и расстроенным из-за того, что его идея не принесла плодов. Я пригласил его на ужин в любой день. Надеюсь, ты не будешь против. Знаешь что, мне кажется, что этот сосунок начинает мне нравиться. Ничего, что я пригласил его?»

«Все в порядке», — ответила она после продолжительной паузы. «Мне хотелось бы поддерживать с Гарольдом хорошие отношения».

«Если Матушка Абагейл к утру не появится», — сказал Стью, — «наверное, я предложу Гарольду снова отправиться на поиски».

«Я тоже поеду», — быстро сказала Фрэн. «Найдутся и еще несколько человек, которые не до конца уверены в том, что еду ей приносят дикие звери. Один из них — Дик Воллмен. Другой — Ларри Андервуд».

«Прекрасно», — сказал он и лег рядом с ней. «Скажи, что у тебя надето под этой рубашкой?»

«Такой большой и сильный мужчина, как ты, мог бы выснить это и без посторонней помощи».

Под рубашкой ничего не оказалось.

Следующий день прошел в безрезультатных поисках. Спустя еще один день Глен Бэйтмен ворвался в квартиру Фрэн и Стью без стука. Фрэн была в гостях у Люси Сванн, где они пытались приготовить тесто для пирогов. Стью читал вестерн Макса Брэнда. Он поднял глаза и увидел Глена, лицо которого было бледным и испуганным. Книга выпала у него из рук.

«Стью», — сказал Глен. «Ой, парень, как я рад, что ты дома».

«Что случилось?» — резко спросил он Глена. «Кто-то нашел ее?»

«Нет», — сказал Глен и сел так стремительно, словно ноги его внезапно подкосились.

«Так в чем дело?»

«Новости скорее хорошие, а не плохие. Но это очень странно. Коджак пришел. Я дремал после ленча, а когда

я проснулся и вышел за дверь, Коджак крепко спал на веранде».

«Ты хочешь сказать, *собака? Тот самый* Коджак?»

«Именно это я и хочу сказать».

«Ты уверен?»

«Абсолютно. Он, правда, исхудал и не раз вступал в драки. Дик Эллис — Дик был страшно рад иметь дело с животным, ради разнообразия — говорит, что один глаз у него теперь не видит. Он дал ему успокоительное и забинтовал живот. Дик сказал, что Коджак дрался с волком, а может быть, и не с одним. Но бешенством он не болен». Глен медленно покачал головой, и две слезы скатились по его щекам. «Этот чертов пес вернулся ко мне. Какой я был мерзавец, что оставил его одного».

«Но мы же не могли увезти его на мотоциклах, Глен».

«Да, но... он *следовал* за мной, Стью. О таких вещах мы читали в «Стар Уикли»... Преданная Собака Следовала за Своим Хозяином Две Тысячи Миль. Как он смог добраться сюда? Как?»

«Может быть, так же, как и мы. Ты ведь знаешь, что собакам тоже сняться сны».

Глен ошеломленно покачал головой. «Ты хочешь сказать, что ему снилось...?»

«А что в этом такого удивительного?»

«Да нет, ничего. Хочешь пойти посмотреть на него?»

«Обязательно».

Дом Глена стоял на Спрюз Стрит, примерно в двух кварталах от отеля «Боулдерадо». Плющ, обвинявший решетку веранды, теперь весь засох. Засохли почти все лужайки и цветы в Боулдере, так как водопровод не функционировал и поливать их не было возможности.

На веранде стоял небольшой круглый столик, на котором была бутылка джина и тоник.

«Ну не омерзительный ли напиток без льда?» — спросил Стью.

«После третьей обычно бывает без разницы», — ответил Глен.

Коджак лежал на веранде, и его потрепанная морда мирно покоилась на передних лапах. Собака была тонка, как спичка, и сильно ободрана, но Стью сразу же ее узнал. Он присел на корточки и стал гладить Коджака по голове. Коджак ухмыльнулся по-собачьи.

«Хорошая псина», — сказал Стью, чувствуя, как к горлу подступает комок. «Хорошая псина», — повторил он, и Коджак застучал хвостом по дощатому полу.

«Зайду на минутку в дом», — глухо сказал Глен. «Мне надо в туалет».

«Да», — сказал Стью, не поднимая глаз. «Эй, Коджак, скажи, разве ты не классный парень?»

В знак согласия Коджак еще сильнее завилял хвостом.

«Можешь перекатиться на спину? Умри, парень. Перекатись на спину».

Коджак повиновался. Стью озабоченно посмотрел на повязку, наложенную Диком Эллисом. По краям он мог видеть глубокие царапины, которые, без сомнения, под повязкой были еще глубже. Кто-то напал на него, и этот кто-то не был другой бродячей собакой. Собака вцепилась бы ему в глотку. Может быть, это были волки? Но как он сумел от них уйти? Как бы то ни было, ему здорово повезло, что его внутренности остались при нем.

Глен снова вышел на веранду.

«Тот, кто напал на него, чуть не выпустил ему кишки», — сказал Стью.

«Раны были глубокими, и он потерял много крови», — согласился Глен. «Я не могу избавиться от мысли, что в этом есть и моя вина».

«Так Дик говорит, это были волки?»

«Волки или койоты... но он считает, что койоты вряд ли смогли бы нанести такие серьезные раны, и я согласен с ним».

Стью похлопал Коджака по брюху, и Коджак перекатился обратно. «Как это получилось, что все собаки подошли, а волки остались?»

«Мы этого никогда не узнаем», — сказал Глен. «Точно так же, как и то, почему эта чертова эпидемия убила всех людей, кроме нас. Я даже думать об этом не хочу. Я хочу

только заготовить большой запас гейсбургеров и сытно его кормить».

«Да». Стью посмотрел на Коджака. «Его здорово потрепали, но причиндалы его в полном порядке — я убедился в этом, когда он перевернулся на спину. Надо нам посмотреть, не появится ли где сука».

«Пожалуй», — сказал Глен задумчиво. «Хочешь теплого джина с тоником, Восточный Техас?»

«Ну уж нет. А пиво у тебя найдется?»

«Баночка где-то завалилась. Правда, тоже теплое».

«Сойдет». Он пошел за Гленом в дом, но остановился у двери и посмотрел на спящего пса. «Спи крепко, старина», — сказал он Коджаку. «Мы рады, что ты пришел».

Вслед за Гленом он ушел в дом.

Коджаку, который по старой памяти иногда еще думал о себе, как о Биг Стиве (таково было его настоящее имя), снилась Небраска. Из кукурузы к нему направлялись четыре волка. Во время сна он выпускал когти, и лапы его подергивались.

ГЛАВА 50

*Выдержки из стенограммы собрания
Организационного Комитета,
состоявшегося 17 августа 1990 года.*

Собрание было проведено в доме Ларри Андервуда на Сорок Второй улице. Присутствовали все члены комитета.

Первым обсуждался вопрос о завтрашних выборах постоянного комитета Боулдера. Слово было предложено Фрэн Голдсмит.

Фрэн: «И Стью, и я согласились на том, что лучший способ быть избранным в постоянный комитет заключается в том, чтобы Матушка Абагейл поддержала весь наш список. Но теперь нам придется

действовать иначе. Я не собираюсь предлагать вам какие-нибудь недемократические средства, но я хочу еще раз подчеркнуть, что каждый из нас должен быть уверен, что найдутся люди, которые выдвинут и поддержат его кандидатуру. Разумеется, мы не можем выдвигать и поддерживать друг друга — это будет слишком похоже на мафию».

Глен: «Мы снова начинаем обсуждать проблемы морали, и хотя я уверен, что для всех нас эта тема исполнена неиссякаемого очарования, мне хотелось бы забыть о ней на ближайшие несколько месяцев».

Потом Глен сказал, что хочет выступить перед комитетом по вопросу разведчиков, или шпионов, или как их еще назвать, но он предлагает провести заседание по этому вопросу девятнадцатого числа. Стью спросил, почему нельзя сделать это сейчас.

Глен: «Потому что девятнадцатого числа кого-то из нас может здесь не оказаться. Кого-то могут забаллотировать. Конечно, это маловероятно, но никто не знает, как поведет себя большая группа людей, если их собрать в одном месте. Нам следует быть максимально осторожными».

Было единогласно решено встретиться девятнадцатого числа — уже в качестве Постоянного Комитета — и обсудить проблему разведчиков... или шпионов... или как их еще назвать.

Стью было предоставлено слово по третьему вопросу, связанному с Матушкой Абагейл.

Стью: «Как вы все знаете, она ушла по своим собственным причинам. В записке написано, что она уходит на некоторое время, что означает довольно неопределенный срок, и что она вернется, если на то будет Божья воля. Все это внушает не слишком большие надежды. Мы искали ее уже три дня и не обнаружили никаких следов. Мы не собираемся тащить ее насильно в город, если она не захочет, но если она лежит где-нибудь со сломанной ногой или без сознания, то это совсем другая ситуация. Часть

проблемы заключается в том, что нас слишком мало, чтобы обыскать все заросли в округе. Но другая часть проблемы имеет отношение к тому же, что замедляет нашу работу на электростанции. Речь идет об отсутствии организованности. Поэтому я прошу вашего разрешения внести в повестку дня завтрашнего митинга пункт об организации поисковых работ. И я хотел бы, чтобы ответственным за поиски был избран Гарольд Лаудер, так как идея эта изначально принадлежит ему».

Глен сказал, что, по его мнению, через неделю от поискового отряда вряд ли придется ждать особо утешительных новостей. В конце концов, леди, о которой идет речь, уже исполнилось сто восемь лет. Комитет согласился с этим соображением, а потом единогласно проголосовал за предложение Стью. Точности ради я должна добавить, что прозвучало несколько возражений против кандидатуры Гарольда Лаудера... но, как указал Стью, это была изначально его идея, и не поставить его во главе поискового отряда — это все равно что дать ему пощечину.

Ник: «Я снимаю свое возражение против кандидатуры Гарольда, но не отказываюсь от сомнений общего порядка. Просто он мне не очень нравится».

Ларри Андервуд предложил закончить собрание. Ральф поддержал его.

Принято единогласно.

Фрэнсис Голдсмит, секретарь

На следующий вечер на митинг пришли почти все, и впервые Ларри Андервуд, пробывший в Свободной Зоне только одну неделю, получил представление о том, насколько многочисленным становилось сообщество. Зал в парке Чатакуа был полон. Часть людей даже сидела в проходах, а некоторые стояли сзади. Впервые за то время, что он пробыл в Боулдере, весь день шел дождь. Мелкие капельки повисли в воздухе, и даже сквозь шум, производимый шестьюстами людьми, можно было слышать тихий шорох дождя. Внутри громче всего было слышно

постоянное шуршание бумаги. Люди разглядывали отпечатанные на мимеографе повестки дня, которые лежали на двух карточных столиках, поставленных у самого входа.

Повестка дня гласила:

СВОБОДНАЯ ЗОНА БОУЛДЕРА

Повестка общего митинга

18 августа 1990 года

1. Зачтение и ратификация Конституции Соединенных Штатов Америки.
2. Зачтение и ратификация Билля о правах.
3. Избрание Постоянного Комитета из семи человек для управления Свободной Зоной Боулдера.
4. Наделение правом вето Абагейл Фримантл по кругу вопросов, перечень которых определяют представители Свободной Зоны.
5. Создание Похоронного Комитета по крайней мере из двадцати человек для захоронения жертв эпидемии супергриппа в Боулдере.
6. Создание Комитета по Энергетике по крайней мере из шестидесяти человек, задачей которого будет возобновление подачи электроэнергии до холодов.
7. Создание Поискового Комитета по крайней мере из пятнадцати человек, задачей которого будет определение местонахождения Абагейл Фримантл, если это окажется возможным.

Стью прошел через сцену к кафедре, и его красный свитер и синие джинсы ярко сияли в неровном свете ламп, работавших от генератора, установленного Бредом Китченером и частью его команды. Где-то в центре зала раздались аплодисменты, и Ларри цинично предположил, что они были организованы Гленом Бэйтменом. Но в конце концов, это неважно. Первые жидкие хлопки переросли в громовую овацию. Стью остановился у кафедры, и на лице у него появилось слегка удивленное выражение. К аплодисментам присоединились крики одобрения и пронзительный свист.

Потом весь зал встал на ноги, и раздались крики: *Браво! Браво!* Стью поднял руки вверх, но овация не только не прекратилась, но стала раза в два громче. Ларри искоса глянул на Люси и увидел, что она неистово аплодирует. Взгляд ее был обращен на Стью, а на губах ее блуждала зыбкая, но радостная улыбка. Она плакала.

Бреду и Ральфу удалось подсоединить к генератору и микрофон. Стью попытался заговорить, но голос его утонул в гуле непрерывающейся овации.

«Леди и джентльмены, не могли бы вы занять свои места...»

Но они не могли. Грохот не прекращался. Ларри почувствовал боль в руках и опустил взгляд вниз. Он увидел, что аплодирует так же неистово, как и остальные.

«Леди и джентльмены...»

Мы аплодируем сами себе, — подумал Ларри. — Мы аплодируем тому, что мы здесь, что мы живы, что мы вместе. Может быть, мы приветствуем свое новое коллективное «я». Здравствуй, Боулдер.

«Леди и джентльмены. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы заняли свои места».

Аплодисменты понемногу стали стихать.

«Я рад, что вы пришли сюда», — сказал Стью. «Я и сам рад тому, что я здесь». В микрофоне раздались завывания, и Стью пробормотал: «Проклятая штука». Его бормотание отчетливо разнеслось на весь зал. По рядам прошла рябь смеха, и Стью покраснел. «Наверное, нам всем придется заново привыкать к этому оборудованию», — сказал он, и это вызвало новый взрыв аплодисментов. Когда в зале восстановилось спокойствие, Стью сказал: «Для тех, кто не знает меня, я представляюсь. Меня зовут Стью Редман, я родился и жил в городе Арнетт в Восточном Техасе». Он прочистил горло. «Я очень нервничаю, так что извините меня...»

«Извиним, Стью!» — завопил Гарри Данбертон, и в зале засмеялись. Как на загородном пикнике, — подумал Ларри. — Сейчас они запоют гимны. Собственно говоря, если бы Матушка Абагейл была здесь, они давно бы уже запели.

«В последний раз столько людей смотрели на меня, когда наша маленькая, но дружная средняя школа проби-лась в серию «плэй-офф» по футболу, но тогда помимо меня у публики был еще двадцать один парень, на каждого из которых она могла глазеть, не говоря уже о девочках в мини-юбках».

Раздался взрыв искреннего хохота. «Во-первых, я дол-жен объяснить вам, откуда взялся временный Организа-ционный Комитет, и как я там оказался. Нас было семеро человек. К нам и пришла идея этого митинга, чтобы мы могли хоть как-то организовать. Нам предстоит много работы, а пока я хотел бы предоставить вам остальных членов нашего комитета, и я надеюсь, что часть своих аплодисментов вы поберегли и для них. Во-первых, мисс Фрэнсис Голдсмит. Вставай, Фрэнни, и покажись им, как ты выглядишь в своем платье».

Фрэн встала. На ней было надето красивое зеленое платье, а на шее висело скромное жемчужное ожерелье, которое в старые времена стоило тысячи две долларов. Ей бешено зааплодировали.

Фрэн села, красная от смущения, и прежде чем апло-дисменты окончательно затихли, Стью продолжил: «Мис-тер Глен Бэйтмен из Вудсвилля, Штат Нью-Хемпшир».

Глен встал, и аплодисменты возобновились с прежней силой.

Ларри был представлен предпоследним, и он встал, чувствуя, как Люси улыбается ему. Когда-то, — подумал он, — в прежнем мире, такие аплодисменты доставались человеку, который завершал концерт какой-нибудь песен-кой вроде «Крошка, поймешь ли ты своего парня?»

Последним был представлен Ник, и аплодисменты в его честь оказались самыми громкими и продолжитель-ными.

Когда они наконец затихли, Стью сказал: «Это не записано в повестке дня, но почему бы нам не начать с исполнения государственного гимна? Надеюсь, мы все помним слова и мелодию».

Люди в зале снова поднялись на ноги. После паузы, когда каждый ждал, что начнет его сосед, приятный

женский голос пропел первую фразу. Это был голос Фрэнни. Потом запели и все остальные.

Ларри тоже пел, а когда последний куплет был исполнен, и снова раздался грохот аплодисментов, на глаза ему навернулись слезы. Умерла Рита. Умерла Элис Андервуд. Умер Нью-Йорк. Умерла Америка. Даже если они и смогут победить Рэнделла Флегга, то что бы они ни сделали потом, они никогда не смогут воскресить прежний мир темных улиц и светлых снов.

Стью зачитал первые пункты повестки дня: зачтение и ратификация Конституции и Билля о правах. Пение гимна произвело на него сильное впечатление, и не на него одного. Ползала было в слезах.

Никто не потребовал зачтения документов, подлежащих ратификации — что было бы вполне справедливо с точки зрения парламентского процесса, — и Стью был всем за это глубоко благодарен. Чтение давалось ему не так-то легко. Глен Бэйтмен встал и предложил принять оба документа.

Кто-то закричал из задних рядов: «Я поддерживаю!»

«Предложение выдвинуто и поддержано», — сказал Стью. «Те, кто согласны с предложением, пусть скажут «да».

«ДА!» — прогремело на весь зал. Коджак, спавший рядом с местом Глена, приоткрыл глаза, моргнул, а потом снова положил морду на лапы. Через мгновение он вновь поднял голову, прислушиваясь к тому, как толпа награждала сама себя очередной бурей аплодисментов. Им нравится голосовать, — подумал Стью. — Это помогает им поверить в то, что они вновь владеют ситуацией.

«Третий пункт нашей повестки дня гласит», — начал он, и вслед за этими словами ему снова пришлось прочистить горло. Микрофон завыл на него, и на лбу у Стью выступил пот. Фрэн спокойно смотрела на него и кивала, чтобы он продолжал. «Избрание комитета из семи человек для управления Свободной Зоной Боулдера. Это означает...»

«Господин Председатель? Господин Председатель!»

Стью оторвался от своих пометок и почувствовал настоящий приступ страха, сопровождаемый чем-то вроде дурного предчувствия. Это был Гарольд Лаудер. Гарольд был одет в костюм и галстук, волосы его были гладко причесаны, и стоял он в середине центрального прохода. Когда-то Глен сказал, что оппозиция может сформироваться вокруг Гарольда. Но чтобы это случилось так скоро? Он надеялся, что пока этого не произошло. На одно мгновение ему пришла в голову мысль просто не заметить Гарольда, но и Ник, и Глен предупредили его, что ни в коем случае нельзя допускать, чтобы митинг производил впечатление заранее подготовленной и тайно спланированной акции. Он подумал о том, не ошибался ли он, когда решил, что Гарольд начал жизнь с новой страницы. Ну, вот сейчас и представится случай проверить.

«Слово предоставляется Гарольду Лаудеру».

Сидящие в зале повернулись и вытянули шеи, чтобы разглядеть Гарольда получше.

«Я хочу предложить избрать членов временного Организационного Комитета в Постоянный Комитет *in toto*». Гарольд сел.

Наступила мгновенная пауза. В голове у Стью вертелся бессмысленный вопрос: *«Тото? Тото? Не так ли звали собачку из "Волшебника Изумрудного Города"?»*

Потом снова раздались аплодисменты, перекрываемые десятками криков: «Я поддерживаю!»

Раз шесть Стью пришлось постучать по кафедре молоточком, чтобы публика успокоилась.

Он спланировал это, — подумал Стью. — *Эти люди изберут нас, но запомнят они Гарольда.*

«Поступило предложение», — громко сказал он в микрофон, на этот раз не обращая внимания на его жалобные завывания. «Было предложено избрать всех членов временного Организационного Комитета в Постоянный Комитет Свободной Зоны Боулдера. Прежде чем мы перейдем к обсуждению этого предложения, я должен спросить, нет ли у кого-то из членов временного комитета возражений или отводов».

Молчание.

«Прекрасно», — сказал Стью. «Перейдем к обсуждению?»

«Не думаю, что это необходимо, Стью», — сказал Дик Эллис. «Идея великолепная. Давайте голосовать!»

Раздались одобрительные аплодисменты. Чарли Импенинг махал рукой, чтобы ему предоставили слово, но Стью проигнорировал его — характерный случай селективного восприятия, так выразился бы по этому поводу Глен Бэйтмен — и сказал: «Пусть те, кто поддерживает предложение Гарольда Лаудера, скажут да».

«Да!!» — завопили все, спугнув устроившихся под потолком ласточек.

«Кто против?»

Никто не был против, даже Чарли Импенинг — во всяком случае, он не высказал свои возражения вслух. Стью перешел к следующему пункту.

После митинга, прошедшего безо всяких осложнений, на лужайке перед залом Чатакуа сидело более двух дюжин мужчин и женщин. Дождь прекратился, ветер разогнал облака и в воздухе стояла приятная вечерняя прохлада. Стью и Фрэнни подсели к Ларри, Люси, Лео и Гарольду.

Ларри подтолкнул Фрэнни локтем и указал на Гарольда. «Должен тебе сказать, он сегодня превзошел самого себя».

Гарольд улыбнулся и скромно пожал плечами. «Парочка идей — вот и все. Вы всемером сдвинули дело с мертвой точки. У вас по крайней мере должна быть привилегия довести его до конца».

Теперь, через пятнадцать минут после того, как они оставили это импровизированное сборище и отправились домой, Стью спросил у Фрэн: «Ты уверена, что с тобой все в порядке?»

«Да. Только ноги чуть-чуть устали».

«Ты что-то скрываешь от меня, Фрэнсис».

«Не называй меня так. Ты же знаешь, что я терпеть не могу это имя».

«Извини меня. Я больше никогда так не поступлю, Фрэнсис».

«Все мужчины — ублюдки».

«Я постараюсь исправиться, Фрэнсис. Честное слово».

Она показала ему язык, но он заметил, что шутливая перепалка не увлекла ее. Лицо Фрэнни выглядело бледным и вялым. Оно было совсем не похоже на лицо девушки, с таким воодушевлением певшей несколько часов назад государственный гимн.

«Что-то расстроило тебя, радость моя?»

Она покачала головой, но ему показалось, что он заметил у нее в глазах слезы.

«В чем дело? Расскажи мне».

«Ничего. В этом-то все и дело. Именно это меня и тревожит. Все кончено, и я наконец это поняла. Меньше шестисот людей поют «Звездно-полосатый флаг». Внезапно это ошеломило меня. Нет больше палаток, где продают «горячие собаки». Колесо Ферриса не закружится сегодня вечером на Кони-Айленде. Никто не пропустит стаканчик на ночь в Сизтле. Кто-то наконец нашел способ борьбы с употреблением наркотиков в военных частях Бостона. Но лекарство оказалось гораздо более ужасным, чем сама болезнь. Понимаешь, о чем я?»

«Да, конечно».

«В моем дневнике есть небольшой раздел под названием «Запомнить». Чтобы ребенок мог узнать... о тех вещах, которые он никогда не увидит. От этого мне и грустно».

«Всем грустно сегодня», — сказал Стью, обняв ее за плечи. «Многие люди будут плакать сегодня перед сном. Я в этом не сомневаюсь».

«Не понимаю, как можно оплакивать целую страну, — сказала она, заплакав еще сильнее, — но ничего не могу с собой поделать. Все эти... все эти маленькие подробности толпятся в моей голове. Коммивояжеры на машинах. Фрэнк Синатра. пляж Оулд Орчард в июле, весь забитый людьми, в основном, квебекцами. Этот глупый парень на ЭмТиВи — Рэнди, так, по-моему, его звали. Времена... о, Господи, все это звучит, как какое-нибудь ч-чертово стихотворение Рода М-МакКуена!»

Он обнял ее, похлопал ее по спине, вспоминая, как его тетушка Бетти рыдала над полоской невзошедших хлебов. Она тогда была беременна маленьким кузенком Лэдди, месяце на седьмом или около того, и Стью помнил, как она вытирала глаза уголком посудного полотенца и просила его не обращать на нее внимания, так как каждая беременная женщина находится в двух шагах от психбольницы из-за веществ, которые выделяются у нее в гландах.

Через некоторое время Фрэнни сказала: «О'кей. О'кей. Мне уже лучше. Пошли».

«Фрэнни, я люблю тебя», — сказал он.

«Что ты лучше всего помнишь из прошлого?» — спросила она у него.

«Ну, знаешь ли», — сказал он, а потом остановился со смешком.

«Не знаю, Стюарт».

«Но это глупость».

«Расскажи мне».

«Не уверен, что я хочу этого. Станешь заглядываться на парней с сачками для бабочек».

«Расскажи мне!» Она видела Стью в разных состояниях, но эта забавная, взъерошенная неуверенность была ей внове.

«Я никому об этом не рассказывал», — сказал он. «Но я вспоминал об этом несколько раз за последнюю пару недель. Что-то случилось со мной в 1982 году. Я тогда заправлял бензин на станции Билла Хэпскома. Он иногда нанимал меня, когда мог и когда не было работы на калькуляторной фабрике. Я работал в полсмены, с одиннадцати вечера до закрытия, то есть до трех часов утра. После того, как заправлялись люди, ехавшие с бумажной фабрики Дикси, смена которых начиналась в три, а заканчивалась в одиннадцать, работы почти не было... очень часто между двенадцатью и тремя не останавливалась вообще ни одна машина. Я сидел там и читал книгу или журнал, а часто просто дремал.

Как-то ночью примерно в четверть третьего я сидел, положив ноги на стол Хэпа, и читал какой-то вестерн. И

тут к станции подъезжает большой старый «Понтиак». Все стекла опущены, а магнитофон орет внутри изо всех сил. Я даже помню песенку — «Уходя дальше» Хэнка Вилльямса. Внутри сидит парень — не молодой и не старый. Вид у него симпатичный, но немножко страшный — я хочу сказать, он выглядел так, словно он может сделать что-нибудь страшное, особенно над этим не задумываясь. У него были кустистые, вьющиеся темные волосы. Между ногами была зажата бутылка вина, а с зеркала заднего вида свисала пара игральные кости. Он говорит: «Обслужите по полной программе», а я отвечаю — о'кей, но почти минуту я стоял и не мог сдвинуться с места, смотрел на него. Потому что вид у него был какой-то знакомый».

Они дошли до угла. Дом, где была их квартира, стоял через дорогу. Они остановились. Фрэн смотрела на Стюа очень внимательно.

«Ну, я и сказал: «Такое чувство, что я вас знаю. Вы случайно не из Корбетта или Максина?» Но на самом деле я не думал, что он из этих мест. А он отвечает: «Нет, но однажды я проезжал Корбетт со всей семьей, когда был еще мальчишкой. По-моему, в детстве я умудрился проехать почти через каждый городок в Америке. Мой отец служил в ВВС».

Ну я пошел и заправил ему полный бак, все время пытаюсь вспомнить, где же я мог его видеть. И вдруг совершенно неожиданно я вспомнил. И я чуть не намочил штаны, потому что человек за рулем «Понтиака» должен был быть мертв».

«Кто это был, Стюарт? Кто он?»

«Нет уж, позволь, я расскажу по порядку. Правда, как ни рассказывай, история все равно безумная. Я снова подошел к окну и говорю ему: «С вас шесть долларов и тридцать центов».

Он дал мне две пятидолларовых бумажки и сказал, что сдачу я могу оставить себе. А я говорю: «По-моему, я вспомнил, где я вас видел». А он говорит: «Ну что ж, может быть, и так», и улыбается своей странной улыбкой, от которой у меня мурашки бегут по коже. А все это время Хэнк Вилльямс продолжает петь о том, как он едет в город.

Я говорю: «Если вы тот, кто я думаю, то вы должны быть мертвы». Он говорит: «Не всегда доверяй своим глазам, парень». Я говорю: «Вам нравится Хэнк Вилльямс?» Все, что я мог придумать. Потому что я понял, Фрэнни, что если я не скажу хоть что-нибудь, то он просто поднимет стекло и выедет на дорогу... и я хотел, чтобы он уехал, но я также и *не* хотел этого. Пока не хотел. Пока не появится полная уверенность.

Он говорит: «Хэнк Вилльямс — один из лучших. Мне нравится музыка родхауз». А потом он говорит: «Я еду в Новый Орлеан, всю ночь буду на колесах, завтра буду целый день отсыпаться, а потом на всю ночь закачусь в кабаки. Он точно такой же? Новый Орлеан?» А я спрашиваю: «Такой же, как что?» А он говорит: «Ну, ты меня понял». А я говорю: «Ну, весь юг одинаков, хотя там впереди гораздо больше деревьев». И тут он засмеялся. И говорит: «Может быть, еще встретимся». Но я не хотел с ним снова встретиться, Фрэнни. Потому что у него были глаза человека, который долго смотрел в темноту и, похоже, начал кое-что в ней различать. Думаю, если я когда-нибудь увижу этого Флегга, глаза у него будут примерно такие же».

Стью покачал головой. «Я часто думал об этом. Думал достать кое-какие его записи, но мне не хотелось их слушать. Его голос... голос хороший, но у меня от него мороз по коже».

«Стюарт, о ком ты говоришь?»

«Ты помнишь рок-группу под названием «Дорз»? Тот парень, который остановился в ту ночь на заправке в Арнетте был Джимом Моррисоном. Я в этом уверен».

Рот ее открылся от удивления. «Но он умер! Он умер во Франции! Он...» А потом она запнулась. Потому что со смертью Моррисона была связана какая-то странная история. Какая-то тайна.

«Ты уверена?» — спросил Стью. «У меня есть сомнения на этот счет. Может быть, он и умер, а парень, которого я встретил, был просто на него похож, но...»

«Ты действительно думаешь, что это был он?» — спросила она.

Теперь они сидели на ступеньках своего дома, прижавшись друг к другу плечами, как маленькие дети, которые ждут, когда мама позовет их на ужин.

«Да», — сказал он. «Да, я так думаю. И до этого лета я думал, что это происшествие будет самым странным в моей жизни. Господи, как я ошибался».

«И ты никогда никому не рассказывал», — восхитилась она. «Видел Джима Моррисона годы спустя после его предполагаемой смерти и никогда никому не рассказывал. Стюарт Редман, должно быть, когда Бог посылал тебя в мир, Он вместо рта дал тебе замок с шифром».

Стью улыбнулся. «Ну, прошли годы, как обычно пишут в книжках, и каждый раз, когда я думал о той ночи, я все больше уверялся в том, что в конце концов это был не он. Просто кто-то похожий на него. И это воспоминание перестало беспокоить меня. Но в последние несколько недель я не раз ловил себя на том, что снова думаю об этом. И все больше уверяюсь в том, что это был он. Черт возьми, да он до сих пор мог остаться в живых. Вот это было бы по-настоящему забавно, правда?»

«Если он и жив, — сказала она, — то он не здесь».

«Да», — согласился Стью. «Вряд ли бы он здесь оказался. Понимаешь, я видел его глаза».

Она положила руку ему на плечо. «Ну и история».

«Да, и на каждые двадцать миллионов жителей этой страны найдется хотя бы один с точно такой же... только насчет Элвиса Пресли или Говарда Хьюгса».

«Больше уже не найдется».

«Ты права. Гарольд сегодня был на высоте, правда?»

«По-моему, это называется «переменим тему разговора», не так ли?»

«Может быть, и так».

«Да», — ответила она. «Он действительно был на высоте».

Он улыбнулся, уловив в ее тоне нотки раздражения. «Перепугалась немного, правда?»

«Да, но тебе я в этом не признаюсь. Ты теперь играешь на стороне Гарольда».

«Нет, это несправедливо, Фрэн. Я тоже испугался. У нас прошли два предварительных собрания... нам казалось, что

мы все продумали и предусмотрели... и тут появляется Гарольд. Пара слов здесь, пара слов там, а потом и спрашивает: «Разве вы не это имели ввиду?» А мы отвечаем: «Да, спасибо, Гарольд. Ты совершенно прав». Стю покачал головой. «Предложил проголосовать общим списком. Как это мы сами не догадались, Фрэн? Какая отличная идея! А мы даже ни разу не обсуждали ее».

«Ну, никто из нас не знал точно, в каком они будут настроении. Я думала, что после ухода Матушки Абагейл люди могут помрачнеть или даже озлобиться. А еще этот Импенинг, который разговаривает с ними, как какой-нибудь черный ворон...»

«Как бы ему заткнуть рот», — произнес Стю задумчиво.

«Но все оказалось иначе. Они были так... *преисполнены ликования* просто из-за того, что оказались вместе. Ты почувствовал это?»

«Да».

«Не думаю, что Гарольд спланировал все заранее. По-моему, он просто уловил момент».

«Я просто не знаю, как к нему относиться», — сказал Стю. «В тот вечер, когда мы искали Матушку Абагейл, мне его стало ужасно жалко. Когда подъехали Глен и Ральф, он выглядел просто ужасно, словно вот-вот готов был упасть в обморок. Но когда сегодня мы разговаривали на лужайке, и все стали поздравлять его, мне показалось, что он раздулся как жаба. Словно снаружи он улыбался, а внутри думал: Ну вот, теперь вы видите, чего стоит ваш комитет, горстка идиотов. Он похож на один из этих паззлов, которые в детстве никак не получалось собрать».

Фрэн вытянула ноги и посмотрела на них. «Раз уж зашла речь о Гарольде, скажи мне, Стюарт, не замечаешь ли ты чего-нибудь необычного в моих ногах?»

Стю посмотрел на них оценивающе. «Нет. Разве что эти странные туфли из магазина на нашей улице. Ну а еще, конечно, они очень большие».

Она шутливо ударила его. «Эти туфли очень полезны для ног. Все журналы говорят так. И у меня седьмой размер, для информации, что вовсе не так уж много».

«Ну и при чем тут твои ноги? Уже поздно, радость моя».

«Да ни при чем, наверное. Просто Гарольд все время смотрел на мои ноги, когда мы сидели на лужайке после митинга». Она покачала головой и слегка нахмурилась. «С чего бы это Гарольду Лаудеру интересоваться моими ногами?» — спросила она.

Ларри и Люси вернулись домой одни, взявшись за руки. Лео ушел раньше, чтобы побыть с «мамой-Надин».

Теперь, когда они подходили к двери, Люси сказала: «Ну и митинг же у нас был. Я никогда не думала...» Слова застряли у нее в горле, когда в тених веранды возникла чья-то темная фигура. Ларри почувствовал, как ужас пульсирует у него в горле. *Это он, — промелькнула у него безумная мысль. Он пришел за мной... сейчас я увижу его лицо.*

Но потом он удивился тому, как такая дикость могла прийти к нему в голову. Это была Надин Кросс, только и всего. На ней было платье из какого-то серо-синего материала, а волосы ее были распущены и рассыпались по плечам и по спине, черные волосы, простреленные абсолютно белыми прядями.

Рядом с ней Люси выглядит как подержанная машина в магазине спекулянта, — промелькнула у Ларри мысль, за которую он тут же себя возненавидел. В нем опять проснулся старый Ларри... старый Ларри? С таким же успехом можно сказать, что это был старый Адам.

«Надин», — сказала Люси дрожащим голосом, прижав одну руку к груди. «Ну и напугала же ты меня. Я подумала... ну, я даже не знаю, что я подумала».

Надин не обратила на Люси никакого внимания. «Могу я поговорить с тобой?» — спросила она Ларри.

«Что? Сейчас?» Он искоса посмотрел на Люси, или подумал, что посмотрел... позже он никак не мог вспомнить, как выглядела Люси в тот момент. Ее словно затмила какая-то темная звезда.

«Сейчас. Именно сейчас».

«Утром было бы...»

«Это должно произойти сейчас, Ларри. Или никогда».

Он снова посмотрел на Люси и на этот раз действительно увидел ее, увидел покорность на ее лице в тот момент, когда она переводила взгляд с Ларри на Надин и обратно на Ларри. Увидел боль в ее глазах.

«Я сейчас приду, Люси».

«Нет, не придешь», — сказала она глухо. Слезы засверкали у нее на глазах.

«Десять минут».

«Десять минут, десять лет», — сказала Люси. «Она пришла за тобой. Ты принесла с собой ошейник и намордник, Надин?»

Для Надин Люси Сванн не существовала. Ее темные большие глаза смотрели только на одного Ларри. Для Ларри они всегда были самыми странными, самыми красивыми глазами на свете, теми бездонными и спокойными глазами, которые глядят на тебя, когда тебе больно, или когда ты в беде, или когда ты совсем сошел с ума от горя.

«Я скоро приду, Люси», — повторил он механически. «Иди».

«Да, я пойду. Она пришла. Я уволена». Она взбежала вверх по ступенькам, споткнувшись на последней, но сумев удержаться на ногах, открыла дверь и захлопнула ее за собой с шумом, как раз успев отсечь от них звук своих рыданий.

Надин и Ларри долго смотрели друг на друга, словно зачарованные. Так вот как это происходит, — подумал он. — Когда ты встречаешься с чьими-то глазами в противоположном углу комнаты, чтобы не забыть их уже никогда, или замечаешь на другом конце переполненной платформы метро человека, который выглядит, как твой двойник, или слышишь на улице чей-то смех, который очень похож на смех первой девушки, с которой ты занимался любовью...»

Но во рту у него был горький привкус.

«Давай пройдемся до угла и обратно», — сказала Надин тихим голосом.

«Лучше мне пойти за ней. Ты выбрала чертовски неудачное время, чтобы прийти».

«Пожалуйста. Только до угла и обратно. Если хочешь, я встану на колени и буду умолять тебя. Вот. Видишь?»

И к его ужасу она действительно опустилась на колени, немного приподняв край платья и показав ему свои обнаженные ноги, после чего он почувствовал странную уверенность, что под платьем у нее вообще ничего нет. Почему он так подумал? Он не знал. Ее глаза смотрели на него, и от этого взгляда голова его кружилась, и у него появилось тошнотворное ощущение, что во всем этом участвует какая-то сила, сила, поставившая ее перед ним на колени, так что ее рот оказался на одном уровне с...

«Вставай!» — сказал он грубо. Он взял ее за руки и поднял на ноги, стараясь не смотреть, как край платья задрался еще выше, перед тем как лечь на место. Бедрa ее были цвета сливок — того оттенка белого цвета, который выглядит не бледным и мертвенным, а сильным, здоровым и соблазнительным.

«Пошли», — сказал он смятенно.

Они пошли на запад, по направлению к горам, которые негативным изображением вырисовывались далеко впереди — треугольные пятна темноты, затмившие вышедшие после дождя звезды. Идти ночью по направлению к этим горам было как-то немного жутковато, но в то же время и увлекательно. И теперь, когда рука Надин легко обвила его согнутый локоть, все чувства его обострились. У него всегда были очень явственные сны, а три или четыре дня назад ему приснился сон об этих горах. Ему снилось, что в них живут тролли — отвратительные создания с яркими зелеными глазами, чересчур большими головами гидроцефалов и короткопалыми сильными руками. Руками душителей. Тролли-идиоты, охраняющие горные перевалы. Ждущие, когда придет его время — время темного человека.

Вдоль улицы повеял мягкий ветерок, гоня перед собой бумажный мусор. Они прошли мимо магазина, на стоянке перед которым стояло несколько металлических тележек, похожих на мертвых часовых. Они напомнили ему о туннеле Линкольна. В туннеле Линкольна были тролли. Они были мертвы, но это отнюдь не означало, что в новом мире мертвы все тролли.

«Трудно», — сказала Надин прежним тихим голосом. «Это трудно, потому что она права. Я хочу тебя прямо сейчас. И я боюсь, что уже слишком поздно. Я хочу остаться здесь».

«Надин...»

«Нет!» — сказала она с яростью. «Дай мне закончить. Я хочу остаться здесь, как ты не можешь этого понять? И если мы будем вместе, то я смогу это сделать. Ты — мой последний шанс», — сказала она, и голос ее дрогнул. «Джо уже больше нет».

«Он есть», — сказал Ларри, ощущая тупое и удивленное оцепенение. «Мы оставили его у твоего дома по дороге к себе. Разве он не там?»

«Нет. В моей постели спит мальчик по имени Лео Роквей».

«Что ты хочешь...»

«Послушай», — сказала она. «Послушай меня, неужели ты не можешь меня *выслушать*? Пока у меня был Джо, со мной было все в порядке. Я могла... быть настолько сильной, насколько это было необходимо. Но я ему больше не нужна. А мне нужно, чтобы я была кому-то нужна».

«Но ты нужна ему!»

«Конечно, нужна», — сказала Надин, и Ларри вновь почувствовал испуг. Она говорила уже не о Лео. «Я нужна ему. Именно этого-то я и боюсь. Именно поэтому я и пришла к тебе». Она встала напротив него и посмотрела ему в глаза, гордо вздернув подбородок. Он мог ощущать чистый запах ее тела, и в нем проснулось желание. Но часть его устремилась обратно к Люси. Это была та самая часть, которая понадобится ему, если он хочет жить здесь, в Боулдере. Если он не прислушается к ней и уйдет с Надин, вполне возможно, что уже этой ночью они вдвоем покинут Боулдер. С ним будет все кончено. Старый Ларри будет торжествовать.

«Я должен идти домой», — сказал он. «Прости меня. Тебе придется справиться с этим самой, Надин». «*Справится с этим самой*» — разве это не те слова, которые он, в той или иной форме, произносил людям всю свою

жизнь? Почему именно они слетели у него с языка, когда он знал, что прав, и заставили его усомниться в самом себе?

«Давай займемся любовью», — сказала она и обвила руками его шею. Она прижалась к нему всем телом, и по его мягкости, теплоте и пружинистости он понял, что оказался прав: под платьем действительно ничего не было. Голая задница под платьем, подумал он, и мысль эта привела его в сильное возбуждение.

«Все в порядке, я чувствую тебя», — сказала она и стала тереться о него — влево, вправо, вверх, вниз, сводя его с ума восхитительным ощущением трения. «Займемся любовью, и все это кончится. Я буду в безопасности. В безопасности. В безопасности».

Позже он никак не мог понять, как ему удалось сделать это, когда он тремя быстрыми движениями и одним толчком мог оказаться внутри ее теплоты. Но он оторвал ее руки и оттолкнул ее с такой силой, что она споткнулась и чуть не упала. С губ ее сорвался тихий стон.

«Ларри, если б ты только знал...»

«Но я не знаю. Так почему бы тебе не рассказать мне все, вместо того чтобы... пытаться меня изнасиловать?»

«Изнасиловать!» — повторила она, пронзительно рассмеявшись. «О, как это забавно! Что ты говоришь! Я! Изнасиловать *тебя*! О, Ларри!»

«Как это ни назови, но ты могла получить то, что хотела, на прошлой неделе, или на позапрошлой. На позапрошлой неделе я сам просил тебя об этом. Я хотел тебя».

«Это было слишком рано», — прошептала она.

«А теперь слишком поздно», — сказал он, ненавидя свой грубый тон, но не в силах смягчить его. Он еще трясся с головы до ног от желания.

«Что ты собираешься делать?»

«Все в порядке. До свидания, Ларри».

Она повернулась к нему спиной. В этот миг она была не только Надин, навсегда отвернувшейся от него. Она была специалистом по оральной гигиене. Она была Ивонной, с которой он делил квартиру в Лос-Анджелесе — она

послала его куда подальше, и ему пришлось убраться восвояси, оставив квартиру ей. Она была Ритой Блэкмор.

И хуже всего, она была его матерью.

«Надин?»

Она не обернулась. Она превратилась в черный силуэт, который можно было отличить от других черных силуэтов, только когда она переходила улицу. Потом она окончательно исчезла на черном фоне гор. Он еще раз позвал ее по имени, но она не ответила. Было что-то пугающее в том, как она оставила его, просто растаяв в черноте.

Он стоял перед входом в магазин, сцепив руки, и лоб его был покрыт каплями пота, несмотря на вечернюю прохладу. Его призраки вновь были с ним, и наконец он узнал, как приходится расплачиваться за то, что ты не симпатичный парень: ты никогда не будешь уверен в мотивах своих поступков, никогда не сможешь определить, чего ты больше принес человеку — добра или зла, никогда не сможешь избавиться от кислого привкуса сомнения во рту и...

Он резко поднял голову. Глаза его расширились и чуть не вылезли из орбит. Снова занялся ветер и жутковато завывал в каком-то пустом дверном проеме. Ему показалось, что где-то далеко он слышит стук каблуков в ночи. Стук стоптанных каблуков где-то в предгорьях, который доносит до него прохладная волна утреннего ветра.

Стук пыльных каблуков, держащих путь в могилу запада.

Люси услышала, как он вошел, и сердце ее бешено подскочило. Она велела ему успокоиться — возможно, он просто вернулся за своими вещами, — но оно успокаиваться не желало. *Он выбрал меня*, — стучало у нее в мозгу в ритм убыстрившимся ударам сердца. *Он выбрал меня...*

Слезы заструились у нее по щекам.

Дверь открылась, и она увидела его силуэт в дверном проеме.

«Люси? Ты не спишь?»

«Да».

«Можно я зажгу лампу?»

«Да».

В свете затрепетавшего язычка пламени лицо его выглядело бледным и взволнованным.

«Мне надо тебе кое-что сказать».

«Не надо ничего говорить. Просто ложись спать».

«Я должен сказать это. Я...»

«Ларри?» Она села. «С тобой все в порядке?»

Он заговорил, словно не услышав ее вопроса. «Я люблю тебя. Если я тебе нужен, то я буду рядом с тобой. Но у меня есть сомнения по поводу того, насколько ты счастлива со мной. Я вряд ли буду для тебя идеальной парой, Люси».

«Поживем — увидим. А пока ложись».

Он лег. После того как они кончили заниматься любовью, она сказала, что любит его.

Только через три дня они узнали о том, что Надин Кросс переехала жить к Гарольду Лаудеру.

ГЛАВА 51

Он посмотрел на нее смущенно, но она лишь улыбнулась ему своими спокойными, темными глазами — глазами молодой девушки на викторианской картине.

«Извини меня», — пробормотал он.

«За что?» — спросила Надин, не отрывая глаз от его лица.

«Тебе это, наверное, не доставило особого удовольствия».

«Напротив, я чувствую себя удовлетворенной. Ты молод. Мы будем заниматься этим столько, сколько ты захочешь».

Он посмотрел на нее, не в силах сказать ей что-нибудь в ответ».

«Но одну вещь ты должен запомнить. Что ты мне там говорил о своей девственности? Так вот, я тоже девственница».

«Ты...» Должно быть, появившееся у него на лице выражение удивления было очень комичным, так как она откинула голову и расхохоталась.

«Да, я девственница. И я не собираюсь расстаться с ней в ближайшее время. Потому что она предназначена другому».

«Кому?»

«Ты знаешь кому, Гарольд».

Он уставился на нее, внезапно похолодев. Она спокойно ответила на его взгляд.

«Ему?»

Она кивнула.

«Но я тебе многое могу показать», — сказала она, отведя глаза. «Мы с тобой будем заниматься такими вещами, о которых ты никогда даже и не... нет, не так. Может быть, ты и *мечтал* о них, но ты никогда не думал, что мечты твои сбудутся. Мы можем играть. Мы можем пьянеть от этого. Мы можем купаться в этом. Мы можем...» Она запнулась и посмотрела на него. Взгляд ее был таким лукавым и соблазнительным, что он снова почувствовал возбуждение. «Мы можем делать все, что угодно, кроме одного крошечного пустячка. А этот пустячок не так уж и важен, не правда ли?»

В голове его закружились картины. Шелковые шарфы... ботинки... кожа... резина. О, Господи. *Фантазии школьника*. Какой-то своеобразный сексуальный пасьянс. Но ведь все это только сон? Фантазия, порожденная другой фантазией, детище темного человека. Как он желал всего этого, как он хотел *ее*, но он хотел и большего.

«Ты можешь быть со мной абсолютно откровенным», — сказала она. «Я буду твоей матерью, или твоей сестрой, или твоей шлюхой, или твоей рабыней. Но ты должен рассказать мне все, Гарольд».

Он открыл рот, и его голос зазвучал, как надтреснутый колокольчик. «Но не задаром. Ничто не дается бесплатно, даже сейчас, когда все вокруг завалено вещами, которые только и ждут, чтобы их подобрали».

«Я хочу того же, что и ты», — сказала она. «Я знаю, что таится в твоём сердце».

«Этого не знает никто».

«То, что таится в твоём сердце, записано в твоём дневнике. Я могла бы прочитать его — я знаю, где он спрятан, — но в этом нет необходимости».

Он вздрогнул.

«Раньше он лежал вон под тем кирпичом», — сказала она, указывая в направлении камина, — «но теперь ты перепрятал его на чердак».

«Откуда ты это знаешь? *Откуда?* »

«Я знаю, потому что он рассказал мне. Он... можно сказать, что он написал мне письмо. А еще важнее, что он рассказал мне *о тебе*, Гарольд. О том, как этот ковбой отнял у тебя твою женщину и не включил тебя в состав Комитета Свободной Зоны. Он *хочет*, чтобы мы держались вместе, Гарольд. И он щедр. С этого момента и до того времени, как мы уйдем отсюда, мы предоставлены самим себе».

Она прикоснулась к нему рукой и улыбнулась.

«Для нас наступает время игр. Ты понимаешь меня?»

«А потом, Надин? Что он хочет, чтобы мы делали потом?»

«То, что ты почти уже сделал с Редманом в тот первый день, когда вы выезжали на поиски старой женщины... но в гораздо большем масштабе. А когда мы сделаем это, мы сможем отправиться к нему, Гарольд. Мы сможем быть с ним. Мы сможем остаться с ним». Глаза ее были полузакрыты от наслаждения и восторга. Парадоксальным образом то обстоятельство, что она любит другого, но готова отдать свое тело ему, вновь возбудило в нем жаркое желание.

«А если я скажу "нет"?»

Она пожала плечами, и груди ее соблазнительно покачивались. «Жизнь будет идти своим чередом, так ведь, Гарольд? Мне придется найти другой способ, чтобы сделать то, что я должна сделать. Ты пойдешь своим путем. Рано или поздно ты найдешь девушку, которая согласится сделать для тебя этот маленький пустячок. Но спустя некоторое время этот пустячок покажется тебе очень утомительным».

«Откуда ты знаешь?» — спросил он с кривой усмешкой.

«Я знаю это, потому что секс — это жизнь в миниатюре, а жизнь очень утомительна. Жизнь — это время, проведенное во множестве комнат для ожидания. Вполне возможно, Гарольд, здесь у тебя будут свои успехи, но к чему все это? Жизнь твоя будет скучной банальностью, и

ты всегда будешь вспоминать меня без рубашки и будешь думать о том, как бы я выглядела, если снять с меня все остальное. И ты будешь пытаться представить себе, что было бы, если бы я стала произносить в твоём присутствии нецензурные ругательства... или обмазала бы медом... все твоё тело... а потом вылизала бы тебя... и ты будешь думать...»

«Прекрати», — сказал он. Все тело его охватила дрожь. Но она не послушалась.

«А ещё мне кажется, что ты будешь думать о том, на что похожа жизнь на *его* стороне мира», — сказала она. «И, возможно, эта мысль окажется гораздо более настойчивой, чем все остальные».

«Я...»

«Решай, Гарольд. Надеть ли мне снова свою рубашку или снять все остальное?»

«Идем в спальню», — сказал Гарольд.

Она улыбнулась и взяла его за руку.

Гарольд Лаудер подчинился своей судьбе.

ГЛАВА 52

Окна дома Джаджа Фэрриса выходили на кладбище.

Он и Ларри сидели после обеда на веранде, курили сигары и смотрели на полоску заката над горами, которая постепенно выцветала до бледно-оранжевого оттенка.

«В детстве мы жили неподалеку от самого красивого кладбища во всем Иллинойсе», — произнес Джадж. «Оно называлось Холм Надежды. Каждый вечер после ужина мой отец, которому тогда пошел седьмой десяток, уходил на прогулку. Иногда я отправлялся вместе с ним. И если наш маршрут пролегал мимо этого некрополя, содержавшегося в идеальном порядке, он говорил: Как ты думаешь, Тедди? Есть ли хоть какая-нибудь надежда? И я отвечал ему: Конечно, есть. Целый холм. И каждый раз он хохотал, словно слышал эту фразу впервые. Умер он в 1937 году, когда я был ещё подростком. Он умер, как король, Ларри. Он сидел на троне в самой маленькой комнатке своего дома с газетой на коленях».

Ларри, не вполне уверенный в том, как следует реагировать на это довольно причудливое проявление ностальгии, не сказал ни слова.

Джадж вздохнул. «В недалеком будущем что-то должно произойти», — сказал он. «Если вы почините электричество, то все будет отлично. Но если вы не сможете этого сделать, люди занервничают и потянутся на юг, пока не настали холода».

«Ральф и Бред говорят, что все будет в порядке. Я доверяю им».

«Тогда будем надеяться, что у твоего доверия есть основания, так? Может быть, это даже хорошо, что старая женщина ушла от нас. Может быть, она понимала, что так будет лучше. Может быть, людям надо самим предоставить судить, что там за свет в небесах и действительно ли у одного из деревьев есть лицо, или это лицо — лишь игра света и тени».

«Я не вполне понимаю вас», — сказал Ларри.

«Я просто думаю о том, надо ли нам вновь заваривать эту утомительную кашу с богами и со всем прочим. Не уверен, что сейчас самое подходящее для этого время».

«Вы думаете, что она умерла?»

«Она ушла шесть дней назад. Поисковый комитет работал впустую. Да, я думаю, что она умерла, но даже сейчас у меня есть некоторые сомнения. Она была удивительной женщиной, совершенно не укладывающейся в рациональный порядок вещей. Может быть, одна из причин того, что я почти рад ее уходу, как раз и состоит в том, что я — страшный рационалист. А ведь если в лице старой женщины мы увидим Бога, то это неизбежно напомнит нам о том, что на каждого бога найдется по дьяволу — и наш дьявол может оказаться ближе, чем мы думаем».

«Поэтому я и пришла к тебе», — сказал Ларри.

«Я знаю, почему ты пришел. Я согласен».

Ларри вздрогнул. «Кто рассказал тебе? Это должно было держаться в тайне, Джадж. Если кто-то из комитета проговорился, то мы в полном дерьме».

Джадж поднял руку, прерывая Ларри. «Успокойся, мой мальчик, успокойся. Никто из вашего комитета не выдал

тайну. Мне, во всяком случае, об этом ничего не известно. Но твое лицо — это открытая книга, Ларри. Вы ведь хотите послать меня на запад. Шпионом. Так ведь?»

«Совершенно верно».

«Я думаю, он уже починил электричество», — сказал Джадж с обманчивым безразличием. «И этим он влечет к себе людей. Очевидно, этот парень Импенинг попался на его удочку».

«Хорошенькое приобретение для них», — мрачно заметил Ларри.

«Я отправляюсь завтра. Наверное, в «лендровере». Слава Богу, я по-прежнему могу удерживать руль в руках. Поеду на север в Вайоминг, а потом на запад. Проеду через Айдахо и отправлюсь в Северную Калифорнию. Путешествие туда займет около двух недель, дорога обратно может оказаться дольше. Возможно, уже выпадет снег».

«Да, мы думали об этом».

«И я стар. Старики подвержены сердечным приступам и приступам глупости. Полагаю, за мной последуют другие?»

«Ну...»

«Снимаю свой вопрос. Можешь отвечать».

«Послушайте, вы можете отказаться», — выпалил Ларри. «Никто не приставляет вам к виску револьвер».

«А ты пытаешься снять с себя всякую ответственность?» — резко спросил Джадж.

«Может быть, я думаю, что ваши шансы на возвращение не превышают один к десяти, а шансы на возвращение с важной информацией, на которой мы сможем основывать наши действия, составляют один к двадцати. Может быть, я просто хочу в благопристойной форме признаться в том, что допустил ошибку. Возможно, вы слишком стары для этого поручения».

«Я стар, но я смогу выполнить то, что считаю необходимым. Как Люси?» — спросил Джадж, закрывая тему своего отъезда.

«Прекрасно», — сказал Ларри. «У нас все прекрасно».

«Никаких проблем?»

«Нет», — сказал он и подумал о Надин. Воспоминание о последней встрече с ней все еще тревожило его. *Ты мой последний шанс*, — сказала она. Странные слова.

«Хорошо, что ты с Люси», — сказал Джадж. «Но я подозреваю, что ты беспокоишься о другой женщине».

«Да, это так. Мне кажется, что, возможно, она думает о чем-то вроде самоубийства. Дело тут не только во мне», — поспешил добавить он. «Но мальчик, о котором она заботилась, вышел из своей скорлупы, и, по-моему, ей одиноко, так как теперь никто уже от нее не зависит».

«Если ее депрессия затянется, она действительно может убить себя», — сказал Джадж с обескураживающим равнодушием.

Ларри пораженно посмотрел на него.

«Но ты ведь не можешь раздвоиться, правда?»

«Да».

«И ты сделал свой выбор?»

«Да».

«И этот выбор окончательный?»

«Да».

«Ну тогда и следуй ему», — произнес Джадж с наслаждением. «Ради Бога, Ларри, подрастай поскорей. Обрети хоть немного уверенности в себе. Твоя Люси — прекрасная женщина. Попробуй возложить на себя ответственность не только за нее и себя самого — это значит взвалить на себя слишком тяжелую ношу».

«Мне нравится разговаривать с вами», — сказал Ларри и был одновременно напуган и удивлен откровенным простодушием своей реплики.

«Возможно, это потому, что я говорю тебе как раз то, что ты хочешь услышать», — безмятежно сказал Джадж. После паузы он добавил: «Знаешь, есть ведь разные способы самоубийства».

На следующее утро в четверть девятого грузовик, занятый уборкой трупов, выехал в район Тэйбл Миза. Гарольд, Вейзак и еще двое человек сидели в кузове. Норман Келлогг и еще один парень сидели в кабине. На

«Снова хотите, чтобы я посмотрел на часы? Я не против. Ну, как тогда, когда вы их раскачивали туда-сюда? *Хооо-цееется... спааааать...*» Том посмотрел на них с сомнением. «Но вообще-то мне не особо хочется спать. Ей-Богу, нет. Вчера я лег спать рано. Том Каллен всегда ложится рано, потому что теперь телевизор не посмотришь».

«Том, хотел бы ты увидеть слона?» — мягко спросил Стью.

Глаза Тома немедленно закрылись. Голова его свободно качнулась вперед. Дыхание стало глубоким и редким. Стью наблюдал все это с огромным удивлением. Ник сообщил ему ключевую фразу, но Стью далеко не был уверен в том, что она подействует. И уж никогда ему не могло прийти в голову, что все может случиться так быстро.

«Совсем как курица, которой сунули голову под крыло», — восхитился Ральф.

Ник вручил Стью подготовленный «сценарий». Стью посмотрел на Ника долгим взглядом. Ник встретил его взгляд, а потом поощрительно кивнул.

«Том, ты слышишь меня?» — спросил Стью.

«Да, я слышу», — сказал Том, и интонация его голоса заставила Стью насторожиться.

«Я — Стью Редман».

«Да, Стью Редман».

«Ник здесь рядом».

«Да, Ник рядом».

«Ральф Брентнер тоже здесь».

«Да, Ральф тоже здесь».

«Мы — твои друзья».

«Я знаю».

«Мы хотим, чтобы ты кое-что сделал для Зоны, Том. Это опасно».

«Опасно...»

Лицо Тома потемнело.

Стью обеспокоенно посмотрел на Ника.

Ник кивнул.

«Стало быть, это *он*», — сказал Том и вздохнул. Вздох был похож на свист ноябрьского ветра в дубовой аллее. Стью содрогнулся. Ральф побледнел.

«Кто он?» — тихо спросил Стью.

«Флегг. Его зовут Рэнди Флегг. Темный человек. Вы хотите, чтобы я...» Опять этот болезненный, горький, долгий вздох.

«Откуда ты знаешь его, Том?» Этого вопроса в сценарии не было.

«Сны... я видел его лицо в снах».

Я видел его лицо в снах. Но никто из них никогда не видел его лица. Оно всегда было спрятано.

«Ты видел его?»

«Да...»

«Как он выглядит, Том?»

Том долго не отвечал. Стью уже было решил, что он не ответит на этот вопрос, и хотел вернуться к сценарию, когда Том сказал: «Он выглядит как самый обычный человек. Но когда он усмехается, птицы падают замертво с телефонных проводов. Когда он посмотрит на тебя особым взглядом, твоя предстательная железа начинает болеть. Там, где он плюет, трава желтеет и умирает, Он все время в пути. Он рожден временем. Он не знает самого себя. Ему принадлежат имена тысяч различных демонов. Когда-то Иисус заставил его вселиться в стадо свиней. Имя ему — легион. Он боится нас. Мы находимся внутри. Он умеет творить чудеса. Он может повелевать волками и вселяться в ворон. Он — одинокий король. Но он боится нас. Он боится... того, что внутри».

Том замолчал.

Все трое уставились друг на друга, смертельно побледнев.

Имя ему — легион. Он — одинокий король.

«Не мог бы ты рассказать о нем что-нибудь еще?» — тихо спросил Стью.

«Только то, что я тоже боюсь его. Но я сделаю, что вы хотите. Том... так боится». И снова этот ужасный вздох.

«Том», — неожиданно заговорил Ральф. «Ты не знаешь, жива ли еще Матушка Абагейл?»

«Она жива». Ральф откинулся на спинку стула с глубоким вздохом облегчения. «Но она еще не с Богом», — добавил Том.

«Не с Богом? Почему, Томми?»

«Она ушла в чашу. Ее надо пожалеть. Она прозреет, но прозреет слишком поздно. А потом — смерть. *Его* смерть. Она умрет не на той стороне реки. Она...»

«Остановите его», — простонал Ральф. «Неужели вы не можете остановить его?»

«Том», — сказал Стью.

«Да».

«Ты сейчас тот же самый Том, которого Ник встретил в Оклахоме? Ты тот же самый Том, которого мы все знаем?»

«Да, но я больше, чем тот Том».

«Не понимаю».

«Я — Божий Том».

Стью чуть не уронил записи Ника.

«Ты говоришь, что сделаешь то, о чем мы тебя просим».

«Да».

«Но как ты считаешь... сможешь ли ты вернуться?»

«Это зависит не от меня. Куда мне идти?»

«На запад, Том».

Том застонал. От этого стоны у Стью на загривке дыбом поднялись волосы. *На что мы его посылаем?*

«На запад», — сказал Том. «Да, на запад».

«Мы посылаем тебя, Том, чтобы ты наблюдал. А потом вернулся обратно».

«Вернулся обратно и рассказал».

«Ты способен на это?»

«Да. Если только они не поймают и не убьют меня».

Стью вздрогнул.

«Ты пойдешь один, Том. Все время на запад. Ты сможешь определить, где запад?»

«Там, где заходит солнце».

«Да. И если кто-нибудь спросит у тебя, почему ты пришел, ты скажешь, что тебя прогнали из Свободной Зоны...»

«Прогнали меня. Прогнали Тома. Выставили его за дверь».

«...потому что ты — умственно отсталый».

«Они прогнали Тома, потому что Том — умственно отсталый».

«...и потому что у тебя могла появиться женщина, и у нее родились бы дети-идиоты».

«Дети-идиоты, как сам Том».

«А теперь повтори, что ты скажешь, если кто-нибудь спросит у тебя, почему ты пришел на запад».

«Они выгнали Тома, потому что он — умственно отсталый. Ей-Богу, да. Они боялись, что у меня может появиться женщина, и я трахну ее своей толстой штукой. И она забеременеет идиотами».

«Правильно, Том».

«Выгнали меня», — сказал он тихим скорбным голосом. «Выгнали Тома из его симпатичного маленького домика и оставили его на дороге».

Стью провел рукой по глазам. Потом он посмотрел на Ника. Казалось, Ник двоятся и даже троится в его поле зрения. «Ник, не знаю, могу ли я закончить», — сказал он беспомощно.

Ник посмотрел на Ральфа. Ральф, бледный, как сыр, смог только покачать головой.

«Заканчивайте», — неожиданно произнес Том. «Не оставляйте меня так долго в темноте».

Стью заставил себя продолжить.

«Том, ты знаешь, как выглядит полная луна?»

«Да, большая и круглая».

«Она не похожа ни на месяц, ни даже на почти полную луну».

«Не похожа», — сказал Том.

«Когда ты увидишь большую круглую луну, ты вернешься обратно на восток. К нам. В свой дом, Том».

«Да, когда я увижу ее, я вернусь», — согласился Том. «Я вернусь домой».

«А когда ты будешь возвращаться, то идти ты будешь по ночам, а спать — днем».

«Идти по ночам, спать днем».

«Правильно. И ты постарайся, чтобы тебя никто не увидел».

«Хорошо».

«Но, Том, кто-то может увидеть тебя».

«Да, кто-то может».

«Если это будет один человек, Том, убей его».

«Убей его», — сказал Том с сомнением.

«А если их будет много, то беги».

«Беги», — сказал Том более уверенно.

«Но постарайся, чтобы тебя вообще не заметили. Можешь повторить все это сначала?»

«Да. Надо вернуться, когда луна будет полной. Идти ночью, спать днем. Стараться, чтобы никто не увидел меня. Если меня увидит один человек, убить его. Если много, бежать».

«Очень хорошо. Я хочу, чтобы через несколько секунд ты проснулся. О'кей?»

«О'кей».

«Когда я спрошу про слона, ты проснешься, о'кей?»

«О'кей».

Стью откинулся на спинку стула с протяжным, прерывным вздохом. «Слава Богу, все кончено».

Ник кивнул головой.

«Ты знал, что может случиться нечто подобное, Ник?»

Ник покачал головой.

«Откуда он все это знает?» — пробормотал Стью.

Ник жестом попросил вернуть ему блокнот. Стью отдал блокнот, радуясь, что наконец-то может от него избавиться. Ник написал записку и вручил ее Ральфу. Ральф прочитал ее и передал Стью.

«В прежние времена некоторые люди считали, что безумцы и умственно отсталые очень близки к Богу. Не думаю, что он сообщил нам какую-то полезную информацию, но перепугал он меня до смерти».

«Это выше моего разума, вот и все», — пробормотал Ральф. «А про то, что он говорил о Матушке Абагейл, я и думать не хочу. Буди его, Стью, и давай поскорее уберемся отсюда».

Стью вновь наклонился к Тому. «Том?»

«Да».

«Хотел бы ты увидеть слона?»

Том немедленно открыл глаза и оглядел их. «Я же говорил, что ничего не получится», — сказал он. «Ей-Богу, нет. Том не может заснуть посреди дня».

Ник передал Стью листок бумаги.

«Ник говорит, что ты справился прекрасно».

«Вот как? Я стоял на голове, как в прошлый раз?»

«Нет», — сказал Стью. «Мы пришли спросить, не можешь ли ты нам помочь».

«Я? Помочь? Конечно! Мне нравится помогать!»

«Это опасно, Том. Мы хотим, чтобы ты пошел на запад, а потом вернулся и рассказал нам, что ты там видел».

«О'кей, конечно», — сказал Том без малейшего колебания, но Стью показалось, что мгновенная тень промелькнула по его лицу... и спряталась за простодушными голубыми глазами.

«Когда?»

«Очень скоро», — сказал Стью тихо.

ГЛАВА 53

Следующий день Стью провел на электростанции, обматывая проволокой генераторы. Когда после рабочего дня он возвращался на мотоцикле домой и проезжал через небольшой парк напротив Первого Национального Банка, его окликнул Ральф. Стью слез с велосипеда и подошел к раковине открытой сцены, где Ральф поджидал его, сидя прямо на полу.

«Я искал тебя, Стью. У тебя есть свободная минутка?»

«Одна есть. Я опаздываю на ужин. Фрэнни будет беспокоиться».

«Судя по твоим рукам, ты наматывал проволоку на электростанции».

«Да. Даже рабочие рукавицы не помогают. Все руки себе изранил».

Ральф кивнул. «Ну и как там идут дела?»

«Я не знаю. Я просто рабочая сила, как и остальные. Бред Китченер утверждает, что электричество появится к концу первой недели сентября, а отопление — к середине месяца. Но, конечно, он слишком молод, чтобы полагаться на его предсказания...»

«Я бы поставил на Бреда», — сказал Ральф. «Я доверяю ему».

«Слушай, а что у тебя такой кислый вид?»

«Я получил кое-какие новости по радио», — сказал Ральф. «Некоторые — хорошие, а некоторые... ну, не совсем хорошие, Стью. Я хочу сказать тебе об этом, потому что секретничать не имеет смысла. У многих людей в Зоне есть свои радиопередатчики. Наверняка кто-то слушал, когда я разговаривал с этими парнями».

«Сколько человек на подходе?»

«Более сорока. Один из них доктор по имени Джордж Ричардсон».

«Ну, великолепные новости!»

«Он из Дербишира, штат Теннесси. Большинство людей из этой группы — со Среднего Юга. Так вот у них в группе есть беременная женщина, и ее срок подошел десять дней назад, тринадцатого числа. Доктор принял роды — двойню, с ними было все в порядке. Поначалу».

Стью схватил его за ворот. «Они умерли? *Дети умерли?* Ты это хотел мне сказать? Что они умерли? Отвечай же, черт тебя побери!»

«Они умерли», — сказал Ральф тихо. «Один из них прожил всего двенадцать часов. Похоже, просто задохнулся. Другой пережил его на два дня. Ричардсон ничего не мог сделать. Женщина немного повредила в уме. Все время бормочет о смерти, разрушении и о том, что больше не будет детей. Тебе надо позаботиться о том, чтобы Фрэн не оказалось рядом, когда они придут, Стью. Вот что я хотел тебе сообщить. И кроме того, ты должен сразу же ей все рассказать. Потому что если ты не сделаешь этого, это сделает кто-то другой».

Стью медленно выпустил из рук рубашку Ральфа.

«Этот Ричардсон спрашивал, сколько у нас тут беременных женщин, и я сказал, что пока только одна, насколько нам известно. Он спросил, на каком месяце, и я ответил, что на четвертом. Я был прав?»

«Она уже на пятом. Но, Ральф, скажи, он уверен, что эти дети умерли от супергриппа? Он *уверен* в этом?»

«Нет, он не уверен, и об этом ты тоже должен сказать Фрэнни. Он сказал, что причины смерти могли оказаться самыми разными... пища, которую приходилось есть ма-

тери... что-то наследственное... респираторная инфекция или, может быть, они просто были, понимаешь ли, дефективными. Он сказал, что, возможно, дело в резус-факторе, правда, я не знаю, что это такое».

«Мы с Гленом говорили об этом», — сказал Стью убитым голосом, — «еще в тот день, когда мы впервые встретились. Это было четвертого июля. Кажется, это было так давно... но так или иначе, если эти дети действительно умерли от супергриппа, возможно, это означает, что лет через сорок-пятьдесят мы оставим землю в наследство крысам, мухам и воробьям».

«Когда дети умерли, они были в сорока милях к западу от Чикаго, и Ричардсон убедил их вернуться, чтобы сделать вскрытие в больнице. Он сказал, что может точно выяснить, был ли это супергрипп. Он посмотрелся на него в конце июня. Как и все доктора».

«Да».

«Но утром детей уже не было. Женщина похоронила их и не хотела говорить где. Два дня они раскапывали землю вокруг лагеря, рассчитывая на то, что она не могла уйти слишком далеко от лагеря или закопать их очень глубоко. Но они ничего не нашли, а она продолжала хранить молчание, сколько они ей ни объясняли, как это важно. Бедная женщина совсем тронулась».

«Я могу ее понять», — сказал Стью, думая о том, как Фрэн хочется ребенка.

«Доктор сказал, что даже если это и был супергрипп, то, может быть, двое переживших эпидемию людей могут произвести на свет ребенка, обладающего иммунитетом», — сказал Ральф с надеждой.

«Шансы на то, что отец ребенка обладал иммунитетом, составляют один против миллиона», — сказал Стью. «Во всяком случае, его нет среди нас».

«Извини, что мне пришлось рассказать тебе это, Стью. Но я подумал, что тебе лучше узнать об этом. Чтобы рассказать ей».

«Не представляю, как я сделаю это», — сказал Стью.

Но вернувшись домой, он обнаружил, что кто-то его опередил.

«Фрэнни?»

Ответа не последовало. Ужин был на плите — подгорелый, — но квартира была темной и тихой. Стью вошел в гостиную и огляделся.

«Крошка?»

Он прошел в спальню, и она оказалась там. В полумраке она лежала на кровати и смотрела в потолок. Лицо ее распухло от слез. «Привет, Стью», — сказала она тихо.

«Кто рассказал тебе?» — спросил он раздраженно. «Кому так не терпелось поделиться приятными новостями? Кто бы это ни был, я вырву его чертов язык».

«Это Сью Стерн. Она узнала от Джека Джексона. У него есть радиопередатчик, и он слышал, как Ральф разговаривал с этим доктором. Она подумала, что лучше поскорее рассказать мне, пока это не сделал кто-нибудь другой. Бедняжка Фрэнни. Обращайся бережно. Не открывай до Рождества». Из горла у нее вырвался сдавленный смешок. В этом звуке слышалась такая скорбь, что Стью чуть было сам не заплакал.

Он пересек комнату, лег рядом с ней на кровать и откинул волосы с ее лба. «Радость моя, но ведь это пока еще не точно».

«Я знаю. И, может быть, даже если это супергрипп, у нас будут свои дети. Но я хочу *этого*. Разве это так уж плохо?»

«Нет, конечно, нет».

«Я лежала здесь и ждала, чтобы он задвигался или что-нибудь в этом роде. Я ведь ни разу не чувствовала, как он двигается, с той ночи, когда Ларри приходил искать Гарольда. Помнишь?»

«Да».

«Я почувствовала, как он зашевелился, но не стала тебя будить. Теперь я жалею об этом». Она снова начала плакать, закрыв лицо руками.

Стью убрал руку, вытянулся рядом с ней и поцеловал ее. Она исступленно обняла его, но потом тело ее обмякло.

«Теперь мне остается только ждать. И как же долго мне придется ждать, чтобы проверить, умрет ли мой ребенок, не прожив и дня за пределами моего тела».

«Ты будешь ждать не в одиночестве», — сказал он.

Она крепко обняла его, и долгое время они лежали без движения, прижавшись друг к другу.

Прошло минут пять с тех пор, как Надин Кросс вернулась в гостиную своего старого дома, чтобы собрать кое-какие вещи, и лишь тогда она заметила его на стуле в углу. На нем были одни только трусы, большой палец его был засунут в рот, а его странные серо-зеленые китайские глаза пристально наблюдали за ней.

«Джо... то есть Лео... ну и напугал же ты меня», — сказала она слабым голосом.

Джо ничего не ответил.

«Почему ты не с Ларри и не с мамой-Люси?»

Нет ответа.

«Ты не можешь оставаться здесь», — сказала она, пытаясь вразумить его, но прежде чем она продолжила свою речь, она поймала себя на мысли о том, как *долго* он уже здесь находится.

Это было утро двадцать четвертого. Последние две ночи она провела у Гарольда. Неужели он сидел здесь с пальцем во рту уже двое суток? Мурашки пробежали у нее по спине, и с чувством, похожим на отчаянье, она поняла, насколько же она изменилась. Когда-то она бесстрашно спала рядом с этим маленьким дикарем, в те времена, когда он был вооружен и опасен. Теперь он был безоружен, но она была охвачена ужасом. Она подумала, что

(Джо? Лео?)

полностью избавился от своего прежнего «я». Теперь оно вернулось.

«Ты не можешь оставаться здесь», — сказала она. «Я просто пришла, чтобы забрать кое-какие вещи. Я выезжаю. Я переселяюсь к... одному мужчине».

Но мужчина ли Гарольд? — усмехнулся какой-то внутренний голос. А я-то думал, что он всего лишь средство дойти до конца.

«Лео, послушай...»

Он покачал головой, едва заметно, но определенно. Его сверкающие глаза неподвижно уставились на ее лицо.

«Ты больше не Лео?»

Он кивнул.

«Ты Джо?»

Снова кивок, такой же призрачный.

«Ну, хорошо. Но ты должен понять, что кто бы ты ни был, это ничего не меняет», — сказала она, пытаясь сохранить терпение. «Этот период наших жизней — когда мы с тобой были вместе и были предоставлены сами себе, — он уже отошел в прошлое. Ты изменился. Я изменилась. И мы не можем измениться в обратную сторону».

Но его странные глаза по-прежнему смотрели на нее, словно отрицая эти слова.

«И прекрати на меня смотреть», — резко сказала она. «Это очень невежливо».

Теперь в его взгляде, казалось, появился легкий оттенок упрека. Он словно говорил ей, что так же невежливо бросать людей в одиночестве, а еще более невежливо лишать их своей любви, когда она все еще нужна им.

«Но ты ведь не в одиночестве», — сказала она и стала подбирать уроненные на пол книги. «У тебя есть Ларри и Люси. Они нужны тебе, и ты нужен им. Ну, по крайней мере, ты нужен *Ларри*, а этого достаточно, потому что ей нужно то же самое, что и ему. Она похожа на листок копирки. Многое изменилось в моей жизни, Джо, и не я в этом виновата. Так что перестань шантажировать меня».

Она убрала книги в рюкзак застегнуть пряжки, но пальцы ее дрожали. Молчание становилось все более и более тяжелым.

Наконец она встала и надела рюкзак на плечи.

«Лео». Она попыталась говорить спокойно и рассудительно, точно так же, как она говорила с трудными учениками. Но это оказалось невозможным.

«Впрочем, дело тут не в Ларри и не в Люси», — злобно сказала Надин. «Дело в этом старом мешке с дерьмом, так ведь? В этой глупой старухе в качалке, которая усмехается миру своими фальшивыми зубами. Но теперь она ушла, и ты прибежал ко мне обратно. Но такие штучки у тебя не пройдут, ты слышишь? *Не пройдут!*»

Джо не произнес ни слова.

«А когда я умоляла Ларри... опустилась на колени и умоляла его... он даже ухом не повел. Он слишком был занят своей ролью крутого мужика. Так что изволь убедиться, во всем этом нет ни грана моей вины. *Ни грана!*»

Мальчик продолжал бесстрастно смотреть на нее.

К ней стал возвращаться ее ужас, вытесняя бессвязную ненависть. Она поднялась назад к двери и рукой попыталась нащупать ручку. Наконец ей это удалось, и она распахнула дверь, с наслаждением почувствовав волну холодного воздуха.

«Иди к Ларри», — пробормотала она. «Прощай, парек».

Она выбежала за дверь, села на мотороллер и отправилась к Гарольду. Добравшись до его дома, она немного пришла в себя. Но она знала, что если она хочет сохранить душевное здоровье, ей надо покинуть Зону как можно скорее.

Двадцать пятого августа Постоянный Комитет Свободной Зоны Боулдера организовал в аудитории Мюнцингера второй общий митинг. Митинг прошел хорошо. Сначала все спели национальный гимн, но на этот раз глаза у большинства людей остались сухими — это была всего лишь часть ритуала. Был избран Комитет по учету численности населения, во главе которого была поставлена Сэнди ДюШьен. С четырьмя помощниками она немедленно стала расхаживать по аудитории, считая головы и записывая имена. К концу митинга под оглушительные аплодисменты она заявила, что население Свободной Зоны к настоящему моменту насчитывает восемьсот четырнадцать человек.

В последнем ряду Гарольд повернулся к Надин и шепнул ей на ухо: «А теперь, леди и джентльмены, праздник свободной любви объявляется открытым».

Она улыбнулась ему медленной, томной улыбкой, от которой у него закружилась голова.

Стью был единогласно избран судебным исполнителем Свободной Зоны.

«Я буду стараться изо всех сил», — сказал он. «И некоторые из вас, кто аплодирует мне сейчас, могут

позднее изменить свое мнение, когда я застану их за каким-нибудь неподобающим делом. Слышишь меня, Рич Моффат?»

Последовал общий взрыв смеха. Рич, пьяный, как свинья, тоже захохотал.

«Но, на мой взгляд, у нас нет никаких причин для неприятных происшествий. Основная работа судебного исполнителя заключается в том, чтобы не позволять людям причинять друг другу вред. А среди нас вряд ли найдутся такие, кто хотел бы причинить вред кому бы то ни было. И так уже пострадало слишком много людей. Наверное, это все, что я хотел сказать».

Публика устроила ему продолжительную овацию.

«А теперь следующий пункт», — сказал Стью, — «имеющий отношение к проблеме судебного исполнителя. Нам нужно избрать пять человек в Комитет по Соблюдению Законности, а то у меня одного рука не поднимется запереть кого-нибудь в тюрьму, если дело дойдет до этого. Какие будут кандидатуры?»

«Как насчет Джаджа?» — закричал кто-то.

«Да, Джадж, чертовски правильно!» — закричал кто-то другой.

Шеи вытянулись в ожидании того, что Джадж поднимется с места и согласится взять на себя ответственность в своем обычном цветистом стиле. Стью и Глен переглянулись смущенно: комитет должен был предвидеть эту возможность.

«Его здесь нет», — сказал кто-то.

«Кто-нибудь видел его?» — расстроенным голосом спросила Люси Сванн. Ларри недовольно взглянул на нее, но она продолжала оглядывать зал в поисках Джаджа.

«Я видел его».

Заинтересованный ропот раздался вокруг когда с места встал Тедди Вейзак.

«Где?»

«Где это было, Тедди?»

«В городе?»

«Что он делал?»

Тедди Вейзака передернуло от этого шквала вопросов.

Стью постучал молоточком. «Тише, ребята».

«Я видел его два дня назад», — сказал Тедди. «Он ехал на «лендровере». Сказал, что отправляется в Денвер на денек. Но не сказал зачем. Мы перекинулись парой шуток по этому поводу. Мне показалось, что он был в очень хорошем настроении. Вот и все, что я знаю».

Стью снова постучал молоточком. «Очень жаль, что Джаджа здесь нет. По-моему, это была прекрасная кандидатура, но раз его здесь нет, то какие будут еще предложения?»

«Нет, мы не можем это так оставить!» — запротестовала Люси, вскочив с места. «Джадж Фэррис — старик. Что если он в Денвере заболел и не сможет вернуться?»

«Люси», — сказал Стью. «Денвер очень велик».

Странное молчание воцарилось в зале. Люси села на место, и Ларри обнял ее одной рукой. Лицо ее было бледным.

Председателем Комитета по Соблюдению Законности был избран Эл Банделл, пришедший в Боулдер вместе с группой доктора Ричардсона.

Бледный и взволнованный Бред Китченер подошел к кафедре, уронил свои записи, поднял их, перепутав все листы, и удовольствовался фразой о том, что они надеются вернуть электричество ко второму или третьему сентябрю. Это сообщение было встречено громом аплодисментов.

Следующим выступал Чед Норрис. Он сказал, что они хоронят мертвецов из чувства самой обыкновенной порядочности, и что никто из них не будет чувствовать себя в своей тарелке, пока последний труп не будет зарыт в землю, желательно до начала сезона дождей. Он попросил парочку добровольцев и мог бы набрать три дюжины, если бы захотел. В конце выступления он попросил встать и откланяться каждого члена Похоронной Команды.

Гарольд Лаудер привстал на одно мгновение и тут же опустился на место. После окончания митинга нашлись люди, заметившие, какой он отличный, но в то же время скромный парень. Но дело было не в скромности. Надин что-то жарко шептала ему на ухо, и он боялся надолго

выставлять себя на всеобщее обозрение. Мощная эрекция распирала спереди его брюки.

Стью, Фрэн, Сью Стерн и Ник вместе отправились из кампуса обратно в город. Было уже почти одиннадцать тридцать.

«Прохладно», — сказала Фрэн. «Надо было мне одеть куртку поверх свитера».

Ник кивнул. Он тоже чувствовал холод. Вечера в Боулдере всегда были прохладными, но сегодня температура была едва ли выше пятидесяти по Фаренгейту. Это служило напоминанием о том, что странное и ужасное лето 1990 года подходит к концу. В который раз Ник пожалел, что Богу Матушки Абагейл пришлось по душе именно Боулдер, а не Майами, к примеру, или Новый Орлеан.

«Они застали меня врасплох, выдвинув Джаджа в комитет», — сказал Стью. «Нам следовало предвидеть это».

Фрэнни кивнула, а Ник быстро нацарапал в своем блокноте несколько слов. «Разумеется. Люди непременно обратят внимание и на отсутствие Тома и Дайны».

«Думаешь, у них появятся подозрения?» — спросил Стью.

Ник кивнул. «Они будут думать, что исчезнувшие ушли на запад. Навсегда».

Все задумались, пока Ник доставал спички и сжигал свою записку.

«Хреново дело», — сказал Стью наконец.

«Конечно, он прав», — мрачно сказала Сью. «Что еще им остается подумать?»

«Как нам повезло, что сегодня никто не заговорил о том, что происходит на западе», — сказала Фрэн.

Ник написал: «Очень повезло. Но в следующий раз нам не отвертеться от этого. Вот почему я предлагаю отложить очередной общий митинг на возможно более долгий срок. Может быть, недели на три. Как насчет пятнадцатого сентября?»

«Это нам удастся только в том случае, если Бред наладит электричество».

«Думаю, он справится», — сказал Стью.

«Я иду домой», — сказала Сью. «Завтра великий день. Дайна уезжает. Я провожу ее до Колорадо Спрингс».

«Ты уверена, что это тебе ничем не грозит, Сью?» — спросила Фрэн.

Она пожала плечами.

«Как она приняла наше предложение?» — спросила у нее Фрэн.

«Ну, она странная девушка. В колледже она много занималась спортом, особенно теннисом и плаванием. Первые два года студенческой жизни она продолжала встречаться со своим школьным дружком. Ну, он был таким детиной в черной кожаной куртке, я — Тарзан, а ты — Джейн, так что убирайся-ка на кухню к своим кастрюлям и сковородкам. А потом ее соседка по комнате пару раз вытащила ее на митинги в поддержку женской эмансипации».

«И в конце концов она стала более эмансипированной, чем соседка», — предположила Фрэн.

«Сначала она стала активисткой женского движения, а потом и лесбиянкой», — сказала Сью.

Стью остановился, как громом пораженный. «Пошли посмотрим, красавчик», — сказала ему Фрэнни, — «нельзя ли тебе приделать застешку ко рту».

Стью закрыл рот, щелкнув зубами.

Сью продолжила свой рассказ. «Этими двумя известиями она ввергла своего троглодита в полный транс, и он явился к ней с пушкой в руках. Она разоружила его. Она говорит, что это был главный поворотный пункт в ее жизни».

«Так она ненавидит мужчин?» — спросил Стью, пристально глядя на Сью.

Сюзан покачала головой. «Нет, сейчас она бисексуальна, Стюарт. Я надеюсь, ты не будешь давить на комитет, чтобы он принял законы против голубых?»

«У меня и без того забот хватает», — пробормотал он, и все рассмеялись.

На следующее утро, направляясь на электростанцию, Стью встретил Сюзан и Дайну, направляющихся по буль-

вару Кэнион на паре мотоциклов. Он махнул им рукой, они остановились. Стью подумал о том, что никогда Дайна не выглядела такой хорошенькой. Волосы ее были стянуты сзади зеленым шелковым шарфом. Поверх рубашки и джинсов на ней был надет кожаный плащ. К багажнику был привязан спальный мешок.

«Стюарт!» — крикнула она и приветственно замахала ему рукой, радостно улыбаясь.

Лесбиянка? — усомнился он.

«Похоже, вы собрались в небольшое путешествие», — сказал Стью.

«Разумеется. А вы никогда меня раньше не видели, так ведь?»

«Точно», — сказал Стью. «Никогда. Курите?»

Дайна вытащила одну сигарету из пачки «Мальборо» и прикрыла руками спичку.

«Будь осторожна, девочка».

«Обязательно».

«И возвращайся».

«Надеюсь вернуться».

Они посмотрели друг на друга в ярком свете позднего утра.

«А ты позаботься о Фрэнни, паренек».

«Обязательно».

«И не суди слишком строго своих сограждан».

«Тут им опасаться нечего».

Она выбросила сигарету. «Что скажешь, Сюзи?»

Сюзан кивнула и завела свой мотоцикл, улыбаясь слегка напряженно.

«Дайна?»

Она взглянула на него, и Стью запечатлел у нее на устах нежный поцелуй.

«Счастливо тебе».

Она улыбнулась. «Надо сделать это дважды, и тогда мне действительно повезет. Разве ты об этом не знаешь?»

Он поцеловал ее снова, на этот раз более продолжительно и основательно. *Лесбиянка?* — вновь усомнился он.

«Фрэнни — счастливая женщина», — сказала Дайна. «Можешь ей меня процитировать».

Улыбаясь, Стью сделал шаг назад и не нашелся, что ответить. В двух кварталах через перекресток прогрехотал оранжевый грузовик Похоронного Комитета.

«Поехали, крошка», — сказала Дайна.

Они двинулись в путь, и Стью проводил их взглядом.

Сью Стерн вернулась через два дня. Она проводила Дайну до Колорадо Спрингс и смотрела ей вслед, пока она не превратилась в крошечную точку на горизонте. Потом она немного поплакала. Заночевала она в Моньюменте, но после полуночи ее разбудил тихий скулящий звук, исходивший, похоже из дренажной трубы, пролежавшей под сельской дорогой, рядом с которой она разбила свой лагерь.

Наконец она набралась мужества и направила луч фонарика в проржавевшую трубу. Внутри сидел исхудавший, дрожащий щенок в возрасте около шести месяцев. Он отполз в сторону, когда она попыталась к нему прикоснуться. Труба была слишком узкой, чтобы можно было в нее пролезть. Тогда она отправилась в Моньюмент, разбила витрину бакалейного магазина и вернулась обратно с полным рюкзаком консервов. Ее замысел удался. Уютно устроившись в одной из сумок, щенок отправился вместе с ней.

Дик Эллис пришел от щенка в полный восторг. Щенок оказался сукой ирландского сеттера, почти чистопородной. Дик высказал уверенность, что когда она подрастет, Коджак рад будет с ней познакомиться. Новости разлетелись по Свободной Зоне, и в тот день о Матушке Абагейл больше не вспоминали, возбужденно обсуждая будущее собачьих Адама и Евы. Сюзан Стерн превратилась в местную знаменитость, и, насколько Комитету было известно, никому так и не пришло в голову удивиться, что же она делала в Моньюменте, который был расположен далеко на юг от Боулдера.

Но Стью запомнилось именно то утро, когда он провожал глазами Дайну и Сюзан, едущих по направлению к заставе Денвер-Боулдер. Потому что с того дня никто и никогда уже не видел Дайну по эту сторону Скалистых гор.

Двадцать седьмое августа. Уже почти стемнело. На небе горит Венера.

Ник, Ральф и Стью сидели на крыльце дома Тома Каллена. Том на лужайке играл в крокет.

Пора, — написал Ник.

Стью тихо спросил у него, не надо ли им снова гипнотизировать Тома, но Ник покачал головой.

«Хорошо», — сказал Ральф. «Не думаю, что я смог бы снова вынести эту процедуру». Повысив голос, он позвал Тома: «Том! Эй, Томми! Иди сюда!»

Том побежал к ним, широко улыбаясь.

«Томми, пора идти», — сказал Ральф.

Улыбка исчезла с лица Тома. Он словно впервые обратил внимание на то, что наступают сумерки.

«Идти? Сейчас? Ей-Богу, нет! Когда темнеет, Том ложится в постельку. Тому не нравится ходить по улице в сумерках. Том боится злого буки. Том... Том...»

Он замолчал и впал в тупое оцепенение. Потом он вышел из этого состояния, но не так, как обычно. Это было похоже не на внезапное воскрешение, мощным потоком захлестывавшее его тело, а на медленный, неохотный, печальный ручеек.

«Идти на запад?» — спросил он.

Стью положил руку ему на плечо и сказал: «Да, Том. Если ты в силах сделать это».

«По дороге».

Из горла Ральфа вырвался сиплый, приглушенный звук, и он ушел на задний двор. Похоже, Том этого не заметил. Его взгляд переходил со Стью на Ника и обратно.

«Идти ночью. Спать днем. И увидеть слона».

Ник кивнул.

Ларри принес Тому рюкзак, и он медленно надел его на плечи.

«Будь осторожен, Том», — глухо сказал Ларри.

«Осторожен. Ей-Богу, да».

Стью запоздало подумал о том, не стоит ли им дать Тому с собой одноместную палатку, и отверг эту мысль. Даже с маленькой палаткой ему не справиться.

«Ник», — прошептал Том. «Я действительно должен сделать это?»

Ник положил руку Тому на плечи и медленно кивнул. «Ну хорошо».

«Просто иди по большому четырехрядному шоссе, Том», — сказал Ларри. «По №70. Ральф отвезет тебя туда на своем мотоцикле».

«Да, Ральф». Он замолчал. Ральф вышел из-за дома, яростно вытирая глаза цветным шейным платком.

«Ты готов, Том?» — спросил он хрипло.

«Ник? Когда я вернусь, этот дом будет по-прежнему моим?»

Ник энергично закивал.

«Том любит этот дом. Ей-Богу, да».

«Мы знаем, Томми». Теперь уже Стью почувствовал, как к горлу его поступают теплые слезы.

«Хорошо. Я готов. С кем я поеду?»

«Со мной, Том», — сказал Ральф. «По шоссе №70. Помнишь?»

Том кивнул и пошел к мотоциклу Ральфа. Через мгновение Ральф последовал за ним. Мотоцикл выехал на Бродвей и повернул на восток.

Ник пошел, опустив голову и засунув руки в карманы. Стью попытался составить ему компанию, но Ник потряс головой почти сердито и жестом попросил его отойти. Стью вернулся к Ларри.

«Ну и дела», — сказал Ларри, и Стью мрачно кивнул.

«Как ты думаешь, мы когда-нибудь увидим его снова, а, Ларри?»

«Если не увидим, то всем семерым — ну, может быть, кроме Фрэн, она-то всегда была против того, чтобы послать Тома — придется всю оставшуюся жизнь есть и спать, ни на секунду не забывая о том, что это мы послали его туда».

«И в первую очередь это относится к Нику», — сказал Стью.

Они проводили глазами Ника, растворившегося в тенях Бродвея. Потом они в молчании посмотрели на дом Тома.

«Пойдем поскорее отсюда», — сказал Ларри, и они отправились по домам.

Двадцать восьмого августа у Джорджа Ричардсона было много работы. Ему помогали Лори Констебл и Дик Эллис. Дик попросил разрешения оставить мир медицины, но ему в этом было отказано. «Ты работаешь прекрасно», — сказал ему Ричардсон. «Ты уже многому научился, а в скором времени ты будешь знать еще больше. Кроме того, работы слишком много, и один я с ней не справлюсь. Мы сойдем с ума, если через месяц-другой у нас не появится еще один доктор. Так что прими мои поздравления, Дик. Ты — первый студент-медик Свободной Зоны. Поцелуй его, Лори».

Лори исполнила эту просьбу.

Около одиннадцати часов утра в приемную вошла Фрэн. Она огляделась вокруг с любопытством и некоторым беспокойством. Лори сидела за столом и читала старый номер «Лейдиз Хоум Джорнел».

«Привет, Фрэн», — сказала она, вскакивая со стула. «Я была уверена, что рано или поздно ты появишься у нас. Сейчас Джордж занят с Кэнди Джоунс, но как только он освободится, он займется тобой. Как ты себя чувствуешь?»

«Очень хорошо, спасибо», — сказала Фрэн.

Дверь кабинета открылась, и оттуда вышла Кэнди Джоунс, а вслед за ней — высокий, сутулый человек в вельветовых слаксах и спортивной рубашке с изображением крокодила на груди. Кэнди с сомнением смотрела на пузырек с розовой жидкостью, который был у нее в руке.

«Вы уверены, что дело именно в этом?» — с сомнением спросила она у Ричардсона. Раньше никогда со мной такого не было. Думала, у меня иммунитет».

«Ну, как видите, иммунитета у вас нет», — сказал Джордж с улыбкой. «Не забывайте про крахмальные ванны».

«С Джеком та же беда. Ему надо прийти?»

«Нет, но вы можете принимать крахмальные ванны вместе».

Кэнди скорбно кивнула, и взгляд ее упал на Фрэн.
«Привет, Фрэнни, как твои дела?»

«Все о'кей. А как ты?»

«Ужасно». Кэнди протянула ей бутылку, чтобы Фрэн могла прочесть надпись КАЛАДРИЛ на этикетке. «Ядовитый плющ. И ни за что не догадаетесь, где я его подцепила». Она просияла. «Но держу пари, вы догадаетесь, где на него наткнулся Джек».

Они проводили ее несколько удивленными взглядами. Потом Джордж сказал: «Мисс Голдсмит, не так ли? Комитет Свободной Зоны. Рад познакомиться».

Она протянула ему руку. «Просто Фрэн. Или Фрэнни, если так вам больше понравится».

«О'кей, Фрэнни. В чем дело?»

«Я беременна», — сказала Фрэн. «И чертовски напугана». И внезапно она разразилась слезами.

Джордж положил ей руку на плечи. «Лори, ты мне потребуешься минут через пять».

«Хорошо, Доктор».

Он провел ее в кабинет и усадил на кушетку.

«Ну. Почему вы плачете? Из-за близнецов миссис Вентворт?»

Фрэнни кивнула.

«Это были трудные роды, Фрэн. Мать очень много курила. Двойняшки весили слишком мало. Родились они поздно вечером, очень быстро. Смерть их могла быть вызвана любой причиной».

«В том числе и супергриппом».

«Да. В том числе».

«Так что поживем — увидим».

«Ну уж нет. Я проведу вам все дородовые обследования. И не только вам, а и любой другой женщине, которая забеременеет в будущем или уже забеременела. У «Дженерал Электрик» был лозунг: Прогресс — Это Самый Важный Продукт Нашего Производства. В Свободной Зоне самым важным продуктом являются дети, и с ними будут обращаться соответственно».

«Но мы ведь действительно не знаем».

«Не знаем. Но будьте повеселей, Фрэн».

«Хорошо. Я попытаюсь».

В кабинет вошла Лори и протянула Джорджу новую медицинскую карточку. Джордж стал задавать Фрэнни вопросы о ее здоровье и вписывать ответы в соответствующие графы.

«Все прекрасно», — сказал Джордж через час.

Фрэн удивленно подняла брови.

«С ребенком все в порядке».

Фрэн шарила в кармане бумажный платок и сжала его в руке. «Я чувствовала, как он двигался... но это было уже довольно давно. А с тех пор ничего. Я боялась...»

«Он жив, это точно, но у меня есть большие сомнения по поводу того, что вы могли почувствовать, как он двигается. Скорее всего, это были газы в кишечнике».

«Это был ребенок», — спокойно сказала Фрэн.

«Ну, как бы то ни было, скоро он задвигается. Срок ваших родов — от начала до середины января. Как вам это нравится?»

«Отлично».

«Вы соблюдаете диету?»

«Да, пожалуй. Стараюсь изо всех сил, во всяком случае».

«Хорошо. Не тошнит?»

«Раньше тошнило немного, но сейчас все прошло».

«Прекрасно. У вас достаточно физических нагрузок?»

На одно кошмарное мгновение она увидела себя с лопатой в руках над могилой своего отца. Потом видение исчезло. «Да, достаточно».

«Увеличился ли ваш вес?»

«Да, фунтов на пять».

«Все в порядке. Можете поправиться еще на двенадцать — сегодня я добрый».

Она усмехнулась. «Но вы же доктор».

«Следуйте моим советам, и вы далеко пойдете. А теперь насчет велосипедов, мотоциклов и мопедов. Забудьте о них после пятнадцатого ноября, скажем. Так или иначе, все равно никто уже не будет ездить на них к тому

времени. Слишком холодно. Вы не курите и не пьете слишком много?»

«Нет».

«Если на ночь вам захочется пропустить стаканчик, ничего страшного не случится. Я пропишу вам витамины. Вы их найдете в любой городской аптеке...»

Фрэнни рассмеялась, и Джордж неуверенно улыбнулся.

«Я сказал что-нибудь смешное?»

«Нет, просто так получилось, что в нашей ситуации это действительно забавно».

«А! Понятно. Ну что ж, по крайней мере теперь никто не будет жаловаться на высокие цены на лекарства. И последнее, Фрэн. Вам когда-нибудь устанавливали внутриматочную спираль?»

«Нет», — ответила Фрэн и вспомнила свой сон: темный человек с перекрученной металлической вешалкой. Она поежилась. «Нет», — повторила она снова.

«Хорошо». Он встал. «Не буду говорить вам, чтобы вы не беспокоились...»

«Не надо», — согласилась она.

«Но попрошу вас свести беспокойство к минимуму. Чрезмерное беспокойство матери может привести к неправильному обмену веществ у ребенка. Мне не особо нравится прописывать транквилизаторы беременным женщинам, но если вы думаете...»

«Нет, в этом нет необходимости», — сказала Фрэн, но выходя под жаркое полуденное солнце, она уже знала, что вся вторая половина ее беременности будет отравлена мыслями о погибших близнецах миссис Вентворт.

Двадцать девятого августа в город прибыли три группы. В первой было двадцать два человека, во второй — четырнадцать, а в третий — двадцать пять. Сэнди ДюШьен обошла семерых членов комитета и сообщила им, что теперь население Свободной Зоны превысило тысячу человек.

Боулдер уже не был похож на город-призрак.

* * *

Когда Надин вышла из подвала и поднялась наверх, Гарольд убрал свое изобретение в коробку из-под обуви. Это был радиотелефон, найденный им в одном из местных магазинов. Задняя панель его была снята. Изнутри выходили восемь проводов, соединенные с восемью зарядами динамита.

Через несколько часов Гарольд вновь спустился в подвал, закрыл коробку крышкой и осторожно отнес ее наверх. Он поставил ее на верхнюю полку кухонного шкафа. Днем Ральф Брентнер сказал ему, что Комитет Свободной Зоны приглашает на свое следующее заседание Чеда Норриса для выступления. Когда это будет? — небрежно поинтересовался Гарольд. Второго сентября, — ответил Ральф.

Второго сентября.

ГЛАВА 54

Шел последний день августа. Ларри и Лео сидели на тротуаре напротив своего дома. Ларри пил теплое пиво, а Лео — апельсиновый напиток. Люси стригла лужайку. Он предложил помочь ей, но она покачала головой. «Попытайся выяснить, что с ним происходит».

Ларри внимательно наблюдал за Лео, который стучал о мостовую все тем же шариком для пинг-понга. Шарик перестал быть белым, но пока не треснул. *Ток-ток-ток*, — отскакивал он от асфальта.

Лео (ведь теперь он *Лео*, разве не так?) не захотел войти в дом Гарольда.

В тот дом, где теперь жила мама-Надин.

«Не хочешь пойти на рыбалку, паренек?» — неожиданно предложил Ларри.

«Рыбы нет», — ответил Лео. Он посмотрел на Ларри своими странными глазами цвета морской воды. «Ты знаешь мистера Эллиса?»

«Конечно».

«Он сказал, что когда рыба вернется, мы сможем пить воду. И не надо будет...»

«Кипятить ее?»

«Ну да».

Ток-ток-ток.

«Мне нравится Дик. Он и Лори. Всегда дают мне что-нибудь поесть. Он боится, что у них не получится, но я уверен, что они смогут».

«Смогут что?»

«Смогут завести ребенка. Дик боится, что он слишком стар. Но я уверен, что нет».

Ларри хотел было спросить, как это Дик заговорил с Лео на *эту* тему, но потом раздумал. Он и сам знал ответ: Дик никогда не говорил мальчику об этом. Лео просто... просто знал, и все.

Ток-ток-ток.

Да, Лео многое знает... или чувствует интуитивно. Он не хотел заходить в дом Гарольда и что-то такое сказал о Надин... Ларри не мог вспомнить точно, что же это было... но он помнил этот разговор и ощутил очень неприятное чувство, когда узнал, что Надин переселилась к Гарольду. Мальчик тогда словно впал в состояние транса... словно...

(ток-ток-ток)

Ларри наблюдал за подсакиванием шарика, а потом резко перевел взгляд на лицо Лео. Лео вновь был в этом странном состоянии, словно он прочитал мысль Ларри и отозвался на нее.

Лео ушел смотреть на слона.

Ларри небрежно сказал: «Да, я думаю, у них будет ребенок. Дику не больше пятидесяти пяти. Кэри Грант завел ребенка, когда ему было почти семьдесят».

«Кто такой Кэри Грант?» — спросил Лео. Мячик прыгал, отскакивая от асфальта.

(Отъявленный. На север через северо-запад).

«Разве ты не знаешь?» — спросил он Лео.

«Он был актером», — сказал Лео. «Снимался в *Отъявленном. И в Северо-западе*».

(На север через северо-запад).

«На север *через северо-запад*, я хотел сказать», — согласился Лео. Глаза его не отрывались от шарика.

«Правильно. Как поживает мама-Надин, Лео?»

«Она называет меня Джо. Для нее — я Джо».

«Ааа». Мурашки медленно поползли у Ларри по спине.

«Плохи дела».

«Плохи?»

«С ними обоими».

«С Надин и с...»

(Гарольдом?)

«Да, с ним».

«Они несчастливы вдвоем?»

«Он одурачил их. Они думают, что нужны ему».

«Ему?»

«Ему».

Слово повисло в неподвижном летнем воздухе.

Ток-ток-ток.

«Они уйдут на запад», — сказал Лео.

«Господи», — пробормотал Ларри. Его бил озноб. Прежний страх захлестнул его. Действительно ли он хочет, чтобы Лео продолжал? Это все равно, что смотреть, как на молчаливом кладбище медленно открывается дверь склепа, а оттуда появляется рука...

Что бы это ни было, я не желаю слышать это, я не хочу это знать.

«Мама-Надин хочет убедить себя в том, что это твоя вина. Что ты заставил ее уйти к Гарольду. Но она ждала специально. Она ждала, пока ты не полюбишь маму-Люси слишком сильно. Она ждала до тех пор, пока у нее не появилась уверенность. Он словно стирает ластиком ту часть ее мозга, которая отличает правду от лжи. Частичку за частичкой. А когда эта часть исчезнет, она станет такой же сумасшедшей, как и все они на западе. А может быть, даже больше».

«Лео...» — прошептал Ларри, и Лео немедленно ото-звался:

«Она называет меня Джо. Для нее — я Джо».

«Я тоже должен называть тебя Джо?» — усомнился Ларри.

«Нет». В голосе мальчика послышалась мольба. «Нет. Пожалуйста, не надо».

«Ты скучаешь по маме-Надин, так ведь, Лео?»

«Она умерла», — сказал Лео с убийственной простотой.

«Из-за этого ты вернулся так поздно той ночью?»

«Да».

«И из-за этого ты не хотел ни с кем разговаривать?»

«Да».

«Но сейчас ты говоришь».

«У меня есть ты и мама-Люси».

«Да, конечно...»

«Но это ненадолго!» — яростно воскликнул мальчик.
«Ненадолго, если только ты не поговоришь с Фрэнни!
Поговори с Фрэнни! *Поговори с Фрэнни!*»

«Комитет...»

«Да никакой не комитет! Комитет тебе ничем не поможет, никому он не поможет, это все старые пути, *он* смеется над вашим комитетом, потому что это — старые пути, а все старые пути принадлежат *ему*, и ты это знаешь, и Фрэнни это знает, и если вы поговорите с ней, то вы сможете...»

Лео сильно швырнул шарик об асфальт — *ТОК!* — и он подпрыгнул выше его роста, а потом упал на мостовую и укатился. Ларри не отрывал глаз от шарика. Сердце его отворачивательно трепыхалось.

«Я уронил шарик», — сказал Лео и побежал за ним.

Ларри не шелохнулся.

Фрэнни, — подумал он.

Они сидели вдвоем в раковине открытой концертной площадки на самом краю сцены, свесив свои ноги вниз. До заката оставался час, и несколько людей гуляло по парку. Некоторые из них держали друг друга за руки. Время детей и время любовников совпадает, — ни с того ни с сего подумала Фрэн. Ларри только что закончил свой рассказ о том, что говорил Лео в состоянии транса.

«Ну и что ты думаешь об этом?» — спросил Ларри.

«Не знаю, что и думать», — ответила она тихо, — «но мне не нравится все то, что с нами происходит. Вещие сны. Старая женщина, которая сначала говорит от имени Бога, а потом уходит в чашу. А теперь маленький мальчик-телепат. Это похоже на сказку. Иногда мне кажется,

что супергрипп хоть и сохранил нам жизнь, но отнял у нас разум».

«Он сказал, что я должен поговорить с тобой. Вот я и говорю».

«Господи», — сказала Фрэнни. «И зачем я все это записывала? В этом-то все и дело! Если бы я не оказалась такой глупой, такой самодовольной и не стала бы это записывать... ах, черт меня поberi!»

Ларри удивленно уставился на нее. «О чем ты говоришь?»

«О Гарольде», — сказала она. «И я боюсь. Я ничего не сказала Стью. Мне было стыдно. Вести дневник — это так *тупо*... а теперь Стью... теперь Гарольд ему по-настоящему нравится... всем жителям Свободной Зоны, включая и тебя, нравится Гарольд». Она издала смешок, который прозвучал глухо из-за душивших ее слез. «В конце концов, он ведь был твоим... твоим ангелом-хранителем по дороге сюда, разве не так?»

«Пока я ничего не понимаю», — медленно произнес Ларри. «Не могла бы ты рассказать мне, чего ты все-таки боишься?»

«В том-то и дело, что *я сама толком не знаю*». Она посмотрела на него, и в глазах у нее блеснули слезы. «По-моему, лучше мне рассказать тебе обо всем, Ларри. Мне надо с кем-то поговорить. Я просто не могу больше держать все это в себе, а Стью... Стью, наверное, не надо об этом знать. Во всяком случае, пока».

«Так давай, Фрэн. Рассказывай».

И она рассказала ему все, начиная с того дня, когда Гарольд подъехал к ее дому в Оганквите на «Кадиллаке» Роя Брэннигана.

После долгой паузы Ларри спросил: «Как ты можешь быть уверен насчет этого отпечатка? Ты точно знаешь, что он принадлежал Гарольду?»

Она поколебалась только одно мгновение. «Да. Как только я его увидела, я с первой секунды поняла, что он принадлежит Гарольду».

«Эта надпись на амбаре», — сказал Ларри. «Помнишь, в нашу первую встречу я сказал тебе, что поднимался туда, и что Гарольд вырезал на балке сеновала свои инициалы?»

«Да».

«Так вот. Там были не только его инициалы. И твои тоже. Внутри сердца. Влюбленные школьники вырезают такие штуки на партах».

Она вытерла слезы. «Господи, как все это неудачно вышло», — сказала она охрипшим голосом.

«Ты не можешь отвечать за действия Гарольда Лаудера». Он сжал ее руку и посмотрел ей в лицо. «Это говорю тебе я, который долгое время был нюней и размазней. Ты не должна обвинять себя. Потому что если ты будешь обвинять себя...» Он сжал ее руку так сильно, что она почувствовала боль. «Так вот, тогда ты сойдешь с ума».

Он отпустил ее руку, и некоторое время они сидели в молчании.

«Неужели ты думаешь, что Гарольд будет мстить Стю?» — сказал он наконец.

«Да», — ответила она. «Мне кажется это вполне реальным. А может быть, не только Стю, но и всему комитету. Но я не знаю, что...»

Рука Ларри сжала ее плечо. Выражение лица его изменилось. Глаза расширились.

«Ларри? Что...»

«Когда он пошел вниз», — бормотал Ларри. «Он пошел за штопором или что-то в этом роде».

«Что?»

Он медленно обернулся к ней, словно голова его была насажена на ржавый шарнир. «Знаешь», — сказал он, — «вполне возможно, что существует способ все это разрешить. Конечно, я не могу гарантировать, потому что я не заглядывал в тетрадь, но... в этом есть своя стройная логика... Гарольд читает твой дневник и не только узнает все твои тайны, но и заимствует идею. Черт, он мог даже позавидовать тебе, что ты первая это придумала. Разве все лучшие писатели не вели дневники?»

«Ты хочешь сказать, что у Гарольда есть свой дневник?»

Когда он спустился в подвал, — это было в тот день, когда я принес вино, — я осматривал гостиную. Он сказал, что собирается обставить ее современной ме-

белью, и я пытался вообразить, как она тогда будет выглядеть. И я заметил, что в каминной ограде один кирпич расшатался...»

«Да!» — завопила она так громко, что он подскочил на месте. «В тот день, когда я прокралась к нему в дом... и пришла Надин Кросс... я сидела на ограде... и я помню тот расшатавшийся кирпич». Она снова посмотрела на Ларри. «Ну вот, опять. Словно кто-то заботился о том, чтобы мы обязательно заметили...»

«Совпадение», — сказал он, но голос его звучал неуверенно.

«Ты так думаешь? Мы оба были у Гарольда дома. Мы оба заметили расшатавшийся кирпич. А теперь мы оба сидим здесь и разговариваем. Совпадение?»

«Я не знаю».

«Что было под камнем?»

«Толстая тетрадь», — произнес он медленно. «Я даже не заглянул в нее. Тогда я считал, что она с таким же успехом могла принадлежать и предыдущему хозяину дома. Но если бы это было так, то ведь Гарольд обязательно бы ее нашел. Мы-то оба заметили незакрепленный кирпич. Итак, предположим, он ее находит. Даже если бы тот парень, который жил там до эпидемии, записывал бы туда свои маленькие секреты — сумму доходов, утаенных от налоговых инспекции, сексуальные фантазии по поводу своей дочери или уж не знаю что еще, — эти секреты все равно не были секретами Гарольда. Ты согласна?»

«Да, но...»

«Не перебивать, когда инспектор Андервуд размышляет. Так вот, раз это были секреты, не имеющие никакого отношения к Гарольду, то с чего бы ему снова убирать тетрадь под кирпич? Только потому, что это все-таки были его секреты. Это был дневник Гарольда».

«Думаешь, он все еще там?»

«Может быть. Надо просто пойти и посмотреть».

«Сейчас?»

«Завтра. Он будет работать в похоронной команде, а Надин во второй половине дня помогает на электростанции».

«Хорошо», — сказала она. «Как ты думаешь, надо ли говорить об этом Стью?»

«Почему бы не подождать немного? Какой смысл разводить панику, но пока мы уверены, что дело действительно серьезное. Тетрадь может уже не быть на месте. А может оказаться списком намеченных дел. Она может быть набита абсолютно невинными вещами. Или там будет записан его политический план. А может быть, все записи будут зашифрованными».

«Я об этом не подумала. Так что мы будем делать, если там окажется... что-нибудь серьезное?»

«Тогда, наверное, нам надо будет показать тетрадь Комитету Свободной Зоны. Еще одна причина, чтобы разделаться с этим делом поскорее. Следующее заседание — второго. Комитет во всем разберется».

«Ты в этом уверен?»

«Да», — ответил Ларри, но при этом он вспомнил о словах Лео.

Она прыгнула со сцены. «Ну вот, я и почувствовала себя лучше. Спасибо за все, Ларри».

«Где мы встретимся?»

«В небольшом парке через дорогу от дома Гарольда. Как насчет часа дня?»

«Прекрасно», — сказал Ларри. «Увидимся завтра».

Фрэнни пошла домой. Ни разу за последние несколько недель на душе у нее не было так легко. Как сказал Ларри, альтернатива ясна. Дневник может выбить почву из-под всех их опасений. Если же дело повернется иначе...

Ну, пусть тогда решает комитет. Ларри напомнил ей, что следующее их заседание состоится второго сентября в доме у Ника и Ральфа.

Когда она пришла домой, Стью сидел на кровати с толстым томом под названием «Введение в Уголовный Кодекс Колорадо».

«Тяжелое чтение», — сказала она и поцеловала его в губы.

«А ты как думала». Он швырнул книгу через всю комнату, и она с глухим стуком приземлилась на туалетном столике. «Эл Банделл притащил. Он со своим коми-

тетом развил бешеную деятельность. Но следующем заседании Комитета Свободной Зоны он хочет выступить. А ты чем занималась, моя прекрасная леди?»

«Разговаривала с Ларри Андервудом».

Он метнул в нее пристальный взгляд. «Фрэн... ты плакала?»

«Да», сказала она, смотря ему прямо в глаза, — «но сейчас я чувствую себя лучше. Значительно лучше».

«Это из-за ребенка?»

«Нет».

«А из-за чего тогда?»

«Расскажу тебе завтра вечером. А до завтра — никаких вопросов. О'кей?»

«Что-нибудь серьезное?»

«Стью, я не знаю».

Он посмотрел на нее долгим-долгим взглядом.

«Хорошо, Фрэнни», — сказал он. «Я люблю тебя».

«Я знаю. И я тоже тебя люблю».

Утро первого сентября выдалось облачным и дождливым — скучный денек, который хочется поскорее забыть, — но ни один из обитателей Свободной Зоны Боулдера никогда его не забыл. Потому что именно в этот день заработала электростанция... по крайней мере, на время.

Через некоторое время после того, как Бред Китченер включил два огромных рубильника, один из генераторов загудел на более тонкой и жалобной ноте и задымился. Люди отпрянули. Помещение стало наполняться тошнотворно-сладким запахом озона.

«Слишком большая нагрузка!» — заорал Бред.

Он подбежал к рубильникам и отключил электроэнергию. Скуление генераторов начало затихать, но до того, как оно прекратилось, раздался взрыв, звук которого был частично заглушен слоем защитного стекла.

«Черт возьми», — сказал Ральф. «Один из них загорелся».

Лампы дневного света над ними потухли. Бред резко открыл дверь дежурной комнаты и выбежал на площадку.

Слова его отдались эхом в открытом пространстве. Тащите огнетушитель! Скорее!»

Несколько огнетушителей были направлены на генераторы, и огонь был потушен. Запах озона все еще чувствовался в воздухе.

Стью положил руку Бреду на плечо. «Жаль, что все так получилось, парень», — сказал он.

Бред обернулся к нему с усмешкой. «Жаль? Чего тебе жаль?»

«Ну, генератор сгорел, разве нет?» — спросил Джек.

«Да, черт возьми! Конечно, сгорел! А где-то в районе Северной улицы накрылся трансформатор. Мы забыли, черт возьми, мы совсем забыли! Они заболели и умерли, но перед тем, как это сделать, им не пришлось в голову выключить электроприборы! Включены телевизоры, микроволновые печи, электрические одеяла, — и так по всему Боулдеру. Огромная нагрузка. Эти генераторы устроены так, что когда нагрузка слишком велика, они подключаются к другим генераторам, где нагрузка поменьше. Этот генератор и пытался подключиться, но не к чему было, понимаете?» Бред чуть не трясся от возбуждения. «Гэри! Помните, как Гэри, штат Индиана, сгорел дотла?»

Все закивали.

«Не уверен, не могу быть уверен на все сто процентов, но, возможно, там произошло то же самое, что и у нас. Мы бы тоже сгорели, если бы не успели вовремя отключить электроэнергию. Одного замыкания в электрическом одеяле могло оказаться достаточно. Эти два генератора попытались скинуть с себя часть нагрузки, но у них ничего не вышло. Вот они и сгорели. Нам крупно повезло, что это случилось — вот что я думаю».

«Ну, раз ты так говоришь», — сказал Ральф с сомнением.

Бред сказал: «Нам надо начать работу сначала, но на этот раз у нас только один неисправный генератор. Мы быстро справимся. Но...» Бред щелкнул пальцами. «Мы не можем снова включить электроэнергию до тех пор, пока мы не будем полностью уверены. Можем мы организовать еще одну рабочую бригаду? Человек Двенадцать?»

«Конечно», — ответил Стью, — «а зачем?»

«Бригаду Выключателей. Просто горстка парней, которые будут расхаживать по Боулдеру и выключать все электроприборы, которые попадутся им на глаза. Мы не сможем запустить электростанцию, пока все не будет выключено. У нас нет пожарной команды, парень».

«Завтра вечером у нас состоится заседание Комитета Свободной Зоны», — сказал Стью. «Ты придешь, объяснишь причину и получишь своих людей. Но ты уверен что в следующий раз перегрузки не будет?»

«Абсолютно уверен. Ее и сегодня не было, если бы столько приборов не остались включенными. Кстати сказать, кому-то надо отправиться в северную часть Боулдера и посмотреть, нет ли там пожара».

Через час Фрэн въехала на велосипеде в небольшой парк через дорогу от Гарольда. Утренний дождь перешел в густой туман.

Она огляделась в поисках Ларри, но не увидела его. По росистой траве она подошла к качелям, и чей-то голос произнес: «Сюда, Фрэнни».

Она удивленно посмотрела на небольшое здание, в котором помещались мужской и женский туалеты, и на мгновение ее охватил страх. В тени рядом со зданием стояла высокая фигура, и на мгновение ей показалось...

Потом фигура сделала шаг вперед и превратилась в Ларри, одетого в потертые джинсы и рубашку цвета хаки. Фрэн расслабилась.

«Я испугал тебя?» — спросил он.

«Да, немного». Она села на качели, и сердце ее стало постепенно успокаиваться. «Я просто увидела твой силуэт в темноте...»

«Извини. Я решил, что так будет безопаснее, хотя от дома Гарольда этого места вообще не видно. Я вижу, ты тоже на велосипеде».

Она кивнула. «Меньше шума».

«Я спрятал свой вон в том убежище». Он кивнул в сторону здания рядом со спортивной площадкой.

Фрэн последовала его примеру. Запах внутри оказался затхлым и зловонным. Внутри все было усыпано пустыми бутылками и окурками. В дальнем углу валялись смятые брюки, а в ближнем остались следы от когда-то разведенного здесь костра. Она поставила свой велосипед рядом с велосипедом Ларри и быстро вышла. В этом сумрачном помещении, заполненном запахом сексуальных выделений, было очень легко вообразить, что темный человек стоит прямо у тебя за спиной, сжимая в руке перекрученную металлическую вешалку.

«Постоянное место отдыха, не так ли?» — сухо спросил Ларри.

«Не мне принадлежала идея воспользоваться этим очаровательным помещением», — сказала Фрэн, и голос ее слегка дрожал. «Независимо от того, что мы узнаем сегодня, этим вечером я хочу все рассказать Стью».

Ларри кивнул. «Да, и не только потому, что он — член комитета. Он ведь и судебный исполнитель».

Фрэн обеспокоенно посмотрела на Ларри. Она в первый раз по-настоящему поняла, что их сегодняшняя экспедиция может закончиться для Гарольда тюрьмой.

«Ах ты черт», — вздохнула она.

«Да уж, дело не из приятных», — согласился он. «Хочешь отменить нашу затею?»

После долгого размышления она покачала головой.

«Правильно. Я думаю, мы обязаны все выяснить, тем или иным способом».

«Ты уверен, что их обоих нет дома?»

«Да. Я видел, как Гарольд уехал на грузовике похоронного комитета сегодня утром. А всех, кто входит в комитет по энергетике, пригласили сегодня на пробный запуск».

«Ты уверен, что она пошла?»

«Со стороны это смотрелось бы очень странно, если бы она осталась дома, разве не так?»

Фрэн кивнула. «Наверное, так и есть. Кстати, Стью сказал, что они надеются снова запустить электростанцию к шестому числу».

«Это будет великий день», — сказал Ларри и подумал о том, как здорово будет взять в руки большую гитару,

подключить ее к еще большему усилителю и начать наигрывать что-нибудь. Может быть, «Глорию», или «Прогулку с собакой». Собственно говоря — все, что угодно, кроме «Крошки».

«Может быть», — сказала Фрэнни, — «нам следует запастись каким-нибудь предлогом. Просто на всякий случай».

Ларри криво улыбнулся. «Попытаешься убедить их, что мы разносим подписные бланки на журналы?»

«Ха-ха, очень смешно».

«Ну, мы можем сказать ей то же самое, что ты только что сообщили мне — о запуске электростанции. Если она окажется дома».

Фрэн кивнула. «Да, это сойдет».

«Не обманывай себя, Фрэн. У нее возникнут подозрения, даже если мы придем к ней, чтобы сообщить, что только что состоялось второе пришествие, и Иисус Христос разгуливает по крыше городского резервуара».

«Это в том случае, если она чувствует за собой какую-то вину».

«Да».

«Пошли», — сказала Фрэн после непродолжительной паузы.

Предлог не понадобился. Долгий и безрезультатный стук сначала в парадную, а потом и в заднюю дверь убедил их в том, что дом Гарольда абсолютно пуст.

«Как ты проникла внутрь?» — спросил Ларри.

«Через подвальное окно».

Они подошли к торцу дома, и Ларри долго дергал за ручку.

«Может быть, ты и попала сюда через окно, но сейчас оно закрыто».

«Да нет, просто заело. Дай я попробую».

Но и у нее ничего не получилось.

«Что нам делать теперь?» — спросила она.

«Разобьем стекло».

«Ларри, он *увидит*».

«Ну и пусть видит. Если ему нечего скрывать, он подумает, что это просто пара озорных ребятишек, которые выбивают стекла в пустых домах. А если ему есть, что скрывать, то он будет очень обеспокоен, и вполне заслуженно. Так?»

Она посмотрела на него с сомнением, но он не колеблясь снял рубашку, обернул ее вокруг кулака и разбил стекло.

«Готово». Он открыл окно изнутри. Ларри спустился в подвал первым и обернулся, чтобы помочь Фрэн. «Будь осторожна, крошка. Никаких выкидышей в подвале у Гарольда Лаудера».

Он подхватил ее под руки и медленно опустил вниз. Вместе они оглядели игровую комнату. На столе для игры в хоккей валялись обрывки цветных электропроводов.

«Что это?» — спросила она, подобрав один из кусочков.

«Раньше здесь этого не было».

Он пожал плечами. «Может быть, Гарольд конструирует новейшую модель мышеловки».

Под столом валялась коробка, и Ларри поднял ее. На крышке было написано: ПРЕВОСХОДНЫЙ НАБОР РАДИОТЕЛЕФОНОВ, БАТАРЕЙКИ В КОМПЛЕКТ НЕ ВХОДЯТ. Ларри открыл коробку, но ее легкость еще раньше подсказала ему, что внутри ничего нет.

«Он собирает радиотелефоны, а не мышеловки», — сказала Фрэн.

«Нет, это не конструктор. Эта штука продается в готовом виде. Может быть, он что-то в них менял. Это очень похоже на Гарольда. Помнишь, как Стью ругался по поводу плохой связи, когда они вместе с Гарольдом и Ральфом искали Матушку Абагейл?»

Она кивнула, но что-то в этих обрывках проводов по-прежнему смущало ее.

Ларри уронил коробку на пол и произнес фразу, которая позднее показалась ему самым ошибочным заявлением за всю его жизнь. «Это не имеет значения», — сказал он. «Пошли».

Они поднялись по лестнице, но на этот раз дверь в кухню оказалась закрыта. Она посмотрела на него, и Ларри пожал плечами. «Отступить уже поздно, так ведь?»

Она кивнула.

После того, как дверь была взломана, Ларри подобрал с пола отлетевший засов. «Я поставлю эту штуку на место, и он никогда ничего не заметит. Надо только найти отвертку».

«К чему лишние хлопоты? Он же все равно заметит разбитое окно».

«Правильно. Но если засов на двери окажется нетронутым, он... чего это ты улыбаешься?»

«Засов ты можешь и прикрутишь. Но как ты собираешься закрыть его с обратной стороны двери?»

Он призадумался и сказал: «Господи, женщин, которые слишком много о себе воображают, я ненавижу больше всего на свете». Он швырнул засов на кухонный стол. «Пошли посмотрим под кирпичом».

Они вошли в темную гостиную, и Фрэнни почувствовала растущее беспокойство. В прошлый раз у Надин ключа не было. Но на этот раз она может вернуться с ключом. Какая это будет горькая шутка, если первой обязанностью Стью в качестве судебного исполнителя окажется арест его собственной жены за незаконное проникновение.

«Этот?» — спросил Ларри, указывая пальцем.

«Да. Поторопись».

«Так или иначе, скорее всего, он его перепрятал». Гарольд действительно перепрятал дневник. Но Надин положила его на старое место. Ларри и Фрэн ничего об этом не знали. Когда Ларри приподнял кирпич, в открывшемся углублении они увидели толстую тетрадь.

«Ну что», — спросил Ларри. «Долго мы будем на нее смотреть?»

«Бери ты», — сказала Фрэн. «Я даже не хочу к ней прикасаться».

Ларри взял тетрадь и стер пыль с обложки. Он пролистал несколько страниц. Гарольд писал тонким фломастером. Почерк у него был очень мелким. Абзацев не было.

«Нам потребуется три дня, чтобы все это прочитать», — сказал Ларри и стал перелистывать дневник.

«Подожди», — сказала Фрэн и протянула руку, чтобы вернуться обратно на пару страниц. Там непрерывный поток слов прерывался смело очерченным треугольником. Внутри было написано нечто вроде девиза:

Следовать своей звезде — это значит подчиняться воле более великой Силы, воле Провидения; но это не исключает того, что сам акт следования этой воле является стержневым корнем еще более могущественной Силы. Твой БОГ, твой ДЬЯВОЛ владеет ключами от маяка; я так долго мучался этим в последние два месяца; но каждому из нас он дал возможность отправиться в ПЛАВАНЬЕ.

ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР

«Извини», — сказал Ларри. «Это за пределами моего понимания. Ты что-нибудь уловила?»

Фрэн медленно покачала головой. «По-моему, Гарольд хочет сказать, что быть ведомым может оказаться настолько же почетно, как и быть ведущим».

Ларри снова начал листать тетрадь, наткнувшись еще на четыре или пять обрамленных в рамку максим, под каждой из которых большими буквами было написано полное имя Гарольда.

«Ну и ну», — воскликнул Ларри. «Посмотри-ка на эту, Фрэнни!»

Утверждают, что гордость и ненависть — два основных человеческих греха. Но так ли это? Я предпочитаю думать о них, как о двух основных добродетелях. Отказаться от гордости и ненависти означает согласиться с тем, что ты должен измениться во имя мира. Сохранить же их в себе — куда более благородно; это означает, что мир должен измениться во имя тебя. Я пустился в великую авантюру.

ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР

«Эта мысль могла родиться только в очень беспокойной душе», — сказала Фрэн. Ей стало холодно.

«Это как раз тот тип мышления, который и вверг нас во всю эту катастрофу», — сказал Ларри. Он быстро перелистнул страницы на начало. «Не будем терять времени. Посмотрим, что мы можем из этого извлечь».

Они прочли первое предложение, положив дневник между собой, как дети на уроке пения. Из рта у Фрэн вырвался приглушенный возглас. Она подалась назад и прикрыла рот рукой.

«Фрэн, мы должны взять это с собой», — сказал Ларри.

«Да...»

«И показать Стью. Не знаю, прав ли Лео насчет того, что они перешли на сторону темного человека, но нет никаких сомнений в том, что Гарольд опасно возбужден. Ты и сама это видишь».

«Да», — повторила она. Она почувствовала себя на грани обморока. Так вот как заканчиваются эти истории с дневниками. Она словно знала об этом с того самого момента, когда увидела в своем дневнике шоколадный отпечаток. Только не потерять сознания, — повторяла она про себя.

«Фрэнни? С тобой все в порядке?»

Голос Ларри. Откуда-то издалека.

Первое предложение дневника Гарольда:

Самым большим наслаждением для меня в это восхитительное пост-апокалиптическое лето станет убийство мистера Стюарта Мудозвона Редмана; может быть, ее я тоже убью.

Никто не ответил ей на стук, но ведь внутри мог оказаться этот глухонемой. Ты можешь барабанить в дверь хоть до посинения, но он все равно тебя не услышит. Придав своему лицу приятное выражение и заготовив извинительную фразу, Надин вошла в дом.

Она поднялась по лестнице. Гарольд сказал ей, что скорее всего они соберутся в гостиной. В южной части этой огромной комнаты она нашла то, что искала, — большой шкаф, который Ральф не успел еще разобрать. Рядами висят пальто на вешалках, а сзади все завалено обувью, перчатками и зимними шерстяными вещами.

Она быстро достала из сумки консервы. Они служили камуфляжем, а под ними лежала коробка с динамитом и радиотелефоном.

«Если я положу эту штуку в шкаф, сработает ли она, как надо?» — спросила она вчера у Гарольда. «Не будет ли взрыв слишком слабым?»

«Надин», — ответил Гарольд, — «если устройство сработает — а у меня нет причин в этом сомневаться, — то оно разнесет дом, и холм, на котором он стоит. Так что положи его в какое-нибудь укромное местечко и не забивай себе голову всякой чепухой. Все будет, как в старой сказке о портном и мухах. Одним махом — семейных убивахом. Только в данном случае мы имеем дело с политическими тараканами».

Надин проделала нору в залежах обуви и шерстяных шарфов и положила туда коробку. Ну вот. Готово.

Она быстро вышла из дома, не оглядываясь и пытаясь не обращать внимания на голос, который приказывал ей вернуться обратно и вырвать провода, соединяющие радиотелефон с динамитными зарядами.

Она завела мотороллер, и на обратном пути голос беспрестанно твердил ей одно и то же: *Ты ведь не оставишь это там, правда? Ты ведь не оставишь там эту бомбу, так?*

В мире, где уже столько людей погибло...

Она завернула за угол, едва различая дорогу. Слезы застилали ей глаза.

...самый тяжелый грех — это отнять человеческую жизнь.

А тут речь идет о семи жизнях. Да нет, больше, потому что комитет собирается выслушать доклад нескольких подкомитетов.

Она остановилась на углу Базелайн и Бродвея, уже намереваясь развернуться и отправиться назад. Ее всю трясло.

Позже она никак не могла объяснить Гарольду, что же с ней произошло. Честно говоря, она и не пыталась. Это было предчувствие будущих ужасов.

Она ощутила, что зрение ее затмевается.

Казалось, перед ней медленно опускается темный занавес, слегка развевающийся на ветру. Время от времени ветер усиливался, занавес начинал трепыхаться сильнее, и ей удавалось разглядеть по краям небольшие участки пустынного перекрестка.

Но вскоре занавес приблизился к ней вплотную, и она потерялась в нем. Она ослепла, оглохла и лишилась осязания. Мыслящее «я» Надин обернулось темным, теплым коконом.

И она почувствовала, как он входит в нее.

Из груди ее рвался дикий вопль, но у нее не было рта, чтобы закричать.

Проникновение: энтропия.

Она не знала, что значат эти слова в таком сочетании, но она почувствовала, что в них заключена истина. Ничего похожего ей не приходилось испытывать за всю свою жизнь. Позже ей пришлось в голову несколько метафор, и она отвергла их одну за другой:

Ты плывешь в теплой воде и неожиданно попадаешь в яму глубокого холода, от которого немеет все тело.

Тебе сделали укол новокаина в десну и вырвали зуб. Он вышел без всякой боли. Ты сплевываешь кровью в эмалированный тазик. В тебе образовалась дыра. Ты можешь ощупать языком то место, где еще секунду назад жила часть тебя.

Ты смотришь на себя в зеркало. Смотришь очень долго. Пять минут, десять, пятнадцать. Не моргая. С ужасом ты начинаешь замечать, как лицо твое меняется, словно лицо Лона Чани Младшего в фильме об оборотнях. Ты уже не знаешь себя самого и превращаешься в свой двойник, в безумного вампира с бледной кожей и рыбьими глазами.

Ни одно из этих ощущений не было похоже на то, что она испытала, но она почувствовала привкус каждого из них.

Темный человек вошел в нее, и *от него исходил холод.*

Когда она открыла глаза, ей сперва показалось, что она в аду.

Ад был белизной — тезис к антитезису темного человека. Перед ней простиралось выбеленное ничто. Белое-белое-белое. Ее окружал белый ад, и он был повсюду.

Она устала на белизну (невозможно было устать в ней) и лишь через несколько минут ощутила вилку мотоцикла между бедер. Краем глаза она увидела другой цвет — зеленый.

С усилием она оторвала глаза от белой плоскости и огляделась вокруг. Губы ее дрожали, в глазах бесновался ужас. Темный человек был в ней. Флегм был в ней. И когда он пришел, он лишил ее всех пяти чувств, связывающих ее с реальностью. Он прокатился на ней, как человек может прокатиться на легковушке или на грузовике. И он привез ее... куда?

Она посмотрела на белую плоскость и поняла, что это был экран открытого кинотеатра на фоне белого дождливого неба. Обернувшись, она заметила бар. Стены его были покрашены в ярко-розовый цвет, телесного оттенка. На фасаде было написано: *ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ХОЛИДЕЙ ТВИН! ЭТИМ ВЕЧЕРОМ НАСЛАЖДАЙТЕСЬ РАЗВЛЕЧЕНИЯМИ ПОД ЗВЕЗДНЫМ НЕБОМ!*

Темнота окутала ее на пересечении Базелайн и Бродвея. Теперь она оказалась в конце Двадцать Восьмой улицы, почти за пределами города, откуда шла дорога на... Лонгмонт, не так ли?

Вокруг нее стояли железные мачты, и на каждой из них было установлено по два громкоговорителя. Под ногами у нее был гравий, но сквозь него росли трава и одуванчики. Пожалуй, в «Холидей Твине» было не слишком много посетителей, начиная с середины июля. Неудачное лето для того, чтобы делать деньги на развлечениях.

«Почему я здесь?» — прошептала она.

Это был просто разговор с самой собой — она не ожидала никакого ответа. Поэтому, когда ответ прозвучал, ужас сжал ей горло.

«*НАДИН*», — раздалось из громкоговорителей, и это был его голос. Как она закричала! Руки ее немедленно прижались к ушам, но голос раздавался одновременно из всех громкоговорителей, и не было опасения от его ужа-

сающей ликующей интонации и звучащей в нем кошмарной комической похоти.

«НАДИН, НАДИН, О, КАК Я ЛЮБЛЮ ЛЮБИТЬ НАДИН, МОЯ ЛАПОЧКА, МОЯ КРАСАВИЦА...»

«Прекрати!» — закричала она, до предела напрягая голосовые связки, но все равно ее голос казался ничтожным по сравнению с доносящимся из громкоговорителей воплями великана. И тем не менее, на мгновение голос все-таки остановился. Наступила тишина. Громкоговорители смотрели на нее, словно фасетчатые глаза гигантских насекомых.

Надин медленно отняла руки от ушей.

Ты сошла с ума, — успокоила она себя. Вот и все. Напряженное ожидание... игры Гарольда... установка бомбы... все это подвело тебя к самому краю, дорогая, и ты сошла с ума. Ну что ж, может быть, так оно и лучше.

Но она не сошла с ума и прекрасно знала об этом.

Все это было гораздо хуже, чем сумасшествие.

Словно в подтверждение этого громкоговорители вновь загрохотали суровым, но вместе с тем почти жеманным голосом — голосом директора школы, который по школьному радио упрекает своих учеников за какую-нибудь проделку. **«НАДИН. ОНИ ЗНАЮТ».**

«Они знают», — отозвалась она, как попугай. Она не была уверена в том, кто такие они и что они знают, но ни на секунду не усомнилась в неизбежности случившегося.

«ВЫ ВЕЛИ СЕБЯ ГЛУПО. ГЛУПОСТЬ МОЖЕТ ПРАВИТСЯ БОГУ, НО НЕ МНЕ».

Глупость, — подумала она. Глупость, глупость. Я знаю, что означает это слово. По-моему, оно означает смерть.

«ОНИ ЗНАЮТ ОБО ВСЕМ... КРОМЕ КОРОБКИ С ДИНАМИТОМ».

Громкоговорители. Повсюду.

«ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ НА АМФИТЕАТР САНРАЙЗ. ОСТАВАЙТЕСЬ ТАМ. ДО ЗАВТРАШНЕГО ВЕЧЕРА. ДО ТОГО, КАК ОНИ СОБЕРУТСЯ. А ПОТОМ ВЫ С ГАРОЛЬДОМ МОЖЕТЕ ПРИЙТИ. ПРИЙТИ КО МНЕ».

Теперь Надин охватило простое, сияющее чувство благодарности. Они вели себя глупо... но им дали право на вторую попытку. И скоро, очень скоро она будет с ним... и тогда она сойдет с ума, она была абсолютно в этом уверена, и ничто уже больше не будет иметь значения.

«Амфитеатр Санрайз может оказаться слишком далеко», — сказала она. Ее голосовые связки были повреждены, и она могла только каркать. «Он может оказаться слишком далеко для...» Для чего? Она задумалась. Ах! Точно! Правильно! «Для радиотелефона. Для сигнала».

Ответа не последовало.

Она завела мотороллер. Эхо заставило ее вздрогнуть. Оно звучало, как винтовочные выстрелы. Она стремилась поскорее убраться из этого ужасного места, подальше от этих глазастых громкоговорителей.

Она *должна* была убраться отсюда.

Она поджидала Гарольда за углом рядом с автобусной остановкой. Когда он увидел ее, лицо его застыло и побледнело. «Надин...» — прошептал он.

«Гарольд», — сказала она, — «они все знают. Мы должны...»

«Твои волосы, Надин, о Господи, что стало с твоими волосами...»

«*Слушай меня!*»

Казалось, он немного овладел собой. «Хо-оорошо. В чем дело?»

«Они были у тебя дома и нашли твой дневник. Они унесли его с собой».

Лицо Гарольда исказилось от гнева, ужаса, стыда. Понемногу эмоции схлынули, и, словно труп утопленника, всплывающий на поверхность, на лице его вновь появилась неподвижная усмешка. «Кто это был?»

«Точно не знаю, да это и не важно. Фрэн Голдсмит была одной из них — это точно. Вторым был то ли Бэйтмен, то ли Андервуд. Я не знаю. Но они придут за тобой, Гарольд».

«Откуда ты все знаешь?» Он грубо схватил ее за плечи, вспомнив о том, что именно она положила дневник обрат-

но под кирпич. Он потряс ее, как тряпичную куклу, но Надин смотрела ему в лицо без страха. В этот длинный-длинный день ей приходилось быть лицо к лицу и с более страшными вещами, чем Гарольд Лаудер.

«Ты, сука, откуда ты все это знаешь?»

«Он сказал мне».

Гарольд уронил руки.

«Флегг?» — спросил он шепотом. «Он сказал тебе? Он говорил с тобой? И он сделал *это*?»

«О чем ты?»

Они стояли рядом с магазином электроприборов. Снова взяв ее за плечи, Гарольд повернул ее к витрине. Надин долгим взглядом посмотрела на свое отражение в стекле.

Ее волосы стали абсолютно белыми.

«Пошли», — сказала она. «Мы должны уйти из города».

«Сейчас?»

«Когда стемнеет».

«Мы уйдем на запад?»

«Пока нет. Сначала мы дождемся завтрашнего вечера».

«Может быть, я уже не хочу этого», — прошептал Гарольд.

«Слишком поздно», — ответила она.

ГЛАВА 55

«Ну, что скажешь?» — спросил Ларри.

На лице Стью отразилось глубокое беспокойство. Он положил дневник Гарольда на стол и сел. «Я прочитал все, и теперь у меня болит голова. Не привык читать так много».

«Гарольд болен», — сказала Фрэн.

«Да», — ответил Стью и закурил сигарету. «И опасен».

«Что мы должны предпринять? Арестовать его?»

Стью легонько постучал по обложке дневника. «Он и Надин собираются сделать нечто такое, что обеспечит им хороший прием на западе. Но здесь не написано, что это».

«Но там упоминаются многие люди, к которым он не питает чересчур пламенной привязанности», — сказал Ларри.

«Мы арестуем его?» — снова спросила Фрэн.

«Я пока не знаю. По-моему, надо обсудить все это на заседании комитета. Как ты думаешь, Ларри, если мы попросим Эла Банделла остаться и расскажем ему о Гарольде, он сможет держать язык за зубами?»

«Я в этом не сомневаюсь».

«Как жаль, что с нами нет Джаджа», — посетовал Стью.
«Я так к нему привязался».

На секунду они замолчали, задумавшись о том, где сейчас находится Джадж. Снизу раздались звуки гитары. Лео играл «Систер Кейт» в версии Тома Раша.

«У нас только две альтернативы. Мы должны изолировать общество от них, но, черт возьми, я не хочу отправлять их в тюрьму».

«Так каков же выход?» — спросил Ларри.

Фрэн ответила за Стью: «Изгнание».

Ларри повернулся к ней. Стью медленно кивал, глядя на кончик сигареты.

«Просто прогнать его из города?» — спросил Ларри.

«И его, и ее», — сказал Стью.

«Но примет ли их Флегт в такой ситуации?» — спросила Фрэнни.

Стью поднял на нее взгляд. «Радость моя, это уже не наша проблема».

Она кивнула и подумала: *О, Гарольд, я не хотела, чтобы все так получилось.*

«Какие-нибудь предположения по поводу того, что они собираются учинить?»

Ларри пожал плечами. «Надо поставить этот вопрос перед всем комитетом. Но кое-что я могу назвать».

«Например?»

«Электростанция. Саботаж. Попытка убить тебя и Фрэнни. Вот что первое приходит в голову».

Фрэн выглядела бледной и испуганной.

Ларри продолжил: «Мне кажется, что он отправился на поиски Матушки Абагейл с тобой и Ральфом, надеясь на то, что ему представится возможность убить тебя».

«У него была такая возможность», — сказал Стью.

«Может быть, он струсил».

«Прекратите, пожалуйста», — глухо спросила Фрэнни.

Стью встал и ушел в гостиную. Там стоял подключенный к аккумулятору радиопередатчик. Повозившись немного, он связался с Бредом Китченером.

«Бред, черт тебя побери! Говорит Стюарт Редман. Можешь организовать сегодня ночью дежурство на электростанции?»

«Конечно», — раздался голос Бреда. «Но на хрен это нужно?»

«Ну, это деликатная проблема. Я тут кое от кого узнал, что кое-кто может попытаться подложить нам большую свинью».

Ответ Бреда состоял из ужасных богохульств.

Стью кивнул микрофону, слегка улыбаясь. «Я понимаю твои чувства. Это только на сегодняшнюю ночь и, может быть, на завтрашнюю, насколько мне известно. Потом все должно прийти в норму».

Бред сказал, что ему не придется пройти и двух кварталов, чтобы набрать дюжину человек из комитета по энергетике, которые будут счастливы кастрировать любого диверсанта. «В этом замешан Рич Моффат?»

«Нет, это не Рич. Я тебе потом все объясню, о'кей?»

«Прекрасно, Стью. Я организую дежурство».

Стью выключил радиопередатчик и вернулся на кухню. Ларри собрался уходить.

«Увидимся завтра», — сказал Стью.

«Ну что, ребята, начнем», — сказал Стью, постучав по столу пивной банкой.

Глен с Ларри сидели на каминной ограде, повернувшись спиной к огню, который развел Ральф. Ник, Сюзан Стерн и Ральф сидели на кушетке. Бред Китченер стоял в дверном проеме с банкой пива в руках и разговаривал с Элом Банделлом, который смешивал виски с содовой. Джордж Ричардсон и Чед Норрис сидели у огромного окна, занимавшего всю западную стену.

Фрэнни сидела, удобно прислонившись спиной к двери шкафа. Между ног у нее лежал рюкзак с дневником Гарольда Лаудера внутри.

«Порядок!» — провозгласил Стью, и стук стал громче. «О'кей... дел у нас по горло, но сначала я хотел бы поблагодарить Ральфа за любезно предоставленную нам крышу над головой, выпивку и крекеры...»

Как он хорошо справляется со своей ролью, — подумала Фрэнни. Она попыталась оценить, насколько изменился Стью с того дня, когда они с Гарольдом повстречали его, и не смогла этого сделать. Поступки людей, с которыми ты близок, начинаешь судить слишком субъективно, — решила она. Но она была уверена в том, что в тот первый день Стью был поражен мыслью о том, что когда-нибудь ему придется председательствовать на собрании почти дюжины людей... и он, наверное, подпрыгнул бы до небес, узнав о том, что он будет проводить массовый митинг Свободной Зоны, на котором будут присутствовать более тысячи человек. Сейчас она наблюдала за тем Стью, который появился на свет только благодаря эпидемии.

«Сначала мы предоставим слово нашим гостям», — сказал Стью, — «а потом у нас состоится короткое закрытое заседание. Возражений нет?»

Возражений не было.

«О'кей», — сказал Стью. «Я предоставляю слово Бреду Китченеру, а вы, ребята, слушайте его внимательно, потому что денька через три этот парень снова положит лед в ваш бурбон».

Раздались искренние аплодисменты. Залившись краской и постоянно поправляя галстук, Бред вышел на середину комнаты. По дороге он чуть не споткнулся о пуф.

«Я. По-настоящему. Счастлив. Быть. Здесь», — начал Бред дрожащим бесцветным голосом. Судя по его виду, он был бы куда более счастлив оказаться где-нибудь в другом месте, включая Южный Полюс, где ему надо было бы выступать перед собранием пингвинов. «Эээ... ну...» Он замолчал, внимательно изучая свои записки, а потом просиял. «Электричество!» — воскликнул он с видом человека, совершившего великое открытие. «Электричество будет в городе в считанные дни. Вот».

Он еще немного потерзал свои записки, а потом продолжил.

«Как вы знаете, вчера мы подключили два генератора, и один из них сгорел из-за перегрузки. Это случилось потому, что после эпидемии многие электроприборы остались включенными. Так что нам надо выключить все, что только возможно. Проще всего будет зайти в каждый дом, где никто не живет, и вывинтить пробки или отключить общие рубильники. Понятно? Кроме того, перед тем как мы снова врубим электроэнергию, нам надо будет предпринять элементарные меры противопожарной безопасности. Я позволил себе проверить, как обстоят дела с пожарной станцией в восточной части Боулдера, и...»

Все будет в порядке, — думала Фрэн. Гарольд и Надин оставили город сами, без посторонней помощи, и это к лучшему. Это решает все проблемы, и Стью теперь в безопасности. Бедный Гарольд, мне так тебя жаль, но на самом деле я чувствую скорее страх, чем жалость. Я рада, что твой дом опустел, а вас с Надин больше нет в городе. Я рада, что вы покинули нас с миром.

Гарольд сидел, скрестив ноги. Глаза его блуждали где-то далеко. Он был в том холодном и чуждом пространстве, куда Надин не смогла за ним последовать, и это ее пугало. В руках он держал брата-близнеца того телефона, который лежал в картонной коробке дома у Ральфа Брентнера. Перед ними обрывались поросшие соснами головокружительные склоны. Позади них солнце только что скрылось за горной грядой.

«Когда?» — спросила Надин. Она была ужасно взвинчена, и ей очень хотелось в туалет.

«Скоро», — ответил Гарольд. Его усмешка превратилась в сладкую улыбку. Это было выражение, которое она никак не могла определить, потому что никогда раньше ей не доводилось видеть его на лице Гарольда. Через несколько минут она поняла, что это было выражение счастья.

Комитет единогласно проголосовал за то, чтобы дать в распоряжение Бреда Китченера двадцать человек для формирования Бригады Выключателей. Ральф Брентнер

согласился залить водой две пожарные машины и дежурить с ними на электростанции, когда Бред будет подключаться.

Следующим выступал Чед Норрис. Он сообщил, что к первому октября почти все жертвы эпидемии будут захоронены. Фрэн пересела на другое место, откуда можно было наблюдать за догорающим закатом. Горные вершины были подсвечены золотом, которое уже понемногу начало выцветать до менее впечатляющего лимонного оттенка. Она почувствовала, как ее захлестнула внезапная волна тоски по дому.

Было без пяти восемь.

Если сейчас не отойти в сторону, то она намочит брюки. Укрывшись за кустом, она присела на корточки и с облегчением помочилась. Когда она вернулась, Гарольд по-прежнему сидел с радиотелефоном в руках. Антенна была уже вытащена.

«Гарольд», — сказала она. «Уже поздно. Пошел девятый час».

Он равнодушно посмотрел на нее. «Они там проторчат еще полночи, похлопывая друг дружку по спине. Когда настанет время, я нажму на кнопку и скажу им пару слов. Не беспокойся ни о чем».

«Так когда?»

Улыбка Гарольда стала шире. «Как только стемнеет».

Фрэн подавила зевок, когда Эл Банделл уверенно вышел на середину комнаты и встал рядом со Стью. Судя по всему, закончить им придется поздно. Неожиданно она ощутила непреодолимое желание оказаться дома, вдвоем со Стью. Дело было не в усталости и даже не в чувстве тоски. Просто внезапно ей захотелось выйти из этой комнаты. Желание было беспричинным, но очень сильным. Ей хотелось уйти. Собственно говоря, ей хотелось, чтобы все ушло отсюда.

«Комитет по Поддержанию Законности заседал на прошлой неделе четыре раза», — вещал Эл, — «и я поста-

раюсь изложить суть дела как можно более кратко. Судебная система, которую мы избрали, будет строиться следующим образом. В основе ее будет нечто вроде трибунала. Члены трибунала будут избираться по жребию, примерно так же, как когда-то производился военный набор среди молодежи...»

«Щщщщщщщууууууух! Ба-бах!» — сказала Сюзан, и раздался дружный хохот.

Эл улыбнулся. «Но я хочу добавить, что служба в таком трибунале будет гораздо приятнее военной. Трибунал будет состоять из трех человек старше восемнадцати лет. Они будут работать в течение шести месяцев. Записки с их именами будут выниматься из большого барабана, в котором будут лежать записки с именами всех взрослых граждан Боулдера».

Ларри поднял руку. «Могут они взять отвод?»

Немного нахмурившись, Эл сказал: «Я как раз собирался об этом сказать. Необходимо, чтобы...»

Фрэн неудобно поежилась, и Сью Стерн подмигнула ей, но Фрэн не ответила. Она была испугана. В чем причина этой удушающей клаустрофобии? Она знала, что ни на чем не основанные чувства следует игнорировать... во всяком случае, так было в старом добром мире. Но как быть с Томом Калленом? Или с Лео Роквеем?

Уходи отсюда, — крикнул ее внутренний голос. *Уводи их всех!*

Но это просто какое-то безумие. Она снова поежилась и решила промолчать.

«...отстранение от должности лица, которое желает взять отвод, но я не думаю...»

«Кто-то едет», — неожиданно сказала Фрэн, вскакивая на ноги.

Воцарилось молчание. Теперь все они слышали рев мотоциклов, быстро приближающихся к ним по Базелайн авеню. И неожиданно Фрэнни захлестнула паника.

«Слушайте», — сказала она. «Слушайте все!»

Удивленные и озабоченные лица повернулись в ее сторону.

«Фрэнни, что ты...» Стью двинулся к ней.

Она сглотнула слюну. Грудь ее словно сдавило каким-то тяжелым, удушающим грузом. «Мы должны немедленно уйти отсюда. *Немедленно*».

Было двадцать пять минут девятого. Последние отблески заката покинули небо. Час настал. Гарольд расправил спину и поднес радиотелефон ко рту. Палец его застыл на кнопке ПЕРЕДАЧА. Он нажмет ее и пошлет их напрямиком в ад, сказав...

«Что это там такое?»

Надин положила руку ему на плечо. Далеко внизу по Базелайн неслась сумасшедшая цепь огней. В окружающей тишине до них донесся приглушенный рев мотоциклетных двигателей. Гарольд ощутил легкое беспокойство, но немедленно подавил его.

«Оставь меня в покое», — сказал он. «Вот что».

Она убрала руку с его плеча. Лицо ее белым пятном маячило в темноте. Гарольд нажал кнопку передачи.

Ей никогда так и не удалось установить, что сорвало их с мест — мотоциклы или ее слова. Но они двигались слишком медленно. Это навсегда останется в ее сердце — слишком медленно.

Стью первым оказался на улице. Рев и рычание подъезжающих мотоциклов оглушили его. Инстинктивно он взялся за оружие.

Дверь открылась, и он обернулся, ожидая увидеть Фрэнни. Но это был Ларри.

«Что там такое?»

«Не знаю. Но лучше нам вывести их на улицу».

Когда мотоциклы выехали на подъездную дорожку, Стю немного расслабился. Он увидел Дика Воллмена, Геринджера, Тедди Вейзака и другие знакомые лица. Теперь он мог признаться себе, чего он боялся больше всего на свете. Он боялся что вслед за сиянием фар и ревом двигателей покажется авангард сил Флегга, и война начнется.

«Дик», — сказал Стю. «Что за черт?»

«*Матушка Абагейл!*» — завопил Дик, пытаясь перекричать шум двигателей. Все новые и новые мотоциклы въезжали во двор.

«*Что?*» — закричал Ларри. Позади него и Стью столпились Глен, Ральф и Чед Норрис, выталкивая их с крыльца.

«*Она вернулась! Но она в ужасном состоянии! Нам нужен доктор... Господи, нам нужно чудо!*»

Джордж Ричардсон протиснулся вперед. «Старая женщина? Где она?»

«Садись на мотоцикл, Док!» — закричал ему Дик. «Не задавай вопросов! Ради Бога, поторопись!»

Ричардсон сел позади Дика Воллмена. Дик развернулся и стал продираться сквозь плотный рой подъехавших мотоциклов.

Стью и Ларри переглянулись. В голове у Стью сгустилось темное облако, и неожиданно его захлестнуло чувство надвигающейся неотвратимой опасности.

«Ник, пошли! *Да пошли же!*» — кричала Фрэн, ухватив его за плечо. Ник стоял в центре гостиной, и лицо его было неподвижным, застывшим.

Он не мог говорить, но внезапно он все понял. Он понял. Понимание возникло из ниоткуда, отовсюду.

Что-то лежит в шкафу.

Он сильно толкнул Фрэнни.

«Ник...!»

ИДИ!! — махнул он ей.

Она выбежала из комнаты. Он рванулся к шкафу, открыл дверь и стал бешено разбрасывать старые вещи, умоляя Бога, чтобы Тот не дал ему опоздать.

Неожиданно перед Стью возникла Фрэнни. Лицо ее было смертельно бледным, а глаза расширились. Она вцепилась в него обеими руками. «Стью... Ник все еще там... что-то... что-то...»

«Фрэнни, о чем ты?»

«*О смерти!*» — закричала она ему в лицо. «*Я говорю о смерти, а НИК ВСЕ ЕЩЕ ТАМ!*»

Он отшвырнул в сторону ворох шарфов и перчаток и что-то нащупал. Картонная коробка из-под обуви. Он схватил ее, и как только его пальцы прикоснулись к ней, изнутри раздался голос Гарольда Лаудера.

«Что там с Ником?» — закричал Стью, схватив ее за плечи.

«Мы должны увести его оттуда... Стью... что-то должно случиться, что-то ужасное...»

«Что за чертовщина здесь творится, Стюарт?» — закричал Эл Банделл.

«Не знаю», — сказал Стью.

«Стью, пожалуйста, мы должны увести Ника оттуда!» — закричала Фрэн.

И в этот момент у них за спиной раздался взрыв.

Твердым и тихим голосом он произнес: «Говорит Гарольд Эмери Лаудер. Я делаю это в соответствии со своей свободной волей».

У основания Флэгстаффа вырос столб огня. Спустя мгновение раздался приглушенный звук взрыва.

«Конец сообщения», — тихо проговорил Гарольд в трубку.

Надин вцепилась в него обеими руками. «Мы должны убедиться, что они мертвы».

Гарольд посмотрел на нее, а потом жестом указал на расцветшую внизу розу уничтожения. «Думаешь, после этого кто-нибудь мог остаться в живых?»

«Я... я н-не зн... ааааю, Гарольд, я...» Надин отвернулась, схватила за живот и начала блевать. Гарольд наблюдал за ней с легким презрением.

Наконец она вновь повернулась к нему, вытирая рот бумажной салфеткой. «Что теперь?»

«Теперь мы пойдем на запад», — сказал Гарольд. «Если, конечно, ты не собираешься спуститься вниз и развеять, как настроено общество».

Надин поежилась. «Гарольд...» Она попыталась прикоснуться к нему, и он дернулся в сторону. Не глядя на нее, он стал собирать палатку.

Для Фрэн Голдсмит этот день закончился просто и безболезненно. Она почувствовала, как теплая волна воздуха подхватила ее сквозь ночь.

«Что за чертовщина?» — подумала она.

Она приземлилась, ударившись плечом. Удар был сильным, но боли по-прежнему не было. Она лежала в овраге, который шел с севера на юг на границе заднего двора Ральфа.

Рядом с ней приземлился стул — аккуратно, прямо на ножки. Сиденье его тлело и дымилось.

Что за чертовщина?

Что-то приземлилось на стул и упало вниз. Она увидела, что это была рука.

Стью? Стью? Что происходит?

Громкий, скрежещущий грохот заполнил ее уши, и повсюду стали падать предметы. Камни. Доски и бревна. Кирпичи. Разбитое стекло. Мотоциклетный шлем с пробитой в нем смертельной дырой.

До нее донеслись чьи-то крики. Скрежещущий грохот не ослабевал. Все вокруг было освещено пламенем. Доска с торчащим из нее шестидюймовым гвоздем упала у нее прямо перед носом.

...ребенок!..

И сразу же вслед за этим в голове у нее возникла другая мысль — ответ на все ее предчувствия: *Гарольд сделал это. Гарольд сделал это, Гарольд...*

Что-то обрушилось ей на голову, на шею, на спину, и она потеряла сознание.

ГЛАВА 56

Птицы.

Она слышит, как поют птицы.

Фрэн лежала в темноте и слушала пение птиц. Она подумала о детстве. Субботнее утро, не надо идти в школу,

не надо идти в церковь. День, когда можно спать, сколько душе угодно. Лежишь с закрытыми глазами и видишь перед собой только красную пульсирующую темноту. Слушаешь птиц, вдыхаешь соленый запах моря, потому что тебя зовут Фрэнсис Голдсмит, и тебе одиннадцать лет, и ты лежишь с закрытыми глазами субботним утром в Оганквите...

Птицы.

Она слышит, как поют птицы.

Но это не Оганквит, это

(*Боулдер*)

Она долго задумалась в красной темноте, и неожиданно ей вспомнился взрыв.

(*?Взрыв?*)

(*!Стью!*)

Глаза ее широко раскрылись. В них был внезапный ужас.

«*Стью!*»

И Стью сидел рядом с ее постелью, одна рука его была аккуратно забинтована, по щеке пролегла глубокая царапина, а часть волос выгорело, но это был *Стью*, он был жив, и когда она открыла глаза, на лице у него появилось выражение огромного облегчения, и он сказал: «Фрэнни. Слава Богу».

«Ребенок», — сказала она. Горло ее было сухим. Говорить она могла только шепотом.

«Ребенок», — повторила она, проталкивая слова сквозь свою покрытую наждаком гортань. «Я потеряла его?»

Он неуклюже обнял ее обеими руками. «Нет, Фрэнни, нет. Ты не потеряла ребенка».

Она расплакалась.

Позже она спросила его: «Расскажи мне. Каковы последствия?»

«Фрэн...»

«Ник?» — прошептала она. «Я видела чью-то оторванную руку».

«Давай отложим этот разговор».

«Нет, я должна знать».

«Семеро погибших», — сказал он низким хриплым голосом. «Нам еще повезло, по-моему. Все могло быть гораздо хуже».

«Кто, Стюарт?»

Он неуклюже сжал ее руки. «Ник — один из них. Там была стеклянная стена, и она... она...» Он запнулся на мгновение, посмотрел на свои руки, а потом снова поднял взгляд на нее. «Он... мы смогли опознать его по... некоторым шрамам...» Он отвернулся. Из груди Фрэн вырвался хриплый, сдавленный вздох.

Когда Стью немного овладел собой, он сказал: «И Сью. Сью Стерн. Она оставалась в доме, когда произошел взрыв».

«Но... ведь это просто невозможно?» — сказала Фрэн.

«Это правда».

«Кто еще?»

«Чед Норрис», — сказал он, и из груди у нее снова вырвался этот хриплый вздох.

«Внутри оказалось только три человека. Это просто чудо. Бред говорит, что в шкафу было восемь-девять динамитных зарядов. А Ник... он ведь почти... когда я думаю о том, что он, наверное, уже взялся за эту коробку...»

«Не надо», — сказала она. «Не думай об этом».

Перед приближением вечера третьего сентября люди стали медленно подходить к дому Ларри и Люси. Ларри наблюдал за ними из окна спальни. За его спиной на их кровати лежала без сознания Матушка Абагейл. Исходивший от ее тела сухой резкий запах заполнял его ноздри, и он ощущал позыв на рвоту — он ненавидел рвоту, — но не трогался с места. Это его кара за то, что Ник и Сюзан погибли, а он уцелел и даже не получил ни единой царапины.

Джордж ненадолго ушел в госпиталь проверить, как чувствуют себя остальные пациенты. Из двадцати пострадавших в больнице осталось только шестнадцать. Трех отпустили домой, а Тедди Вейзак умер.

Женщина на кровати была похожа на скелет, обтянутый тонкой пепельно-серой кожей. Она выглядела беспо-

лой. Почти все ее волосы вылезли, груди исчезли, рот широко раскрылся, и из него вырывалось хриплое дыхание. Ларри подумал, что она похожа на виденные им изображения юкатанских мумий — не разложившихся, но съезжившихся, высохших, лишенных возраста.

Ларри вновь посмотрел в окно. Люди стояли и ждали. Жива ли она? Умерла ли? Умирает? Может быть, ее исцелил Бог? *Сказала ли она что-нибудь?*

Около десяти часов вечера в толпе появились Стью Редман, Глен Бэйтмен и Ральф Brentner и стали раздавать листовки. На них было написано:

**МИТИНГ СВОБОДНОЙ ЗОНЫ
В АУДИТОРИИ МЮНЦИНГЕРА
4 СЕНТЯБРЯ В 20:00.**

Получив листовки, люди стали расходиться.

Когда на следующий вечер Стью открыл митинг, аудитория была переполнена, но все вели себя очень тихо. Позади Стью сидели Ларри, Ральф и Глен. Фрэн попыталась было подняться, но спина ее еще очень сильно болела. Невзирая на скверную иронию ситуации, Ральф подключил ее к митингу с помощью радиотелефона.

«Нам надо кое-что обсудить», — начал Стью и его тихий голос без труда разнесся по всему залу. «Я думаю, все в этом зале знают о взрыве и о возвращении Матушки Абагейл. Мы об этом поговорим, но сначала послушайте хорошие новости. Их вам сообщит Бред Китченер».

Бред подошел к кафедре, и на лице его не было заметно и следа того волнения, которое обуревало его вчера. «Завтра мы подключим электроэнергию», — сказал он.

Раздались аплодисменты, продолжавшиеся около полуминуты. Позже Стью сказал Фрэнни, что если бы не вчерашние события, Бреда стащили бы со сцены и пронесли бы на руках вокруг зала.

«Следующий пункт повестки...» — начал Стью.

«Пошел ты со своей повесткой!» — иступленно завопила молодая женщина. «Давайте говорить о темном человеке! Давайте говорить о Флегге!»

Зал зашумел. Стью так сильно застучал молотком по кафедре, что он разлетелся на части. «Вы сможете поговорить обо всем, о чем хотите, но до тех пор, пока я веду этот митинг, я требую... чтобы был... хоть какой-нибудь... ПОРЯДОК!» Понемногу все затихли.

«Ну а теперь», — сказал Стью намеренно тихим и спокойным голосом, — «я расскажу вам о том, что произошло вечером второго сентября в доме Ральфа Брентнера».

Он вкратце описал все события, умолчав лишь о фрэннинном предчувствии.

«Вчера утром мы с Бредом и Ральфом более трех часов копались в руинах и нашли остатки динамитной бомбы, прикрученной к радиотелефону. Похоже на то, что бомба была заложена в шкаф в гостиной. Билл Скэнлон и Тед Фрэмpton нашли еще один радиотелефон на амфитеатре Санрайз, и мы предполагаем, что бомба была взорвана оттуда...»

«Предполагаем, так его в задницу!» — закричал из гретъего ряда Тед Фрэмpton. «Это был ублюдок Лаудер со своей трахнутой шлюхой!»

Напряженный шепот прошел по залу.

«Если еще хоть один человек выкрикнет что-нибудь с места, я закрою митинг, и вы будете разговаривать друг с другом», — сказал Стью. Тед Фрэмpton сердито посмотрел на него, и Стью ответил на его взгляд. Через несколько секунд Тед опустил глаза.

«Мы подозреваем Гарольда Лаудера и Надин Кросс. У нас есть основания для серьезных подозрений, но пока против них нет бесспорных улик, и я надеюсь, что вы будете об этом помнить».

В зале раздался недовольный ропот.

«Я говорю это к тому», — продолжил Стью, — «что если они забредут обратно в Зону, я хочу, чтобы вы привели их ко мне. Я посажу их в тюрьму, и Эл Банделл займется организацией судебного процесса. Мы... мы дол-

жны действовать по справедливости. Я надеюсь, вы знаете, где находятся те, кто действует иначе».

Он с надеждой посмотрел в зал и увидел на лицах только удивленное негодование. В него впились сотни глаз, и он чувствовал, какие мысли прятались за ними: *Что за дерьмо ты там несешь?? Они ушли. Ушли на запад. А ты ведешь себя так, словно они отправились в двухдневный поход, чтобы посмотреть на птичек.*

«Кроме того, я хотел вам сказать, что мы должны избрать недостающих членов комитета. Мы не будем заниматься этим сегодня вечером, но вам надо подумать о том, кто...» В зале поднялась чья-то рука. «Говорите», — сказал Стью. «Только представьтесь сначала».

«Меня зовут Шелдон Джоунс», — сказал массивный человек в клетчатой шерстяной рубашке. «Зачем нам ждать? Почему мы не можем избрать новых членов комитета прямо сегодня? Я предлагаю Теда Фрэмптона».

«Эй, я поддерживаю!» — завопил Билл Скэнлон. «Прекрасная идея!»

Тед Фрэмптон потряс сжатыми над головой руками, и в зале раздались разрозненные аплодисменты. Стью почувствовал, как почва уходит у него из-под ног. Они хотят заменить Ника Андроса Тедом Фрэмптоном? Какая-то глупая шутка. Тед вступил в комитет по энергетике, но обнаружил, что это слишком напоминает работу. Он перешел в похоронный комитет, и это занятие, похоже, больше подошло ему, хотя Чед и говорил Стью, что Тед — это один из тех людей, которые способны растянуть перекур в обеденный перерыв, а обеденный перерыв — в полдневный отдых. Он с радостью вызвался участвовать во вчерашней погоне за Гарольдом и Надин, может быть, потому, что это предвещало развлечения. Чисто случайно он с Биллом Скэнлоном наткнулся на радиотелефон на Санрайзе и с тех пор приобрел важную походку, которая Стью была совсем не по душе.

Стью сказал: «По-моему, надо дать людям возможность подумать. Давайте проголосуем. Пусть те, кто считает что довыборы в комитет надо произвести сегодня, скажут «да».

«Да» прокричало всего несколько голосов.

«Те, кто считает, что выборы надо отложить на неделю или около того, пусть скажут «нет».

«Нет» раздалось громче, но не намного. Большинство людей вообще не участвовали в голосовании, словно эта проблема их совсем не интересовала.

«О'кей», — сказал Стью. «Мы соберемся в этой же аудитории через неделю, одиннадцатого сентября».

Слово взял доктор Ричардсон. Когда он подошел к кафедре, ему громко зааплодировали. Он сообщил, что в результате взрыва на настоящий момент умерло уже девять человек, еще трое находятся в критическом состоянии, двое в серьезном и восемь в удовлетворительном.

«А теперь разрешите сказать несколько слов о Матушке Абагейл».

Люди в зале подались вперед.

«Я могу сообщить вам только одно: я ничем не могу ей помочь».

По толпе прошел ропот. Стью увидел на лицах скорбь, но ни для кого слова Джорджа не оказались неожиданными.

«Со слов жителей Зоны мне известно, что этой леди — сто восемь лет. Мне сказали, что она ушла две недели назад, и по моему предположению, за это время ей вообще не приходилось есть приготовленной пищи. Похоже, она питалась кореньями, травами и тому подобным. Сейчас она пребывает в коматозном состоянии. Думаю, что она умрет. Но, как и всем вам, она мне снилась... она и тот, другой».

Снова по залу пробежал тихий ропот, и Стью, почувствовал, как напряглись волоски у него на загривке.

«На этом я хотел бы закончить. Будут ли у вас ко мне вопросы?»

Вопросов не было. Люди смотрели на него, и некоторые из них плакали в открытую.

«Спасибо», — сказал Джордж и вернулся на свое место в мертвом море молчания.

«Давай», — прошептал Стью Глену.

Глен подошел к кафедре. «Мы обсудили все, кроме темного человека», — сказал он.

Снова этот ропот. Несколько людей в зале инстинктивно перекрестились.

«Нам придется противостоять ему. Мистицизм — это не моя специальность, но я должен сказать вам, что подобно тому, как Матушка Абагейл воплощает силы добра, Рэнделл Флегг воплощает силы зла. Я уверен в том, что та сила, которой служит Матушка Абагейл, объединила нас здесь. И мне не кажется, что она может нас оставить. Может быть, нам надо обсудить все это и впустить немного свежего воздуха в наши кошмары. Может быть, нам надо решить, что мы собираемся с ним делать. Но ясно одно, что мы не можем ему просто так позволить прийти следующей весной в Зону и взять нас голыми руками. А теперь я возвращаю слово Стью, и пусть он ведет обсуждение».

Обсуждение продолжалось три часа. Как и предчувствовал Ларри, оно оказалось абсолютно бесплодным.

Митинг закончился в половину второго ночи, и Глен ушел вместе со Стью, впервые после смерти Ника чувствуя себя в своей тарелке. Он радовался тому, что им удалось преодолеть первые трудные ступеньки лестницы, ведущей из их собственных душ к полю битвы, каким бы оно ни оказалось.

Он почувствовал надежду.

Кто-то тряс Стью за плечо, и ему понадобился долгий промежуток времени, чтобы всплыть на поверхность сна. Его разбудил Глен Бэйтмен, вырисовывавшийся смутным силуэтом в почти полной темноте.

«Тебя не добудисься, Восточный Техас», — сказал Глен. «Ты спишь, как фонарный столб».

«Ты хоть бы свет включил, чертов болван».

«О, Господи, я ведь совсем забыл, что у нас снова есть электричество!»

Стью включил лампу, поморщился от неожиданно яркого света и уставился совиным взглядом на будильник. Было без четверти три.

«Что ты здесь делаешь, Глен? Ты знаешь, а я ведь спал. Говорю это на тот случай, если вдруг ты не обратил на это внимания».

Стью перевел глаза с будильника на лицо Глена. Оно было бледным, испуганным... и старым. По лицу его пролегли глубокие морщины, и он выглядел очень измученным.

«В чем дело?»

«Матушка Абагейл».

«Умерла?»

«Господи помилуй, мне почти хотелось бы, чтобы это было так. Она очнулась. И она ждет нас».

«Нас двоих?»

«Нас пятерых». Голос Глена стал более хриплым. «Она знает, что Сюзан и Ник мертвы, и что Фрэн лежит в больнице. Не знаю, откуда ей это известно, но это так».

«И она хочет встретиться с комитетом?»

«С тем, что от него осталось. Она умирает и говорит, что ей надо кое-что нам сообщить. Не уверен, что мне очень хочется это слышать».

Они выбрались из джипа как раз в тот момент, когда из-за угла вынырнул свет фар. Это был старый грузовик Ральфа. Ральф вылез из кабины, и Стью быстро подошел к месту пассажира, где, прислонившись спиной к диванной подушке, сидела Фрэн.

«Привет, крошка», — сказал Стью нежно.

Она взяла его за руку. Лицо ее маячило в темноте белым круглым пятном.

«Сильно болит?» — спросил Стью.

«Не так уж и сильно. Я приняла обезболивающее». Стью помог ей выбраться из кабины, и Ральф взял ее под другую руку. Оба они заметили, как она вздрогнула, сделав первый шаг.

«Хочешь, чтобы я тебя понес?»

«Со мной все будет в порядке. Ты только поддерживай меня, хорошо?»

«Разумеется».

«И пойдем помедленнее. Мы, старушки, не можем носить сломя голову».

Они пошли по направлению к дому. Стоявшие в дверях Глен и Ларри внимательно за ними наблюдали.

«В чем дело, как ты думаешь?» — пробормотала Фрэн. Стью покачал головой: «Я не знаю».

Они подошли к двери, и Ральф помог Стью ввести ее внутрь. Ларри, как и Глен, выглядел бледным и обеспокоенным.

«Извини, что пришлось тебя сюда притащить», — сказал Ларри, обращаясь к Фрэн. «Я сидел с ней. Мы организовали дежурство. Понимаешь?»

«Да, я понимаю», — сказала Фрэнни.

«Люси ушла спать примерно час назад. Я задремал ненадолго, а когда проснулся... Фрэн, могу я чем-то тебе помочь?»

Фрэн покачала головой и с усилием улыбнулась. «Нет, со мной все в порядке. Продолжай».

«...она смотрела на меня. Она может говорить только шепотом, но вполне разборчиво. Она сказала мне, что Господь заберет ее домой на рассвете. Но перед этим она хочет поговорить с теми, кто остался. Я спросил, что она имеет в виду, и она сказала, что Бог уже взял к себе Ника и Сюзан. Она *знала*». Он испустил долгий, прерывистый вздох и взъерошил волосы.

В прихожую вошла Люси. «Я приготовила кофе. Пейте, как только захотите».

«Спасибо, любовь моя», — сказал Ларри.

Люси неуверенно огляделась вокруг. «Мне пойти с вами, ребята? Или это относится только к комитету?»

Ларри посмотрел на Стью, и Стью сказал: «Пошли с нами. У меня такое впечатление, что время комитетов уже прошло».

Они медленно прошли в спальню, приноравливаясь к шагу Фрэн.

«Она скажет нам», — неожиданно сказал Ральф. «Матушка все нам скажет. Так что без толку судить да рядить».

Они вошли все вместе, и ослепительный, умирающий взгляд Матушки Абагейл остановился на них.

«Садись, моя девочка», — прошептала Матушка Абагейл. «Тебе очень больно».

Ларри подвел Фрэн к креслу, и она села в него, испустив тоненький вздох облегчения.

Не отрывая от нее своего сияющего взгляда, Матушка Абагейл прошептала: «Отродье призвало свою невесту, и скоро она понесет. Уцелеет ли твой ребенок?»

В комнате воцарилось молчание. После паузы Матушка Абагейл продолжила: «Мать, отец, жена, муж. А против них — Князь Гор, господин сумерек. Я погрязла в гордости. И все вы, вы тоже погрязли. Разве вы не слышали, что нельзя доверять повелителям и князьям мира сего?»

Они молча смотрели на нее.

«Электричество — это не ответ, Стью Редман. И радиопередатчик тоже, Ральф Брентнер. Социология тут не поможет, Глен Бэйтмен. Не поможет и твое раскаяние, Ларри Андервуд. И твой еще неродившийся сын не сможет предотвратить это, Фрэн Голдсмит. Звезда Антихриста возшла. Но вы не желаете служить Богу».

Она оглядела их всех по очереди. «Бог поступит, как Ему заблагорассудится. Вы — не горшечники, вы — глина, из которой делают горшки. Может быть, человек с запада — это тот гончарный круг, о который вас разобьют. Мне не дано это знать».

Слеза скатилась у нее по щеке.

«Матушка, что мы должны делать?» — спросил Ральф.

«Подойдите ближе, все вы. У меня остается мало времени. Я иду домой, и никогда еще не было на свете человека, который был готов к этому лучше, чем я. Приблизьтесь ко мне».

Ральф сел на краешек кровати. Ларри и Глен встали в ногах. Фрэн встала, поморщившись от боли, и Стью поставил ее кресло рядом с Ральфом.

«Бог собрал вас вместе не для того, чтобы вы создали комитет или общество», — сказала она. «Он собрал вас здесь, чтобы послать вас дальше, в поход. Он хочет, чтобы вы попытались уничтожить Темного Князя».

Тишина. Вздох Матушки Абагейл.

«Я думала, что вас поведет Ник, но Он взял к себе Ника — хотя, мне кажется, что Ник еще не совсем

покинул нас. Нет, не совсем. Но теперь во главе будешь ты, Стюарт. А если Он возьмет и Стюарта, то поведешь ты, Ларри. А если Он возьмет тебя, то впереди пойдет Ральф».

«Вести?» — холодно спросила Фрэн. «Вести? Но куда?»

«Ну как же — на запад, девочка», — сказала Матушка Абагейл. «Но ты не пойдешь туда. Только эти четверо».

«Нет!» Она встала на ноги, невзирая на боль. «Что вы такое говорите? Что все четверо должны сами отправиться в его логово? Сердце, душа и мужество Свободной Зоны? Чтобы он мог прибить их к крестам, спокойно прийти сюда следующим летом и убить всех до одного? Я не согласна смотреть на то, как мой муж будет приносить себя в жертву вашему Богу-убийце. Пошел Он в жопу».

«Фрэнни!» У Стью перехватило дыхание.

«Бог-убийца! Бог-убийца! Миллионы — может быть, миллиарды — погибли во время эпидемии. И миллионы после. Мы даже не знаем, останутся ли в живых наши дети. Разве Он еще не доволен? Или это будет продолжаться до тех пор, пока вся земля не будет принадлежать крысам и тараканам? Он никакой не Бог. Он — демон, а вы — Его ведьма».

«Прекрати, Фрэнни».

«Никаких проблем. Я уже кончила. Я хочу уйти. Забери меня домой, Стью. Не в больницу, а домой».

«Мы послушаем, что она нам скажет».

«Прекрасно. Ты послушаешь за меня. А я ухожу».

«Послушай, девочка».

«Не смейте меня так называть!»

Рука Матушки Абагейл дернулась и сжала запястье Фрэн. Фрэн застыла. Глаза ее закрылись. Голова ее откинулась.

«Н-н-н-не над-д-д-дооо... О ГОСПОДИ... СТЬЮ...»

«Я здесь, здесь!» — заорал Стью. «Что вы с ней делаете?»

Матушка Абагейл не ответила. Секунда затянулась, чуть не превратившись в вечность, а потом рука старой женщины разжалась.

Медленно, ошеломленно Фрэн начала массировать запястье, хотя на нем не было никаких следов. Глаза Фрэнни внезапно расширились.

«Что с тобой?» — спросил Стью обеспокоенно.

«Исчезла», — пробормотала Фрэн.

«О чем это она?» — спросил Стью, беспомощно оглядевшись вокруг.

«Боль... боль в спине. Она исчезла». Она ошеломленно посмотрела на Стью. «Совсем исчезла. Посмотри». Она наклонилась и кончиками пальцев достала до пола: один раз, потом второй.

Потом она снова посмотрела в лицо Матушке Абагейл.

«Это взятка от вашего Бога? Если это так, то Он может забрать ее обратно. Пусть уж лучше боль, но вместе со Стью».

«Бог не дает взяток, дитя мое», — прошептала Матушка Абагейл. «Он просто дает знак и оставляет людям свободу воспринимать его, как им заблагорассудится».

«Стью на запад не пойдет», — сказала Фрэн. Но теперь в ее голосе был не только испуг, но и изумление.

«Сядь», — сказал Стью. «Мы должны выслушать ее».

Фрэн села. Руки ее непрерывно ощупывали поясницу.

«Вы должны пойти на запад», — прошептала Матушка Абагейл. «Вы не возьмете с собой ни воды, ни еды. Вы отправитесь прямо сегодня, даже не переодевшись. Вы пойдете пешком. Мне известно, что один из вас не дойдет до цели, но я не знаю, кто это будет. Не знаю, будет ли на то Божья воля, чтобы вы победили его. Не знаю, будет ли на то Божья воля, чтобы вы снова увидели Боулдер. Мне не дано это увидеть. Но я знаю, что он в Лас-Вегасе, и вы должны пойти туда. Вы пойдете туда, и вы не дрогнете, потому что вам будет помогать Рука Всемогущего Господа. Да. С Божьей помощью вы выстоите».

Она кивнула.

«Вот и все. Я сказала, что должна была сказать».

«Нет», — прошептала Фрэн. «Это невозможно».

«Матушка», — сказал Глен каркающим голосом. Он прочистил горло. «Матушка, мы не совсем понимаем вас. Мы... мы не обладаем благословенной близостью к той

силе, которая управляет всем этим. Это просто не наш путь. Фрэн права. Если мы отправимся туда, нас просто убьют, и, скорее всего, это сделает первый же встретившийся нам пикет».

«Неужели ты слеп? Разве ты не видел, как Бог только что исцелил Фрэн? Неужели ты думаешь, что в планы Бога входит ваша смерть от руки ничтожнейшего из воинов Темного Князя?»

«Но Матушка...»

«Нет». Она подняла руку и жестом заставила его замолчать. «Я не собираюсь спорить с тобой или убеждать тебя. Мне только надо, чтобы вы поняли замысел Бога. Слушай, Глен».

И внезапно изо рта Матушки Абагейл стал вырываться голос Глена Бэйтмена.

«Матушка Абагейл называет его пешкой дьявола», — произнес этот сильный мужской голос, необъяснимым образом исходящий из впалой старушечьей груди и беззубого рта. «Может быть, он всего лишь последний волшебник рациональной мысли, привлекающий для борьбы с нами все достижения технологии. А может быть, он серьезнее, темнее. Мне известно только, что он *есть*. И я уже больше не думаю, что социология, психология или любая другая логия сможет его остановить. Я думаю, с этим может справиться только белая магия».

Рот Глена широко раскрылся.

«Это правда или это слова лжеца?» — спросила Матушка Абагейл.

«Не знаю, правда это или нет, но это мои слова», — сказал Глен дрожащим голосом.

«Веруйте. Веруйте, все вы. Ларри... Ральф... Стью... Глен... Фрэнни... ты, Фрэнни, особенно. Веруйте... и повинуйтесь слову Господа».

«А у нас есть выбор?» — горько спросил Ларри.

Она удивленно посмотрела на него. «Выбор? Всегда есть выбор. Так решил Господь, и Он не изменит своего решения. Ваша воля свободна. Делайте, что хотите. Никто на вас не надевает кандалы. Но... вы слышали, *чего от вас хочет Бог*».

Снова воцарилось молчание. Первым его нарушил Ральф. «В Библии написано, что Давид справился с Голиафом», — сказал он. «Я пойду, раз вы говорите, что так надо».

Она взяла его за руку.

«И я», — сказал Ларри. «Я тоже. О'кей». Он вздохнул и сжал лоб руками, словно у него болела голова. Глен открыл рот, чтобы что-то сказать, но прежде чем он успел вымолвить хоть одно слово, раздался протяжный вздох и глухой звук удара.

Это была Люси, о которой они совсем забыли. Она упала в обморок.

К утру дыхание Матушки Абагейл стало затрудненным и хриплым. Точно таким же, как у больных супергриппом. Они стояли вокруг ее постели, не произнося ни слова. Ральф был уверен, что произойдет чудо. Тело Матушки исчезнет в огненной вспышке, или они увидят, как ее душа, превратившаяся в сияющее облако, улетит в окно.

Но умерла она самым обычным образом.

На Базелайн она заставила его остановиться рядом с тем, что когда-то было домом Ральфа и Ника. Вся задняя часть здания была разрушена. Двор был завален обломками. В живой изгороди застряло радио со встроенными электронными часами. Рядом валялась кушетка, которая придавила Фрэнни. На ступеньках заднего крыльца было высохшее пятно крови. Она внимательно посмотрела на него.

«Это кровь Ника?» — спросила она у Стью. «Может так оказаться?»

«Фрэнни, к чему ты об этом спрашиваешь?»

«*Это кровь Ника?*»

«Господи, я не знаю. Может быть».

«Положи на нее свою ладонь, Стью».

«Фрэнни, ты чокнулась?»

Посреди ее лба пролегла морщинка, та самая морщинка «я — хочу», которую он заметил еще в Нью-Хемпшире.

«Положи ладонь!»

Неохотно Стью положил руку на пятно. Он не знал, принадлежала ли эта кровь Нику (и скорее склонялся к противоположному мнению), но по телу у него пробежал отвратительный холодок.

«А теперь поклянись, что ты вернешься».

Ему показалось, что ступенька стала слишком теплой, и он хотел было отдернуть руку.

«Фрэн, как я могу...»

«Не все в руках Бога!» — зашипела она. «Не все. Клянись, Стью, клянись!»

«Фрэнни, я клянусь, что попытаюсь».

«А теперь скажи, что любишь меня».

«Ты же знаешь это».

«Я знаю, но скажи это вслух. Я хочу услышать это».

Он положил руку ей на плечо. «Фрэн, я люблю тебя».

«Спасибо», — сказала она и прижалась щекой к его груди. «Теперь я могу сказать тебе до свидания. Теперь я могу отпустить тебя».

Они обнялись.

ГЛАВА 57

Вдвоем с Люси они смотрели на то, как четверо мужчин сошли со ступенек дома Ларри. С собой они не взяли ни рюкзаков, ни спальных мешков, никакого походного снаряжения... все в соответствии с инструкцией. На ногах у них были тяжелые дорожные ботинки.

«До свидания, Ларри», — сказала Люси.

«Помни, Стюарт», — сказала Фрэн. «Помни о своей клятве».

«Да. Я буду помнить».

Глен свистнул. Коджак, поглощенный изучением канализационной решетки, откликнулся на зов.

«Ну, тогда пошли», — сказал Ларри. «Пока все не разрыдались».

Стью послал Фрэнни воздушный поцелуй, а она помахала в ответ. К ее глазам вновь подступили обжигающие слезы, но она взяла себя в руки. Они отправились в путь. Просто пошли по улице. Дошли до конца квартала. Стью

обернулся и помахал рукой. Ларри тоже. Фрэн и Люси замахали в ответ. Они перешли на другую сторону улицы. Скрылись из виду.

«Господи», — сказала Люси.

«Пошли в дом», — сказала Фрэн. «Я хочу чая».

Они вошли внутрь. Фрэн поставила чайник. Они стали ждать.

Около четырех часов дня они подошли к южной границе Боулдера. У Стью появилось ощущение, что еще немного, и они повернут назад.

«О, Господи», — сказал Ларри. «У меня такое чувство, что это конец всему».

«Да», — признался Ральф. «Я чувствую то же самое».

«Кто-нибудь хочет передохнуть?» — спросил Глен без особой надежды в голосе.

«Пошли-пошли», — сказал Стью, слегка улыбаясь. «Двум смертям не бывать — одной не миновать».

В девять часов вечера они остановились на ночлег в Голдене, в полумиле от того места, где шоссе №6 начинается свой извилистый путь к сердцу Скалистых гор.

Часть третья
АРМАГЕДДОН
7 сентября — 10 января 1991

ГЛАВА 58

Дайна Джургенс лежала обнаженной на огромной двуспальной кровати, слушая доносившийся из ванной шум душа и рассматривая свое отражение в огромном круглом зеркале, формой и размером совпадавшем с кроватью, над которой оно было подвешено. Было восьмое сентября, половина десятого утра. По ее расчетам, Джаджа убили около восемнадцати часов назад.

Душ шумел не переставая.

Вот человек, одержимый манией чистоты, — подумала она. Интересно, что с ним такое случилось, из-за чего он простаивает под душем полчаса кряду?

Она вновь подумала о Джадже. Кто же мог предположить, что так получится? В своем роде, это была великолепная идея. Кто стал бы подозревать старика? Но Флегг, похоже, заподозрил. Каким-то непостижимым образом он узнал, когда и где должен объявиться Джадж. По всей границе между Айдахо и Орегоном были выставлены пикеты, которым был отдан приказ убить семидесятилетнего старика на синем джипе.

Но произошла какая-то накладка. Со времени вчерашнего ужина все здешние шпики расхаживали по отелю с одутловатыми лицами и опущенными вниз глазами. Уитни Хорган, бывший прекрасным поваром, накормил их какой-то подгорелой дрянью, по виду напоминавшей собачьи консервы. Джадж был мертв, но в чем-то они просчитались.

Она встала, подошла к окну и окинула взглядом пустыню. Она увидела, как по шоссе №95 под горячим солнцем два больших школьных автобуса направляются в сторону военно-воздушной базы Индиан Спрингс. Ей было известно, что сегодня там проводится однодневный семинар по реактивным самолетам. На западе оказалось

свыше двенадцати людей, имевших отношение к авиации, но к счастью — никто из них не умел управлять реактивным самолетом.

Но они учились.

Больше всего в связи со смертью Джаджа ее беспокоило то, что они ждали его. Может быть, у них был шпион в Свободной Зоне? Это было вполне возможно. Такой шаг был в их духе. Но Сью Стерн сказала ей, что решение о засылке шпионов на запад держится в секрете среди членов комитета, а среди этих семи вряд ли кто-нибудь мог оказаться на службе у Флегга.

Оставалась очень неутешительная возможность. Флегг сам просто *знал* об этом.

Дайна пробыла в Лас-Вегасе уже восемь дней, и, насколько она могла судить, она стала полноправным членом местного сообщества. Она накопила уже достаточно информации о готовящейся операции против Боулдера. Ее очень удивило и испугало, как люди отшатывались от нее при первом же упоминании имени Флегга и делали вид, что не слышат ее.

Но это было днем. А вечером в баре можно было услышать о нем длинные истории — начало зарождавшегося мифа. Она знала, что не все из этих историй правдивы, но уже невозможно было отделить золотую вышивку от самой ткани. Она слышала, как о нем говорили, что он оборотень, вервольф, что он сам начал эпидемию, что он — Антихрист, появление которого предсказано в Апокалипсисе. Она слышала о распятии Гектора Дрогана, о том, как он *знал*, что Гек употребляет кокаин... точно так же, как он знал и о том, что Джадж отправился на запад.

И во время этих вечерних разговоров никто не называл его по имени. Люди словно верили, что одного этого будет достаточно, чтобы вызвать его, как джинна из бутылки. Они называли его темным человеком. Ходячим Хлыщом. Высоким человеком. А Рэтти Эрвинз называл его Старым Ползучим Иудой.

А если он знал о Джадже, то не логично ли будет предположить, что он знает и о ней?

Шум душа смолк.

«Не разгуливай голой, радость моя. А то у меня опять встанет».

Она обернулась к нему, призывно и широко улыбаясь, думая о том, с какой радостью она отвела бы его на кухню и засунула бы эту штуку, которой он так гордится, в электрическую мясорубку Уитни Хоргана.

Он посмотрел на часы. «Ну что ж, у нас есть еще минут сорок». Его пеннис стал рывками подниматься вверх.

«Тогда иди ко мне». Он подошел к ней, и она указала ему на грудь. «Тольконими эту штуку, а то у меня от нее мурашки по коже».

Ллойд Хенрид опустил глаза на свой амулет и снял его с шеи. Он положил камень на ночной столик, и тонкая цепочка издала тихий, шипящий звук. «Так лучше?»

«Гораздо лучше».

Она протянула к нему руки. Через мгновение он уже вогнал в нее свою возбужденную плоть.

«Тебе нравится?» — спросил он, тяжело дыша. «Тебе нравится, как он ходит в тебе, моя крошка?»

«Боже, я просто без ума», — простонала она, думая о мясорубке.

«Что?»

«Говорю, что я просто без ума!» — крикнула она.

Спустя некоторое время, она без труда симулировала оргазм, бешено задвигав бедрами и громко закричав. Он кончил через несколько секунд (она спала с Ллойдом уже четыре дня и почти в совершенстве изучила его любовные ритмы). Когда она почувствовала, как струйка спермы течет у нее по бедру, взгляд ее упал на ночной столик.

Черный камень.

Красная щель.

Казалось, она смотрела на нее.

После этого, как она и рассчитывала, Ллойд заговорил. Это тоже было частью привычного ритма. Он обычно обнимал одной рукой ее обнаженные плечи, закуривал сигарету, рассматривал их отражения в зеркале на потолке и рассказывал ей о последних новостях.

«Не хотел бы я оказаться на месте Бобби Терри», — сказал он. «Ни за какие коврижки. Главный приказал, чтобы голова этого старого пердуна была в целости и сохранности. Хотел послать ее обратно через Скалистые горы. И на тебе. Этот козел залепил ему две 45-ых пули в лицо. С близкого расстояния. Полагаю, он заслужил наказание, но я рад, что меня там не было».

«Что с ним случилось?»

«Даже и не спрашивай».

«Как он узнал? Главный?»

«Он был там».

По спине ее пробежал холодок.

«Просто так оказался там ни с того ни с сего?»

«Да. Он всегда оказывается там, где происходит какая-нибудь неприятность». Он сделал глубокую затяжку и затушил сигарету. «Почему мы с тобой разговариваем о всяком дерьме?»

«Я не знаю... как идут дела в Индиан Спрингс?»

Ллойд просиял. Этот проект был его детищем. «Отлично. Просто отлично. К первому октября, а может быть, и раньше, трое парней уже смогут летать на «Скайхоуках». Хэнк Роусон просто великолепен. А Мусорный Бак, так тот самый настоящий гений. Кое в чем он не волоклет, но как только дело доходит до оружия, он преобразается».

«Он так хорошо разбирается в оружии?» — спросила она у Ллойда.

«Да он просто бог. У «Скайхоуков» под крыльями устанавливаются ракеты «воздух-земля». Никто не мог понять, как их крепить. Господи, да у нас почти целый день ушел только на то, чтобы понять, как их распаковать. Ну, Хэнк и говорит: «Подождем, пока вернется Мусорок».

«Пока вернется?»

«Ну да, странный он тип. Пробыл в Вегасе около недели и снова уезжает».

«Куда?»

«В пустыню. Садится на вездеход и едет. Говорю тебе, он странный парень. Мусор почти такой же странный, как и сам главный. На запад отсюда нет ничего, кроме богом забытой пустыни. Уж не знаю, как он там живет. Ищет

новые игрушки и никогда не возвращается с пустыми руками. Неделью спустя после того, как мы с ним вернулись из Лос-Анджелеса, он привез с собой грудку пулеметов с лазерными прицелами. А в этот раз раздобыл мины Теллера, контактные мины, разрывные мины и канистру паратиона. Говорит, что нашел целый склад паратиона. А еще столько дефолианта, что можно весь штат Колорадо сделать лысым, как яйцо».

«Где он все это находит?»

«Везде», — просто ответил Ллойд. «Он чует такие штуки. Но в этом нет ничего странного. Большая часть западной Невады и восточной Калифорнии принадлежала старым добрым С.Ш.А. Там они испытывали свои игрушки — все сорта, вплоть до атомной бомбы. Однажды он и ее сюда притащит».

Он расхохотался. Дайна почувствовала холод, ужасный холод.

«Супергрипп начался где-то здесь. Держу пари. Когда-нибудь он найдет это место. Говорю тебе, он просто чует такие штуки. Знаешь, какая у него теперь самая любимая игрушка?»

«Нет», — ответила Дайна. Она была не вполне уверена, что ей хочется это знать... но для чего же тогда она оказалась здесь?

«Ракеты с напалмом. Он нашел пять штук в Индиан Спрингс. Они лежали рядком, как машины Формулы-1 на старте. Он просто влюбился в них».

«Дурачок», — пробормотала она.

«Дурачок-то дурачок, но когда Мусор вернулся, мы отвезли его в Спрингс. Он походил вокруг ракет «воздух-земля» и прицепил их к самолетам за шесть часов. Невероятно, правда? Специалистов обучали таким штукам лет девяносто. Но видишь ли, они Мусору не чета. Он самый настоящий гений».

Ученый идиот, ты хочешь сказать. Держу пари, я знаю, откуда у него эти ожоги.

Ллойд посмотрел на часы и сел. «Кстати, мне как скоро надо ехать в Индиан Спрингс. Времени осталось только душ принять. Хочешь со мной?»

«В другой раз».

Когда душ снова зашумел, она стала одеваться. Повыше запястья она одела браслет с закрепленным на нем выкидным ножом. Быстрое движение руки, и у нее вырастет шестой стальной палец длиной в десять дюймов.

Ну что ж, — подумала она, надевая блузку, — у девушки должны быть кое-какие секреты.

Во второй половине дня она работала в бригаде по ремонту уличных фонарей. Работа сводилась к тому, что надо было с помощью простого устройства проверять исправность лампочек и заменять их, если они перегорели или были разбиты вандалами во время эпидемии. В бригаде их было четверо. У них был один грузовик с люлькой, который ездил от фонаря к фонарю, с одной улицы на другую.

В конце дня Дайна сидела в люльке и снимала с одного из фонарей плексигласовый колпак, размышляя о том, насколько же ей нравятся люди, с которыми она работает. В особенности ей нравилась Дженни Энгстром, крепкая и красивая девушка, бывшая до эпидемии танцовщицей в ночном клубе, а теперь сидевшая за рычагами управления грузовика. Она была как раз такой девушкой, которой Дайне хотелось бы видеть в роли своей лучшей подруги. Дайна недоумевала, как Дженни могла оказаться здесь, в лагере темного человека. Она недоумевала так сильно, что не осмеливалась задать Дженни этот вопрос.

Остальные тоже были ничего. Она подумала о том, что в Вегасе гораздо больший процент болванов, чем в Зоне, но никто из них не был злобным и не сходил с ума в полнолуние. Кроме того, люди здесь работали куда лучше, чем в Свободной Зоне. В Зоне в парках можно было встретить людей, валявшихся на лужайках с утра до вечера, а ведь это были люди, которые решили устроить перерыв на ленч с двенадцати до двух. Здесь такого не встречалось. С восьми утра и до пяти вечера работали абсолютно *все*. Либо в Индиан Спрингс, либо в бригадах, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность города. Проводились даже занятия в школе. В Вегасе оказалось

около двадцати ребятишек в возрасте от четырех до пятнадцати лет. Нашлись двое учителей, и в неделю появилось пять учебных дней. Ллойд, вынужденный бросить школу после того, как его дважды оставили на второй год в младшем классе, очень гордился тем, что детям было предоставлено право на образование. В городе открылись аптеки, и никто их не охранял. Люди часто заходили туда... но им не приходило в голову взять с собой нечто более существенное, чем аспирин или гелюзил. Проблемы наркотиков на западе не существовало. Все те, кто видел, что произошло с Гектором Дроганом, знали, какое наказание их ждет за эту дурную привычку. То же самое относилось и к выпивке. Редко кто позволял себе напитки более крепкие, чем бутылочное пиво.

Дайна проверила лампочку, и она оказалась перегоревшей. Она вынула старую лампочку и достала последнюю новую. Отлично, рабочий день подходит к концу. Уже...

Она посмотрела вниз и замерла.

Люди, возвратившиеся из Индиан Спрингс, шли домой от автобусной остановки. Каждый считал своим долгом кинуть взгляд вверх. Синдром бесплатного цирка.

И это лицо, которое смотрело на нее.

Это широкое, улыбающееся, удивленное лицо.

Господи Иисусе Христе, неужели это Том Каллен?

Капелька соленого пота попала ей в глаз, и все вокруг стало двоиться. Когда она вытерла глаза, лицо исчезло. Дайна посмотрела вслед уходящей группе людей, но со спины невозможно было определить, был ли среди них Том.

Том? Неужели они послали Тома?

Конечно нет. Это было настолько безумным, что казалось почти...

Почти здоровым.

Но она не могла заставить себя поверить в это.

«Эй, Джургенс!» — закричала ей Дженни. «Ты что, заснула там или просто занимаешься мастурбацией?»

Дайна перегнулась через металлические перила люльки и посмотрела на перевернутое лицо Дженни. Показала ей палец. Дженни рассмеялась. Потом Дайна вновь занялась

фонарем, и когда ей наконец удалось вставить новую, рабочий день закончился. На обратном пути в гараж она была молчалива и задумчива, и Дженни просила, что с ней.

«Наверное, просто нечего сказать», — сказала Дайна с полуулыбкой.

Это не мог быть Том.

Или все-таки мог?

«Просыпайся! Просыпайся! Черт возьми, вставай же, ты, сука!»

Она выплыла из темных глубин сна и почувствовала как кто-то ударил ее ногой в поясницу, скинув ее с большой круглой кровати прямо на пол.

Перед ней стоял Ллойд и смотрел на нее в холодной ярости. Уитни Хорган. Кен ДеМотт. Козырной Туз. Дженни. Но и лицо Дженни, обычно такое приветливое, было суровым и холодным.

«Джен...?»

Ответа не последовало. Дайна поднялась на колени, едва обращая внимание на свою наготу. На лице у Ллойда застыло выражение человека, который узнал о том, что его предали.

Мне это все снится?

«Одевайся, так твою мать, ты, лживая шпионская сучка!»

О'кей, значит, это не сон. Они знали о Джадже, а теперь узнали и о ней. *Он* сказал им. Она посмотрела на часы на ночном столике. Было четверть четвертого утра. Час тайной полиции, — подумала она.

«Где он?» — спросила она.

«Поблизости», — мрачно сказал Ллойд. Лицо его было бледным. В вырезе рубашки был виден амулет. «И очень скоро тебе придется об этом пожалеть».

«Ллойд?»

«Что?»

«Я заразила тебя венерической болезнью, Ллойд. Надеюсь, что твой член сгниет».

Он ударил ее поддых, и она упала на спину.

«Надеюсь, он сгниет, Ллойд».

«Заткнись и одевайся».

«Убирайся отсюда. Я не буду одеваться в присутствии мужчин».

Ллойд снова ударил ее.

«Ну что, обоссался, Ллойд? Потрахался с Матой Хари?» Она усмехнулась сквозь слезы боли.

«Пошли, Ллойд», — сказал Уитни Хорган. Он увидел в глазах у Ллойда смерть, быстро шагнул к нему и положил руку ему на плечо. «Мы побудем в гостиной, а Дженни посмотрит, как она оденется».

«А если она решит выпрыгнуть в окно?»

«У нее не будет такой возможности», — сказала Дженни. На ее широком лице застыло тупое, оцепенелое выражение, и Дайна впервые заметила кобуру с револьвером у нее на бедре.

«Да у нее и не получится», — сказал Козырной Туз. «Окна наверху здесь только для вида, разве ты не знал? Иногда у проигравшихся в пух и прах появлялось желание совершить затылочный прыжок с вышки, но это было плохой рекламой для отеля. Поэтому окна и не открываются». Взгляд его упал на Дайну, и в нем появился оттенок сочувствия. «Ну а ты, крошка, и в самом деле проигралась в пух и прах».

«Пошли, Ллойд», — снова сказал Уитни. «Если ты сейчас не уйдешь отсюда, то тычинишь что-нибудь такое, о чем потом придется пожалеть».

«О'кей». Они вместе подошли к двери, и Ллойд оглянулся через плечо. «Он тебе задаст жару, сука».

«Ты был самым дерьмовым любовником в моей жизни, Ллойд», — сказала она сладким голосом.

Он попытался броситься на нее, но Уитни и Кен ДеМотт схватили его под руки и вытащили за дверь.

«Одевайся, Дайна», — сказала Дженни.

Дайна встала, потирая малиновый синяк у себя на руке. «И ты заодно с этими людьми?» — спросила она. «С такими, как Ллойд Хенрид?»

«Ты ведь спала с ним, а не я». — Впервые за все это время лицо ее перестало быть бесстрастным — на нем отразился гневный упрек. «Ты думаешь, это так уж мило приходить сюда для того, чтобы шпионить за нами? Ты

заслуживаешь все, что получишь. А получишь ты, сестренка, очень много».

«Я спала с ним не просто так». Она натянула брюки. «И шпионила я не для собственного удовольствия».

«Почему бы тебе не заткнуться, сестричка?»

Дайна посмотрела Дженни в лицо. «А как ты думаешь, девочка, чем они здесь занимаются? Как ты думаешь, для чего они учатся управлять реактивными самолетами в Индиан Спрингс? А ракеты «воздух-земля» нужны Флеггу для того, чтобы выиграть своей девушке куклу на деревенской ярмарке?»

Дженни сжала губы. «Это не мое дело».

«Это по-прежнему будет не твое дело, когда они следующей весной полетят на своих реактивных самолетах за Скалистые горы и уничтожат всех, кто там живет?»

«Я надеюсь, что так и будет. Либо мы — либо вы. Так он говорит, и я верю ему».

«Люди верили и Гитлеру. Но ты-то не веришь ему, ты просто запугана до потери пульса».

«Одевайся, Дайна».

Дайна натянула слаксы, застегнула пуговицу и молнию. Внезапно она приложила руку ко рту. «Я... кажется, меня сейчас вырвет... Господи!...» Схватив блузку с длинными рукавами, она выбежала в ванную и заперла дверь. Из-за двери донеслись звуки рвоты.

«Открой дверь, Дайна! Открой дверь, или я выстрелю в замок!»

«Меня тошнит...» Она снова издала рыгающий звук. Встав на цыпочки, она сунула руку в аптечный шкафчик, благодаря Бога за то, что оставила здесь нож с браслетом и умоляя Его дать ей еще двадцать секунд...

Она схватила браслет и надела его на руку. Теперь из спальни доносилось несколько голосов.

Левой рукой она открыла кран умывальника. «Одну минутку! Меня тошнит, черт возьми!»

Но они не собирались предоставить ей эту минутку. Кто-то ударил дверь ногой, и она затрещала. Дайна закрепила нож. Он лег вдоль ее руки, как отравленная стрела. С отчаянной быстротой она натянула блузку и

застегнула рукава. Побрызгала водой на лицо. Спустила воду в туалете.

Новый удар в дверь. Дайна повернула ручку, и они ворвались внутрь.

«Меня вырвало», — холодно сказала Дайна. «Жаль, что вы не успели, а?»

Ллойд схватил ее за плечо и вышвырнул в спальню. «Я сломаю тебе шею, грязная шлюха».

Дайна посмотрела на Дженни, не в силах понять, как эта бойкая улыбчивая девушка могла превратиться в бесчувственную зловещую тварь. «Неужели ты не понимаешь, что он собирается начать все сначала?» — спросила она упавшим голосом. «Убийства, войны... *эпидемии*?»

«Он больше всех и сильнее всех», — сказал Уитни с удивительной мягкостью в голосе. «Он сотрет всех вас с лица земли».

«Хватит болтать», — сказал Ллойд. «Пошли».

Комната оказалась просторной и почти пустой. Письменный стол был отодвинут к дальней стене. Висевшие на стенах картины были закрыты чехлами. Свет был потушен.

Противоположная стена была стеклянной. Сквозь нее открывался вид на пустыню. Дайна подумала, что ей никогда еще не приходилось видеть такого стерильного, отталкивающего пейзажа. В небе висела луна, похожая на маленькую, хорошо отполированную серебряную монетку. Луна была почти полной.

У прозрачной стены, спиной к ней, стоял силуэт человека.

Еще долго после того, как она вошла, он продолжал смотреть на пустыню. Наконец он обернулся. Сколько времени нужно человеку, чтобы обернуться? Две секунды, максимум — три. Но Дайне показалось, что темный человек поворачивался целую вечность, и лицо его появлялось с той же скоростью, что и луна, на которую он смотрел. Она ощутила себя ребенком, в котором любопытство боролось со страхом. На мгновение она полностью попала под влияние его чар и почувствовала уверенность, что когда поворот закончится, спустя Бог знает сколько тысячелетий, перед ней окажется лицо из ее снов — лицо монаха в

готической рясе, капюшон которой укрывает абсолютную черноту. Она увидит его и сойдет с ума.

А потом он посмотрел на нее, подошел к ней, тепло улыбаясь, и ее первая удивленная мысль была: *Господи, да он же моего возраста!*

Волосы Рэнди Флегга были темными, взъерошенными. Лицо его было привлекательным, а кожа — красной и грубоватой, словно он не один день провел на пустынном ветру. Черты лица его были подвижными и выразительными, а в глазах плясал ликующий огонек.

«Дайна», — сказал он. «Привет!»

«П-П-Привет». Больше она не смогла вымолвить ни слова. Она была готова ко всему, но только не к этому. Ее ум был положен на обе лопатки. Он улыбался, глядя на ее смущение. Потом развел руками, словно принося свои извинения. На нем была линялая байковая рубашка с обтрепанным воротником, потертые джинсы и очень старая пара ковбойских ботинок со стоптанными каблуками.

«Что вы ожидали увидеть? Вампира?» Его улыбка стала еще шире. Он словно ждал, что она улыбнется ему в ответ. «Джека-потрошителя? Что они вам обо мне наговорили?»

«Они боятся», — сказала она. «Ллойд... потел, как свинья».

«Ллойд», — сказал Флегг и скорбно засмеялся. «Ллойд прошел через одно довольно неприятное испытание в Фениксе во время эпидемии. Он не любит об этом рассказывать. Я спас его от смерти и...» — его улыбка стала еще более обезоруживающей — «...от участи, которая представляется мне несколько более страшной, чем смерть в ее обычном виде. Он мысленно связывает меня с этим испытанием, хотя не я был его причиной. Вы верите мне?»

Она медленно кивнула. Она и в самом деле ему поверила и подумала о том, не связаны ли постоянные души Ллойда с «довольно неприятным испытанием в Фениксе». Она также поймала себя на чувстве, которое она никогда не ожидала ощутить в связи с Ллойдом Хенридом. Этим чувством была жалость.

«Хорошо. Садитесь, дорогая».

Она вопросительно огляделась.

«На пол. Пол нам подойдет. Мы будем говорить, и говорить правду. На стульях сидят лгуны. А мы будем сидеть так, как сидят друзья по разные стороны походного костра. Садись, девушка». Он сел на пол, скрестив ноги, и выжидательно посмотрел на нее. В глазах его сверкнуло хорошо замаскированное ликующее веселье.

После секундного колебания она тоже опустила на пол. Она скрестила ноги и положила руки на колени. Она ощущала у себя на руке успокаивающий вес ножа.

«Тебя послали сюда, чтобы шпионить за нами, дорогая», — сказал он. «Я правильно понимаю ситуацию?»

«Да».

«А тебе известно, что обычно бывает со шпионами в военное время?»

«Да».

Улыбка его стала широкой, как солнце. «Ну разве нам не повезло тогда, что мои люди и ваши не воюют друг с другом?»

Она ошеломленно посмотрела на него.

«Но мы ведь действительно не воюем», — сказал он со спокойной искренностью в голосе.

«Но... вы...» Тысячи спутанных мыслей пронеслись у нее в голове. Индиан Спрингс. Ракеты «воздух-земля». Мусорный Бак со своим дефолиантом и напалмом.

«Разве мы нападали на вашу так называемую Свободную Зону? Может быть, мы предпринимали какие-нибудь ведущие к войне шаги?»

«Нет, но...»

«А вы атаковали нас?»

«Конечно, нет!»

«Нет. И у нас тоже нет таких намерений. Посмотри!» Он неожиданно вытянул руку и указал на пустыню.

«Великая Западная Пустыня!» — воскликнул он. «Невада! Аризона! Нью-Мексико! Калифорния! *За что нам воевать?* Еще и через двести лет нам всем хватит места! Что нам делить?»

«Нечего», — пробормотала она. В горле у нее пересохло. Она чувствовала себя ошеломленной и... *обнадеженной?* Она посмотрела ему в глаза. Эти глаза притягивали

ее. Она не сходила с ума. Он вовсе не лишил ее разума. Напротив, он был... очень благоразумным человеком.

«Не существует ни экономических, ни технологических причин для войны между нами. Наша политика немножко отличается от вашей, но ведь это такой пустяк, и к тому же, между нами Скалистые горы...»

Он гипнотизирует меня.

С огромным усилием она оторвала свой взгляд от его глаз и посмотрела на луну над его плечом. Улыбка Флегга слегка потускнела, и по лицу его пробежала тень раздражения. Или ей это показалось? Когда она вновь посмотрела на него (на этот раз куда более осторожно), на губах его вновь играла мягкая улыбка.

«Вы убили Джаджа», — сказала она резко. «Вам что-то нужно от меня, а когда вы добьетесь этого, вы и меня убьете».

Он терпеливо смотрел на нее. «Действительно, по всей границе между Орегоном и Айдахо были выставлены пикеты, и у них было задание задержать Джаджа Фэрриса. Но не для того, чтобы убить его! У них был приказ доставить его ко мне. До вчерашнего дня я был в Портленде. Я хотел поговорить с ним так же, как сейчас разговариваю с тобой, дорогая — спокойно, благоразумно, здраво. Два моих пикета засекли его в Копперфильде, штат Орегон. Он открыл огонь, смертельно ранил одного из моих людей и уложил наповал второго. Тот человек, который был ранен, успел убить Джаджа до того, как умер сам. Мне очень жаль, что все так получилось. Гораздо жальче, чем ты можешь себе представить». Глаза его потемнели, и в этом она поверила ему... но, возможно, не совсем так, как ему *хотелось*.

«Мне рассказали об этом иначе».

«Выбирайте, кому из нас верить, моя дорогая. Но не забывайте о том, что приказы им отдавал я».

Он говорил убедительно... чертовски убедительно. Он казался почти безобидным — но ведь на самом деле это было не так? Он обладал умением политика опровергать твои лучшие аргументы, но то, как он это делал, ее очень тревожило.

«Если вы не хотите войны, то к чему эти реактивные самолеты и прочее оружие, которое вы раздобыли в Индиан Спрингс?»

«Оборонительные меры», — с готовностью заметил он. «Тем же самым мы занимаемся и на Лейк Серлс в Калифорнии, и на военно-воздушной базе Эдвардса. Еще одна группа работает над ядерным реактором на Якима Ридж в Вашингтоне. Ваши люди скоро займутся тем же самым... если уже не занялись».

Дайна медленно покачала головой. «Когда я покинула Зону, они все еще пытались починить электричество».

«И я бы с радостью послал бы вам двух-трех специалистов, если бы мне не стало известно, что ваш Бред Китченер сам со всем прекрасно справился. Вчера ненадолго энергия отключилась, но он разрешил проблему очень быстро. Обычная перегрузка на Арапахоу».

«Откуда вы все это знаете?»

«Ну, у меня есть свои каналы», — добродушно сказал Флегг. «Кстати сказать, старая женщина вернулась. Милая старушка».

«Матушка Абагейл?»

«Да». Глаза его затуманились. «Она умерла. Как жаль. А я-то надеялся лично с ней повстречаться».

«Умерла? Матушка Абагейл умерла?»

Взгляд прояснился, и он улыбнулся ей. «Неужели это действительно так тебя удивляет?»

«Нет. Но меня удивляет то, что она вернулась. И это удивляет меня больше, чем вы можете себе представить».

«Она вернулась, чтобы умереть».

«Она сказала что-нибудь перед смертью?»

На одно мгновение маска спокойного добродушия соскользнула с лица Флегга, и под ней обнаружилось черное и злобное раздражение.

«Нет», — сказал он. «Я думал, что может быть... может быть, она и заговорит. Но она умерла в коме».

«Вы уверены?»

Сияющая улыбка вновь озарила его лицо.

«Забудьте об этом, Дайна. Давайте поговорим с вами о более приятных вещах, например, о вашем возвращении

в Зону. Я уверен, что вам будет приятнее оказаться там, чем здесь. Я хочу, чтобы вы кое-что захватили с собой». Он полез в карман рубашки, вынул оттуда замшевый бумажник и вытащил из него три дорожных карты. Он передал их Дайне, которая смотрела на карты с растущим удивлением. На них была показана территория семи западных штатов. Некоторые участки были закрашены красным цветом.

«Вы хотите, чтобы я взяла их с собой?»

«Да. Я знаю, где живут ваши люди, и хочу, чтобы вы знали, где живут мои. В знак доверия и дружбы. А когда вы вернетесь, я хочу, чтобы вы рассказали им, что Флегг никому не хочет причинять вреда. Скажите им, чтобы не посылали больше шпионов. Если они захотят прислать сюда кого-нибудь, то пусть это будет дипломатическая миссия... или обмен студентами... неважно это. Но пусть они приходят открыто. Вы скажете им об этом?»

«Конечно, я скажу. Но...»

«Вот и все». Он поднял вверх руки. Она заметила что-то необычное и наклонилась вперед.

«На что это вы смотрите?» Голос его зазвучал напряженно.

«Да нет, ни на что».

Но она увидела и по выражению его лица поняла, что он понял это. На ладонях Флегга не было линий. Кожа на них была такой же гладкой, как на животе новорожденного. Ни линии жизни, ни линии любви...

Они долго смотрели друг на друга.

Потом Флегг вскочил на ноги и подошел к письменному столу. Дайна тоже встала. Она начала верить в том, что он может ее отпустить. Он сел на край стола и пододвинул к себе переговорное устройство.

«Скажу Ллойду, чтобы он смазал и заправил ваш мотоцикл. Никому больше не придет в голову беспокоиться о нехватке топлива. А ведь мы с вами помним время, когда весь мир готов был самоуничтожиться в серии ядерных взрывов из-за недостатка обычного неочищенного бензина». Он покачал головой. «Люди вели себя очень, очень глупо». Он нажал кнопку на интеркоме. «Ллойд?»

«Слушаю».

«Не мог бы ты заправить и смазать мотоцикл Дайны, а потом поставить его у отеля? Она скоро уезжает от нас».

«Да».

Флегг отключился. «Ну вот и все».

«Я могу... идти?»

«Да, мадам. Приятно было познакомиться». Он протянул руку к двери... ладонью вниз.

Она подошла к двери. Едва лишь она притронулась к ручке, как он снова заговорил: «Да, и еще один пустячок. Очень маленький пустячок».

Дайна улыбнулась. Он усмехался, и усмешка его была дружелюбной, но на одну сияющую минуту ей показалось, что перед ней — огромный черный мастифф, вываливший язык и обнаживший свои острые зубы, которые могут рвануть руку так, словно это не рука, а посудное полотенце.

«Что такое?»

«Среди нас есть еще один из ваших людей», — сказал Флегг. Улыбка его стала шире. «Кто бы это мог быть?»

«Откуда же *мне* знать?» — спросила Дайна, и в мозгу у нее вспыхнула догадка: *Том Каллен!.. Неужели это все-таки был он?*

«Ну как же так, дорогая? А я-то думал, что мы уже обо всем договорились».

«Но я и вправду не знаю», — сказала она. «Посмотрите на ситуацию здраво, и вы поймете, что я не лгу. Комитет послал меня... и Джаджа... и кто знает, сколько еще человек... и они действовали очень осторожно. Чтобы мы не могли выдать друг друга, если... ну, вы понимаете, если что-то случится».

«Если мы решим выдрать парочку ногтей?»

«Ну да. Ко мне подошла Сью Стерн. Наверное, Ларри Андервуд... он тоже член комитета...»

«Я знаю, кто такой мистер Андервуд».

«Так вот, он, наверное, разговаривал с Джаджем. Но по поводу остальных...» Она покачала головой. «Скорее всего, каждый из семи членов комитета завербовал одного шпиона».

«Могло быть и так, но так не было. Остался только один, и ты знаешь, кто он такой». Его улыбка стала еще шире, и теперь она внушала ей страх.

«Ты *знаешь*», — повторил Флегг.

«Нет, я...»

Флегг склонился над интеркомом. «Ллойд уже ушел?»

«Нет, я еще здесь».

«Погоди пока насчет мотоцикла», — сказал он. «У нас тут есть еще одно дельце».

«О'кей».

Флегг посмотрел на нее долгим взглядом. Пот выступил у Дайны на лбу. Казалось, глаза его стали больше и темнее. Смотреть в них было все равно что смотреть в старый и очень глубокий колодец. На этот раз, когда она попыталась оторвать свой взгляд от его глаз, у нее ничего не получилось.

«Скажи мне», — сказал он очень мягко. «Не будем доставлять друг другу неприятностей».

«Так все это было небольшой одноактной пьеской, не так ли?»

«Дорогая, я не понимаю, что ты имеешь ввиду».

«Прекрасно понимаете. Ошибка в том, что Ллойд остался на месте. Одного вашего слова достаточно, чтобы любой из них бросился с небоскреба вниз головой. Он уже давно бы возился с моим мотоциклом. В том случае, разумеется, если бы вы ему заранее не сообщили, что не собираетесь меня отпускать».

«Дорогая, ты страдаешь тяжелым случаем ни на чем не основанной паранойи. Полагаю, что причиной этого является тяжелое впечатление, произведенное на тебя теми четырьмя мужчинами. Со странствующим зоопарком. Должно быть, там было ужасно. Но ужасно может оказаться и здесь, а ведь мы оба не хотим этого, правда?»

Силы оставляли ее. Собрав последнюю волю, она сжала правую руку в кулак и ударила себя в правый глаз. Череп ее взорвался болью, и зрение затуманилось. Голова ее откинулась назад и ударилась о дверь с глухим звуком. Наконец-то взгляд ее оторвался от его глаз, и она почувствовала, что воля ее возвращается.

«Ты знаешь, кто это», — сказал он. Он встал со стола и направился к ней. «Ты знаешь и расскажешь мне об этом. И удары кулаком по голове здесь не помогут, дорогая».

«А как же так получилось, что вы сами не знаете?» — закричала она ему. «Вы знали о Джадже и знаете обо мне! Как же вы не знаете о...»

Руки его с силой легли ей на плечи. Они были холодны, как мрамор. «О ком?»

«Я не знаю».

Он потряс ее, как тряпичную куклу. Руки его были ледяными, но лицо излучало жару пустыни. «Ты знаешь. Скажи мне. Кто?»

«А почему вы сами не знаете?»

«Потому что я не могу это увидеть!» — закричал он и швырнул ее через комнату. Когда она увидела, как его лицо склоняется над ней в сумерках, теплая моча заструилась по ее бедрам. Рэнди Флегга больше не было. Теперь перед ней был Ходячий Хлыщ, высокий человек, главный, и да поможет ей Бог.

«Ты скажешь», — сказал он. «Ты скажешь то, что я хочу знать».

Она посмотрела на него и медленно поднялась на ноги. Она ощутила вес ножа, прикрепленного к ее руке.

«Хорошо, я скажу. Подойди ближе».

Усмехаясь, он сделал шаг по направлению к ней.

«Нет, гораздо ближе. Я хочу прошептать тебе это на ухо».

Он подошел еще ближе. Она ощущала раскаленный жар, ледяной холод. В ушах ее стоял мощный гул. Она ощущала запах безумия — запах гнилых овощей в темном погребе.

«Ближе», — прошептала она хрипло.

Он сделал еще один шаг, и она резко согнула в запястье правую руку. *Щелк!* — услышала она звук пружины. Предмет оказался у нее в руке.

«Получай!» — взвизгнула она и замахнулась на него. Уперев руки в бедра, он оглушительно расхохотался, откинув назад свое пылающее лицо.

«Ой, насмешила!» — закричал он и снова зашелся веселым хохотом.

Она глупо уставилась на свою руку. В ней был зажат крепкий желтый банан с бело-голубой наклейкой «Чик-вита». Она испуганно уронила его на ковер.

«Ты скажешь», — прошептал он. «Обязательно скажешь».

И Дайна поняла, что он прав.

Она быстро повернулась, настолько быстро, что ей на секунду удалось застать враспloh даже темного человека. Одна из его черных рук дернулась, но успела лишь вырвать кусок шелка из ее блузки.

Дайна прыгнула на стеклянную стену.

«Нет!» — закричал он, и она ощутила черный ветер у себя за спиной.

Она ударилась лбом о стену и увидела, как удивительно толстые куски стекла летят вниз на автомобильную стоянку, расположенную под окнами отеля. Трещины разбежались по всему окну. Инерция вынесла ее тело в образовавшуюся дыру, и там она застряла, истекая кровью.

Она почувствовала прикосновение его рук и подумала о том, сколько времени ему потребуется, чтобы заставить ее сознаться. Час? Два?

Я видела Тома, и ты не можешь учуять его, потому что он отличается от нас, он...

Он втащил ее обратно.

Она убила себя, резко бросив голову вправо. Острый, как бритва, край стекла впился ей в горло. Другой осколок ткнулся в правый глаз. На мгновение тело ее напряглось, и руки стали судорожно биться о стекло. Потом она обмякла. В свой кабинет темный человек втащил кровоточащий труп.

Рыча от ярости, Флегг пнул ее ногой. Безвольная податливость ее тела разъярила его еще больше. Рыча и вопя, он стал бить ее ногами. Глаза его полыхали темным огнем.

Снаружи Ллойд и остальные побледнели. Они переглянулись. Это уже было выше их сил. Дженни, Кен и Уитни ушли, всем своим видом пытаясь показать, что они ничего не слышали.

Остался один Ллойд — но не потому, что хотел этого, а потому, что знал, что этого от него ждут. И наконец Флегг позвал его.

Он сидел на столе, скрестив ноги и положив руки на колени. Смотрел он поверх Ллойда, в пространство. Ллойд увидел, что стеклянная стена пробита в центре. Острые края дыры были залиты кровью.

На полу лежал неопределенный предмет, по форме смутно напоминающий человеческое тело, завернутый в занавеску.

«Убери это», — сказал Флегг.

«Сейчас». Ллойд перешел на хриплый шепот. «Надо ли отрезать голову?»

«Отнеси все на восток от города, облей бензином и сожги. Понял? *Сожги! Сожги эту мерзкую тварь!*»

«Хорошо».

«Ну вот». Флегг снисходительно улыбнулся.

Ллойд взял тело и неверной походкой направился к двери.

«Ллойд».

Он остановился и оглянулся. Изо рта у него вырвался жалобный стон. Флегг по-прежнему сидел в позе лотоса, но теперь он парил в десяти дюймах над поверхностью стола, все так же безмятежно глядя в пространство.

«Ч-Ч-Что?»

«Тот ключ, что я дал тебе в Фениксе, он все еще у тебя?»

«Да».

«Храни его. Время приближается».

«Х-Хорошо».

Он подождал еще немного, но Флегг не сказал больше ни слова. Ллойд быстро выскользнул за дверь, как всегда радуясь, что при нем остались его жизнь и душевное здоровье.

ГЛАВА 59

Десятого сентября в конце дня Динни играл в небольшом городском парке, расположенном к северу от района отелей и казино. Женщина, которая эту неделю была его «матерью» — ее звали Анджелина Хиршфилд — сидела на парковой скамейке и разговаривала с молодой девуш-

кой, которая появилась в Лас-Вегасе около пяти недель назад, примерно дней через десять после того, как здесь оказалась сама Энджи.

Энджи Хиршфилд было двадцать семь лет. Девушке на десять лет меньше. Одета она была в обтягивающие джинсовые шорты и курортную майку, не оставлявшую воображению абсолютно никакой работы. Было нечто непристойное в контрасте между ее зрелым и бойким телом и детским, бессмысленным выражением лица.

Динни поднял глаза, улыбнулся и закричал: «Том! Эй, Том!»

В противоположном конце парка шел большой человек с соломенными волосами и объемистой корзиной для ленча, которая билась о его ногу.

«Послушай, такое чувство, что этот парень пьян», — сказала девушка.

Энджи улыбнулась. «Нет, это Том. Он просто...»

Динни сорвался с места, крича: «Том! Подожди, Том!»

Том обернулся, улыбаясь. «Динни! Хей-хей!»

Динни прыгнул на Тома. Том уронил корзину для ленча и подхватил его.

«Давай полетаем, Том! Давай полетаем!»

Том взял Динни за запястья и стал кружить его, все быстрее и быстрее. Динни летел почти параллельно земле. Он заливался смехом. Потом Том осторожно опустил его на землю.

Динни пошел, шатаясь, смеясь и пытаясь восстановить равновесие.

«Еще, Том! Пожалуйста!»

«Нет, тебя будет тошнить. А Тому уже пора домой. Ей-Богу, да».

«О'кей, Том. Пока!»

Энджи сказала: «По-моему, Динни любит Ллойда Хенрида и Тома Каллена больше, чем кто бы то ни было, но...» Она посмотрела на девушку и запнулась. Та задумчиво смотрела на Тома. Глаза ее сузились.

«Он пришел с другим человеком?» — спросила она.

«Кто? Том? Нет, насколько я знаю, он пришел один недели полторы назад. Он был с теми другими людьми в

их Зоне, но они выставили его оттуда. Их потеря — наше приобретение, так я считаю».

«А с ним не было немного? Немного и глухого парня?»

«Глухонемого? Нет, я абсолютно уверена, что он пришел один. Динни просто влюбился в него».

Девушка провожала Тома взглядом, пока он не скрылся из виду. Она подумала о «Пепто-Бисмоле». Она подумала о записке со словами: *Ты нам не нужна*. Все это было в Канзасе, тысячу лет назад. Она стреляла в них. Она хотела убить их, а особенно немного.

«Джули? С тобой все в порядке?»

Джули Лори не ответила. Она смотрела вслед Тому Каллену. Спустя некоторое время на лице ее появилась улыбка.

ГЛАВА 60

К северу от Лас-Вегаса находится долина Эмигрант, и в ту ночь в ее спутанных зарослях горел небольшой костер. Рядом с ним сидел Рэнделл Флегг, занятый приготовлением небольшого зайца. Он медленно поворачивал его на грубо сделанном вертеле и смотрел, как капли жира с шипением падают в огонь. Легкий ветерок относил вкусный запах в пустыню, и оттуда пришли волки. Они уселись на склоне горы и принялись выть на почти полную луну.

Он был недоволен тем, как идут дела.

Старуха умерла, и сначала он подумал, что это к лучшему. Несмотря ни на что, он ее боялся. Она умерла, и он сказал Дайне Джургенс, что она умерла, не приходя в сознание... но так ли это на самом деле? Он уже не был в этом абсолютно уверен.

Говорила ли она с ними перед смертью? А если говорила, то что?

Что они замышляют?

У него появилось нечто вроде третьего глаза. Это было что-то вроде способности к левитации — он принимал это, но не мог объяснить. Он мог посылать свой глаз на любые расстояния, он мог видеть... почти всегда. Но иногда глаз

загадочным образом слеп. Он мог заглянуть в комнату, где лежала старуха, мог видеть их, собравшихся вокруг нее, и перышки их еще дрожали от того маленького сюрприза, который им устроили Гарольд и Надин... но потом видение исчезло, и он вновь оказался в пустыне в своем спальном мешке, и перед глазами у него висело созвездие Кассиопеи, отдыхающее в своей звездной качалке. И внутри него раздался голос: *Она умерла. Они ждали, что она заговорит, но она так ничего и не сказала.*

Но он больше не верил этому голосу.

А тут еще эти неприятности со шпионами.

Джадж со снесенной пулями головой.

И эта девка, которая ускользнула от него в последнюю секунду. А она ведь знала, черт ее побери! *Она знала!*

Он бросил на волков внезапный яростный взгляд, и полдюжины из них стали грызться друг с другом.

Он знал все их секреты, кроме... кроме того, кто был третьим? Он посылал свой Глаз снова и снова, но он не видел ничего, кроме загадочного, идиотического лица луны.

Кто был третьим?

И как эта девка сумела его обмануть? Она застала его врасплох, оставив его в руках только обрывок своей блузки. Он знал о ее ноже, но не смог предугадать этот внезапный прыжок в стеклянную стену. А как хладнокровно она покончила с собой, без малейшего колебания! Несколько секунд, и ее уже не было в живых.

Мысли его прыгали одна за другой, как ласки в темноте.

Вещи понемногу изнашивались по краям. Ему это не нравилось.

Лаудер, например.

Он действовал так *безупречно*, как заводная игрушка с ключиком в спине. Пойди сюда. Пойди туда. Сделай это. Сделай то. Но бомбой убило только двоих — и весь план, все *усилия* были испорчены возвращением этой старой негритянки. А потом... после того как переднее колесо мотоцикла Гарольда скользнуло по аккуратной нефтяной лужице, и он пролетел несколько десятков метров вниз

по лесистому горному склону, ломая кости и раздирая плоть... он ведь чуть не убил Надин. А эта тупая шлюха стояла с разинутым ртом, склонившись над обрывом, и ждала, чтобы он выстрелил снова, словно *хотела*, чтобы ее убили. А кто завершит начатое дело, если Надин умрет?

Кто, если не его сын?

На следующий день рано утром Надин выехала из городка под названием Глендейл и поехала по I-15 на своем мотороллере. Ее белоснежные волосы развевались у нее за спиной, напоминая свадебную фату.

Ей было жаль мотороллера, который так долго и верно служил ей, но теперь жизнь его подходила к концу. Большой пробег, жара, трудный перевал через Скалистые горы, отсутствие ухода — все внесло свой склад. Звук двигателя стал хриплым и затрудненным. Но это неважно. Если он сломается раньше, чем она достигнет цели, она пойдет пешком. Теперь никто ее не преследует. Гарольд мертв. А если ей придется идти пешком, он узнает об этом и пошлет кого-нибудь ей навстречу.

Гарольд стрелял в нее. Гарольд пытался *убить* ее!

Несмотря на все усилия, мысли ее вновь и вновь возвращались к Гарольду. Она глодала воспоминания, как собака — кость. Это должно было случиться. В ту первую ночь после взрыва Флегг явился к ней во сне и сказал, что оставит Гарольда с ней до тех пор, пока оба они не окажутся на Западном Спуске, почти уже в Юте. Потом Гарольд будет устранен при помощи быстрого, безболезненного несчастного случая. Нефтяное пятно на дороге. У самого края. Никаких хлопот.

Но случай не оказался ни быстрым, ни безболезненным, и Гарольд чуть не убил ее. Пуля пропела в дюйме от ее щеки, и все же она не могла заставить себя сдвинуться с места. Она застыла от изумления, недоумевая, как он мог совершить такой поступок, как он мог *осмелиться* выстрелить в нее.

Она попыталась успокоить себя тем, что Флегг просто хотел хорошенько напугать ее, напомнить ей, кому она принадлежит. Но это было бессмысленно! Безумно! Но

А. Н. Мухомов 93

даже если при желании в этом и можно было усмотреть какой-то смысл, внутри нее все равно звучал твердый, уверенный голос, который убеждал ее в том, что выстрел Гарольда был чем-то таким, что Флегг просто не сумел предусмотреть.

Она попыталась заглушить этот голос, но ей это не удалось. Голос твердил ей, что она осталась в живых только благодаря слепому случаю. Пуля Гарольда могла с таким же успехом попасть ей между глаз, а уж это-то никак не могло оказаться делом рук Флегга.

Она обозвала этот голос лжецом. Флегг знает все, и без его воли ни один волос не упадет с твоей головы...

Нет, это относится только к Богу, — неумолимо отвечал голос. *К Богу, а не к нему. Ты осталась в живых только благодаря слепому случаю, а это означает, что все ставки аннулируются. Ты ему ничего не должна. Ты можешь развернуться и пойти в обратную сторону, если хочешь.*

Пойти в обратную сторону — это хорошая шутка. Где она, эта обратная сторона?

Голосу нечего было ответить на этот вопрос. Она бы сильно удивилась, если бы дело обстояло иначе. Если ноги темного человека сделаны из глины, то она обнаружила этот факт немного поздно.

Она попыталась сосредоточиться на прохладной красоте пустыни, чтобы отогнать голос. Но голос остался.

Если ему не было известно, что Гарольд восстанет против его воли и выстрелит в тебя, когда ты крикнешь ему, что уходишь, то что еще остается для него тайной? И пролетит ли пуля мимо в следующий раз?

Но, Господи, ведь уже слишком поздно! Она опоздала на дни, недели, а может быть, и годы. Почему этот голос молчал до тех пор, пока то, что он говорит, не потеряло всякий смысл?

И словно согласившись с ней, голос замолчал, и все утро она была предоставлена самой себе. Она ехала по дороге, ни о чем не думая. По дороге, ведущей в Лас-Вегас. По дороге, ведущей к *нему*.

* * *

Мотороллер умер после полудня. Двигатель заскрежетал и заглох. Она ощутила жаркий, тревожный запах, напоминающий запах горелой резины. Она убила его. Она убила уже очень многих на пути к своему жениху. Она несла ответственность за смерть семерых членов Комитета Свободной Зоны и нескольких людей, приглашенных на их последнее заседание. А еще Гарольд. А еще, не будем об этом забывать, неродившийся ребенок Фрэн Голдсмит.

Мотороллер лежал на боку, как мертвое животное. Надин посмотрела на него в течение нескольких секунд, а потом отправилась пешком. Она уже миновала Сухое Озеро. А это означало, что ночью ей придется спать около дороги, если только никто не приедет за ней. В Лас-Вегасе она окажется не раньше утра. И внезапно она почувствовала уверенность, что темный человек заставит ее проделать весь путь пешком. Она придет в Лас-Вегас голодной, жаждущей, и обожженной солнцем пустыни, и последние следы прежней жизни будут истреблены в ней. Женщина, которая обучала маленьких детей в частной школе в новой Англии, навсегда исчезнет с лица земли.

Шел день, и она двигалась вперед. Пот градом катился с ее лица. На шоссе сверкали озерца ртути. Она сняла блузку и пошла по дороге в одном белом лифчике. Солнечный ожог? Ну и что? Честно говоря, дорогая, мне на это глубоко плевать.

К вечеру ее грудь и плечи приобрели ужасающий пурпурный оттенок. Вечерняя прохлада наступила неожиданно, заставив ее поежиться и вспомнить о том, что спальный мешок остался привязанным к багажнику мотороллера.

Она с сомнением посмотрела вокруг, глядя на попадавшиеся тут и там машины, некоторые из которых были засыпаны песком по капот. От мысли о том, что можно устроиться на ночь в одной из этих гробниц, ее затошнило — затошнило даже сильнее, чем от ожога.

Я брежу, — подумала она.

Но это уже не имело никакого значения. Она решила идти всю ночь напролет.

Она откинула с лица свои длинные волосы и тупо поняла, что ей хочется умереть.

Солнце скрылось за горизонтом, и установилось удивительное равновесие между светом и тьмой. Ветер, овевавший ее, был теперь смертельно холоден. Она огляделась вокруг во внезапном испуге.

Было слишком холодно.

Неожиданно ей вспомнился обрывок дилановской песни: *Рыскал, как крокодил... охотился в кукурузе...*

А вслед за этим какая-то другая песенка, кажется, «Иглз», с неожиданно пугающим смыслом: *Этой ночью я хочу спать с тобой в пустыне... а вокруг нас будут миллионы звезд...*

Внезапно она поняла, что он где-то рядом.

Она поняла это еще до того, как он заговорил.

«Надин». Его мягкий голос, раздающийся из сгустившейся темноты.

«Надин, Надин... как я люблю любить Надин».

Она обернулась и увидела его. Он сидел на капоте старого «Шевроле», скрестив ноги и положив руки на обтянутые потертыми джинсами колени. Он смотрел на нее и нежно улыбался. Но глаза его вовсе не были нежными. В них она увидела черное ликование, пляшущее, как ноги человека, только что вздернутого на виселице.

«Привет», — сказал он. «А вот и я».

«Да. Наконец-то ты здесь. Как и было обещано». Улыбка его стала шире, и он протянул руки навстречу ей. Она почувствовала исходящий от него испепеляющий жар. Его мягкие ладони обвились вокруг ее запястий и сжали их, как наручники.

«О, Надин», — прошептал он и нагнулся, чтобы поцеловать ее. Она отвернула голову совсем чуть-чуть, подняв глаза на холодный огонь звезд, и поцелуй его пришелся не в губы, а в уголок рта. Но он не был одурачен. Кожа ее лица ощутила насмешливый изгиб его улыбки.

Он мне отвратителен, — подумала она. Но отвращение было лишь запекшейся коркой на чем-то более худшем — на зачерстневшей, долго скрываемой похоти, на старом прыще, у которого наконец-то появилась желтоватая головка, готовая изbleвать из себя отвратитель-

ную, зловонную жидкость, давным-давно скиснувшую сладость. Его руки, скользившие у нее по спине, были горячее солнечного ожога. Она потерялась об него, и неожиданно холмик у нее между ног словно увеличился в объеме и стал более нежным, более чутким. Шов ее слаксов нежно возбуждал ее, так что ей захотелось потереться еще сильнее, чтобы раз и навсегда излечить себя от этого зуда.

«Скажи мне только одно», — попросила она.

«Все, что ты хочешь».

«Ты сказал «как и было обещано». Кто обещал меня тебе? И почему именно меня? И как мне называть тебя? Я даже этого не знаю. Я знала тебя почти всю свою жизнь, но я не знаю, как мне тебя называть».

«Зови меня Ричардом. Это мое настоящее имя».

«Настоящее имя? Ричард?» — спросила она с сомнением, и он захихикал ей в шею, заставляя ее съежиться от отвращения и желания. «Так кто же обещал меня?»

«Надин», — сказал он. «Я забыл. Давай начнем».

Он соскользнул с капота, все еще держа ее за руки, и она чуть было не вырвалась и не побежала... но какой был бы в этом смысл? Он догонит ее, поймает и изнасилует.

«Луна», — сказала она. «Она полная, как я». Он взял ее руку и прижал ее к своим джинсам. За полым холодком молнии она ощутила что-то ужасное, живущее своей собственной пульсирующей жизнью.

«Нет», — пробормотала она и попыталась отвести руку в сторону, но он удержал ее.

«Иди в пустыню и стань моей женой», — сказал он.

«Нет!»

«Говорить «нет» уже слишком поздно, дорогая».

Она пошла с ним. Там был спальный мешок и почерневшие кости костра, освещенные серебряным сиянием луны.

Он уложил ее.

«Хорошо», — выдохнул он. «Теперь все хорошо». Пальцы его сражались сначала с пряжкой ремня, потом с пуговицей, потом с молнией.

Она увидела, что он приготовил для нее, и зашлась в крике. Она попыталась отползти в сторону, но он схватил

ее и не отпускал, и тогда она сжала ноги изо всех сил, но когда одна из его гладких рук просочилась между ними, как вода, она подумала: *Я буду смотреть вверх... я буду смотреть на луну... я ничего не почувствую, и скоро все будет кончено... я ничего не почувствую...*

А когда его смертельный лед проскользнул в нее, крик разорвал ее легкие, и она забилась, но борьба была бесполезна. Он вонзался в нее, убийца, разрушитель, и холодная кровь хлынула у нее по бедрам, и тогда он вошел в нее глубоко, до самой матки, и луна отражалась в ее глазах, холодное серебряное пламя луны, а когда он кончил, то внутрь ее полился расплавленный металл, расплавленная *медь*, и она кончила вслед за ним, крича от невероятного наслаждения, кончила в ужасе, вступая в пустыню безумия через медные ворота, наблюдая за тем, как тает его лицо, а за ним обнажается лицо демона с желтыми электрическими лампочками вместо глаз — окнами в невообразимый ад, но по-прежнему в них светилась эта ужасная веселость. Снова... снова... снова входил он в нее. Казалось, он никогда не истощится. Он был смертельно холоден. И стар. Старее человечества, старее самой земли. И снова он изливал в нее расплавленную медь. Последний крик вырвался из нее и был унесен ночным ветром. Его мертвое дыхание опалило ее лицо. Теперь она была в стране безумия. Медные ворота закрылись за ней.

Луна!..

Луна уже почти скрылась за горизонтом.

Он поймал еще одного зайца и свернул ему шею. Разведя новый костер на костях старого, он насадил зайца на вертел и укрепил его над огнем. Волков больше не было. В эту ночь они держались поодаль, и это было правильно. В конце концов это была его брачная ночь, а та отупелая, апатичная тварь, обмякшая на другой стороне костра, была его краснеющей невестой.

Он искренне недоумевал.

Что он такое сделал с ней?

Он не мог этого вспомнить.

Да это и не важно. Она была беременна. Она послужит великолепным инкубатором. Она выносит его сына, а потом сможет умереть, выполнив свое предназначение. В конце концов для этого она и пришла сюда.

Кролик поджарился. Он разорвал его на две части. Ее часть он разделил на мелкие кусочки, как обычно поступают с едой ребенка. Время от времени он давал ей один кусок. Некоторые из них выпадали недожеванными из ее рта, но большую часть она все же съела. Если она останется такой, ей потребуется нянька. Возможно, Дженни Энгстром.

«Мне было очень хорошо, дорогая», — сказал он тихо.

Она тупо посмотрела на луну. Флегт нежно улыбнулся ей и принялся за свой брачный ужин.

После секса ему всегда хотелось есть.

Ночью он проснулся в недоумении и испуге.

Был ли это сон? Видение?

Они приближаются.

Он попытался понять эту фразу, разместить ее в каком-нибудь подходящем контексте. Это ему не удалось.

Они подходят ближе.

Кто? Кто подходит ближе?

Кто-то подходит ближе, а кто-то... уходит.

Пока он спал кто-то прошел мимо его лагеря, направляясь на восток. Так и не увиденный третий? Он не знал. Луна была полной. Неужели третьему удалось сбежать? Эта мысль повергла его в состояние паники.

Да, но кто же приближается?

Когда на следующее утро он поехал обратно в Лас-Вегас, он снова улыбался и почти уже забыл свою ночную панику. Надин смиренно сидела у него за спиной, как большая тряпичная кукла.

Он пошел в «Гранд-Отель». Там он узнал, что произошло, пока он спал. В их глазах он увидел новый взгляд, настороженный и вопрошающий, и тогда он снова почувствовал, как бабочка страха бьется о него своими крыльями.

ГЛАВА 61

Ллойд Хенрид был в дурном расположении духа. Он сидел в баре и раскладывал пасьянс. В Индиан Спрингс произошел взрыв — один убит, трое обожжены, и один из этих трех скорее всего умрет от тепловых ожогов. Ни один человек в Вегасе не знал, как такие ожоги лечить.

Принес известие Карл Хоу. Он был пилотом «Озарк Эрлайнс» до эпидемии, служил когда-то в морской пехоте и мог бы разорвать Ллойда пополам, если бы захотел.

Карл приехал около двух, держа свой мотоциклетный шлем под мышкой. Левая щека его была сильно обожжена, а на одной руке вздулись волдыри. Взорвалась автоцистерна с топливом, и горящая нефть разлилась по площадке перед базой.

«Ладно», — сказал Ллойд. «Я доложу главному. Обожженные в лазарете?»

«Да. Не думаю, что Фредди Кампанари доживет до захода солнца. У нас остается только двое пилотов — я и Энди. Скажи ему это и еще кое-что. Я требую, чтобы этот трахнутый Мусорный Бак убрался отсюда. Такова моя цена за то, что я останусь».

Ллойд удивленно уставился на Карла Хоу. «Вот как?»

«Я, кажется, ясно говорю».

«Вот что я скажу тебе, Карл», — начал Ллойд. «Я не могу передать ему твои слова. Если ты хочешь отдавать приказы ему, то тебе придется делать это самостоятельно».

Карл смутился. Непривычно было видеть выражение страха на его суровом лице. «Да, я понимаю. Я просто устал, Ллойд. Лицо адски болит. Я не собирался вымещать все это на тебе».

«Все в порядке, парень. Для того я здесь и поставлен». Голова Ллойда начинала болеть.

«Но он все равно должен уйти», — сказал Карл. «Я должен доложить об этом, и так я и сделаю. Я знаю, что у него есть этот черный камень. Он наверняка один из приближенных главного. Но послушай». Карл сел и положил шлем на стол для игры в баккара. «Мусор виноват в этом пожаре. Господи Иисусе Христе, как мы собираемся

поднять в воздух эти самолеты, если приближенные главного будут жечь *пилотов?*»

Несколько проходивших через вестибюль человек настороженно посмотрели в сторону столика, за которым сидели Ллойд и Карл.

«Говори потише, Карл».

«О'кей. Но ты понимаешь, о чем идет речь?»

«Почему ты считаешь, что в пожаре виноват Мусор?»

«Слушай», — сказал Карл, наклоняясь вперед. «Он был в гараже, да? Он был там очень долго, и не я один его видел».

«А я думал, что он где-то путешествует. Где-то в пустыне. Ну, ты знаешь, ищет свои игрушки».

«Так вот, он вернулся, так? Песчаный вездеход, на котором он ездит, был весь набит всякой дрянью. Бог, может, и знает, где он все это берет, но не я. Так вот, во время пятиминутки он взял ребят в оборот. Ты же знаешь его. Для него оружие — то же самое, что конфета для ребенка».

«Да».

«Под конец он показал нам одну из этих зажигательных бомб. Дергаешь за кольцо, и фосфор взрывается. Потом минут тридцать-сорок ничего не происходит, а потом начинается адский пожар».

«Да».

«Ну так вот. Мусорок показывает нам эту штуку, просто истекая слюнями, а Фредди Кампанари и говорит: «Эй, те, кто играют с огнем, ссут в постель, Мусор». А Стив Тобин — ну, ты знаешь его — и говорит: «Эй, ребята, убирайте спички, Мусор вернулся». И тут Мусор совсем сдвинулся. Оглядел нас и стал что-то бормотать себе под нос. Я сидел совсем рядом с ним, и слышал, как он пробормотал что-то вроде «не спрашивайте меня о чеке старой леди Симпл». Ты улавливаешь в этом хоть какой-нибудь смысл?»

Ллойд покачал головой.

«А потом он слинял. Забрал с собой все свои игрушки и уехал. Ну, все мы чувствовали себя немного не в своей тарелке — никто не хотел его обижать. Большинству

парней Мусор нравится. Или нравился. Он — как ребенок, ты ведь знаешь?»

Ллойд кивнул.

«А через час эта чертова цистерна взлетает вверх, как ракета. И когда мы собирали себя по кусочкам, я случайно поднял взгляд и увидел за казармами вездеход Мусора, а сам он смотрел на нас в бинокль».

«И это все?» — спросил Ллойд с облегчением.

«Нет, не все. Если бы это было все, я бы не стал тебя беспокоить, Ллойд. Я просто обратил внимание на то, как взорвалась эта цистерна. Во Вьетнаме желтопузые взорвали до черта наших автоцистерн с аммоналом с помощью наших же зажигательных бомб. Просто суешь такую штуку в выхлопную трубу. Если никто не заводит грузовик с цистерной, фосфор загорается в положенное время. А если заводит — он загорается, как только нагреется труба. Но так или иначе — *ба-бах!* — и цистерны больше нет. Единственная проблема в том, что на стоянке у нас всегда бывает не меньше дюжины грузовиков, и пользуемся мы ими без всякой очередности. Так вот, после того, как беднягу Фредди отправили в лазарет, мы с Джоном Уэйтом отправились туда. Джон отвечает за автопарк, и он к тому времени чуть не обоссался от страха. Он видел там Мусора раньше».

«Он уверен, что это был Мусорный Бак?»

«С этими ожогами у него на руке трудно ошибиться, тебе не кажется? Тогда никому не пришло в голову что-нибудь заподозрить. Он просто шатался вокруг да около, а это и есть его обычное занятие, так ведь?»

«Пожалуй».

«Ну мы с Джоном и стали осматривать остальные цистерны, и черт побери, в каждой выхлопной трубе было по зажигательной бомбе. Ты же помнишь, что первый грузовик взорвался, потому что мы им стали пользоваться, и труба нагрелась? Но остальные тоже были на подходе. Две или три бомбы уже начали дымиться. Некоторые цистерны были пусты, но по крайней мере пять из них были под завязку залиты реактивным топливом. Еще десять минут — и мы потеряли бы половину этой чертовой базы».

О, Господи, — подумал Ллойд скорбно. Вот это действительно плохо. Так плохо, что хуже и быть не может.

Карл протянул покрытую волдырями руку. «Это я заработал, вытаскивая одну из горячих. Теперь ты понимаешь, почему он должен убраться?»

«Может быть, кто-то стащил у него эти бомбы из вездехода?» — неуверенно спросил Ллойд.

«Ты и сам знаешь, что это не так», — терпеливо произнес Карл. «Кто-то оскорбил его в лучших чувствах, когда он показывал нам свои игрушки, и он попытался сжечь всех нас. И надо сказать, чуть не преуспел в этом. Это нельзя так оставить, Ллойд».

«Хорошо, Карл».

Остаток дня он провел, выпрашивая о Мусоре. Не видел ли кто его и не знает ли, где он может сейчас быть? В ответ — опасливые взгляды и выражение полного недоумения. Слухи уже расползлись. Может быть, это и неплохо. Каждый, кто увидит его, немедленно об этом доложит, надеясь, что их помянут добрым словом в присутствии главного. Но у Ллойда было подозрения, что никто его уже не увидит.

«Мистер Хенрид?»

Что *еще*? Он поднял глаза и увидел девушку с хорошеньким, надутым личиком. Обтягивающие белые шорты. Курортная майка, не вполне прикрывающая коричневую плоть ее сосков. Маленькая сексбомбочка, но почему-то с бледным и нервным видом. Она непроизвольно грызла ноготь большого пальца, и он заметил, что все ее ногти обкусаны.

«Что?»

«Я... мне надо видеть мистера Флегга», — сказала она. Голос ее упал, и последнее слово она произнесла уже шепотом.

«Вот как? А за кого ты меня принимаешь? За начальника отдела по связям с общественностью?»

«Но... мне посоветовали... обратиться к вам».

«Кто посоветовал?»

«Энджи Хиршфилд».

«Как тебя зовут?»

«Джули». Она хихикнула, но это был только условный рефлекс. Вид у нее был очень испуганным, и Ллойд устало подумал о том, что за новый кусок дерьма плавает в колодце. Девушка не станет просить встречи с Флегтом без серьезной причины. «Джули Лори».

«Так вот, Джули Лори, Флегга сейчас нет в Лас-Вегасе».

«Когда он вернется?»

«Я не знаю. Он приходит и уходит, никого об этом не оповещая. Если тебе нужно что-то ему сказать, скажи это мне, а я позабочусь ему об этом доложить». Джули посмотрела на него с сомнением, и он повторил те же слова, которые утром он сказал Карлу Хоу: «Для того я здесь и поставлен».

«О'кей». И быстрым голосом: «Если это окажется важным, то скажите ему, что это я вам сказала. Джули Лори».

«О'кей».

«Не забудете?»

«Да нет же, Господи! Так в чем дело?»

Она надулась. «Вам вовсе не обязательно говорить со мной так грубо».

«Хорошо», — сказал он. «Так в чем дело?»

«Этот немой. Если он где-нибудь неподалеку, то, наверное, он шпионит. Я просто подумала, что вам надо об этом знать». Глаза ее злобно сверкнули. «Этот сукин сын наставил на меня свою пушку».

«Какой еще немой?»

«Ну, я видела этого идиота и решила, что где-то рядом должен быть немой. И они оба не такие, как мы. По-моему, они явились к нам с той стороны».

«Значит, ты так считаешь?»

«Да».

«Так вот, я понятия не имею, что ты такое несешь. Если ты не начнешь изъясняться здраво, то я пойду спать».

Джули села, положила ногу на ногу и рассказала Ллойду о своей встрече с Ником Андросом и Томом Калленом в Пратте, штат Канзас. О «Пепто-Бисмоле» («Я просто немного подшутила над идиотиком, а этот глухо-

немой наставил на меня свою пушку!») Она даже рассказала ему, как стреляла в них, когда они уходили.

«Ну и что все это доказывает?» — спросил Ллойд. Он был несколько заинтригован словечком «шпионить», но потом совсем отупел от скуки.

Джули снова надулась и взяла сигарету. «Я же говорю вам. Этот идиот, он сейчас здесь. Держу пари, что он шпионит за нами».

«Говоришь, его зовут Том Каллен?»

«Да».

Том Каллен был большим светловолосым человеком. Крыша у него была не совсем в порядке, но уж конечно, вряд ли он мог быть шпионом, как пыталась представить дело эта прожженная сучка. Можно, конечно, обратиться к Полу Берлсону, который ведет досье на всех жителей Вегаса, и навести у него справки об этом Томе Каллене.

«Вы арестуете его?»

Ллойд посмотрел на нее. «Я арестую тебя, если ты немедленно отсюда не уберешься».

«Сукин сын!» — крикнула Джули Лори визгливым, срывающимся голосом. «А я-то пыталась вам *помочь!*»

«Я проверю».

«Рассказывайте. Знаю я ваши песни». Джули возмущенно вскочила с места и выбежала из бара.

Ллойд достал из кармана блокнот и написал на чистой странице: *Ник Андрос, немой — в городе? И ниже: Том Каллен, проверить у Пола.*

ГЛАВА 62

Ходячий Хлыщ вернулся в Лас-Вегас вместе с Надин Кросс около половины десятого утра.

У Ллойда все было готово на тот случай, если он потребует его к себе с докладом. Ему оставалось только позвонить Полу Берлсону и навести у него справки о Томе Каллене на тот случай, если Джули Лори действительно напала на след. Хотя вряд ли. Но с Флегтом лучше перестараться, чтобы потом не пришлось жалеть.

Он поднял телефонную трубку, и через несколько секунд в ней раздался теннисийский гнусавый выговор Ширли Дабер.

«Оператор слушает».

«Привет, Ширли, это Ллойд».

«Ллойд Хенрид! Как жизнь?»

«Не так плохо, Ширл. Не можешь набрать мне 6214?»

«Пол? Его дома нет. Он уехал в Индиан Спрингс. Но я могу попытаться достать его там».

«О'кей, попробуй».

В трубке раздался тонкий, скулящий писк, и Ллойд сморщился и отставил ее в сторону.

«Бэйли слушает», — раздалось из телефона.

«Это Ллойд», — прокричал он в трубку. «Пол у вас?»

«Какой Пол?» — спросил Бэйли.

«Пол! Пол Берлсон!»

«Ааа, Пол, он здесь, пьет кока-колу».

В трубке воцарилось молчание, и Ллойд начал уже было думать, что ненадежная связь прервалась, когда раздался голос Пола.

«Придется орать в трубку, Пол. Очень плохо слышно». Ллойд был не вполне уверен, что легкие Пола Берлсона справятся с этой задачей. Он был сухоньким маленьким человечком, и кое-кто в городе называл его Мистером Пижоном, потому что каждый день, кроме разве что самых жарких, он считал своим долгом носить тройку. Но он был подходящим человеком для своей должности, и как-то в припадке откровенности Флегг сказал Ллойд, что к 1991 году Берлсон будет поставлен во главе секретной полиции.

Пол заговорил чуть-чуть громче.

«Картотека у тебя с собой?»

«Да, мы со Стэнном Бэйли разрабатываем программу ротации кадров».

«Посмотри, есть ли у тебя какая-нибудь информация о парне по имени Том Каллен?»

«Одну секунду». Секунда растянулась на две или три минуты, а потом снова зазвучал голос Пола: «О'кей, Том Каллен... слышишь меня, Ллойд?»

«Да».

«Проклятые телефоны. Ему примерно от двадцати двух до двадцати пяти лет. Он точно не знает. Небольшая задержка в умственном развитии. Есть кое-какие рабочие навыки. Мы его задействуем для уборки территории».

«Как давно он в Вегасе?»

«Немного меньше трех недель».

«Из Колорадо?»

«Да, но у нас есть дюжина таких же, как он, кому не понравилась тамошняя жизнь. Они прогнали этого парня. Он спал с нормальной женщиной, и я полагаю, что они испугались за свой генофонд». Пол захихикал.

«У тебя есть его адрес?»

Пол продиктовал ему адрес, и Ллойд записал его в свой блокнот.

«Это все, Ллойд?»

«Еще один тип, если у тебя есть время».

Пол захихикал — суетливый смех маленького человечка. «Конечно, есть. У меня как раз перекур».

«Его зовут Ник Андрос».

«Это имя занесено в мой красный список», — немедленно ответил Пол.

«Дааа?» — протянул Ллойд. Он понятия не имел о том, что такое был это «красный список». «И кто тебе назвал его имя?»

«Как ты думаешь кто?» — раздраженно произнес Пол. «Тот же самый человек, который продиктовал мне весь красный список».

«Так вот как? О'кей». Ллойд попрощался и повесил трубку.

Красный список.

Имена, которые Флегт сообщил только Полу и больше никому, по всей видимости, хотя Пол и считал, что Ллойд об этом знает. Красный список — что это может означать? Красный означает опасность.

Ллойд снова поднял трубку.

«Оператор слушает».

Снова Ллойд».

«Кто сейчас отвечает за безопасность?»

«Барри Дорган».

«Соедини меня с ним».

Через секунду Дорган был на проводе. Он был симпатичным парнем, за что Ллойд был ему глубоко благодарен. Слишком много людей, похожих на Поука Фримена, ошивались в последнее время в полиции.

«Я хочу, чтобы ты арестовал одного типа», — сказал Ллойд. «Возьми его живым. Он нужен мне живым, даже если придется пойти на человеческие жертвы. Его зовут Том Каллен, и может быть, вы застанете его дома. Доставьте его в «Грэнд».

Он дал Барри адрес Тома.

«Насколько это серьезно, Ллойд?»

«Очень серьезно. Ты справишься с этим поручением, и кое-кто гораздо главнее меня останется тобой очень доволен».

«О'кей». Барри повесил трубку.

Спустя час Барри позвонил, чтобы сообщить, что Том Каллен улизнул.

«Но он умственно отсталый», — продолжил Барри, — «и не умеет водить даже мотороллер. Если он направляется на восток, он не мог уйти дальше Сухого Озера. Мы сможем поймать его, Ллойд, обязательно сможем. Дай мне зеленый свет». Барри просто истекал слюнями. Он был одним из тех четырех-пяти людей в Лас-Вегасе, кто знал о шпионах.

«Дай мне подумать», — сказал Ллойд и повесил трубку, прежде чем Барри успел хоть что-нибудь возразить. Он научился думать куда лучше, чем до эпидемии, но сейчас он понимал, что это дело ему не по зубам. Да и красный список беспокоил его. Почему ему ничего об этом не сказали?

Впервые с того момента, как он встретился с Флеггом в Фениксе, Ллойд почувствовал, что его положение не так прочно, как кажется.

Он должен рассказать обо всем Флеггу. Ллойд встал и направился к местному телефону. По дороге ему встретился Уитни Хорган.

«Главный», — сказал он Ллойд. «Он ждет тебя».

«Хорошо», — ответил Ллойд, удивившись тому, как спокойно звучит его голос. Внутри он весь дрожал от страха. Но самое главное — это помнить о том, что он обязан Флеггу своей жизнью. Не стоит дурачить самого себя: ты принадлежишь темному человеку со всеми потрохами.

Но я не могу работать в условиях, когда он скрывает от меня информацию, — подумал он, идя к лифту. *Если бы я знал об этом красном списке в тот момент, когда разговаривал с этой шлюхой, Том Каллен уже мог бы быть в наших руках.* И вновь появилось это ноющее, неприятное чувство: Флегг не знал. Третий шпион был здесь все это время, а Флегг ничего не знал.

«Входи, Ллойд». Флегг был одет в прозаический синий купальный халат. В комнате работал мощный кондиционер, и Ллойд показалось, что он шагнул прямо в Гренландию. Но когда он проходил мимо темного человека, он все равно ощутил испепеляющий жар, который излучало его тело.

В углу на белом плетеном стуле сидела женщина, которую Флегг привел с собой этим утром. Волосы ее были аккуратно убраны. Выражение лица было тупым и бессмысленным. Когда Ллойд взглянул на нее, по спине у него побежали мурашки.

«Хочу представить тебе Надин Кросс», — мягко сказал Флегг у него за спиной, и Ллойд вздрогнул. «Моя жена».

Ллойд испуганно оглянулся на Флегга.

«А это мой дорогой Ллойд Хенрид, моя правая рука. Мы с Ллойдом встретились в Фениксе, где он сидел в тюрьме и совсем уже было собрался пообедать своим товарищем по заключению. Собственно говоря, Ллойд, пожалуй, уже успел отщипнуть аппетитный кусочек. Так ведь, Ллойд?»

Ллойд вспыхнул и промолчал.

«Протяни свою руку, дорогая», — сказал темный человек.

Словно робот, Надин протянула руку. Глаза равнодушно смотрели в точку, расположенную где-то у Ллойда над плечом.

Господи помилуй, ну и кошмар, — подумал Ллойд. Пот выступил по всему его телу.

«Рдпзнкмиться», — выдавил он и пожал теплое мясо ее руки.

«Можешь опустить руку, любовь моя», — сказал Флегг.

Надин опустила руку между ног, и пальцы ее забегали, как клубок змей. С чувством, очень похожим на ужас, Ллойд понял, что она мастурбирует.

«Моя жена чувствует легкое недомогание», — сказал Флегг, хихикнув. «Кроме того, она, как говорится, в интересном положении. Поздравь меня, Ллойд, скоро я стану папой».

«Поздравляю», — сказал Ллойд. Губы его онемели.

«Мы можем открывать все наши маленькие секреты в присутствии Надин, так ведь? Она молчалива, как могила. Так что у нас с Индиан Спрингс?»

Ллойд моргнул и попытался привести шестеренки своего мозга в движение. «Там все идет хорошо», — вымолвил он наконец.

«Все идет хорошо?» Темный человек наклонился к нему, и на одну ужасную секунду Ллоиду показалось, что сейчас он откроет рот и откусит ему голову. «Тебя нельзя обвинить в слишком подробном анализе ситуации».

«Тут есть еще одно дело...»

«Когда я захочу поговорить еще об одном деле, я спрошу тебя о нем». Голос Флегга стал более резким, он почти кричал. Ллойд никогда не замечал за ним таким стремительных смен настроения, и это пугало его. «А сейчас я хочу, чтобы ты доложил мне об Индиан Спрингс, и на твоём месте, Ллойд, я бы постарался сделать это, как можно скорее».

«Хорошо», — пробормотал Ллойд. Он достал из кармана блокнот и в течение следующего часа говорил об Индиан Спрингс, о реактивных самолетах и о ракетах «воздух-земля». Флегг снова расслабился.

«Как ты думаешь, смогут ли они совершить налет на Боулдер через две недели?» — спросил он. «Скажем... к первому октября?»

«Карл сможет», — неуверенно произнес Ллойд. «Насчет двух других я не уверен».

«Я хочу, чтобы они были готовы», — пробормотал Флегг. «Я хочу, чтобы к весне эти люди прятались в норах. Я хочу напасть на них ночью, когда они будут спать. Я хочу, чтобы с их городом случилось то же самое, что с Дрезденом во Вторую мировую войну». Он повернулся к Ллойд, и лицо его было мраморно белым. На лице его сияла усмешка, словно кривая турецкая сабля. «Я им покажу, как засылать шпионов. К весне они будут жить в погребках. Тогда мы отправимся к ним и устроим охоту на свиней. Я им покажу, как засылать шпионов».

Ллойд наконец отважился вставить слово: «Третий шпион...»

«Мы найдем его, Ллойд. Об этом не беспокойся. Мы найдем этого ублюдка».

«Мне кажется, мы знаем, кто он», — тихо сказал Ллойд.

«Что? Что ты сказал?»

«Третий шпион...»

«Нет», — сказал Флегг решительно. «Нет. Ты пытаешься поймать собственную тень».

«Насколько я знаю, он — друг парня, которого зовут Ник Андрос».

Флегг рванулся через комнату так быстро, что Ллойд даже не успел этого заметить. Через мгновение он уже схватил Ллойда за воротник рубашки и сдернул его со стула. Ужасный, тошнотворный жар обжег Ллойд, лицо. Черные глаза ласки были теперь лишь в дюйме от его собственных глаз.

«И ты болтал здесь битый час об Индиан Спрингс. Да я выброшу тебя вон в то окно!»

Что-то — возможно, зрелище уязвимости темного человека, а возможно, мысль о том, что Флегг все равно не убьет его до тех пор, пока не вытянет из него всю информацию — дало Ллойд, мужество выступить в свою защиту.

«Я пытался сказать вам!» — закричал он. «Вы прервали меня! И вы скрыли от меня этот трахнутый красный список! Если бы я знал о нем, этот сучий идиот был бы у меня в руках еще вчера вечером!»

Потом он полетел через всю комнату и ударился о дальнюю стену. Из глаз у него посыпались искры, и он ошеломленно рухнул на паркетный пол. В ушах у него гудело.

Флегг подошел к Ллойд с выражением фальшивого сочувствия на лице.

«Извини», — сказал он. «Давай выпьем». Он протянул Ллойд руку и помог ему встать. «Ты будешь неразбавленный бурбон, верно?»

«Прекрасно».

Флегг подошел к бару и налил два стакана. Ллойд выпил залпом половину. Ему стало немного лучше.

«Мне никогда не приходило в голову, что красный список может тебе понадобиться. В нем было восемь имен — теперь осталось только пять. Это были члены их комитета и старуха. Андрос был одним из них. Но сейчас он мертв. Да, Андрос мертв, я в этом уверен». Он бросил на Ллойда пристальный, ядовитый взгляд.

Ллойд начал рассказывать, время от времени сверяясь со своим блокнотом. На самом деле в этом не было никакой необходимости, но ему надо было хотя бы иногда отрываться от этого пылающего взгляда. Начал он с Джули Лори, а закончил Барри Дорганом.

«Ты говоришь, он умственно отсталый», — задумчиво сказал Флегг.

«Да».

Лицо Флегга расплылось в счастливой улыбке, и он и закивал головой. «Так вот оно что», — сказал он, обращаясь не к Ллойд, а куда-то в сторону. «Так вот почему я не мог увидеть».

Он замолчал и подошел к телефону. Спустя несколько секунд он уже разговаривал с Барри.

«Вертолеты. Один пусть ведет Карл, а другой — Билл Джеймисон. Непрерывная связь по радио. Пошли шестьдесят, нет — сто человек. Проследи, чтобы у них были его приметы. Каждый час докладывать мне».

Флегг повесил трубку и радостно потер руками. «Мы поймаем его. Как мне хотелось бы отослать его голову его дружку Андросу. Но Андрос мертв. Не так ли, Надин?»

Надин ничего не ответила.

«В вертолетах не будет особого толку», — сказал Ллойд. «Через три часа уже стемнеет».

«Не трусь, Ллойд», — весело воскликнул темный человек. «Не сегодня — так завтра. Он не мог далеко уйти. Нет, он где-то совсем рядом».

Ллойд нервно теребил свой блокнот, мечтая только об одном — оказаться где-нибудь подальше отсюда. Сейчас Флегг был в хорошем настроении, но у Ллойда не было уверенности, что это состояние продлится после того, как он узнает о Мусорном Баке.

«У меня есть еще одна информация», — произнес он неохотно. «Она касается Мусорного Бака».

«Милый Мусорок. Он отправился в очередное многообещающее путешествие?»

«Я не знаю, где он сейчас. Перед тем как снова уйти, он устроил один фокус в Индиан Спрингс». Он пересказал то, что узнал от Карла. Лицо Флегга помрачнело, когда он услышал о том, что Фредди Кампанари при смерти, но когда Ллойд закончил, лицо его вновь было безмятежным. Флегг нетерпеливо махнул рукой.

«Ладно. Когда он вернется, убейте его. Но быстро и безболезненно. Я не хочу, чтобы он страдал. Я надеялся, что он... дольше останется с нами. Возможно, Ллойд, ты этого не поймешь, но я чувствовал какое-то... внутреннее сродство с этим мальчишкой. Я думал, что смогу использовать его — и уже использовал, — но я никогда не был уверен на все сто. Даже у великого скульптора может дрогнуть в руке резец, если резец плохой. Верно, Ллойд?»

«Конечно».

«А ведь он оказал нам огромную услугу, вооружив нас ракетами, не так ли?»

«Да, это так».

«Он вернется. Скажи Барри, чтобы он... устранил его. Безболезненно, если возможно. А сейчас меня больше волнует этот идиот на востоке от нас. Я мог бы отпустить его, но тут дело в принципе. Вполне возможно, что мы управимся до полуночи. Я уверен, что он сейчас едет на велосипеде прямо посередке I-15, в надежде на то, что Бог

этой старухи о нем позаботится. Но ведь она мертва. Да и Бог ее тоже мертв, насколько мне известно».

Ллойд облизал пересохшие губы. «Я пойду?»

«Прекрасно, Ллойд, прекрасно». Темный человек не смотрел на него. Он подошел к Надин и уставился ей в лицо. «Все будет хорошо. Очень хорошо».

Через пятнадцать минут Ллойд позвонил Стэн Бэйли из Индиан Спрингс. Стэн был в истерике, разрываясь между ненавистью к Мусорному Баку и страхом перед темным человеком.

Карл Хоу и Билл Джеймисон вылетели на разведку в 6:02. Еще один обученный пилот, Клифф Бенсон, летел с Карлом в качестве наблюдателя.

В 6:12 оба вертолета взорвались в воздухе. Как он ни был потрясен, Стэн догадался послать пять человек в ангар №9, где стояли пять оставшихся вертолетов. В каждом из них оказалась заложена бомба со взрывателем, подключенным к обычному кухонному таймеру.

«Нет сомнений», — сказал Стэн. «Это Мусорный Бак. Он озверел. Только Богу известно, куда еще он заложил свои бомбы».

«Проверь все», — сказал Ллойд. Сердце его бешено билось, адреналин кипел в крови, а глаза чуть не вылезали из орбит. «Проверь *все!* Подними всех людей и прочеши с ними каждый квадратный дюйм этой мудацкой базы. Слышишь меня, Стэн?»

«К чему все эти хлопоты?»

«К *чему?*» — завопил Ллойд. «А ты сам не понимаешь, мудозвон, что случится, когда Большой Хлыщ узнает о том, что вся база...»

«Все пилоты погибли», — мягко перебил его Стэн. «Как ты этого не поймешь, Ллойд? Даже Клифф. У нас осталось шесть парней, которые не годятся даже на роль штурмана, и совсем нет учителей. Зачем нам нужны эти самолеты, Ллойд?»

И он повесил трубку.

* * *

Том Каллен проснулся в половину десятого вечера. Он сделал глоток воды из фляжки, выполз из-под двух нависающих скал и поднял взгляд на темное небо. Безмятежная и таинственная луна парила наверху. Настало время отправляться в путь. Но он будет осторожен, ей-Богу, да.

Потому что теперь они гонятся за ним.

Ему приснился сон. Ник говорил с ним, и это было странно, потому что Ник не мог говорить. Он мог только писать, а Том почти не умел читать.

Ник сказал: «Они знают, о тебе, Том, но ты в этом не виноват. Ты все делал правильно. Просто не повезло. Так что теперь ты должен быть осторожен. Тебе нельзя больше идти по дороге, но все равно надо двигаться на восток».

Том понял насчет востока, но не знал, как он будет ориентироваться в пустыне. Ведь может получиться так, что он будет ходить кругами.

«Ты поймешь», — сказал Ник. «Сначала надо будет посмотреть на Палец Бога».

Том снова прикрепил фляжку к поясу и надел рюкзак.

Они знают о тебе, Том.

Он осторожно перешел через дорогу, посмотрев в обе стороны, зацепился ногой за ограждение и скатился вниз по насыпи.

Поднявшись, он внимательно оглядел горизонт. Глаза его были острыми, а пустынный воздух был кристально чист. Вскоре он заметил его. На фоне усыпанного звездами неба он возвышался, как восклицательный знак. Палец Бога. Он подумал, что сможет дойти до него часа за два. Миновала полночь. Прошло еще два часа. Скала не приближалась. Том подумал, уж не мираж ли это, и протер глаза. Но скала по-прежнему была на месте.

К четверем часам утра, когда внутренний голос стал нашептывать ему, что пора подыскать себе укромное местечко, в котором можно будет проспать весь следующий день, скала наконец-то приблизилась. Но этой ночью ему до нее не дойти.

А когда он дойдет (при условии, что они не найдут его этим днем), что тогда?

Неважно.

Ник скажет ему. Старина Ник.

Тому не терпелось поскорее добраться до Боулдера и увидеть его. Ей-Богу, да.

Он нашел удобное место в тени огромного валуна и заснул почти немедленно. В ту ночь он прошел на северо-восток почти тридцать миль. Он приближался к Горам Мормонов.

В тот день огромная гремучая змея заползла в его убежище, чтобы укрыться от дневной жары. Она свернулась рядом с Томом, поспала немного и уползла дальше.

Флегг стоял на краю солярия, расположенного на крыше, и смотрел на восток. Через четыре часа стемнеет, и идиот вновь отправится в путь.

Сильный и непрекращающийся ни на секунду пустынный ветер развеивал его темные волосы. Город обрывался так внезапно и переходил в пустыню. Столько пустыни, столько мест, где можно спрятаться. Люди и раньше уходили туда, и больше их никто никогда не видел.

«Но не на этот раз», — прошептал он. «Я поймаю его. Я поймаю его».

Он не смог бы объяснить, почему для него так важно поймать этого идиота. Все чаще и чаще он чувствовал позыв к простому действию, к движению, к уничтожению.

Прошлым вечером, когда Ллойд сообщил ему о взрыве двух вертолетов и гибели всех пилотов, он огромным усилием воли удержался от того, чтобы не впасть в вопящую ярость. Первым его побуждением было отдать приказ немедленно сформировать вооруженную колонну и направить ее на Боулдер. И все эти вонючие мерзавцы будут раздавлены в полторы недели.

Без сомнения.

А если на горных перевалах выпадет ранний снег, то это будет означать конец его великого *Вермахта*. А ведь было уже четырнадцатое сентября. На хорошую погоду рассчитывать не приходится. Как это, черт возьми, время пролетело так быстро?

Но ведь он был самым могущественным человеком в этой половине земного шара, разве не так? Может быть, и найдется кто-то под стать ему в России, Китае или Иране, но об этом еще лет десять можно не беспокоиться. Он знал, он чувствовал, что звезда его восходит. Он силен — вот о чем расскажет им этот идиот, если, конечно, ему удастся не заблудиться в пустыне и не замерзнуть в горах. Он расскажет им о том, что люди здесь, на западе, боятся Ходячего Хлыща и немедленно бросятся исполнять любую его команду. Он может рассказать им только то, что окончательно подорвет их уверенность в своих силах. Так почему же так необходимо, чтобы этот Том Каллен был пойман и убит, прежде чем он успеет покинуть запад?

Потому что я так хочу, и я получаю, то что хочу, и это — вполне достаточная причина.

А тут еще этот Мусорный Бак. Он-то думал, что можно забыть о нем. Что можно отбросить его в сторону, как неисправный инструмент. Но Мусорный Бак сумел сделать то, что не удалось бы всей Свободной Зоне. Он швырнул грязь в отлаженный механизм готовящегося похода.

Я ошибся...

Это была ненавистная мысль, и он не позволил себе додумать ее до конца. Он бросил стакан за низкое ограждение и проследил за его долгим полетом. Мысль капризного, злого ребенка мелькнула у него в мозгу: *Пусть он упадет кому-нибудь на голову!*

Далеко внизу стакан взорвался на автомобильной стоянке... настолько далеко, что темный человек не услышал этого.

Больше в Индиан Спрингс ничего не нашли. Всю базу перевернули вверх дном. Очевидно, Мусорный Бак заминировал первое, что попало ему под руку — вертолеты из ангара №9 и автоцистерны в соседнем гараже.

Флегг изменил свой приказ насчет Мусорного Бака и велел казнить его публично. Мысль о том, что Мусорный Бак будет разгуливать по всем государственным военным базам, на которых Бог знает что может храниться, приводила его в крайне дурное расположение духа.

Да, уверенность испарялась.

Когда это началось? Он не мог точно ответить на этот вопрос. Но он знал, что вещи понемногу изнашиваются по краям. Ллойд тоже об этом знал. Он прочитал это в его взгляде. Неплохая идея устроить Ллойд несчастный случай до конца зимы. Слишком уж со многими из дворцовой гвардии он сдружился. С такими людьми, как Уитни Хорган и Кен ДеМотт. И даже этот Берлсон, который разболтал про красный список. Он лениво прикинул, стоит ли за это снять с него живьем кожу.

Но если бы Ллойд знал о красном списке, ничего бы...

«Заткнись», — пробормотал он. «Просто... возьми... и заткнись!»

Но эту мысль было не так-то просто отогнать. Действительно, почему он не назвал Ллойд имена руководителей Свободной Зоны? Он не знал этого, не мог вспомнить.

Выражение удивления мелькнуло на его лице. Неужели он постоянно принимал такие глупые решения?

И кстати, насколько предан ему Ллойд? Это выражение у него в глазах...

«Они идут за тобой, и ты знаешь об этом».

Он резко обернулся на звук этого тихого, бесстрастного голоса. Его широкая усмешка поблекла, когда он увидел Надин. На ней была белая ночная рубашка. Ее волосы, того же цвета, что и рубашка, облепляли ее лицо. Она была похожа на сумасшедшую сивиллу, и Флегт почувствовал страх. Она сделала еще один шаг по направлению к нему. Ноги ее были босыми.

«Они идут сюда. Стью Редман, Глен Бэйтмен, Ральф Брентнер и Ларри Андервуд. Они придут и убьют тебя, как застигнутую в курятнике ласку».

«Они в Боулдере», — сказал он, — «прячутся у себя под кроватями, оплакивая свою старую негритянку».

«Нет», — сказала она равнодушно. «Они уже почти дошли до Юты. Скоро они будут здесь. И они уничтожат тебя, как зловоредный вирус».

«Заткнись. Спускайся вниз».

«Я пойду вниз», — сказала она, приближаясь к нему, и на этот раз улыбка играла на ее устах — улыбка, наполнявшая его ужасом. Щеки его побледнели, а вместе

с румянцем, казалось, исчезла и его странная, горячая жизненная сила. На мгновение он показался ей старым и немощным. «Я пойду вниз... и ты пойдешь вслед за мной».

«Убирайся».

«Мы вместе пойдем вниз», — пропела она улыбаясь... это было ужасно. «Вниз, *внииииииииз...*»

«Они в *Боулдере!*»

«Они почти уже здесь».

«*Спускайся вниз!*»

«Все, что ты сделал здесь, распадается прямо на глазах. А почему, собственно, должно было оказаться иначе? Период полураспада зла обычно довольно мал. Люди шепчутся по углам. Они говорят о том, что ты упустил Тома Каллена, обычного умственно отсталого паренька, у которого, однако, хватило ума, чтобы перехитрить тебя». Слова вылетали из ее искривленного улыбкой рта все быстрее и быстрее. «Они говорят, что твой эксперт по вооружениям сошел с ума, а ты не знал о том, что это произойдет. Они боятся, что те игрушки, которые он в следующий раз принесет с собой из пустыни, могут предназначаться им, а не людям на востоке. И они уходят. Ты знаешь об этом?»

«Ты лжешь», — прошептал он. Лицо его было белым, как пергамент, а глаза выкатились из орбит. «Они не осмелятся. А если бы осмелились, то я знал бы об этом».

Ее глаза невидяще смотрели мимо него на восток. «Я вижу их», — прошептала она. «Они уходят со своих постов во тьме ночи, и твой Глаз не замечает их. Они оставляют свои посты и крадутся прочь. Рабочая бригада уходит с двадцатью людьми, а возвращается с восемнадцатью. Пограничники дезертируют. Они боятся, что удача уже не на твоей стороне. Они оставляют тебя, оставляют тебя, а те, кто все еще здесь, не пошевелият и пальцем, чтобы спасти тебя, когда люди с востока придут покончить с тобой раз и навсегда...»

«**ТЫ ЛЖЕШЬ!**» — закричал он ей. Его руки опустились ей на плечи, сломав обе ключицы, как карандаши. Он поднял ее тело высоко над головой и, развернувшись на каблуках, швырнул ее вниз. В последний момент он

успел увидеть на ее лице улыбку торжества и облегчения, успел заметить в ее глазах вернувшийся к ней разум. И тогда он все понял. Она специально довела его до этого, непостижимым образом догадавшись, что только он может вернуть ей свободу...

Она была беременна его ребенком.

Она падала молча, как неисправная сигнальная ракета.

Когда Флегг услышал неопиcуемый глухой звук падения ее тела, он вскинул голову к небу и завыл.

ГЛАВА 63

Уитни Хорган нашел Ллойда в его комнате, где он лежал на кровати, которую еще совсем недавно ему приходилось делить с Дайной Джургенс. На его обнаженной груди стояла большая порция джина с тоником. Он вдумчиво рассматривал свое отражение в зеркале у себя над головой.

«Входи, — сказал он, заметив Уитни. — Ради Бога, не надо никаких церемоний. Не надо стучать. Ублюдок».

«Ты пьян, Ллойд? — осторожно спросил Уитни.

«Нет. Пока еще нет. Но скоро буду».

«Он здесь?»

«Кто? Наш Бесстрашный Вождь?» Ллойд рассмеялся.

«Следи за своими словами, Ллойд, — сказал Уитни, понизив голос. — Ты ведь знаешь, что лучше держать язык за зубами, когда он...»

«Пошел на хер».

«Вспомни, что случилось с Гekom Дроганом».

Ллойд кивнул. «Ты прав. Даже стены имеют уши. Слышал когда-нибудь такую поговорку?»

«Да пару раз. И она как нельзя подходит к этому месту, Ллойд».

«Это точно». Неожиданно Ллойд сел и швырнул свой стакан через всю комнату. Стакан разбился вдребезги. «Пусть подметают, правда, Уитни?»

«С тобой все в порядке, Ллойд?»

«Я чувствую себя прекрасно. Хочешь джина с тоником?»

Уитни заколебался. «Нет, я не пью джин без лимона».

«Нет проблем! У меня *есть* лимон. В маленькой бутылочке». Ллойд подошел к бару и достал оттуда желтую пластиковую емкость в форме лимона. «Похоже на левое яйцо Зеленого Великана. Смешная штука, правда?»

«А вкус лимонный?»

«А ты думал?» — спросил Ллойд с упреком. «Будь мужчиной и выпей со мной».

«Ну... давай».

«Выпьем у окна и полюбуемся на вид».

«Нет», — резко возразил Уитни. Ллойд остановился по пути к бару, и лицо его внезапно побледнело. Он посмотрел на Уитни, и на секунду их взгляды встретились.

«Да, ты прав, — сказал Ллойд. — Извини парень. Глупая шутка».

«О'кей».

Но все было далеко не о'кей, и оба они об этом знали. Женщина, которую Флегг представил, как свою «невесту», вчера совершила затяжной прыжок с вышки.

Он приготовил Уитни джин с тоником, и некоторое время они пили в молчании. Снаружи солнце стало красным. Наконец Уитни спросил таким тихим голосом, что его почти не было слышно: «Ты действительно думаешь, что она сама прыгнула?»

Ллойд пожал плечами. «Какое это теперь имеет значение? Конечно. Я думаю, что она прыгнула сама. А ты разве не прыгнул бы, если б *он* был твоим мужем?»

Уитни посмотрел на свой стакан и с удивлением заметил, что там уже ничего нет. Он передал его Ллойд, и тот снова отправился к бару.

Некоторое время они снова пили в молчании, наблюдая за закатом.

«Что-нибудь слышно об этом парне Каллене?» — спросил наконец Уитни.

«Ничего. Все дороги прочесаны, но его не нашли. Он где-то в пустыне, и если он будет идти по ночам и сумеет не сбиться с пути, он ускользнет от нас. Ну и что с того? Что он им расскажет?»

«Я не знаю».

«Я тоже. Пусть уходит — вот мое мнение».

Уитни почувствовал себя не в своей тарелке. Ллойд подошел к опасной черте. Уитни почувствовал себя еще более пьяным и обрадовался этому. Может быть, так он наконец соберется с духом и скажет то, что пришел сказать.

«Знаешь, что я тебе скажу». Ллойд подался вперед. «Он теряет свою силу».

«Ллойд, я...»

«Допил?»

«Ага».

Ллойд приготовил новые порции. Одну он вручил Уитни, и тот содрогнулся от первого же глотка. В стакане был почти неразбавленный джин.

«Теряет свою силу, — повторил Ллойд, вспомнив роль. — Сначала Дайна, потом этот парень Каллен. Его собственная жена — если она действительно была его женой — совершает затяжной прыжок без парашюта. Думаешь, это входило в его планы?»

«Нам не стоит это обсуждать».

«И Мусорный Бак. Ты посмотри, что этот парень натворил».

«Ллойд...»

Ллойд качал головой. «Я ничего не понимаю. Все шло так хорошо, вплоть до той ночи, когда он пришел и сказал, что старая леди из Свободной Зоны умерла. Он сказал, что последнее препятствие исчезло с нашего пути. А потом стали происходить странные вещи».

«Ллойд, мне действительно кажется, что нам не стоит...»

«А теперь я просто не знаю. Наверное, следующей весной мы можем атаковать их наземными силами. Раньше нам отправиться никак не удастся. Но Бог их знает, чем они там вооружатся за это время. Мы-то рассчитывали застать их врасплох, но теперь ничего из этого не выйдет. Плюс еще Мусорок, который копается где-нибудь в пустыне, и я абсолютно уверен, что он...»

«Ллойд», — сказал Уитни тихим, сдавленным голосом. — «Послушай меня».

Ллойд наклонился вперед. «Что случилось, старина?»

«Не знаю даже, хватит ли у меня мужества спросить у тебя об этом», — сказал Уитни. Он судорожно стиснул

стакан. «Я, Козырной Туз, Ронни Сайкс и Дженни Энгстром. Мы решили сматывать удочки. Пойдешь с нами? Господи, это сплошное безумие говорить тебе такие вещи — ведь ты его приближенный».

«Сматываете удочки? А куды вы отправляетесь?»

«Наверное, в Южную Америку. В Бразилию. Надеюсь, это окажется достаточно далеко». Он замолчал в нерешительности, а потом продолжил. «Многие люди уже ушли. Ну, может, и не многие, но с каждым днем таких становится все больше. Они думают, что Флеггу крышка. Некоторые идут на север, в Канаду. Но там для меня чертовски холодно. Я чувствую, что надо сматываться. Я бы пошел на восток, если б был уверен, что они меня примут. И что мы сумеем прорваться». Уитни посмотрел на Ллойда несчастным взглядом. У него было лицо человека, который знает, что зашел слишком далеко.

«Все в порядке, — тихо сказал Ллойд. — Я вас не выдам, старина».

«Просто... все здесь как-то разваливается», — сказал Уитни убитым тоном.

«Когда вы уходите?» — спросил Ллойд.

Уитни подозрительно посмотрел на него.

«Ну, считай, что я тебя об этом не спрашивал, — сказал Ллойд. — Допил?»

«Пока нет», — сказал Уитни, глядя в свой стакан.

«А я допил». Он подошел к бару. Стоя спиной к Уитни, он сказал: «Я не могу».

«Что?»

«*Не могу!* — резко сказал Ллойд и обернулся к Уитни. — Я кое-чем ему обязан. Я обязан ему очень многим. Он спас меня в Фениксе, и с тех пор я был с ним. Но дело тут не только в этом. Он что-то сделал со мной — я стал умнее или что-то в этом роде. Не могу объяснить тебе, но я уже не тот человек, что был раньше, Уитни. Ничего похожего. До... *него*... я был обычным мелким жуликом. А теперь он поставил меня руководить, и я справляюсь. Такое чувство, что я даже думать стал лучше». Ллойд взял в руку висевший у него на груди черный камень, бросил на него короткий взгляд и отпустил его. Потом он маши-

нально вытер руку о штанину, словно притронулся к чему-то отвратительному. «Я знаю, что и сейчас я не гений. Мне приходится записывать в блокнот все, чем надо заняться. А иначе я ничего не запомню. Но когда он стоит за моей спиной, я могу отдавать приказы, и очень часто они приносят пользу. Все, что я мог раньше, — это подчиняться чужим приказам и попадать в идиотские положения. Теперь я изменился... и это он изменил меня.

Когда мы пришли в Лас-Вегас, здесь было только шестнадцать человек. Среди них был Ронни, была Дженни, и еще бедняга Гек Дроган. Они ждали его. Когда мы вошли в город, Дженни Энгстром опустила на свои хорошенькие коленки и поцеловала его башмаки. Держу пари, она никогда тебе не рассказывала об этом в постели». Он криво улыбнулся Уитни. «А теперь она хочет слинять. Ну, я не обвиняю ее, да и тебя тоже. Но все равно в этом есть что-то нечестное, тебе так не кажется?»

«Ты остаешься?»

«До самого конца, Уитни. Моего или его. Это мой долг». Он не стал говорить о том, что вера его в темного человека была достаточно сильна для того, чтобы нарисовать ему весьма правдоподобную картину смерти Уитни и остальных верхом на крестах. И еще одно обстоятельство. Здесь он был вторым человеком после Флегга, а кем он окажется в Бразилии? Уитни и Ронни умнее его. Ему и Козырному Тузу предстоит роль шестерок, а это было не в его вкусе. Когда-то он не возражал против этого, но теперь все изменилось. А когда что-то меняется у тебя в голове, то это почти всегда необратимо.

Ллойд поднял стакан. «Тост, Уитни».

Уитни поднял свой.

«Чтобы никто не пострадал, — сказал Ллойд. — Вот мой тост. Чтобы никто не пострадал».

«Ну, парень, за это я выпью», — с жаром сказал Уитни.

Вскоре он ушел. Ллойд продолжал пить. Он отключился примерно в половину десятого. Спал он без снов. И это было почти равноценным вознаграждением за завтрашнее похмелье.

* * *

ГЛАВА 64

Мусорный Бак нашел то, что искал.

Он ехал по коридору, находившемуся глубоко под землей. Здесь было темно, как в шахте. В левой руке оно держал фонарик. В правой руке у него был револьвер, потому что здесь, внизу, было жутковато. Он ехал на электрической вагонетке, двигавшейся почти бесшумно по широкому коридору. Единственным исходившим от нее звуком был тихий, находившийся почти за пределами слышимости гул.

Вагонетка состояла из сиденья для водителя и объемистого грузового отделения. В грузовом отделении лежала ракета с ядерной боеголовкой.

Она была очень тяжелой.

Мусор даже не мог представить себе, насколько она тяжела, потому что сдвинуть ее руками было просто невозможно. Она была длинной и обладала цилиндрической формой. Она была холодной. Проводя рукой по ее изогнутой поверхности, он едва мог поверить в то, что такая холодная мертвая глыба металла когда-нибудь может стать причиной такого адского жара.

Он нашел ее утром. Тогда он вернулся в подземный гараж и взял там лебедку. Потом он принес лебедку обратно и обмотал цепь вокруг ракеты. Через полтора часа она уютно опустилась в электровагонетку, носом кверху. На носу стоял штамп: A161410USAF. Шины вагонетки, изготовленные из литой резины, значительно осели, когда ракета опустилась вниз.

Он приближался к концу коридора. Впереди его ждал большой грузовой лифт, двери которого были ожидающе распахнуты. Но электричества, конечно, не было.

Надо поднять ее вверх с помощью лебедки, — прошептал его внутренний голос.

Но где он найдет цепь длиной в пятьсот футов? Может быть, сварить несколько цепей в одну? Но будет ли сварной шов достаточно прочен? Трудно сказать.

Он ласково провел рукой по гладкой поверхности ракеты.

Любовь всегда найдет выход.

Оставив ракету в вагонетке, он пошел по лестнице вверх. На такой базе ни в чем не может быть недостатка. Он найдет все, что ему нужно.

Он миновал два пролета и остановился, чтобы перевести дыхание. Внезапно он подумал: *Облучился ли я?* Они экранируют радиоактивные вещества с помощью свинца. Но в фильмах, которые показывают по телевизору, люди, имеющие дело с радиацией, всегда носят защитные костюмы и индикаторы, которые меняют цвет, когда доза превышает допустимую. Потому что радиация бесшумна. Ее нельзя увидеть. Она просто проникает в твою плоть. И ты даже не знаешь, что болен, до тех пор пока тебя не начнет рвать, и у тебя не станут выпадать волосы, и тебе не придется бегать в туалет каждые несколько минут.

Ждет ли его все это?

Он обнаружил, что это его нимало не беспокоит. Он поднимет эту бомбу вверх. Чего бы ему это ни стоило, он поднимет ее вверх. Чего бы ему это ни стоило, он привезет ее в Лас-Вегас.

Он должен искупить свою вину за тот ужасный проступок, который он совершил в Индиан Спрингс. Если для того чтобы искупить свою вину, ему надо будет умереть, то он умрет.

«Я готов отдать за тебя жизнь», — прошептал он в темноте и снова стал взбираться по лестнице.

ГЛАВА 65

Ранним утром они сидели у костра, который Ларри разжег около часа назад. На них были теплые пальто и перчатки. Они пили уже по второй чашке горячего кофе. Температура была около тридцати пяти градусов по Фаренгейту. Небо было облачным и мрачным. Коджак дремал у костра, пододвинувшись к огню так близко, насколько это было возможно.

Глен Бэйтмен собрал пластмассовые тарелочки с остатками завтрака и, взяв лопату, отправился закапывать их в стороне от лагеря. Остальные проводили его взглядами.

Труднее всех в этом путешествии было именно Глену. Он был самым старым из них, старше Ральфа Брентнера на двенадцать лет. Но непостижимым образом он облегчал жизнь другим. Он постоянно иронизировал, но ирония его была мягкой. То обстоятельство, что он умудряется идти день за днем, производило на всех глубокое впечатление. Ему было пятьдесят семь, и Стью заметил, как в холодные утра он массирует суставы своих пальцев, кривясь от боли.

«Сильно болит?» — спросил у него вчера Стью примерно через час после того, как они отправились в путь.

«Аспирин помогает. Это артрит, но сейчас он далеко еще не тот, каким будет лет через пять — семь. А честно говоря, Восточный Техас, я не думаю прожить так долго».

«Ты действительно думаешь, что он убьет нас?»

И Глен Бэйтмен сказал странную фразу: «Я не испугаюсь зла». И эта фраза положила конец обсуждению.

До них доносился звук лопаты, вгрызавшейся в морозную землю, и ругательства Глена.

«Отличный он парень, правда?» — сказал Ральф.

Ларри кивнул.

«Я всегда думал, что все эти преподаватели колледжей — просто размазни, но к нему это явно не относится. Знаете, что он ответил мне, когда я его спросил, почему бы просто не бросить это дерьмо на дороге? Сказал, что мы не должны начинать все это дерьмо сначала. Сказал, что мы и так уже по уши вымазались в старом дерьме».

Коджак вскочил и побежал посмотреть, что делает Глен. До них донесся голос Глена: «Где ты был, старый ленивый увалень? А я уж начал думать, куда это ты смылся? Ну что, хочешь, что б я тебя тоже похоронил?»

Ларри усмехнулся и снял с пояса шагомер. Каждый вечер он записывал, сколько они прошли за день.

Могу я взглянуть на твой листок?» — спросил Стью.

«Конечно», — ответил Ларри.

Стью взял листок и, вооружившись ручкой, проделал некоторые вычисления. «Ну что ж, сейчас мы проходим больше миль в день, чем сначала, но нам остается еще более четырехсот миль. Черт, мы не прошли еще и половины пути».

Ларри кивнул. «Ты прав — мы идем быстрее, потому что дорога идет под уклон. Но прав и Глен. Куда нам торопиться? Этот парень просто прикончит нас, как только мы туда доберемся».

«Знаешь что, я просто в это не верю, — сказал Ральф. — Конечно, мы можем погибнуть, но это не произойдет так просто: раз — и все. Иначе Матушка Абагейл не послала бы нас туда».

Глен подошел к лагерю вместе с Коджаком. «Поднимем их, Коджак? Давай?»

Коджак завил хвостом.

«Он говорит: *Лас-Вегас или смерть*, — заявил Глен. — Так что пошли».

Они поднялись по насыпи I-70, и начали свой дневной путь.

К двум часам дня двадцать первого сентября они миновали Сего. Следующим городом на их пути, судя по карманной карте Стью, должен был быть Грин Ривер. После этого на пути примерно в сотню миль не было ни одного города. Как говорил Ральф, у них будет случай убедиться, заботится ли о них Бог или нет.

«Собственно говоря, — сказал Ларри Глену, — я беспокоюсь не столько о еде, сколько о воде. Почти все, кто отправлялся в автомобильную поездку, брали с собой чего-нибудь пожевать».

Они строго следовали инструкции Матушки Абагейл не нести ничего с собой.

«Может быть, Господь изольет на нас свою благодать», — улыбнулся Глен.

Ларри поднял глаза на безоблачное голубое небо и скорчил недоверчивую гримасу. «Я иногда думаю, что под конец она совсем сдвинулась».

«Возможно, — сказал Глен. — Если ты ознакомишься с теологией, то узнаешь, что Бог часто предпочитает говорить устами умирающих и безумцев».

«Знаю эти песни, — сказал Ларри. — Мы видим сквозь мутное стекло. Для меня оно действительно мутное, это

точно. До меня не доходит, зачем нам идти пешком, если можно доехать за неделю. Но раз уж мы заняты безумным делом, то, наверное, надо делать его безумным образом».

В ту ночь они разбили лагерь в пятнадцати милях к западу от Сего, и впервые у них совсем не оказалось еды. Глен заварил остатки растворимого кофе в кружке, и они пили из нее по очереди. Последние десять миль им не попало ни одной машины.

На следующий день, двадцать второго сентября, они наткнулись на перевернутый микроавтобус с четырьмя трупами внутри. В машине оказались две коробки печенья и большой мешок лежащих картофельных чипсов. Печенье оказалось в лучшем состоянии. Они разделили его на пять частей.

После полудня они набрали на транспортный грузовик «Грейт Вестерн Маркетс». Они поели на ленч консервированной ветчины, но никто из них не чувствовал аппетита. Глен сказал, что их желудки съежились. Стью сказал, что ветчина плохо пахнет. И дело не в том, что она испорчена, а просто запах слишком сытный. Слишком мясной. У него от этого желудок выворачивается наизнанку. Даже Коджак ел мало.

В ту ночь они разбили лагерь к востоку от Грин Ривер, и в первые часы утра на них посыпалась снежная морось.

После полудня двадцать третьего числа путь им преградил размытый участок дороги. То ли где-то к северу смыло плотину, то ли летом шли сильные дожди, но тридцать футов I-70 уступили место глубокому оврагу, на дне которого журчала вода. Глубина его составляла около пятидесяти футов. Рыхлые склоны состояли из каменистого грунта и осадочных пород.

«Господи Иисусе Христе», — сказал Ральф. — «Надо бы запросить об этом дорожный департамент штата Юты».

«Посмотрите туда», — сказал Ларри, указывая пальцем. В ста футах от шоссе овраг перегородивала мешанина из металлических ограждений, кабелей и огромных кусков асфальта.

Засунув руки в карманы, Глен с отсутствующим видом смотрел на каменистый склон. Стью тихо спросил у него: «Ты справишься, Глен?»

«Конечно».

«Как твой артрит?»

«Бывало и хуже». Он с усилием улыбнулся. «Но если уж быть до конца честным, то бывало и лучше».

У них не было веревки, чтобы страховать друг друга. Стью стал спускаться первым. Ему не понравилось, как грунт время от времени осыпался у него под ногами. Раз он чуть не поскользнулся и не упал вниз. Одной рукой он успел ухватиться за каменистый выступ и с трудом нащупал новую точку опоры. Коджак жизнерадостно проскакал мимо. Через секунду он стоял на дне оврага, виляя хвостом и дружелюбно лая на Стью.

«Ах ты, чертов пижон», — проворчал Стью и осторожно спустился на дно.

«Я следующий, — крикнул Глен. — Я слышал, как ты обозвал мою собаку!»

«Будь осторожен, лысый! Будь чертовски осторожен! Грунт совсем не держит».

Глен спускался очень медленно, перебираясь с одной устойчивой позиции на другую. Стью сжимался всякий раз, когда замечал, как из-под ботинок Глена выскальзывает грязь. Легкий ветерок трепал его серебристые волосы. Стью пришло в голову, что когда он впервые встретил Глена, рисующего посредственную картину у дороги в Нью-Хемпшире, седина еще только намечалась в его волосах.

До того момента, как нога Глена коснулась покрытого грязью дна оврага, Стью был уверен, что он упадет и переломает себе все кости. Когда все было кончено, Стью похлопал его по плечу.

«Нет проблем, Восточный Техас», — сказал Глен и наклонился погладить Коджака.

Следующим спустился Ральф, осторожно двигаясь от одной опоры к другой. Когда до дна оставалось футов восемь, он спрыгнул вниз. «Господи, — сказал он. — Этот склон скользкий, как гусяное дерьмо. Забавно будет, если

мы не сможем подняться на другую сторону, и нам придется пройти миль пять вверх по течению в поисках более пологого склона».

«А еще будет забавнее, если навстречу нам хлынет новый поток», — сказал Стью.

Ларри спустился меньше, чем за три минуты. «Кто полезет первым?» — спросил он.

«Почему бы не ты, раз уж ты такой шустрый?» — спросил Глен.

«Отлично».

Поднимался он значительно дольше. Дважды он наступил на предательскую осыпь и чуть не упал. Но в конце концов он взобрался наверх и помахал им.

«Кто следующий?» — спросил Ральф.

«Я», — сказал Глен и подошел к склону.

Стью схватил его за руку. «Послушай, — сказал он. — Мы можем пройти вверх по течению и найти более пологий склон, как говорил Ральф».

«И потерять на этом полдня? Когда я был мальчишкой, я мог взобраться на такой склон за сорок секунд, и пульс мой не поднимался выше семидесяти».

«Ты больше не мальчишка, Глен».

«Это верно. Но мне кажется, что-то во мне от него осталось».

Прежде чем Стью успел еще что-нибудь сказать, Глен начал подъем. Пройдя примерно треть пути, он остановился передохнуть, а потом снова стал взбираться. На полпути он схватился за выступающий кусок сланца, который раскрошился у него в руках, и Стью был абсолютно уверен, что сейчас он скатится вниз.

«Вот черт...» — выдохнул Ральф.

Глен взмахнул руками и непостижимым образом восстановил равновесие. Потом он поднялся еще на двадцать футов и вновь передохнул. Почти на самом верху осколок скалы, на котором он стоял, пополз вниз. Глен неизбежно упал бы, но на помощь подоспел Ларри. Он схватил Глена за руку и вытянул его наверх.

«Нет проблем», — крикнул Глен вниз.

Стью облегченно усмехнулся. «Как пульс, лысый?»

«Около девяноста, по-моему», — признался Глен.

Ральф поднимался по склону, как флегматичный горный козел, проверяя каждую опору, с огромной осторожностью переставляя руки и ноги. Когда он достиг вершины, настала очередь Стью.

Вплоть до того момента, когда он упал, Стью казалось, что этот склон даже легче, чем тот, по которому они спускались. Опоры были удобнее, и угол был немного меньше. Но грунт представлял собой смесь меловых почв и осколков скал, сильно расшатанных плохой погодой.

Его грудь была уже на уровне шоссе, когда выступ породы, на который опиралась его левая нога, неожиданно исчез. Он почувствовал, что соскальзывает вниз. Ларри попытался схватить его за руку, но на этот раз промахнулся. Стью ухватился за торчавший из склона обломок шлагбаума, и он оказался у него в руках. Мгновение он тупо смотрел на него, а в это время скорость падения увеличивалась. Он отшвырнул его в сторону, чувствуя себя Уайл И. Койотом (герой мультфильмов о койоте и страусе американского продюсера Вальтера Ланца — *прим. перев.*). Все, что мне нужно, — подумал он, — это чтобы кто-нибудь прогудел *бин-бин*, перед тем как я стукнусь о дно (именно так — *бин-бин* — гудел упомянутый страус, когда койот в очередной раз попадал в затруднительное положение — *прим. перев.*).

Колено его обо что-то ударилось, и его пронзила внезапная молния боли. Он ухватился руками за склон, проносящийся мимо него с угрожающей быстротой, и продолжал скользить вниз с полными ладонями грязи.

Он ударился о выступающий валун, и тело его перевернулось в воздухе. Он пролетел футов десять и под углом приземлился на ногу. Он слышал треск кости. Боль была непереносимой. Он закричал. Он сделал обратное сальто. Теперь он ел ртом грязь. Острые камушки процертили кровавые борозды по его рукам и лицу.

Последние пятнадцать футов он скользил на животе, как ребенок по грязной горке. Когда он достиг дна, штаны его были полны грязи, а сердце сумасшедше стучало в ушах. Нога была объята былым пламенем боли.

Сломана. Но насколько серьезно? Судя по ощущениям, очень серьезно. В двух местах, если не больше. И вывихнут коленный сустав.

Ларри спускался вниз по склону, слегка подпрыгивая, и это выглядело почти пародией на то, что только что случилось со Стью. Потом он склонился над ним и задал ему вопрос, который Стью уже успел задать самому себе.

«Насколько серьезно, Стью?»

Стью приподнялся на локтях и посмотрел на Ларри. Лицо его было белым от шока и измазанным грязью.

«Полагаю, что смогу ходить месяца через три», — сказал он. У него появилось чувство, что его сейчас вырвет. Он поднял взгляд на облачное небо и погрозил ему сжатыми кулаками.

«ДЕРЬМООООООО!» — завопил он.

Ральф и Ларри наложили на ногу лубок. Глен достал пузырек того, что он называл «моими артритными таблетками», и дал Стью одну. Стью не знал, что содержится в артритных таблетках, и Глен отказывался ему сказать, но боль в ноге перешла в далекий ноющий зуд. Он чувствовал себя очень спокойно, почти безмятежно. Ему пришло в голову, что все они живут взаимны, и не только потому, что они идут в пасть к Флеггу, но и потому, что они пережили Капитана Шустрика. В любом случае, он знал, что должно быть сделано... и он позаботится о том, чтобы это *было* сделано. Ларри только что кончил говорить. Все обеспокоенно смотрели на него, ожидая, что он ответит.

Он ответил: «Нет».

«Стью, — мягко сказал Глен, — ты просто на понимаешь...»

«Я прекрасно понимаю. Я сказал нет. Никаких возвращений в Грин Ривер. Никаких веревок. Никакой машины. Это против правил игры».

«Это тебе не трахнутая *игра!* — закричал Ларри. — Ты здесь подохнешь!»

«А вы почти наверняка подохнете там, в Неваде. Так что отправляйтесь в путь. У вас еще осталось четыре часа до темноты. Не стоит их тратить даром».

«Мы тебя не оставим», — сказал Ларри.

«Извините, но придется это сделать. Я вам приказываю».

«Нет. Теперь я главный. Матушка сказала, что если с тобой что-нибудь случится...»

«...то вам надо идти дальше».

«Нет. Нет». Ларри обернулся к Глену и Ральфу в поисках поддержки. Они встревоженно посмотрели на него в ответ. Рядом сидел Коджак и наблюдал за всеми четверыми, аккуратно обернув хвост вокруг лап.

«Послушай меня, Ларри, — сказал Стью. — Все это путешествие основывается на предположении, что старая леди знала, о чем говорит. Если мы отступим от ее слов, то все пойдет насмарку».

«Это верно», — сказал Ральф.

«Нет, это *неверно*, пидор трахнутый», — сказал Ларри, яростно имитируя оклахомский выговор Ральфа. «Стью упал в овраг не по воле Бога, и даже не по воле темного человека. Причиной была скользкая грязь, вот и все, *обычная скользкая грязь!* Я не оставлю тебя, Стью. Я и так уже оставил слишком многих за свою жизнь».

«Мы оставим его», — тихо сказал Глен.

Ларри изумленно оглянулся, словно его предали. «А я-то думал, что ты его друг!»

«Я и есть его друг. Но это не имеет значения».

Ларри истерически рассмеялся и прошел немного вниз по оврагу. «Ты сошел с ума! Кто бы мог подумать?»

«Нет, я не сошел с ума. Мы заключили договор. Мы стояли вокруг смертного ложа Матушки Абагейл и вступили в соглашение. Оно почти неизбежно сулило смерть каждому из нас. Мы согласились с его условиями. А теперь мы будем их выполнять».

«Но я же не против, ради Бога. Я хочу сказать, не обязательно возвращаться в Грин Ривер. Мы можем раздобыть микроавтобус, уложить его сзади и ехать дальше...»

«Мы должны идти пешком», — сказал Ральф и указал на Стью. «Он не может идти».

«Хорошо. Прекрасно. У него сломана нога. Что вы предлагаете делать? Пристрелить его, как загнанную лошадь?»

«Ларри...» — начал было Стью.

Прежде чем он смог продолжить, Глен схватил Ларри за рубашку и рванул его на себя. «Кого ты хочешь спасти?» Голос его был холоден и суров. «Стью или себя?»

Ларри посмотрел на него, беззвучно двигая губами.

«Все очень просто, — сказал Глен. — Мы не можем остаться, а он не может идти».

«Я отказываюсь примириться с этим», — прошептал Ларри. Лицо его было смертельно бледным.

«Это испытание, — неожиданно сказал Ральф. — Вот что это такое».

«Испытание на душевное здоровье», — сказал Ларри.

«Я голосую за то, чтобы вы шли», — сказал Стью с земли.

«Я тоже, — сказал Ральф. — Извини меня, Стью. Но если Бог будет заботиться о нас, то, может быть, он позаботится и о тебе...»

«Я не согласен», — сказал Ларри.

«Ты думаешь не о Стью, — сказал Глен. — Ты пытаешься спасти что-то в самом себе, по-моему. Но пришло время идти вперед, не оглядываясь. Мы должны».

Ларри вытер губы тыльной стороной руки.

«Давайте останемся здесь на ночь, — сказал он. — Давайте обдумаем все хорошенько».

«Нет», — сказал Стью.

Ральф кивнул. Глен выудил из кармана пузырек «артритных таблеток» и вложил его в руку Стью. «В их состав входит морфин, — сказал он. — Больше трех — четырех — уже почти смертельная доза». Он встретился взглядом со Стью. «Ты меня понял, Восточный Техас?»

«Да, понял».

«О чем вы говорите? — закричал Ларри. — Что вы такое предлагаете?»

«А ты разве не понимаешь?» — сказал Ральф с таким уничтожающим презрением, что на секунду Ларри замолчал. Перед глазами у него возникло лицо Риты с полным ртом зеленой рвоты.

«*Hem!*» — завопил он и попытался выхватить бутылку из руки Стью.

Ральф схватил его за плечи. Ларри попытался вырваться.

«Отпусти его, — сказал Стью. — Я хочу с ним поговорить». Ральф не отпускал, неуверенно посматривая на Стью. «Говорю тебе, отпусти».

Ральф разжал руки, но, судя по его виду, в любой момент готов был снова броситься на Ларри.

Стью сказал: «Подойди сюда, Ларри. Садись на корточки».

Ларри подошел и сел на корточки рядом со Стью. С убитым видом он посмотрел Стью в лицо. «Это несправедливо, парень. Когда кто-то падает и ломает ногу... ты не можешь просто уйти и оставить человека на верную смерть. Разве это не так? Эй, парень...» Он дотронулся до лица Стью. «Пожалуйста, *подумай*».

Стью взял Ларри за руку. «Ты думаешь, я сошел с ума?»
«Нет! Нет, но...»

«А разве ты думаешь, что люди, находящиеся в здравом уме, имеют право решать самостоятельно, что им хочется, а чего нет?»

«Эх, парень», — сказал Ларри и заплакал.

«Ларри, я хочу, чтобы ты шел дальше. Если ты выберешься из Лас-Вегаса, возвращайся тем же путем. Может быть, Бог пошлет ворона, чтобы он кормил меня, ты ведь не знаешь этого. Я как-то читал, что человек может прожить без еды семь — десять дней, если у него есть вода».

«Гораздо раньше наступит зима. Ты умрешь от переохлаждения через три дня и без этих паршивых таблеток».

«Это тебя не касается. Ты к этому не имеешь никакого отношения».

«Не отсылай меня, Стью».

«Я отсылаю тебя», — сказал Стью мрачно.

«А что Фрэн скажет о нас? — спросил Ларри, вставая на ноги. — Когда она узнает, что мы оставили тебя на съедение стервятникам?»

«Она вообще ничего не скажет, если вы не дойдете туда и не покончите с ним. И к Люси это тоже относится. И к Дику Эллису. И к Бреду. И ко всем остальным».

«Хорошо, — сказал Ларри. — Мы пойдем. Но завтра. Мы устроимся здесь на ночлег, и, может быть, нам приснится сон... что-нибудь...»

«Никаких снов, — мягко сказал Стью. — Никаких знамений. Так не бывает. Вы останетесь на одну ночь, и вам ничего не приснится, потом на вторую, потом на третью... вам надо уходить прямо сейчас».

Ларри отошел в сторону с опущенной головой и повернулся к ним спиной. «Хорошо, — сказал он так тихо, что его едва было слышно. — Мы сделаем, как ты хочешь. И да поможет нам Бог».

Ральф подошел к Стью и склонился над ним. «Тебе что-нибудь нужно, Стью?»

Стью улыбнулся. «Да, все романы Гора Видала. О Линкольне, об Аароне Бере и этих ребятах. Мне всегда хотелось их прочитать. Похоже, теперь мне наконец представился подходящий случай».

Ральф криво усмехнулся. «Извини, Стью. Похоже, у меня глаза на мокром месте».

Стью сжал его руку, и Ральф отошел в сторону. Подошел Глен. Он тоже плакал.

«Не плачь, крошка. Со мной все будет о'кей».

«Ларри прав. Это несправедливо. Так поступают с загнанными лошадьми».

«Ты знаешь, что другого выхода нет».

«Я, может, и знаю, но кто может утверждать наверняка? Как нога?»

«Сейчас вообще не болит».

«О'кей, у тебя есть таблетки». Глен вытер рукавом слезы. «До свидания, Восточный Техас. Чертовски было приятно с тобой познакомиться».

Стью отвернулся в сторону. «Не говори до свидания, Глен. Скажи лучше прощай. А то упадешь с этого трахнутого откоса, и проведем зиму вместе, играя в криббедж».

«Прощай», — сказал Глен. Голос его упал до хриплого шепота. Если будет надо, вытащи штепсель, Стюарт. Не копайся с отверткой».

«Не буду».

«Ну тогда счастливо».

«Счастливо, Глен».

Они стояли вместе на западной стороне оврага. Бросив взгляд через плечо, Глен начал подниматься. Стью следил

за его продвижением с растущей тревогой. Он двигался небрежно, едва глядя себе под ноги. Грунт осыпался у него под ногой дважды. Оба раза он беспечно протягивал руку в поисках опоры, и оба раза опора оказалась как раз в нужном месте. Когда он влез наверх, Стью облегченно вздохнул.

Вслед за ним полез Ральф, и когда он был на вершине, Стью подозвал Ларри в последний раз.

«Ты теперь главный, — сказал Стью. — Справишься?»

«Не знаю. Попытаюсь».

«Ты будешь принимать решения».

«Мое первое решение было проигнорировано». Он с упреком посмотрел на Стью.

«Больше этого не случится. Слушай — *его* люди схватят вас».

«Ну да, уж наверняка. Схватят или пристрелят нас из засады, как бешеных собак».

«Нет, я думаю, вас возьмут в плен и приведут к *нему*. Мне кажется, это произойдет в ближайшие несколько дней. Когда окажешься в Вегасе, раскрой глаза пошире. Жди. Оно придет».

«Что, Стью? Что придет?»

«Я не знаю. То, ради чего нас послали. Будь готов. Не пропусти».

«Мы вернемся к тебе, если сможем. Ты это знаешь».

«Да, о'кей».

Ларри быстро поднялся по откосу и присоединился к Глену и Ральфу. Они помахали Стью. Стью вскинул в ответ руку. Они ушли. Больше они никогда не видели Стюарта Редмана.

ГЛАВА 66

Когда Стью увидел приближающийся к нему по оврагу темный силуэт, он приподнялся, опираясь спиной на ближайший валун, и онемелой рукой нащарил увесистый камень. Он продрог до костей. Ларри был прав. Два или три дня при такой температуре его непременно убьют. Впрочем, похоже, эта тварь, кем бы она не была, избавит его от этой участи.

Он сильнее стиснул камень, и темный силуэт остановился в двадцати ярдах выше по оврагу. Потом он снова двинулся вперед.

«Давай-давай», — хрипло прошептал Стю.

Черная тень завиляла хвостом и подошла. «Коджак?»

Это был он. И что-то было зажато у него в зубах, какой-то неясный предмет, который он уронил к ногам Стю. Он сел, виляя хвостом и ожидая комплиментов.

«Хороший пес, — ошеломленно сказал Стю. — Хороший пес!»

Коджак принес ему кролика.

Стю достал карманный нож, открыл его и выпотрошил кролика тремя быстрыми движениями. Он подобрал часть внутренностей и швырнул их Коджаку. «Хочешь?» Коджак хотел. Стю освежевал кролика. Идея съесть кролика живым пришлась не очень по душе его желудку.

«Дрова?» — сказал он Коджаку без особой надежды. Вокруг валялось много хвороста и дров, но за пределами его досягаемости.

Коджак помахал хвостом и не двинулся с места.

«Принеси!»

Коджак убежал. Он понесся к восточной части оврага и вернулся с большим сухим поленом в зубах. Он уронил его рядом со Стю и залаял.

«Хороший пес, — снова сказал Стю. — Тащи еще, Коджак!»

Радостно лая, Коджак побежал снова. Через двадцать минут он собрал достаточно дров для большого костра. Стю аккуратно отщипнул несколько щепок для того, чтобы развести огонь. Потом он проверил свои запасы и выяснил, что у него осталось еще полтора коробка спичек. Щепки занялись со второй спички, и вскоре костер запылал. Стю подвинулся поближе. Коджак лег на противоположной от костра стороне и положил морду на передние лапы.

Когда часть дров прогорела, Стю насадил кролика на вертел и стал его жарить. Привлеченный вкусным запахом, Коджак сел рядом со Стю и стал наблюдать за кроликом с нескрываемым интересом.

«Половина тебе, половина мне, о'кей?»

Через пятнадцать минут он снял кролика с огня и разорвал его пополам. Местами мясо подгорело, а местами было наполовину сырым, но консервированная ветчина от «Грейт Вестерн Маркетс» не шла с ним ни в какое сравнение. Они с Коджаком набросились на еду... а когда от кролика почти ничего уже не осталось, до них донесся леденящий душу вой.

«*Господи!*» — проговорил Стью с набитым ртом.

Коджак вскочил на лапы, и шерсть у него на загривке встала дыбом. Он обежал вокруг костра и зарычал. Вой не повторился.

Стью лег спать, положив с одной стороны увесистый камень, а с другой — открытый карманный нож. Звезды смотрели на него холодно и равнодушно. Мысли его повернулись было к Фрэн, но он тут же запретил себе думать о ней. Это было слишком горько.

Он уснул с помощью одной из таблеток Глена. А когда угли костра превратились в золу, Коджак лег и уснул рядом с ним, согревая Стью своим теплом.

Вечером двадцать седьмого сентября они разбили лагерь в городе Фримонт Джанкшен, и наконец-то у них было вдоволь еды.

«Я все жду, когда это кончится, — сказал Ларри Глену в тот вечер. — И с каждым новым днем ожидание становится все более невыносимым».

Глен кивнул. «Я чувствую то же самое. Забавно будет, если все это только мираж? Всего лишь кошмарный сон нашего коллективного подсознательного».

Ларри посмотрел на него удивленно и оценивающе. Потом он медленно покачал головой. «Нет, вряд ли это только сон».

Глен улыбнулся. «Да, и мне тоже так не кажется».

На следующий день им представилась возможность убедиться в собственной правоте.

После десяти часов следующего утра они поднялись на возвышение и на западе, милях в пяти, увидели запарко-

ванные нос к носу машины, перегородившие шоссе. Все выглядело именно так, как Ларри и предполагал.

«Авария?» — спросил Глен.

Ральф держал ладонь козырьком. «Вряд ли. Тогда бы они так не стояли».

«Его люди», — сказал Ларри.

«Да, пожалуй, — согласился Ральф. — Что будем делать, Ларри?»

Ларри вынул из заднего кармана яркий шейный платок и утер пот с лица. То ли лето вернулось в тот день, то ли до них дошел жар юго-западной пустыни. Температура была немного выше восьмидесяти.

«Мы пойдем вниз по шоссе, чтобы проверить, вправду ли с нами Бог. Правильно, Глен?»

«Ты главный — тебе решать».

Они стали спускаться. Через полчаса они были уже достаточно близко, чтобы разглядеть, что две перегородивших дорогу машины когда-то принадлежали патрульной службе штата Юты. Их поджидало несколько вооруженных человек.

«Пристрелить они хотят нас, что ли?» — светским тоном осведомился Ральф.

«Не знаю», — сказал Ларри.

«Часть винтовок с оптическим прицелом. Солнце сверкает на линзах. Так что если они хотят свалить нас, то могут сделать это в любой момент».

Они продолжали идти. Люди у машин разбились на две группы. Пятеро вышли вперед и нацелили свои винтовки на приближающуюся троицу, а трое укрылись за машинами.

«Восемь, Ларри?» — спросил Глен.

«Я насчитал восемь. Как ты себя чувствуешь?»

«Со мной все в порядке», — ответил Глен.

«Ральф?»

«Я давно ждал этого момента».

До патрульных машин оставалось меньше мили. «Похоже, они не собираются пристрелить нас сразу же», — сказал Ральф. «А то бы они уже давно это сделали».

Теперь они могли различить лица. Один был с густой бородой. Другой был почти лысым, хотя и выглядел

молодым. Еще на одном была надета шапочка с изображением верблюда. Один из людей имел вид бухгалтера. Он вертел в руках 357-ой «Магнум» и нервничал в три раза больше, чем сам Ларри.

Они остановились в двадцати футах от патрульных машин. Некоторое время обе группы молча смотрели друг на друга. «Доброе утро», — мягко произнес Ларри.

Похожий на бухгалтера маленький человечек сделал шаг вперед. Он по-прежнему вертел в руках свой «Магнум». «Вы — Глендон Бэйтмен, Лоусон Андервуд, Стюарт Редман и Ральф Brentner?»

«Послушай, болван, — сказал Ральф, — ты что, считать не умеешь?»

Кто-то усмехнулся. Бухгалтер вспыхнул. «Кого не хватает?»

Ларри сказал: «Стью попал в несчастный случай по пути сюда. А ты сейчас прострелишь себе ногу, если не прекратишь играть со своей пушкой».

Снова смешки. Бухгалтер засунул-таки револьвер за пояс своих серых слаксов.

«Меня зовут Пол Берлсон, — сказал он, — и силой данной мне власти я арестовываю вас и приказываю вам следовать за мной».

«Кто вам дал эту власть?» — немедленно спросил Глен.

Берлсон окинул его презрительным взглядом... но к презрению примешивалось и что-то еще. «Вы знаете, от чьего имени я говорю».

«Тогда скажите».

Берлсон промолчал.

«Вы боитесь?» — спросил у него Глен. Он обвел взглядом всех восьмерых. «Неужели вы так боитесь его, что даже не можете произнести его *имя*? Ну что ж, тогда мне придется сделать это за вас. Его зовут Рэнделл Флегг, он также известен под кличками темного человека, высокого человека и Ходячего Хлыща».

«Хватайте их», — сказал Берлсон. «Хватайте их всех и пристрелите первого же, кто станет сопротивляться».

В течение одной загадочной секунды никто не двигался, и Ларри подумал: *Они не сделают этого, они так же*

боятся нас, как и мы их, и даже больше, хотя они и вооружены...

Он посмотрел на Берлсона и сказал: «Кого ты пытаешься обмануть, ты, мешок с цыплячьим дерьмом? *Мы хотим*, чтобы вы арестовали нас и отвезли в Вегас. Поэтому мы и пришли».

Тогда они вышли из оцепенения, и это выглядело так, словно Ларри приказал им. Его с Ральфом запихнули в одну патрульную машину, Глена — в другую. От передней части салона их отделяла ячеистая сетка. Ручек на дверях не было.

Мы арестованы, — подумал Ларри. Эта мысль показалась ему забавной.

Четверо человек втиснулись на переднее сиденье. Патрульная машина подалась назад, развернулась и поехала на запад. Ральф вздохнул.

«Боишься?» — тихо спросил его Ларри.

«Черт меня побери, если я знаю. Так приятно отдохнуть после ходьбы».

Один из людей на переднем сиденье спросил: «Старик с длинным языком — он у вас главный?»

«Нет, я».

«Как тебя зовут?»

«Ларри Андервуд. А это Ральф Брентнер. А того парня зовут Глен Бэйтмен». Он оглянулся назад. Другая патрульная машина ехала за ними.

«Что случилось с четвертым парнем?»

«Он сломал ногу. Пришлось оставить его».

«Да, не повезло. Меня зовут Барри Дорган. Служба безопасности Вегаса».

Ларри почувствовал, как на язык ему просится абсурдная фраза: *Рад с вами познакомиться* и улыбнулся. «Сколько отсюда ехать до Лас-Вегаса?»

«Ну, мы не можем особо разгоняться из-за пробок на дорогах. Мы потихоньку расчищаем их, но работа двигается не очень быстро. Но часов через пять мы будем там».

«Вот это класс», — сказал Ральф, качая головой. «Мы-то шли по дорогам три недели, а тут тебя довозят за пять часов».

Дорган обернулся и посмотрел на них. «Не понимаю, почему вы шли пешком. Если уж на то пошло, я вообще

не понимаю, зачем вы сюда пришли. Вы же должны были понимать, чем все кончится».

«Нас послали», — сказал Ларри. «Чтобы убить Флегга, я полагаю».

«У вас на это мало шансов, дружок. Вы отправляетесь напрямик в вегасовскую тюрьму. Он вами особенно интересуется. Он знал, что вы идете». Он выдержал паузу. «Вам остается надеяться, что вы умрете быстро. Но вряд ли стоит на это рассчитывать. В последнее время он был в не очень хорошем расположении духа».

«С чего бы это?» — спросил Ларри.

Но Дорган, похоже, решил, что и так уже сказал достаточно, возможно, даже слишком много. Он отвернулся от них, ничего не ответив. Ларри и Ральф смотрели по сторонам на проносившуюся мимо пустыню. За три недели ходьбы скорость уже успела стать для них новостью.

До Лас-Вегаса они доехали за шесть часов. Он лежал посреди пустыни, как какая-то невероятная драгоценность. На улицах было много людей — рабочий день закончился, и они наслаждались вечерней прохладой. Они вертели шеями вслед патрульным машинам, а потом возвращались к своим разговорам.

Ларри задумчиво оглядывался вокруг. В городе было электричество, улицы были чистыми, следы мародерства во время эпидемии исчезли.

Они подъехали к тюрьме. Когда Ларри выбрался из машины, разминая застывшие мускулы, он увидел, что у Доргана в руках — пара наручников.

«Эй, посмотри-ка», — сказал он Ральфу.

«Мне очень жаль, но это его распоряжение».

Ральф сказал: «На меня никогда не надевали наручников. Года за два до женитьбы меня подобрали на улице в стельку пьяным и отвезли в вытрезвитель, но наручников не надевали никогда». Ральф говорил медленно, и его оклахомский выговор стал заметнее. Ларри понял, что он впал в полную ярость.

«У меня есть приказ», — сказал Дорган. «Не будем портить друг другу жизнь».

«Приказ», — сказал Ральф. «Знаю, кто отдал тебе этот приказ. Он убил моего друга Ника. Какого черта ты связался с этим адским псом? Ты-то ведь, вроде, сам по себе парень ничего». Ральф смотрел на Доргана с таким гневным недоумением, что тот вынужден был отвернуться.

«Это моя работа», — сказал он. «И я ее выполняю. Вот и все. Протяните руки, или мне придется попросить кого-нибудь сделать это за вас».

Ларри протянул руки, и Дорган надел на них наручники. «Кем ты был?» — спросил Ларри с любопытством. «В прежние времена?»

«Полиция Санта-Моники. Помощник следователя».

«А теперь ты с ним. Прости меня, пожалуйста, но, ей-Богу, это забавно».

Из соседней машины вытолкнули Глена Бэйтмена.

«Какого черта вы его толкаете?» — сердито спросил Дорган.

«Если бы тебе пришлось шесть часов подряд слушать его болтовню, ты б его и не так толкнул», — сказал один из сопровождавших Глена людей.

«Меня не волнует, сколько болтовни вам пришлось выслушать, но волю рукам давать нельзя». Дорган посмотрел на Ларри. «Что такого забавного, в том, что я с ним? В течение десяти лет я был полицейским, пока не пришел Капитан Шустрик. И я видел, что происходит, когда во главе стоят парни вроде тебя».

«Молодой человек, — мягко сказал Глен, — ваше общение с несколькими избитыми детьми и наркоманами не оправдывает тот факт, что вы оказались в объятиях монстра».

«Уведите их», — ровно сказал Дорган. «Одиночные камеры, разные крылья».

«По-моему, ты не уживешься со своей новой ролью», — сказал Глен. «В тебе слишком мало от нациста».

На этот раз Дорган и сам толкнул Глена.

Ларри вели по пустому коридору. На стенах висели таблички: НЕ ПЛЕВАТЬ НА ПОЛ, ДУШ, ТЫ ЗДЕСЬ НЕ ГОСТЬ.

«Я бы не прочь принять душ», — сказал он.
«Может быть, — сказал Дорган, — посмотрим».
«Посмотрим на что?»
«На твоё поведение».

Дорган открыл камеру в конце коридора и ввел Ларри внутрь.

«Как насчет браслетов?» — спросил Ларри, вытягивая вперед руки.

«Конечно». Дорган снял наручники. «Так лучше?»

«Гораздо».

«Все еще хочешь в душ?»

«Очень». Но дело было не только в этом. Больше всего на свете Ларри не хотелось остаться в одиночестве, прислушиваясь к звуку удаляющихся шагов. Если он останется один, к нему вернется страх.

Дорган достал небольшой блокнот. «Сколько вас в Зоне?»

«Шесть тысяч», — сказал Ларри. «Каждый вечер в четверг мы играем в бинго, а призом в общей игре является двадцатифунтовая индейка».

«Так ты хочешь в душ или нет?»

«Хочу». *Но, похоже, не попаду*, — подумал он про себя.

«Так сколько вас?»

«Двадцать пять тысяч, но из них тысяче — меньше двенадцати лет, и их пускают в кино бесплатно. С экономической точки зрения это просто разорение».

Дорган захлопнул блокнот и посмотрел на него.

«Я не могу, парень», — сказал Ларри. «Поставь себя на мое место».

Дорган покачал головой. «Не могу этого сделать, потому что я пока не чокнулся. Зачем вы пришли сюда? Чего вы хотели добиться? Завтра или послезавтра вы будете мертвы, как кусок собачьего дерьма. А если ему понадобится, чтобы вы заговорили, то вы ему все выложите, как миленькие. Вы просто рехнулись».

«Нам велела идти старая женщина. Матушка Абагейл. Возможно, она тебе снилась».

Дорган покачал головой, но при этом отвел глаза в сторону.

«Я не понимаю, о чем ты говоришь».

«Ну, тогда оставим эту тему».

«Стало быть, ты не хочешь говорить со мной? И в душ не хочешь?»

Ларри засмеялся. «Я так дешево не продаюсь. Пошлите к нам шпиона, если, конечно, среди вас найдется парень, который не превращается в ласку, едва только при нем упомянут Матушку Абагейл».

«Ну что ж», — сказал Дорган. «Как тебе будет угодно».

Он прошел по коридору в свете зарешеченных ламп и закрыл за собой стальные ворота.

Завтра или послезавтра вы будете мертвы, как кусок собачьего дерьма.

Но Ларри не верил этому. Этого просто не может быть.

«Я не испугаюсь зла», — сказал он в мертвую тишину коридора, и ему понравилось звучание этой фразы. Он повторил ее снова.

Он лег на койку, и ему пришло в голову, что он наконец-то почти вернулся на Западное Побережье, только путешествие это оказалось куда более долгим и необычным, чем кто бы то ни было мог предположить. К тому же, оно еще не закончилось.

«Я не испугаюсь зла», — снова произнес он. Он заснул. Выражение лица его было спокойным. Спал он мирно, без снов.

На следующий день в десять часов утра Рэнделл Флегг и Ллойд Хенрид подошли к камере Глена Бэйтмена.

Он сидел на полу, скрестив ноги. Под своей койкой он нашел кусок угля и только что закончил надпись на стене своей камеры посреди изображений мужских и женских гениталий, имен, телефонных номеров и коротких непристойных стихотворений. Надпись гласила: *Я не гончар, и не гончарный круг, я — глина, но разве ценность достигнутой формы не зависит в той же степени от внутренних свойств глины, что и от гончарного круга и таланта Мастера?* Глен как раз восхищался этой пословицей — или это был афоризм? — в тот момент, когда ему показалось, что температура в камере неожи-

данно упала градусов на десять. Дверь в конце коридора с грохотом открылась. Во рту у Глена неожиданно пересохло, и кусок угля выпал у него из пальцев.

В коридоре раздалось щелканье каблуков, направлявшихся к нему.

Другие шаги, жалкие и тихие, поспешали за первыми, пытаясь попасть в такт.

Ну вот, это он. Сейчас я увижу его лицо.

Неожиданно артрит стал причинять ему больше страданий. Боль была непереносимой. Словно из него вынули все кости, а образовавшиеся пустоты заполнили битым стеклом. И все же, когда каблуки остановились напротив его камеры, он повернул голову, и на лице его играла заинтересованная, выжидательная улыбка.

«А, так вот вы какой», — сказал Глен. «Вовсе не такой уж бука, как мы думали».

По другую сторону решетки стояло двое человек. Флегг был справа. На нем были синие джинсы и белая шелковая рубашка, мерцавшая в свете тусклых ламп. Он улыбался Глену. За ним стоял человек ниже его ростом и без улыбки на лице. На шее у него был надет черный камень с красной щелью.

«Хочу вам представить моего помощника», — сказал Флегг, хихикнув. «Ллойд Хенрид, познакомьтесь с Гленом Бэйтменом, социологом, членом Комитета Свободной Зоны и последним оставшимся в живых представителем интеллектуального фонда Зоны, с тех пор, как Ник Андрос умер».

«Рад встретить вас», — пробормотал Ллойд.

«Как ваш артрит, Глен?» — спросил Флегг. Тон его был соболезнующим, но в глазах сверкало открытое ликование.

Глен быстро сжал и разжал пальцы, улыбаясь Флеггу в ответ. Никто никогда не узнает, каких усилий стоила ему эта улыбка.

Внутренние свойства глины!

«Прекрасно», — сказал он. «Гораздо лучше, благодаря ночлегу под крышей. Спасибо вам».

Улыбка Флегга слегка потускнела. Глен уловил промелькнувшее по его лицу выражение удивления и гнева. Или страха?

«И я решил отпустить вас на свободу», — сказал он резко.

Сияющая улыбка вновь заиграла на его лице. Ллойд удивленно охнул, и Флегг повернулся к нему. «Так ведь, Ллойд?»

«Ну... конечно», — сказал Ллойд.

«Ну что ж, прекрасно», — весело сказал Глен. Он чувствовал, как артрит вгрызается в его суставы.

«Вам дадут небольшой мопед, и вы сможете отправиться обратно домой».

«Разумеется, я не могу отправиться домой без моих друзей».

«Разумеется, нет. Все, что от вас требуется, это попросить меня. Встать на колени и попросить».

Глен искренне расхохотался. Он откинул голову и смеялся долго и громко. Пока он смеялся, боль в суставах значительно уменьшилась. Он почувствовал себя лучше, сильнее и снова овладел собой.

«Ну, ты и кадр», — сказал он. «Я знаю, чем тебе помочь. Найди-ка ты большую кучу песка, возьми в руки молоток и набей весь этот песок прямиком себе в задницу, а?»

Лицо Флегга потемнело. Улыбка исчезла. Глаза его, раньше напоминавшие своим цветом камень на шее Ллойда, теперь приобрели желтый оттенок. Он протянул руку к засову на двери камеры. Раздалось электрическое гудение. Искры засверкали у него между пальцев. Засов, черный и дымящийся, упал на пол. Ллойд Хенрид вскрикнул. Темный человек схватился за решетку и отодвинул дверь в сторону.

«Прекрати смеяться».

Глен засмеялся еще громче.

«Прекрати смеяться надо мной!»

«Да ты же ничтожество!» — сказал Глен, утирая слезы и все еще хихикая. «Ой, извините меня... а мы-то так тебя боялись... придавали тебе такое значение... я смеюсь и над нашей глупостью, а не только над тобой...»

«Пристрели его, Ллойд». Флегг повернулся к своему соседу. Лицо его исказилось. Пальцы его скривились, как клыки хищника.

«Ну так убей меня сам, раз уж собрался», — сказал Глен. «Ты ведь можешь. Дотронься до меня пальцем и останови мое сердце. Соверши перевернутое крестное знамение и награди меня мозговой эмболией. Извлеки молнию вон из той розетки и разруби меня пополам. Ой, Господи... Господи помилуй... я себе живот надорву...»

Глен рухнул на койку и стал кататься из стороны в сторону, сотрясаемый неудержимым хохотом.

«Пристрели его!» — прогрохотал темный человек.

Бледный, трясущийся от страха, Ллойд вытащил из-за пояса револьвер, чуть не уронил его, а потом попытался прицелиться в Глена. Ему пришлось взять револьвер обеими руками.

Глен смотрел на Ллойда, по-прежнему улыбаясь.

«Раз уж вы собрались стрелять в кого-нибудь, мистер Хенрид, то пристрелите его».

«Давай же, Ллойд».

Ллойд спустил курок. В замкнутом пространстве выстрел прозвучал оглушительно. Пуля выбила кусок бетона в двух дюймах от плеча Глена, скрикошетила и вылетела из камеры.

«Откуда у тебя руки растут?» — завопил Флегг. «Пристрели его, идиот! Пристрели его! Он же стоит прямо перед тобой».

«Да я пытаюсь...»

На лице у Глена по-прежнему играла улыбка. Он лишь слегка вздрогнул от звука выстрела. «Повторяю, раз уж вы собрались стрелять, то пристрелите его. В нем ведь нет ничего человеческого. Как-то в разговоре с другом я назвал его последним волшебником рациональной мысли, мистер Хенрид. Это оказалось даже более справедливым, нежели я предполагал. Но сейчас его чары оставляют его. Они ускользают от него, и он знает об этом. И вы тоже об этом знаете. Пристрелите его сейчас и избавьте нас от массового кровопролития и убийства».

Лицо Флегга стало очень спокойным. «Хорошо, пристрели одного из нас, Ллойд», — сказал он. «Я вызволил тебя из тюрьмы, когда ты умирал от голода. А такие парни, как он, хотят запихнуть тебя обратно. Маленькие человечки, которые много говорят».

Ллойд сказал: «Мистер, вам меня не одурачить. Рэнди Флегг говорит правду».

«Но он лжет. И ты знаешь, что он лжет».

«Он сказал мне больше правды, чем кто бы то ни было за всю мою вшивую жизнь», — сказал Ллойд и трижды выстрелил в Глена. Глена отбросило назад и изогнуло, как тряпичную куклу. Кровь хлестнула из ран. Он ударился о койку, тело его подскочило и скатилось на пол. Он с трудом приподнялся на одном локте. «Все в порядке, мистер Хенрид!» — прошептал он. «Вас нельзя за это винить».

«Заткнись, старый болтун!» — закричал Ллойд. Он выстрелил еще раз, и лицо Глена Бэйтмена исчезло. Еще раз — и тело безжизненно подпрыгнуло. И еще раз. Ллойд плакал. Слезы катились по его сердитому, загорелому лицу. Он вспоминал кролика, который съел свои собственные лапы. Он вспоминал Поука и людей из «Конни». Он вспоминал Джорджа, которому они залепили рот скотчем. Он вспоминал тюрьму Феникса, крысу и Траска. Он вспоминал, как нога Траска показалась ему кентуккской жареной курицей. Он снова спустил курок, но револьвер только щелкнул.

«Хорошо», — мягко сказал Флегг. «Хорошо. Отличная работа, Ллойд. Отличная работа».

Ллойд уронил револьвер на пол и отшатнулся от Флегга.

«Не прикасайся ко мне!» — закричал он. «Я не ради тебя это сделал!»

«Нет, ради меня», — нежно сказал Флегг. «Ты можешь думать иначе, но на самом деле это так». Он протянул руку и сжал черный камень на шее у Ллойда. Когда он снова разжал руку, камня уже не было. На его месте висел маленький серебряный ключ.

«Кажется, я тебе обещал его», — сказал темный человек. «В другой тюрьме. Он лгал... а я держу свое слово, не так ли, Ллойд?»

«Да».

«Другие уходят или собираются уходить. Я знаю, кто они. Я знаю все имена. Уитни... Кен... Дженни... о да, я знаю все имена».

«Тогда почему же вы...»

«Почему я не положу этому конец, так? Я не знаю. Может быть, лучше, чтобы они ушли. Но ты, Ллойд... Ты мой преданный и верный слуга, правда?»

«Да», — прошептал Ллойд. «Да. Наверное, это так».

«Без меня ты был бы способен только на мелкие проделки, даже если сумел бы выбраться из тюрьмы».

«Да».

«Этот парень Лаудер знал об этом. Он знал, что я могу сделать его сильнее. Выше. Вот почему он шел ко мне. Но он был слишком переполнен мыслями... слишком переполнен...» На лице его появилось недоумение, и он неожиданно стал выглядеть гораздо старше. Потом он махнул рукой, и улыбка снова расцвела у него на губах. «Возможно, дела действительно идут плохо. Возможно, это так, по причине, которую даже я не могу понять... но у старого волшебника есть еще в запасе несколько фокусов, Ллойд. Один или два. А теперь слушай меня. Мы не должны терять времени, если хотим остановить этот... этот кризис доверия. Если мы хотим убить его в зародыше. Завтра мы разберемся с Андервудом и Брентнером. А теперь слушай меня внимательно...»

Ллойд лег в постель только после полуночи, а заснул уже под утро. Он говорил с Рэт-Меном. Он говорил с Полом Берлсоном. С Барри Дорганом, который согласился с тем, что распоряжение темного человека может — и должно быть — выполнено до рассвета. На парадной лужайке перед входом в «Гранд-Отель» в десять часов вечера началось строительство. Там работала бригада из десяти человек, вооруженная сварочными аппаратами, молотками и хорошим запасом стальных труб. Они сваривали трубы на двух автоплатформах напротив фонтана. Зрелище сварки вскоре привлекло целую толпу. «Смотри, мама-Энджи!» — кричал Динни. «Фейерверк!»

«Да, но все хорошие мальчики в это время уже ложатся в постельку». Энджи Хиршфилд уводила ребенка в сторону, и сердце ее было охвачено тайным страхом того, что творится что-то ужасное, возможно, даже более ужасное, чем супергрипп.

«Хочу посмотреть! Хочу посмотреть на *искорки!*» — вопил Динни, но она быстро увела его прочь.

Джули Лори подошла к Рэт-Мену — единственному парню, который казался ей слишком жутким, чтобы спать с ним... — ну, разве что в случае крайней нужды. Его черная кожа мерцала в бело-голубом сверкании сварочных аппаратов. Он был одет как пират — широкие шелковые штаны, красный пояс и ожерелье из серебряных долларов на жилистой шее.

«Что тут творится, Рэтти?» — спросила она.

«Рэт-Мен ничего не знает, дорогая, но он предполагает. Да уж, это точно. Похоже, завтра предстоит черная работа, очень черная. Не хочешь на минутку отойти с Рэтти в сторонку, дорогуша?»

«Может быть, — сказала Джули, — но только если ты знаешь, что тут происходит».

«Завтра весь Вегас будет об этом знать», — сказал Рэтти. «Пошли с Рэтти, дорогуша, и он покажет тебе одну забавную штуку».

Но Джули, к великому неудовольствию Рэт-Мена, ускользнула прочь.

Когда Ллойд наконец заснул, работа была закончена, и толпа разошлась. На каждой из автоплатформ стояло по большой клетке. Справа и слева в каждой клетке были оставлены квадратные отверстия. Неподалеку стояли четыре машины с буксирными крюками. К каждому крюку была прикреплена тяжелая стальная цепь. Цепи змеились по лужайке перед «Гранд-Отелем», и каждая заканчивалась как раз у одного из четырех квадратных отверстий в клетках.

К концу каждой цепи был прикреплен стальной наручник.

Утром тридцатого сентября Ларри услышал звук открывающейся двери в дальнем конце коридора. Послышались быстро приближавшиеся шаги. Ларри лежал на тюремной койке и

(думал? молился?)

Это было одно и то же. Но что бы это ни было, застарелая рана внутри него наконец-то зажила, и он

пребывал в мире с самим собой. Он ощутил, как два человека, которыми он был всю свою жизнь — реальный и идеальный, — слились в единое живое существо. Такой Ларри понравился бы своей матери. И Рите Блэкмор. Уэйну Стаки никогда бы не пришлось открывать такому Ларри глаза на ситуацию. Даже специалисту по оральной гигиене такой Ларри вполне мог бы приглянуться.

Скоро я умру. Если есть Бог — а я начинаю думать, что Он есть, — то это Его воля. Мы умрем, и каким-то образом благодаря нашей смерти всему этому настанет конец.

Он подозревал, что Глен Бэйтмен уже умер. Вчера из соседнего крыла до него донесся звук выстрелов. Именно в том направлении и уводили Глена. Ну что ж, он был стар, и его мучил артрит, а что бы там Флегг ни заготовил для них на сегодняшнее утро, вряд ли приходится ждать чего-нибудь приятного.

Шаги остановились рядом с его камерой.

«Вставай, сукин сын», — позвал его радостный голос. «Рэт-Мен пришел за твоей бледной задницей».

Ларри оглянулся. У двери камеры стоял ухмыляющийся чернокожий пират с ожерельем из серебряных долларов на шее и обнаженной саблей в руке. Из-за его спины выглядывал очкастый бухгалтер. Берлсон, так, кажется, его звали.

«Что такое?» — спросил Ларри.

«Дорогой мой», — сказал пират. «Это конец. Самый-самый конец».

«Хорошо», — сказал Ларри и встал.

Берлсон быстро заговорил, и Ларри заметил, что он испуган. «Я хочу, чтобы вы знали, что это не моя идея».

«Насколько я понимаю, ничто здесь не является вашей идеей», — сказал Ларри. «Кто был убит вчера?»

«Бэйтмен», — ответил Берлсон, опустив глаза. «При попытке к бегству».

«При попытке к бегству», — пробормотал Ларри и расхохотался. Рэт-Мен присоединился к нему.

Дверь камеры открылась. Берлсон вошел внутрь с наручниками. Ларри не оказал никакого сопротивления; только вытянул руки. Берлсон надел наручники.

«При попытке к бегству», — сказал Ларри. «Когда-нибудь и вас застрелят при попытке к бегству», — сказал Ларри. «Когда-нибудь и вас застрелят при попытке к бегству, Берлсон». Он перевел взгляд на пирата. «И тебя тоже, Рэтти. При попытке к бегству». Он снова засмеялся, но на этот раз Рэт-Мен не поддержал его. Он хмуро посмотрел на Ларри и стал поднимать свой меч.

«Опусти эту штуку, чертов козел», — сказал Берлсон.

Втроем они вышли из камеры: Берлсон впереди, потом Ларри. Рэт-Мен замыкал шествие. Когда они вышли за пределы крыла, к ним присоединились еще пять человек. Одним из них был Ральф, тоже в наручниках.

«Эй, Ларри», — скорбно сказал Ральф. «Ты слышал? Они сказали тебе?»

«Да».

«Ублюдки. Скоро им крышка, верно?»

«Да».

«Заткните пасти!» — прорычал один из охранников. «Это вам крышка. Сейчас посмотрите, что вас ожидает. Очень веселое развлечение».

«Да нет же, *вам* крышка», — настаивал Ральф. «Разве вы не знаете этого? Разве не чувствуете?»

Рэтти толкнул Ральфа, и тот споткнулся. «Заткнись!» — закричал он. «Рэт-Мен больше не желает слушать эту поганую шаманскую болтовню!»

«Как ты побледнел, Рэтти», — сказал Ларри с усмешкой.

Рэт-Мен снова вскинул свою саблю, но выглядело это совсем не угрожающе. Вид у него, да и у всех остальных, был испуганный. Они чувствовали, как их накрыла тень какого-то великого и непредотвратимого события. Запах его витал в воздухе.

На солнечном дворе стоял оливковый автофургон с надписью ТЮРЬМА ЛАС-ВЕГАСА. Ларри и Ральфа втокнули внутрь. Дверь захлопнулась, двигатель заработал, и они тронулись. Ральф и Ларри сидели на жестких деревянных скамейках.

Ральф тихо произнес: «Я слышал, весь Вегас соберется там? Думаешь, они распнут нас, Ларри?»

«Это или что-нибудь в этом роде». Он посмотрел на Ральфа. Шляпа его была помята, перо выглядело побитым и истерзанным, но по-прежнему задиристо торчало из-под ленты. «Ты боишься, Ральф?»

«Чертовски», — прошептал Ральф. «Я не выношу боли. Я даже к доктору-то ходить боялся. Хотел бы я знать, зачем все это. Пока я только вижу, что он устроит с нашей помощью большой спектакль. Мы для этого здесь оказались?»

«Я не знаю».

Ларри тоже был напуган, но внизу, под страхом, было безмятежное ощущение покоя. Все будет, как надо.

«Я не испугаюсь зла», — пробормотал он. Потом он закрыл глаза и подумал о Люси. О своей матери. Отрывочные воспоминания. Он встает в школу рано утром. Он перестал ходить в церковь. Вместе с Руди они нашли порнографический журнал в канаве и просмотрели его от корки до корки; им тогда было по девять лет. Он смотрит чемпионат США по бейсболу вместе с Ивонной Веттерлин.

Он не хотел умирать, он боялся смерти, но он обязан примириться с ней, насколько это возможно. В конце концов, выбор был сделан не им, и он начинал верить в то, что смерть — это всего лишь комната ожидания, артистическая уборная, где ты проводишь время перед выходом на сцену.

Фургон остановился, и дверь распахнулась. Снаружи хлынул яркий солнечный свет, и они изумленно заморгали. Рэт-Мен и Берлсон впрыгнули внутрь. Вместе с солнечным светом в фургон хлынул и звук — низкий, шелестящий шорох, услышав который, Ральф опасливо склонил голову набок. Но Ларри знал, что это за звук.

В 1986 «Тэттерд Ремнантс» играли перед самой большой аудиторией в своей жизни — они предваряли выступление Ван Халена в Чевиз Рэвин. И звук, донесшийся до них перед выходом на сцену, был точно таким же. Так что когда он выходил из фургона, он знал, чего ему ожидать, и лицо его не изменилось, хотя Ральф позади него и охнул от изумления.

Они стояли на лужайке перед гигантским отелем-казино. Перед входом возвышались две золотые пирамиды. Прямо на траве стояли две автоплатформы. На каждой из них было по клетке, сваренной из стальных труб.

А вокруг стояли люди.

Они окружили лужайку не совсем правильным кругом. Они стояли на автомобильной стоянке казино, на ступеньках, ведущих к парадному входу, на подъездной дороге. Некоторые юноши помоложе посадили своих девушек себе на плечи, чтобы те могли лучше разглядеть предстоящую праздничную церемонию.

Ларри оглядел толпу, и все те, на кого устремлялся его взгляд, отворачивались в сторону. Казалось, на всех лицах застыло выражение обреченности.

Его и Ральфа подтолкнули к клеткам, и по пути Ларри заметил машины с буксирными крюками и цепями. Но первым понял их предназначение Ральф. В конце концов, именно он чуть ли не всю свою жизнь имел дело с техникой.

«Ларри», — сказал он. «Они собираются разорвать нас на части».

«Давайте, забирайтесь, — сказал Рэт-Мен, дохнув ему в лицо запахом чеснока. «Забирайся, сукин сын. Сейчас вы с дружкой прокатитесь на тиграх».

Ларри поднялся на автоплатформу.

«Давай свою рубашку, сукин сын».

Ларри снял рубашку, и утренний прохладный ветерок приласкал его кожу. Ральф снял свою. Шепот прошел по толпе. После многодневной ходьбы они очень сильно похудели; отчетливо было видно каждую косточку.

«Заходи в клетку, тощий зад».

Ларри повиновался.

Теперь распоряжения стал отдавать Барри Дорган. Он переходил с места на место, проверяя, все ли готово. На лице у него застыла гримаса отвращения.

Четверо водителей влезли в кабины и завели свои машины. Ральф схватил один из приваренных наручников и швырнул его в квадратное отверстие в стенке клетки. Наручник попал Полу Берлсону в голову, и по толпе пробежал нервный смешок.

Дорган сказал: «Не стоит делать этого, парень. А то мне придется послать к тебе несколько ребят, чтобы они тебя утомили».

«Пусть делают свое дело», — сказал Ларри Ральфу. Потом он бросил взгляд на Барри Доргана. «Эй, Барри, тебя этому научили в полиции Санта-Моники?»

И снова рябь смеха пронеслась по толпе. «Жестокое обращение с заключенным!» — закричал какой-то смельчак. Дорган вспыхнул, но ничего не сказал. Он подтянул цепи поближе к клетке Ларри, и Ларри плюнул на них, удивившись, что у него хватило на это слюны. Негромкие звуки одобрения раздалась где-то сзади, и Ларри подумал: *Может быть, вот оно, может быть, они взбунтуются...*

Но сердце его не верило в это. Слишком уж бледными и скрытными были их лица. Здесь никогда не произойдет открытого восстания.

Дорган, Рэт-Мен и еще один человек вошли в его клетку. Рэт-Мен открыл для Ларри приваренные к цепям наручники.

«Вытяни руки», — сказал Дорган.

«Удивительная штука — закон и порядок, да, Барри?»

«Вытяни руки, черт тебя побери!»

«Ты что-то плохо выглядишь, Дорган. Как твое сердечко в последние дни — не пошаливает?»

«В последний раз говорю тебе, дружок. Вытяни руки».

Ларри повиновался. Наручники скользнули на его запястья и защелкнулись. Все трое вышли из клетки и закрыли дверь.

«Люди, вы все знаете, что это несправедливо!» — закричал Ларри, и его голос, натренированный долгими годами пения, прокатился над толпой с удивительной силой. «Я не жду от вас, чтобы вы помешали этому, но я хотел бы, чтобы вы это запомнили! Нас убивают, потому что Рэнделл Флегт боится нас! Он боится нас и тех людей, от которых мы пришли сюда!» Растущий ропот пробежал по толпе. «Запомните, как мы умрем! И знайте, что в следующий раз, возможно, настанет ваша очередь умереть так же, как мы».

Снова глухой, сердитый ропот, а потом — молчание.

«Ларри!» — крикнул Ральф.

Со ступенек «Гранд-Отеля» спускался Рэнделл Флегг. Рядом с ним шел Ллойд Хенрид. Флегг был одет в джинсы, клетчатую рубашку, джинсовую куртку с двумя пуговицами на нагрудных карманах и стоптанные ковбойские ботинки. Единственным звуком во внезапно наступившей тишине было цоканье его каблучков.

Темный человек усмехался.

Ларри уставился на него. Флегг остановился перед клетками и поднял взгляд вверх. В его усмешке было какое-то черное очарование. Он полностью владел собой, и Ларри внезапно понял, что это — его звездный час, апофеоз всей его жизни.

Флегг отвернулся от них и оглядел толпу. «Ллойд», — тихо сказал он, и Ллойд, выглядевший бледным, запуганным и больным, вручил Флеггу бумажный свиток.

Темный человек развернул свиток и стал говорить. Голос его был глубок, звучен и приятен. Он звучал в абсолютной тишине, подобно серебряной ряби, которая пробегает по черному пруду. «Знайте о том, что я, Рэнделл Флегг, поставил свою подпись под этим правдивым документом в тридцатый день сентября тысяча девятьсот девяностого года, называемого ныне Годом Первым, годом эпидемии».

«Твое имя — не Флегг!» — крикнул Ральф. Изумленный ропот пронесся по толпе. «Почему ты не скажешь им свое настоящее имя?»

Флегг не подал виду, что слышал эти слова.

«Знайте о том, что эти люди, Лоусон Андервуд и Ральф Брентнер, являются шпионами, которые пришли в Лас-Вегас не с добрыми намерениями, а с подрывными целями. Они прокрались в наше государства украдкой, и под покровом темноты...»

«Неплохо, — сказал Ларри, — если учесть, что мы шли по шоссе №70 при свете дня». Он перешел на крик. «Они арестовали нас в полдень на шоссе, так как насчет покровы темноты?»

Флегг терпеливо дождался тишины, словно считал, что надо дать Ларри и Ральфу возможность ответить на

представленные обвинения... что, впрочем, в итоге не будет иметь никакого значения.

Потом он продолжил: «Знайте, что когорты этих людей ответственны за диверсионные взрывы вертолетов в Индиан Спрингс, а, следовательно, и за гибель Карла Хоу, Билли Джеймисона и Клиффа Бенсона. Они повинны в убийстве».

Глаза Ларри упали на лицо человека, стоявшего в первом ряду. Это был Стэн Бэйли, руководитель испытаний в Индиан Спрингс. Ларри не знал этого, но он заметил отразившееся на его лице недоумение и удивление и увидел, как он повернулся к соседу и сказал нечто вроде *Сорный Бак*.

«Знайте, что когорты этих людей подослали к нам своих шпионов, и эти шпионы были убиты. Эти люди приговариваются к смертной казни и будут разорваны надвое. Долг и ответственность каждого из вас — быть свидетелями этой казни, чтобы вы могли запомнить и рассказать другим то, что вы увидели в этот день».

Усмешка Флегга на мгновение частично потухла, так как он, по всей видимости, пытался придать ей заботливый и сострадательный вид, но, несмотря на все усилия, она не стала более человеческой, чем оскал акулы.

«Те, у кого есть дети, могут идти».

Он повернулся к машинам, которые медлили, время от времени выпуская облачка выхлопов в утренний воздух. Когда он повернулся, в толпе произошло какое-то движение, и неожиданно сквозь нее прорвался какой-то человек. Он был смертельно бледен, так что лицо его по цвету почти не отличалось от надетого на нем поварского халата. Темный человек протянул свиток Ллойду. Когда Уитни Дорган оказался перед толпой, руки Ллойда конвульсивно дернулись. Раздался отчетливый звук разрываемой бумаги.

«Эй, вы, люди!» — закричал Уитни.

Смутный ропот пронесся над толпой. Уитни трясся с ног до головы, словно паралитик. Голова его то дергалась в сторону темного человека, то вновь отворачивалась. Флегг смотрел на Уитни с кровожадной усмешкой. Дорган направился было к повару, но Флегг жестом остановил его.

«Это несправедливо!» — завопил Уитни. *«Вы знаете, что это несправедливо!»*

Воцарилась мертвая тишина. Кадык Уитни прыгал, как обезьяна на ветке.

«Мы когда-то были американцами!» — наконец прокричал он. «Американцы так не поступают. Я был всего лишь поваром, но я знаю, что американцы так не поступают, они не станут слушать какого-то кровожадного мудака в ковбойских ботинках...»

Толпа издала вздох ужаса. Ларри и Ральф обменялись недоуменными взглядами.

«Да-да», — настаивал Уитни. «Это именно о нем». Пот стекал по его лицу, словно слезы. «И вы будете смотреть, как этих двух парней разорвут у вас на глазах на две части, а? Вы считаете, это подходящее начало для новой жизни? Думаете, это справедливо? Говорю вам, вам будут сниться кошмары до конца вашей жизни!»

Толпа согласно зашумела.

«Мы должны остановить это», — сказал Уитни. «Настало время подумать о том, что... что...»

«Уитни», — раздался этот голос, мягкий, как шелк, и едва слышный, но оказавшийся достаточно громким, чтобы повар немедленно замолчал. Он обернулся к Флеггу, губы его беззвучно двигались, а в глазах появилось рыбье выражение.

«Уитни, тебе надо было молчать». Голос был тихим, но без труда доносился до каждого. «Я бы отпустил тебя... да и зачем ты мне нужен?»

Уитни шевелил губами, но с них по-прежнему не мог сорваться ни один звук.

«Подойди сюда, Уитни».

«Нет», — прошептал Уитни, но ноги его сами двинулись с места. Он шел к темному человеку, словно привидение.

«Я знал о твоих планах», — сказал темный человек. «Я знал о том, что ты собираешься сделать, даже раньше тебя самого. И я позволил бы тебе уползти от меня, чтобы вернуть тебя через год, в может быть, через десять. Но все это позади, Уитни».

В последний раз Уитни сумел обрести дар речи, и слова рванулись из него сдавленным криком. *«Ты вообще не человек! Ты... ты... просто дьявол!»*

Флегг вытянул вперед указательный палец левой руки, так что он почти коснулся подбородка Уитни. «Да, ты прав», — сказал он так тихо, что никто, кроме Ллойда и Ларри Андервуда, не услышал его. «Я дьявол».

Шар голубого огня выскочил из указательного пальца Флегга с тихим озоновым треском.

Осенний ветер вздохов пронесся над толпой.

Уитни вскрикнул, но не сдвинулся с места. Огненный шар коснулся его подбородка. Внезапно в воздухе разнесся приторный запах горелого мяса. Шар прошел по его губам, и крик Уитни прекратился. Потом он двинулся вдоль щеки, оставляя за собой глубокую обугленную борозду.

Потом шар прошел по его глазам.

Он застыл напротив его лба, и Ларри услышал, как Ральф повторяет без устали одну и ту же фразу. Ларри присоединил свой голос к голосу Ральфа: *«Я не испугаюсь зла... я не испугаюсь зла... я не испугаюсь зла...»*

Огненный шар поднялся выше, и теперь в воздухе разнесся жаркий запах горелых волос. Шар скатился ему на затылок, оставляя позади себя гротескную лысую полосу. Уитни закачался и рухнул на землю, слава Богу, лицом вниз.

Долгое *Aaaaaaaxxxx* раздалось в толпе. Это был звук, который вырывается у людей, когда на праздник 4 июля демонстрируют особенно красивые феерверки. Огненный шар повис в воздухе. Теперь он стал намного больше, и смотреть на него можно было только прищурившись. Темный человек указал на него пальцем, и он медленно двинулся на толпу. Стоявшие в первом ряду подались назад.

Громовым голосом Флегг спросил: *«Есть ли среди вас еще кто-нибудь, кто не согласен с моим приговором? Если да, то пусть говорит!»*

Ответом было глубокое молчание.

Флегг выглядел удовлетворенным. «Тогда позвольте...»

Неожиданно люди в толпе стали оборачиваться назад. Раздался удивленный ропот, перешедший в громкий шум. Флегг выглядел так, будто его застали врасплох. Теперь люди начали кричать, и хотя слов разобрать было нельзя, в голосах слышалось удивление и недоумение.

До Ларри донесся гул электромотора. И снова он услышал это странное имя, передававшееся из уст в уста, но никто не произнес его ясно, полностью: Бак... Сорный Бак... Мусор... Мусорок...

Кто-то приближался сквозь толпу, словно в ответ на вызов темного человека.

Флегг почувствовал, как в сердце его просачивается ужас. Это был ужас перед неизвестным и неожиданным. Он предвидел все, даже глупую речь Уитни. Толпа — *его толпа* — распадалась, подавалась назад. Раздался крик, высокий, звонкий и леденящий душу. Кто-то не выдержал и побежал. Потом кто-то еще. А потом вся толпа бросилась врассыпную.

«*Стоять!*» — закричал Флегг изо всех сил, но все было без толку. Толпа превратилась в ураган, а ураган не мог остановить даже темный человек. Ужасная, бессильная ярость захлестнула его. Снова все пошло вкривь и вкось. В самый последний момент, как с Джаджем в Орегоне, как с той женщиной, перерезавшей себе шею оконным стеклом... и как с Надин... с падающей вниз Надин...

Они разбегались. Они увидели опоздавшего гостя, прибывшего сюда, словно некое мрачное видение из сказки ужасов. Они увидели охристое лицо окончательного, ужасного возмездия.

И они увидели, что возвратившийся странник привез с собой.

Когда толпа поредела, это увидел и Рэнделл Флегг, а вместе с ним Ларри, Ральф и застывший от ужаса Ллойд Хенрид, который все еще держал в руках порванный свиток.

Это был Дональд Мервин Элберт, известный также под кличкой Мусорный Бак.

Он сидел за рулем длинного и грязного электрокара. Аккумуляторы электрокара уже почти сели. Электрокар гудел, жужжал и дергался. Мусорный Бак подскакивал на открытом сиденье, словно сумасшедшая марионетка.

Он страдал последней стадией лучевой болезни. Волосы его выпали, руки, торчавшие из лохмотьев рубашки, были покрыты кровоточащими язвами. Его лицо было похоже на бугристый кусок красного мыла, на котором светился один выцветший голубой глаз. Зубы его выпали, ногти выпали, а веки превратились в рваные клочья.

Он выглядел так, словно приехал на своем электрокаре из пасти ада.

Застыв от ужаса, Флегт следил за его приближением. Улыбка его исчезла. Яркий, насыщенный цвет его кожи внезапно потускнел. Лицо его стало похоже на матовое стекло.

Голос Мусорного Бака экстатически рвался на свободу из его узкой груди: «Я принес... я принес тебе огонь... пожалуйста... прости меня...»

Первым с места сдвинулся Ллойд. Он сделал вперед один шаг, потом второй. «Мусорок... Мусор, мальчик мой...» Голос его звучал как карканье.

Единственный глаз двинулся, отчаянно выискивая Ллойда. «Ллойд? Это ты?»

«Это я, Мусор». Ллойд дрожал с головы до ног, совсем как Уитни несколько минут назад. «Эй, что там у тебя такое? Это случайно не...»

«Это Большая Штука», — счастливым голосом произнес Мусорный Бак. «Это атомная бомба». Он стал рассказывать на сиденье электрокара, как новообращенный на религиозном митинге. «Атомная бомба, Большая Штука, большой огонь, *жизнь за тебя!*»

«Убери ее, Мусор», — прошептал Ллойд. «Это опасно... убери ее...»

«Пусть он уберет ее отсюда, Ллойд», — проскулил темный человек, превратившийся теперь в бледного человека. «Пусть он отвезет ее обратно. Пусть он...»

В единственном глазу Мусорного Бака появилось изумление. «Где он?» — спросил он, и голос его поднялся до

агонизирующего воя. *«Где он? Его больше нет! Где он? Что вы с ним сделали?»*

Ллойд предпринял еще одно сверхусилие, «Мусор, ты должен избавиться от этой штуки. Ты...»

И неожиданно Ральф вскрикнул: *«Ларри! Ларри! Рука Бога!»*

Лицо Ральфа было охвачено безумной радостью. Глаза его сияли. Он указал в небо.

Ларри поднял голову. Он увидел электрический шар, который Флегг выпустил из своего пальца. Теперь шар вырос до огромных размеров. Он висел в небе, нервно подергиваясь в сторону Мусорного Бака, испуская искры, похожие на волосы. Ларри смутно ощутил, что воздух до такой степени был полон электричеством, что каждый волосок на его теле стоял дыбом.

И шар в небе действительно был похож на руку!

«Нееееет!» — завопил темный человек.

Ларри посмотрел в его сторону... но Флегга там больше не было. Там стояла какая-то обмякшая, сгорбленная и почти бесформенная тварь — с огромными желтыми глазами, прорезанными темными щелями кошачьих зрачков.

Потом и она исчезла.

Ларри увидел висящую в воздухе одежду Флегга — куртку, джинсы, ботинки, — которая в течение краткого мига сохраняла форму его теле. Потом она рухнула на землю.

Трескучий голубой огонь ринулся к электрокару, на котором Мусорный Бак непостижимым образом умудрился довести атомную бомбу до Лас-Вегаса. Он терял свои голоса, истекал кровью и изрыгал из себя вместе с рвотой все свои зубы, по мере того как лучевая болезнь все глубже и глубже проникала в него, но ни разу он не поколебался в своей решимости привезти ее темному человеку.

Шар голубого огня заинтересованно рванулся к грузовому отсеку электрокара, пытаясь выяснить, что там такое.

«Так твою мать, нам всем крышка!» — крикнул Ллойд Хенрид.

Он обхватил голову руками и упал на колени.
О, Господи, слава Тебе, — подумал Ларри. Я не испугаюсь зла, я не...

Бесшумный белый свет заполнил весь мир.

И праведные, и неправедные были преданы этому святому огню.

ГЛАВА 67

Он проснулся, цепляясь в сонной панике за песчаный грунт. Что это было, кошмар? Если это так, то, похоже, он до сих пор продолжается. Земля дрожала под ним.

Землетрясение?

На мгновение он решил, что это бред, что жар возобновился, пока он спал. Но, посмотрев вокруг, он увидел, что грязь соскальзывает вниз небольшими пластами. По склонам прыгали камешки. А потом раздался отдаленный, глухой звук — казалось, он *протолкнулся* в уши. Мгновение спустя у него перехватило дыхание, словно из оврага моментально выкачали весь воздух.

«Коджак!» — в панике закричал Стью. Этот глухой удар испугал его — словно Бог топнул ногой в пустыне где-то неподалеку.

Коджак сбежал вниз по склону и присоединился к нему, скуля и повизгивая. Погладив его по спине, Стью почувствовал, как он дрожит. Он должен увидеть, он *должен*. Внезапно он почувствовал уверенность: то, что должно было случиться, случается. Прямо сейчас.

«Я полез наверх, парень», — пробормотал Стью.

Он подполз к восточному склону оврага. Он был немного круче, но там было больше опор. За последние три дня он не раз уже думал, что вполне мог бы подняться, но не было стимула.

На дне оврага он был укрыт от ветра, и у него была вода. Но теперь он должен подняться. Он должен увидеть. Он тащил за собой свою сломанную ногу как клюшку для гольфа. Он приподнялся на руках и посмотрел наверх. Склон уходил далеко-далеко ввысь.

«Не смогу, парень», — сказал он Коджаку и полез. С помощью обеих рук и левого колена он полз вверх, дюйм за дюймом. Он поднялся на двенадцать футов, а потом спустился на шесть, не успев схватиться за кварцевый выступ и остановить скольжение.

«Нет, ни за что не смогу», — сказал он, тяжело дыша.

Через десять минут отдыха он пополз снова и поднялся еще на десять ярдов. Коджак расхаживался рядом с ним, без сомнения удивляясь, зачем этот идиот лезет наверх, оставляя внизу воду и южный жаркий костер.

Жарко. Слишком жарко.

Должно быть, опять возвращается жар, хорошо хоть озноб прошел. Пот тек по его лицу. Волосы нависали на глаза.

Господи, я сгораю заживо!

Взгляд его упал на Коджака. Только через минуту он смог сделать выводы из того, что увидел. Коджак тяжело дышал, высунув язык. Это была не лихорадка или, по крайней мере, не только лихорадка, так как Коджаку тоже было жарко.

Он снова пополз, и страх придал ему дополнительную силу. Прошел час, второй. Он боролся за каждый фут, каждый дюйм. К часу дня он был всего лишь в шести футах от верха. Только шесть футов, но склон в этом месте был крутым и очень гладким.

«Застрял», — пробормотал он. «Интересное кино. Что теперь?» Что теперь — стало очевидно очень быстро. Тело его стало медленно соскальзывать вниз.

«Коджак!» — закричал он отчаянно, не ожидая никакой помощи. Но неожиданно Коджак оказался рядом. Стью слепо обнял его за шею, не рассчитывая на спасение, а просто хватаясь за то, что подвернулось под руку, как утопающий за соломинку. Коджак не сделал никаких усилий, чтобы его сбросить. Он стал взрывать землю лапами. Камешки полетели Стью в лицо, и он зажмурил глаза.

Коджак тащил его вверх, пыхтя как воздушный компрессор. Стью прикрыл глаза. Голова Коджака была опущена, а его задние ноги работали в бешеном темпе. Они

были почти уже на вершине. С отчаянным криком Стью отпустил шею Коджака и схватился за асфальтовый выступ. Выступ немедленно обвалился. Он схватился за другой. Два ногтя сломались, и он закричал. Боль была очень сильной, гальванизирующей. Он рванулся вверх, оттолкнувшись здоровой ногой, и вот, непостижимым образом, он уже лежал на асфальте I-70.

Рядом с ним оказался Коджак. Он скулил и лизал его в лицо.

Стью медленно сел и посмотрел на запад. Он смотрел очень долго, забыв про жар, который по прежнему накачивал на его лицо горячими мощными волнами.

«О, Господи», — произнес он наконец тихим дрожащим голосом. «Посмотри туда, Коджак. Ларри. Глен. Их больше нет. Господи, *ничего* больше нет. Ничего».

На горизонте виднелось грибообразное облако, похожее на сжатый кулак на длинной, пыльной руке. Края его были нечеткими — оно уже начало рассеиваться.

Радиоактивные осадки. В какую сторону подует ветер? Стоит ли об этом думать?

Он вспомнил о своем письме к Фрэн. Обязательно надо дописать о том, что случилось. Если ветер отнесет осадки на восток, у них могут возникнуть проблемы... и кроме того, они должны знать, что если Лас-Вегас и был базой темного человека, то теперь ее больше не существует. Люди вместе со смертельно опасными игрушками, которые только и ждали того, когда их подберут, превратились в пар. Обо всем этом обязательно надо написать.

Но не сейчас. Сейчас он слишком устал. Подъем истощил его силы, а вид рассеивающего гриба истощил их в еще большей степени. Он не чувствовал никакого ликования, только тупую усталость. Он лег на асфальт, и его последняя мысль перед тем, как он заснул, была: *Сколько мегатонн?* Впрочем, вряд ли когда-нибудь кто-то узнает или захочет узнать об этом.

На следующее утро жар был еще сильнее. Гланды распухли до размеров мячиков для гольфа.

Я умираю... да, это очевидно.

Он подозвал Коджака и вытащил свое письмо из плаستيкового окошечка на ошейнике, предназначенного для адреса владельца собаки. Аккуратными печатными буквами он дописал то, что видел вчера, и засунул письмо на прежнее место. Потом он лег и заснул. На обед Коджак принес ему суслика.

«И это все, на что ты годен?»

Коджак завилял хвостом и смущенно усмехнулся.

Стью поджарил суслика, поделил его и умудрился съесть свою половину. Вкус был ужасный, и после еды у него случился отвратительный припадок желудочных су-дорог.

«Я хочу, чтобы ты вернулся в Боулдер, Когда я умру, — сказал он собаке. — Ты вернешься туда и найдешь Фрэн. Найди Фрэнни. Хорошо, жирная псина?»

Коджак с сомнением помахал хвостом.

Спустя час желудок Стью вновь стал выворачиваться наизнанку. Он едва успел приподнять на одном локте, чтобы не запачкать свою одежду, когда его доля суслика рванулась наверх.

«Черт», — пробормотал он убитым голосом и задремал.

Он проснулся под утро и приподнялся на локтях. Голова его гудела от сильного жара. Он увидел, что костер погас. Но это не имело значения. Он и так сгорал изнутри.

Его разбудил какой-то звук, донесшийся из темноты. Посыпались камешки, Наверное, просто Коджак поднимался по склону...

Вот только Коджак лежал рядом с ним и спал.

Как только Стью взглянул на него, пес проснулся. Морда его дернулась вверх, и через секунду он был уже на ногах и рычал в сторону оврага.

Шум осыпающихся камней. Кто-то — *что-то* — приближается к нему.

Стью сел. *Это он,* — промелькнуло у него в голове. *Он был там, но каким-то образом он спасся. А теперь он здесь, и он собирается покончить со мной, прежде чем это сумеет сделать грипп.*

Рычание Коджака стало громче. Звук осыпающихся камней стал ближе. Стью услышал чье-то тяжелое дыха-

ние. Потом наступила пауза, во время которой Стью успел вытереть пот со лба. А потом из оврага поднялся черный сторбленный силуэт.

Коджак рванулся вперед.

«Эй», — произнес удивленный, но знакомый голос. «Эй, это Коджак? Да?»

Рычание немедленно прекратилось. Коджак радостно бросился вперед, виляя хвостом.

«Нет! — закричал Стью. — Это обман! *Коджак...*!»

Но Коджак уже скакал вокруг фигуры, которая наконец-то вылезла на шоссе. И силуэт ее... что-то в ее силуэте было очень знакомым. Стью облизал губы и приготовился к сопротивлению.

«Кто это? — закричал он. — Кто там идет?»

Темный силуэт остановился, а потом заговорил.

«Ну, это Том Каллен, вот это кто, ей-Богу, да. А кто *вы?*»

«Стью», — ответил он, и ему показалось, что его собственный голос доносится откуда-то издалека. «Хелло, Том, я рад встретить тебя».

Потом он потерял сознание.

Он очнулся около десяти часов утра второго октября.

Том развел большой костер и завернул Стью в одеяла и свой спальный мешок. Сам Том сидел у костра и жарил зайца. Коджак с довольным видом лежал на земле между ними.

«Том», — позвал Стью.

Том подошел к нему, Стью увидел, что у него отросла борода. Он очень мало напоминал человека, который покину Боулдер пять недель назад. Его голубые глаза весело сверкали.

«Стью Редман! Ты проснулся, ей-Богу, да! Я рад. Господи, как приятно видеть тебя. Что ты сделал со своей ногой? Наверное, ушиб. Я тоже как-то ушиб себе ногу. Прыгнул со стога сена и сломал. Как ты думаешь, высек меня мой папаша? Ей-Богу, да!»

«Моя тоже сломана. Да еще как. Том мне ужасно хочется пить...»

«Ааа, так тут есть вода. На любой вкус! Вот здесь».

Он передал Стью пластиковую бутылку, в которой когда-то было молоко. Вода была чистой и очень вкусной. Стью жадно выпил ее, и его тут же вырвало.

«Медленно, но верно, — сказал Том, — Вот правило! Парень, как я рад видеть тебя. Ушиб ногу, правда?»

«Да, я сломал ее. Неделью назад, а, может, и раньше». Он выпил еще воды, и на этот раз она задержалась у него в желудке. «Но есть еще трудности, кроме ноги. Я сильно болен, Том. Слушай меня внимательно».

«О'кей! Том слушает. Ты только скажи мне, что делать». Том склонился к нему, и Стью подумал: *Черт возьми, похоже, он поумнел. Неужели это было возможно?* Где был Том? Известно ли ему что-нибудь о Джадже? О Дайне? О стольких вещах надо поговорить, но сейчас нет времени. Ему становится все хуже и хуже. И этот хриплый звук в груди. Очень похоже на супергрипп. Как это забавно!

«Мне надо сбить жар, — сказа он Тому. — Это самое главное. Мне нужен аспирин. Знаешь, что такое аспирин?»

«Конечно».

«Ты пойдешь по дороге. Заглядывай в бардачок каждой машины, которая тебе попадается по пути. Попытайся найти аптечку — скорее всего, это будет коробка с красным крестом. Когда найдешь аспирин, возвращайся сюда. И если найдешь в какой-нибудь машине палатку, захвати ее с собой. О'кей?»

«Ясное дело». Том встал. «Аспирин и палатка. Тогда ты поправишься, так?»

«Ну, для начала этого хватит».

«Скажи, — спросил Том, — а как Ник? Он мне снился. В снах он говорил мне, куда идти, потому что в снах он умеет разговаривать. Забавная штука — сны, правда? Но когда я пытаюсь заговорить с ним, он всегда уходит. С ним все в порядке?» Том обеспокоенно посмотрел на Стью.

«Не сейчас, — сказал Стью. — ...сейчас не могу говорить. Просто принеси мне аспирин, о'кей? А потом мы поговорим».

«О'кей...». Но на лицо Тома опустилось серое облако страха. «Коджак, пойдешь с Томом?»

Коджак пошел. Они ушли вдвоем, направляясь на восток. Стью лег и закрыл глаза руками.

Когда Стью снова очнулся, были уже сумерки. Том тряс его за плечо. «Стью, проснись!»

Стью был напуган тем, что время ускользает в какие-то черные дыры, словно шестеренки на часовом механизме его индивидуальной реальности вконец стерлись.

«Что ты нашел, Том?»

Том протянул ему аптечку. Внутри был большой пузырек с аспирином. Стью был изумлен тем, что ему оказалось не под силу отвернуть крышечку. Ему пришлось передать пузырек Тому, и тот в конце концов сумел с ним справиться. Стью выпил три таблетки.

«А еще я нашел вот это, — сказал Том. — Он был в машине, доверху набитой разным походным снаряжением, но палатки там не оказалось». Он протянул Стью огромный пуховой двойной спальный мешок.

«Прекрасно. Это заменит нам палатку. Ты молодец, Том».

«А еще вот это. Это было в той машине». Том полез в карман куртки и достал оттуда полдюжины пакетов из фольги. Стью не верил своим глазам. Сухие концентраты. Яйца, горох, напитки, сухая говядина. «Это еда, правда, Стью? На них ведь нарисована еда, ей-Богу, да».

«Это действительно еда, — благодарно произнес Стью. — И, наверное, это почти единственное, что я сейчас могу есть. Можем мы вскипятить немного воды? Только у нас нет ни кастрюли, ни чайника».

«Я что-нибудь найду».

«Прекрасно».

«Стью...»

Стью посмотрел на это обеспокоенное, несчастное лицо и медленно покачал головой.

«Погиб, Том, — сказал он мягко. — Ник погиб. Почти месяц назад. Мне очень жаль».

Том опустил голову, и в свете только что разведенного костра Стью увидел, как капают его слезы. Наконец он

снова поднял взгляд на Стю, и глаза его стали как никогда яркими.

«Я знал это, — сказал он хрипло. — Я не хотел себе признаваться в том, что я знаю, но я знал. Ей-Богу, да. Он все время отворачивался и уходил. Он был моим лучшим другом. Стю, ты знаешь об этом?»

Стю взял Тома за руку. «Знаю, Том».

«Да, это так. Мне ужасно будет его не доставать. Но я увижу его на небесах. Том Каллен увидит его там. И он сможет говорить, а я смогу думать. Так?»

«Я не удивлюсь этому, Том».

«Плохой человек убил Ника, я знаю об этом. Но Бог остановил плохого человека, и я это видел. Рука Бога спустилась с небес. Он остановил его за то, что он сделал с Ником и с бедным Джаджем».

«Что ты знаешь о Джадже, Том?»

«Мертв! Его пристрелили в Орегоне!»

Стю устало кивнул. «А Дайна? Ты знаешь что-нибудь о ней?»

«Том видел ее, но он не знает. Я подметал улицы. И однажды, когда я возвращался со своей работы, я увидел, как она меняла лампочку в фонаре. Она посмотрела на меня и...» Он на мгновение замолчал, а потом снова заговорил, но уже не со Стю, а с самим собой. «Видела ли она Тома? Узнала ли она Тома? Том этого не знает. Том... *думает*... что она узнала его. Но больше Том ее ни разу не видел».

Том отправился на промысел, а Стю задремал. Вернулся Том с большой консервной банкой и с огромной сковородкой, на которой можно было бы поджарить даже рождественскую индейку. Стю улыбнулся, несмотря на вспухшие у него на губах болезненные волдыри.

Через полчаса ужин был готов. Стю ел осторожно, в основном, овощи. Вскоре после еды они с Томом легли спать, а Коджак разместился между ними.

«Послушай меня, Том».

Том присел на корточки рядом со Стю. Было это на следующее утро. Стю смог съесть очень немного. Горло

его воспалилось и очень болело. Кашель усилился, и аспирин не справлялся с усилившимся жаром.

«Мне надо оказаться под крышей и принять лекарство. Это должно произойти уже сегодня, или я умру. Ближайший город — Грин Ривер — находится отсюда в шести-десяти милях на восток. Нам придется ехать на машине».

«Том Каллен не умеет водить машину, Стью. Ей-Богу, нет!»

«Да, я знаю. Это будет для меня серьезным испытанием. Но пока мы забудем об этом, потому что главная проблема — это ее завести. Большинство из них стояли на одном месте уже месяца три, если не больше. Аккумуляторы все сели. Так что для начала нам надо найти машину на вершине холма. Возможно, нам повезет. Здесь довольно холмистая местность».

Он поднял глаза на затянутое облаками небо. «Самая трудная часть задачи ложится на тебя, Том. Ты должен стать моими ногами».

«Хорошо, Стью. Когда мы найдем машину, мы поедем в Боулдер? Том хочет обратно в Боулдер, а ты?»

«Больше всего на свете, Том». Он посмотрел в сторону Скалистых гор, тусклой тенью вытянувшихся на горизонте. Выпал ли снег на перевалах? Почти наверняка. А если еще и не выпал, то скоро выпадет. «Но это займет у нас довольно много времени».

Стью протянул Тому карманный нож. «Тебе надо будет проделать дырки в дне этого спального мешка, по дырке с каждой стороны».

Через час работа была закончена, и Стью сидел за спиной у Тома в самодельном рюкзаке.

«Тяжело?»

«Не очень. Я смогу протащить тебя далеко-далеко».

Они отправились в путь. Овраг, в котором Стью сломал свою ногу и намеривался умереть, остался за спиной. Несмотря на слабость, Стью чувствовал безумное возбуждение. Во всяком случае, не здесь. Он умрет где-нибудь, и, возможно, очень скоро, но не в этой грязной канаве. Мерные покачивания спального мешка усыпили его. Коджак бежал рядом с ними.

Чтобы усесться за руль старого «Плимута» 1970 года выпуска, Стью понадобилось минут пять. Коджак устроился на заднем сиденье.

Стью повернул ключ. Старый «Плимут» потарахтел секунд двадцать, а потом заглох. Стью посигналил, и звук оказался очень слабым. У Тома был убитый вид.

«Мы еще ей покажем», — сказал Стью. Он радовался, что аккумулятор разрядился не до конца. Он нажал сцепление и переключился на вторую передачу. «Открой дверь и подтолкни нас. А потом заскакивай обратно в машину».

«Но ведь машина направлена в другую сторону» — с сомнением спросил Том.

«Пока да. Но если мы сумеем завести эту грудку старого дерьма, то развернуться проблем не будет».

Том вылез из машины и стал толкать «Плимут», упершись в дверную стойку. Когда стрелка спидометра указала на пять миль, Стью сказал: «Заскакивай назад, Том».

Том вскочил в машину и захлопнул дверь. Стью повернул ключ и стал ждать. «Плимут» разогнался, съезжая по склону холма. Стрелка спидометра подползла к цифре 10, 15, потом 20. Они бесшумно катились вниз. 25 миль в час.

«Двигатель не работает», — обеспокоенно сказал Том.

30 миль. Достаточно. «Да поможет нам Бог», — сказал Стью и отпустил сцепление. «Плимут» дернулся. Двигатель закашлял и заглох. Стью застонал.

«Так твою мать!» — закричал он и снова нажал сцепление. «Нажми на педаль газа, Том! Рукой!»

«На которую?» — с сомнением спросил Том.

«На длинную!»

Том опустил на пол и дважды нажал на газ. Машина снова набирала скорость, и Стью с трудом заставил себя повременить. Они проехали уже больше половины склона.

«Давай!» — закричал он и снова отпустил педаль сцепления.

Двигатель заработал. Коджак залаял. Из ржавой выхлопной трубы за клубился черный дым, который вскоре стал синим. Стью переключился на третью передачу.

«Мы едем, Том», — завопил он.

Том испустил крик ликования. Коджак залаял и завилял хвостом. В своей предыдущей жизни, когда он был еще Биг Стивом, Коджак часто ездил со своим хозяином на машине. Приятно было снова ехать на машине, с новыми хозяевами.

До Грин Ривера они добрались уже в сумерках. Стью запарковал машину напротив унылого трехэтажного здания с вывеской «Отель Юта».

Устал. Чувствовал ли он когда-нибудь себя таким усталым?

«Ну вот. Приехали, — пробормотал он. — Здесь мы остановимся на ночь. Ты меня отнесешь внутрь?»

«Конечно. И как тебе удалось завести это старье?»

«Я бы выпил пива, — сказал Стью. — А у тебя нет сигарет? Умираю — хочу курить».

Том вылез из машины и отнес Стью в отель. В вестибюле было темно и сыро, но Том обнаружил камин с запасом дров и развел в нем огонь. Стью сидел на обшарпанном диване под головой лося. Дыхание его было медленным и хриплым. Время от времени он бормотал себе под нос что-то невразумительное.

В два часа утра Коджак поднял голову и нервно заскулил. Том Каллен поднялся со своего дивана. Глаза его были широко раскрыты и ничего не выражали. Он подошел к двери и вышел на улицу.

Снаружи завыл ветер.

ГЛАВА 68

Том вернулся в четыре часа утра. Коджак приветственно залаял, и Стью открыл глаза. Том встал на колени рядом с ним.

«Стью?»

«Том? Тяжело дышать».

«Я принес лекарства, Стью. Ник показал мне. Ты примешь лекарства и убьешь инфекцию. Ты должен сде-

лать это прямо сейчас». Ник достал из сумки четыре пузырька с таблетками и большую бутылку сока.

Стью внимательно посмотрел на лекарства. «Том, где ты это взял?»

«В аптеке. Мне дал их Ник».

«Да нет, серьезно...»

«Серьезно! Серьезно! Сначала надо принять пенициллин и посмотреть, подействует ли он. Который из них пенициллин?»

«Вот этот... но, Том...»

«Нет. Ты должен. Так велел Ник. И тебе надо ходить».

«Я не могу ходить. У меня сломана нога. И я болен». В голосе Стью появилось обиженные, капризные нотки.

«Ты должен. Или я буду тебя таскать».

Стью потерял контакт с реальностью. Том вложил ему в рот пенициллиновую капсулу, и Стью рефлекторно проглотил ее, запив соком. Он закашлялся, и Том похлопал его по спине. Потом он поднял Стью на его здоровую ногу и стал таскать его по вестибюлю. Коджак обеспокоенно следовал за ними.

«Прошу Тебя, Господи», — сказал Том. «Прошу Тебя, Господи, прошу тебя, Господи».

Никогда еще Боулдер не казался ему таким далеким, как в то унылое утро.

Борьба Стью с пневмонией продолжалась две недели.

Через два дня от пенициллина на коже выступила отвратительная красная сыпь, и Том стал давать ему ампициллин. Это дало лучший эффект, и утром седьмого октября Том проснулся и увидел, что Стью спит глубоко, а температура спала. Ночью жар возобновился. В течение следующих двух дней Стью непрерывно спал. Тому с трудом удавалось разбудить его, чтобы скормить ему таблетки и несколько кусочков сахара из гостиничного ресторана.

Одиннадцатого октября начался повторный приступ. Но на этот раз температура не была уже такой высокой, а хрипы стали тише.

Очнувшись тридцатого октября после недолгой дремоты в одном из кресел вестибюля, Том увидел, что Стью сидит на диване и оглядывается по сторонам. «Том», — прошептал он. «Я жив».

«Да», — радостно воскликнул Том. «Ей-Богу, да!»

«Я голоден. Не мог бы ты приготовить какой-нибудь суп, Том? С лапшей, например?»

К восемнадцатому числу силы отчасти вернулись к Стью. Он уже мог в течение пяти минут ходить по вестибюлю отеля на костылях, которые Том принес ему из аптеки. Его постоянно терзал сводящий с ума зуд в срастающейся ноге. Двадцатого октября он впервые вышел на улицу, одевшись в теплое белье и закутавшись в огромную овечью шубу.

День был теплым и солнечным, но в воздухе чувствовалось приближение зимы.

«Даже не знаю, что делать, Том», — сказал Стью. «Мы сможем добраться до Грейт Джанкшена, а дальше я просто не знаю. В горах будет много снега. А ходить я пока не могу».

«Когда ты снова сможешь ходить, Стью?»

«Не знаю, Том. Поживем — увидим».

Двадцать восьмого октября Грин Ривер был занесен пятидюймовым слоем снега. «Если скоро не выехать», — сказал Стью Тому, когда они смотрели в окно на снег, — «то всю зиму придется провести здесь».

На следующий день они подъехали на своем «Плимуте» к заправочной станции на окраине города. Часто прерываясь для отдыха, они заменили облысевшие задние шины на новую шипованную резину. Стью поразмыслил о том, не стоит ли найти машину с двумя ведущими мостами, но потом принял иррациональное решение не искушать судьбу. Том погрузил в багажник четыре пятидесятифунтовых мешка с песком. Они выехали из Грин Ривера в день Хеллоуина и направились на восток.

Они приехали в Грейт Джанкшен в полдень второго ноября. Все утро небо было свинцово-серым, и когда они

выехали на главную улицу города, первые снежные хлопья начали падать на капот «Плимута». Полдюжины раз по пути они попадали в короткие снегопады, но на этот раз небеса обещали нечто большее.

«Возможно, нам придется задержаться здесь ненадолго», — сказал Стью.

Том указал пальцем. «Вон там! Мотель со звездой!»

Мотель со звездой оказался «Праздничной гостиницей Великого Перевала».

«О'кей, — сказал Стью. «Праздничная гостиница» нам подходит».

Он подъехал к зданию и выключил мотор «Плимута». Насколько им обоим было известно, он не заводился больше никогда. Снежные хлопья превратились в бесшумно опускающийся белый занавес. Снег шел всю ночь. Когда Стью и Том проснулись на следующее утро, они обнаружили, что Коджак сидит перед двойными дверьми парадного входа, уставившись в неподвижный мир белизны.

«Господи Иисусе Христе», — прошептал Том. «Весь путь завален снегом, так ведь, Стью?»

Стью кивнул.

«Как же мы доберемся до Боулдера?»

«Будем ждать весны», — сказал Стью.

«Так долго?» Том выглядел очень опечаленным, и Стью положил руку ему на плечо.

«Время пролетит быстро», — сказал он наконец.

Снова этот сон. Сон о Фрэнни. Кошмар.

Он всегда один и тот же. Фрэнни страдает от боли, лицо ее купается в поту. Ричардсон стоит между ее ног, а Лори Констебл помогает ему. Ноги Фрэн вздернуты кверху на металлических подставках...

Тужься, Фрэнни. Тужься. Все идет хорошо.

Но, глядя на темные глаза Джорджа над марлевой повязкой, Стью понял, что все идет далеко не так хорошо, как он говорит. Что-то было не так. Лори вытерла губкой ее залитое потом лицо и откинула волосы со лба.

Неправильное положение плода.

Кто произнес эти слова? Голос был низким, протяжным, словно пластинку на сорок пять оборотов решили проиграть на 33.

Неправильное положение плода.

Голос Джорджа: *Позови Дика. Скажи ему, что, возможно, придется...*

Голос Лори: *Доктор, она потеряла много крови...*

Стью закурил. Вкус у сигареты был ужасный, но после такого сна сойдет любая. *Обычный кошмар, вот и все. Ты вбил себе в голову свойственную всем самцам истерическую идею, что если тебя там не будет, то может случиться беда. Брось, Стюарт, с ней все будет в порядке. Далеко не все сны сбываются.*

Но слишком много снов сбылось за последние полгода.

Он потушил недокуренную сигарету и устался на огонь керосиновой лампы. Было двадцать девятое ноября. Они жили в гостинице уже четыре недели. Время проходило медленно, но они развлекались тем, что бродили по городу в поисках разных забавных безделушек.

На складе, расположенном на Грэнд авеню, Стью нашел генератор электроэнергии фирмы «Хонда». Вместе с Томом они на санках дотащили его до ратуши.

«Что мы будем делать с этой штукой?» — спросил Том. «Подключим к мотелю электричество?»

«Она для этого слишком мала», — ответил Стью.

«Тогда что же? Для чего она?» Том чуть ли не прыгал от нетерпения.

«Увидишь», — сказал Стью.

Они поставили генератор в комнатку для электрооборудования, соединенную с конференц-залом, и Том начисто забыл о нем, на что Стью и рассчитывал. На следующий день Стью один отправился на аэросанях в местный магазин фото- и кинотоваров и отыскал там тридцатипятимиллиметровый кинопроектор.

Нога его действовала уже неплохо, но все-таки ему потребовалось почти три часа, чтобы установить проектор в центре конференц-зала. Когда Том вернулся в гостиницу около пяти с раскрасневшимися щеками, сюрприз был уже готов.

Стью привез все шесть фильмов, которые нашлись в местном кинотеатре. После ужина Стью небрежно сказал: «Пошли-ка сходим со мной в конференц-зал, Том».

«Для чего?»

«Увидишь».

Ратуша была расположена напротив гостиницы. У входа Стью вручил Тому пакетик с попкорном.

«Зачем это?» — спросил Том.

«Нельзя же смотреть кино без попкорна», — усмехнулся Стью.

«КИНО?»

«Ну да».

Том рванулся в конференц-зал. Увидел посередине большой заряженный проектор. Увидел спущенный экран. Увидел два раскладных стула, установленных посреди пустынного помещения.

«Ну и ну», — прошептал он, и появившееся на его лице выражение откровенного изумления и было тем, о чем мечтал Стью.

Через пять минут они уже сидели бок о бок и следили за тем, как Сильвестр Сталлоне убивает несколько сотен дельцов наркобизнеса в «Рэмбо IV».

Вспоминая об этом позднее, Стью улыбался. Непонимающий мог бы обозвать его идиотом. И действительно, он мог бы подключить видео к гораздо более слабому генератору и просмотреть с Томом несколько сотен фильмов, даже не выходя из гостиницы. Но, с его точки зрения, фильмы по видео — это было совсем не то. Но даже и не в этом дело. Дело было в том, что им надо было каким-то образом убить очень много времени... и бывали дни, когда оно оказывалось очень живучим.

В дополнение к фильмам, Стью собрал свыше двадцати моделей, в том числе и «Роллс-Ройс» из двухсот сорока деталей, который до эпидемии супергриппа продавался по цене шестьдесят пять долларов. Том соорудил странный, но в чем-то неотразимый ландшафт из папье-маше и гипса, раскрашенных пищевыми красителями. Он занял почти весь пол в комнате для торжественных приемов.

Том назвал его Лунной Базой Альфа. Да, они развлекали себя, как могли, но...

Не сходи с ума.

Он разрабатывал свою ногу. Она была в гораздо лучшем состоянии, чем он рассчитывал, отчасти благодаря тренажерам в спортивном зале гостиницы. Нога все еще немного болела и плохо сгибалась, но он уже мог ковылять без костылей.

Он был абсолютно уверен, что сможет научить Тома управляться с азросанями, которые стояли здесь почти в каждом гараже. Проезжать по двадцать миль в день, взять палатки, большие спальные мешки, побольше сухих концентратов...

Да, а когда на перевале на вас двинется лавина, то вы можете помахать пакетиком сухой моркови и велеть ей, чтобы она ушла. Не сходи с ума.

И все же...

За завтраком он спросил: «Том, ты очень сильно хочешь вернуться в Боулдер?»

«И увидеть Фрэн? Дика? Сэнди? Ей-Богу, я хочу вернуться в Боулдер больше всего на свете, Стью. Ты не думаешь, что они могли отдать кому-нибудь мой маленький домик, а?»

«Уверен, что нет. Я просто хочу спросить тебя, не хочешь ли ты попытаться счастливый случай?»

Том удивленно посмотрел на него. Стью уже собрался было объяснить ему, что он задумал, когда Том сказал: «Ей-Богу, но ведь вся жизнь — это счастливый случай, так ведь?»

Так все и решилось. Они выехали из Грейт Джанкшен в последний день ноября.

Тому не пришлось обучаться основам вождения азросаней. В гараже Дорожного Департамента Колорадо, меньше, чем в миле от гостиницы, Стью отыскал настоящего монстра. У монстра был двигатель повышенной

мощности, обтекатель на случай сильного ветра и, самое важное, большой открытый грузовой отсек, вполне способный вместить в себя приличного размера собаку. В местных магазинах они без труда нашли себе все необходимое для путешествия, включая даже две пары беговых лыж, хотя при мысли о том, что Тома, возможно, придется обучать основам лыжного спорта, кровь у Стью стыла в жилах.

К двум часам первого дня путешествия Стью убедился, что его страхи перед тем, что они могут застрять где-нибудь и умереть от голода, полностью безосновательны. Леса просто кишели крупной дичью. Ничего подобного за всю жизнь видеть ему не приходилось. Позже в тот же день он застрелил оленя.

Наевшись до отвала, Стью зажарил еще около тридцати фунтов восхитительного мягкого мяса и убрал его в азросани. В первый день они проехали только шестнадцать миль.

В ту ночь сон изменился. Он снова был в родовой комнате. Все вокруг было залито кровью. Простыня, которой была укрыта Фрэнни, промокла насквозь. Она пронзительно кричала.

Он выходит, — выдохнул Джордж. Время его наконец пришло, Фрэнни, и он ждет, так что тужься! ТУЖЬСЯ!

И он появился, он появился в финальном потоке крови. Джордж вынул ребенка, держа его за бедра, так как он родился ножками вперед.

Лори стала кричать.

Это был волк с яростно усмехающимся человеческим лицом, его лицом, это Флегг, его время снова пришло, он не был мертв, он пока не умер, он продолжал рассказывать по миру, Фрэнни родила Рэнделла Флегга...

Стью проснулся, задыхаясь от волнения. Кричал ли он во сне?

Том крепко спал, так глубоко забравшись в спальный мешок, что Стью был виден только его чуб. Коджак свернулся рядом со Стью. Все было в порядке, это был только сон...

А потом в ночи раздался вой — растущий, протяжный звук серебряных колоколов ужаса и отчаянья... вой волка или, возможно, крик беспокойного духа убийцы.

Коджак поднял голову.

Руки, бедра, пах Стью покрылись гусиной кожей.

Вой не повторился.

Стью заснул. Утром они снова отправились в путь. Перед отъездом Том обратил внимание Стью на то, что все внутренности оленя куда-то исчезли.

За три дня до Нового Года хорошая погода кончилась, и они остановились в городке Киттередж. Они уже были так близко от Боулдера, что отсрочка стала для них горьким разочарованием. Даже Коджак был не в своей тарелке.

«Мы сможем скоро снова отправиться в путь?» — с надеждой спросил Том.

«Не знаю», — ответил Стью. «Надеюсь, что сможем. Если б только выпало денька два хорошей погоды, мы бы успели добраться. Черт возьми!»

Но это оказался самый сильный снегопад за всю зиму. Снег шел пять дней, и местами сугробы достигали высоты двенадцати и даже четырнадцати футов.

Когда снегопад закончился, они снова отправились в путь, но двигаться приходилось медленнее, чем когда-либо. Находить дорогу стало все труднее. Аэросани постоянно застревали, и им приходилось постоянно откапывать их. Во второй день 1991 года в отдалении вновь послышался грохот лавин.

Четвертого января они достигли места, где шоссе №6 раздваивалось и уходило на Голден.

«О'кей», — сказал Стью, когда они остановились у поворота. «Во всяком случае, дорогу нам потерять уже не грозит. Она пробита сквозь скалы. Повезло же нам, однако, что мы не пропустили сворот».

И действительно, оставаться на дороге было очень просто, но про езду сквозь туннели этого сказать было нельзя. Чтобы найти вход в туннель, им иногда приходи-

лось расчищать снежные завалы. Внутри же снега не было, и аэросани зловеще скрежетали по голому асфальту. Стью очень боялся, что однажды они наткнутся на туннель, который будет забит машинами настолько, что им просто не удастся проехать. Если это случится, им придется вернуться обратно на шоссе. Они потеряют по меньшей мере неделю. А бросить аэросани и пойти пешком — это не выход, а медленный способ самоубийства.

Боулдер был так близко.

Седьмого января, примерно часа через два после того, как они прокопали путь сквозь очередной туннель, Том приподнялся на сиденье и указал пальцем. «Что это там такое, Стью?»

Стью очень устал и был раздражен. Сны больше не приходили к нему, но, как ни странно, это еще больше пугало, чем сами сны.

«Не вставай, когда мы едем, Том! Сколько раз тебе об этом говорить? Ты опрокинешься назад, воткнешься в снег головой и...»

«Да, но что это все-таки такое? Похоже на мост. Разве по дороге у нас должна быть река?»

Стью посмотрел, увидел, заглушил двигатель и остановил аэросани.

«Что это такое?» — обеспокоенно спросил Том.

«Эстакада», — пробормотал Стью. «Я... я просто не верю своим глазам...»

«Эстакада? Эстакада?»

Стью обернулся и сгреб Тома за плечи. «Это голденовская эстакада, Том! Там начинается шоссе №119! Дорога на Боулдер! До города осталось только двадцать миль! Может быть, даже меньше!»

Том наконец-то понял. Рот его широко раскрылся, и, увидев появившееся на его лице комическое выражение, Стью засмеялся и похлопал его по спине.

«Мы уже почти дома, Стью?»

«Да, да, даааааа!»

Потом они заключили друг друга в объятия и стали топтаться на месте в неуклюжем танце. В конце концов они упали, вздымая вверх облака снежной пыли. Коджак

удивленно посмотрел на них... но спустя несколько секунд он уже принялся скакать, лаять и вилять хвостом.

В ту ночь они разбили лагерь в Голдене. На следующий день рано утром они выехали по шоссе №119 в сторону Боулдера. Предыдущую ночь оба почти не сомкнули глаз. Никогда еще за всю свою жизнь Стью не ощущал такого нетерпения... смешанного с ноющим беспокойством о Фрэнни и ее ребенке.

Около часа дня двигатель аэросаней стал глохнуть. Стью остановил аэросани и достал из грузового отсека канистру. Она оказалась пустой. «О, Господи», — сказал он, почувствовав ее смертельную легкость.

«В чем дело, Стью?»

«Дело во *мне*! Я знал, что эта трахнутая канистра пуста и забыл наполнить ее. Слишком волновался, наверное. Ну скажи, разве я не идиот?»

«У нас кончился бензин?»

Стью отшвырнул в сторону пустую канистру. «Ей-Богу, да. Как я мог оказаться таким идиотом?»

«Наверное, думал о Фрэнни? Что нам теперь делать, Стью?»

«Попытаемся идти пешком. Возьмем спальные мешки и консервы. Прости меня, Том. Я виноват».

«Все в порядке, не переживай».

В тот день они до Боулдера не добрались. Им пришлось заночевать прямо на дороге, и у них даже не было сил раскопать снег, чтобы найти топливо для костра.

Тревожная мысль посетила его, когда он вползал в свой спальный мешок. Они придут в Боулдер, и там никого не будет. Пустые дома, пустые магазины, дома с крышами, провалившимися под тяжестью снега. Все исчезли, как персонажи твоего сна, после того как ты проснулся. Потому что в мире никого больше не осталось, кроме Стюарта Редмана и Тома Каллена.

К двум часам следующего дня они проползли еще несколько миль. Стью начал уже думать, что и следующий день им придется провести в пути. Именно он замедлял

продвижение вперед. Боль в ноге становилась сильнее с каждым шагом.

Через час после холодного консервированного ленча он, погруженный в мысли о Фрэнни, врезался в остановившегося Тома.

«В чем дело?» — спросил он, потирая больную ногу.

«Дорога», — сказал Том, и Стью торопливо огляделся вокруг.

После долгой паузы Стью сказал: «Если б не ты, я бы грохнулся вниз».

Они стояли на снежном обрыве футов в пять высотой. Он круто уходил вниз, туда, где виднелся голый асфальт дороги. Справа стоял указатель с простой надписью ГОРОД БОУЛДЕР.

Стью стал смеяться. Он сидел на снегу и оглушительно хохотал, не замечая озадаченного взгляда Тома. Наконец он произнес: «Они расчистили дороги. Видишь? Мы дошли, Том! Мы дошли! Коджак! Иди сюда!»

«Мы снова в Боулдере», — тихо пробормотал Том. «Мы пришли домой, ей-Богу, да».

Стью похлопал его по плечу. «Пошли, Томми».

Около четырех снова пошел снег. К шести уже стемнело, и черный гудрон дороги стал призрачно белым. Стью очень сильно хромал. Том раз спросил его, не надо ли ему отдохнуть, но Стью только помотал головой.

К восьми часам вечера снег стал падать густой, непрерывной пеленой. Несколько раз они сбивались с дороги и увязали в придорожных сугробах.

Через двадцать минут в темноте раздался молодой нервный голос, от которого они застыли на месте.

«К-Кто там идет?»

Коджак зарычал, и шерсть у него на загривке встала дыбом. Том ахнул. В темноте, поверх непрерывного воя ветра, раздался звук, от которого кровь у Стью застыла в жилах: это был звук передернутого затвора.

Часовые. Они поставили часовых. Забавно было бы проделать такой путь, а потом получить пулю в лоб в

двух шагах от городского универмага. Действительно забавно. Даже Рэнделл Флегг смог бы это оценить.

«Стью Редман!» — закричал он в темноту. «Здесь Стью Редман!» Он сглотнул слюну. «Кто вы?»

Глупо. Ты наверняка его не знаешь...

Но донесшийся до него голос действительно показался ему знакомым. «Стью? Стью Редман?»

«Со мной Том Каллен... ради Бога, не стреляйте в нас!»

«Это шутка?»

«Никакая не шутка! Том, скажи что-нибудь».

«Привет», — послушно произнес Том.

Наступила долгая пауза. Потом часовой сказал: «У Стью на старой квартире висел плакат. Что это был за плакат?»

Стью стал неистово рыться в своей памяти. «Фредерик Ремингтон!» — закричал он изо всех сил. «Там еще была надпись *Тропа войны*».

«Стью!» — радостно закричал часовой. Из снежной пелены вышел им навстречу черный силуэт. «Я просто не верю своим глазам...»

Когда он подошел к ним, Стью увидел, что это был Билли Геринджер.

«Стью! Том! И Коджак тут! А где Глен Бэйтмен и Ларри? Где Ральф?»

Стью медленно покачал головой. «Не знаю. Нам скорее надо в тепло Билли. Мы замерзаем».

«Конечно, идите в универмаг — он справа по дороге. Я позову Норма Келлогга... Гарри Данбертона... Дика Эллиса... черт, да я разбужу весь город! Это же просто чудо! Я не верю своим глазам!»

«Билли...»

Билли обернулся, и Стью подошел к нему ковыляющей походкой.

«Билли, у Фрэн должен был быть ребенок...»

Билли замер. После паузы он прошептал: «Черт, я совсем забыл».

«Он родился?»

«Джордж. Джордж Ричардсон все расскажет тебе. Или Дэн Лэтроп. Он наш новый доктор, мы заполучили его

недели через четыре после того, как вы ушли. Он раньше был ухо-горло-носом, но он здорово справляется...»

Стью резко встряхнул Билли, прерывая его сумбурную болтовню.

«Что случилось?» — спросил Том. «Что-то не так с Фрэнни?»

«Скажи мне, Билли», — попросил Стью. «Пожалуйста».

«С Фрэн все в порядке», — сказал Билли. «Скоро она поправится».

«Ты только слышал об этом?»

«Нет, я сам видел ее. Мы с Тони Донахью пришли к ней с цветами из оранжереи. Оранжерея — это его детище. Он там выращивает все, что угодно, не только цветы. Она в больнице только из-за того, что у нее были... как это там называется... римские роды?»

«Кесарево сечение?»

«Ага, точно, потому что ребенок был неправильно расположен. Мы навестили ее через три дня после родов, это было два дня назад. Мы принесли ей розы. Нам хотелось ее как-то подбодрить, потому что...»

«Ребенок умер?» — глухо спросил Стью.

«Он не умер», — сказал Билли и добавил с огромной неохотой: «Пока».

Стью неожиданно ощутил себя где-то далеко, в свистящей пустоте. Он услышал хохот... и волчий вой...

«У него грипп», — быстро произнес Билли. «Капитан Шустрик. Нам всем конец — так люди говорят. Фрэнни родила его четвертого. Мальчик, шесть фунтов девять унций, и сначала с ним было все в порядке. По-моему, абсолютно все в Зоне перепились, а потом, шестого числа, он... он подцепил эту дрянь. Вот так, парень». Сказал Билли, и голос его сорвался. «Он подцепил эту дрянь, черт возьми, мне так жаль, Стью...»

Стью вытянул руку, нащупав плечо Билли и оперся на него.

«Сначала все говорили, что ему станет лучше, что, может быть, это обычный грипп... или бронхит... или воспаление легких... но доктора, они сказали, что у новорожденных почти никогда не бывает таких болезней».

Что-то вроде естественного иммунитета. И Джордж, и Дэн... оба они вдоволь насмотрелись на супергрипп в прошлом году...»

«Так что едва ли они могли ошибиться», — закончил Стью вместо него.

«Да», — сказал Билли. «Ты правильно понял».

«Что за черт», — пробормотал Стью. Он отвернулся от Билли и заковылял по дороге.

«Стью, куда ты идешь?»

«В госпиталь», — ответил Стью. «Навестить мою жену».

ГЛАВА 69

Ее мысли парили где-то вдоль границы сна и яви, беспрестанно обращаясь к прошлому. Она думала о гостинице ее матери, где часы отмеряли секунды сухого времени. Она думала о глазах Стью. О том, как она в первый раз увидела своего ребенка, Питера Голдсмита-Редмана. Ей снилось, что Стью рядом с ней, в этой комнате.

«Фрэн?»

Все рухнуло. Все надежды оказались фальшивыми, как искусственные звери в Диснейленде, просто горсть шестеренок, обман, ложь, ложная беременность...

«Эй, Фрэнни».

Ей снилось, что Стью вернулся. Он стоял в дверях ее палаты, и на нем была надета огромная эскимосская шуба. Еще один обман. Но она заметила, что во сне у Стью была борода. Ну разве это не забавно?

Когда за его спиной она разглядела Тома Каллена, она впервые задала себе вопрос: а сон ли это? И... не Коджак ли там сидит у ног Стью?

Рука ее неожиданно дернулась к лицу и ущипнула щеку, да так, что слезы выступили у нее из глаз. Ничего не изменилось.

«Стью?» — прошептала она. «Господи, это ты, Стью?»

Кожа на его лице сильно загорела, за исключением белых кругов вокруг глаз. Может быть, он носил солнце-

защитные очки? Но такие подробности редко замечаешь во сне...

Она снова ущипнула себя.

«Это я», — сказал Стью, входя в комнату. «Кончай щипать себя, радость моя». Он так сильно хромал, что чуть не растянулся на полу. «Фрэнни, я вернулся».

«Стью!» — закричала она. «Ты настоящий? Если ты настоящий, подойди ко мне!»

Он подошел и обнял ее.

ГЛАВА 70

Стью сидел на стуле рядом с постелью Фрэн, когда в палату вошли Джордж Ричардсон и Дэн Лэтроп. Фрэн немедленно схватила Стью за руку и сильно сжала ее. Лицевые мускулы ее напряглись, и на мгновение Стью увидел, как она будет выглядеть в старости. На мгновение она напонила ему Матушку Абагейл.

«Стью», — сказал Джордж. «Я слышал о твоём возвращении. Это просто чудо. Не могу описать тебе, как я рад тебя видеть. Мы все рады».

Джордж пожал ему руку, а потом представил Дэна Лэтропа.

Дэн сказал: «Мы слышали, что в Лас-Вегасе был взрыв. Вы видели его собственными глазами?»

«Да».

«Люди тут думают, что это был взрыв ядерной бомбы. Это правда?»

«Да».

Джордж кивнул и повернулся к Фрэн.

«Как вы себя чувствуете?»

«Хорошо. Как мой ребенок?»

«Собственно говоря», — сказал Лэтроп, — «из-за этого мы и пришли».

Фрэн кивнула. «Умер?»

Джордж и Дэн переглянулись. «Фрэн», — сказал Джордж, — «Я хочу, чтобы вы слушали нас внимательно и правильно поняли то, что мы вам сейчас скажем».

Тихо, подавляя истерику, Фрэн сказала: «Если он умер, просто скажите мне и все!»

«Фрэн», — сказал Стью.

«Похоже, Питер поправляется», — мягко произнес Дэн Лэтроп.

На мгновение в комнате воцарилось ошеломленное молчание. Фрэн посмотрела на Дэна, словно он нес какую-то несусветную бредовую чушь. Это мгновение Стью запомнил на всю жизнь.

«Что?» — прошептала наконец Фрэн.

«Не надо радоваться раньше времени», — сказал Джордж.

«Вы сказали... он поправляется». На лице Фрэн застыло выражение откровенного изумления. До этого момента она не понимала, насколько она уже успела смириться с его смертью.

«Слушайте меня внимательно», — сказал Джордж. «Капитан Шустрик, по нашим наблюдениям, является вирусом без фиксированного антигена. Так вот, у каждого нового вируса гриппа — обычного гриппа — был новый антиген. Вот почему эпидемии повторялись через каждые два-три года несмотря на прививки. Разражалась эпидемия гонконговского гриппа, и вам делали прививку. Но через два года появлялся новый тип вируса и вы заболевали, если, конечно, вам не успевали сделать новую прививку».

«Но вы выздоравливали», — вмешался Дэн, — «потому что в конце концов ваш организм начинал вырабатывать свои антитела и побеждал грипп. Что же касается Капитана Шустрика, то он сам мутировал каждый раз, когда ваш организм занимал оборонительную позицию. В результате неизбежно наступала смерть».

«Почему же тогда мы не умерли?» — спросил Стью.

«Мы не знаем», — ответил Джордж. «И вряд ли когда-нибудь узнаем».

«Так вот», — продолжил Дэн, — «люди, подхватившие Капитана Шустрика, иногда *почти* поправлялись, но никому не удалось победить болезнь до конца. Ваш ребенок заболел через сорок восемь часов после появления на свет. Никаких сомнений в том, что это Капитан Шустрик, не

было — симптомы были классическими. Но темные пятна под нижней челюстью, которую мы с Томом связываем с четвертой и последней стадией болезни, *так и не появились*. Кроме того, периоды ремиссии становятся все дольше и дольше».

«Я не понимаю», — сказала Фрэн. «Что...»

«Каждый раз, когда вирус мутирует, организм Питера начинает вырабатывать новые антитела», — сказал Джордж. Существует техническая возможность рецидива, но ни разу за все это время он не вступал в четвертую, критическую фазу болезни. Вы передали ребенку по наследству половину своего иммунитета, Фрэн. Он заболел, но у него есть хороший шанс выздороветь».

«А как насчет других женщин, которые забеременели от мужчин, не обладавших иммунитетом?» — спросил Стью.

«Мы полагаем, что их детям предстоит та же самая трудная борьба», — сказал Джордж, — «и некоторые из них могут умереть. Но очень скоро у всех новорожденных в Свободной Зоне — да и *во всем мире* — иммунитетом будут обладать и отец, и мать. Держу пари, что когда это случится, победа будет за нами».

«Я так хочу, чтобы Питер выжил», — прошептал Фрэн, — «просто потому, что он мой, и я люблю его». Она посмотрела на Стью. «И он — это моя связь со старым миром. Он похож больше на Джесса, чем на меня, и я рада этому. Так и должно быть. Ты понимаешь меня, Стью?»

Стью кивнул, и ему в голову пришла странная мысль о том, как ему хотелось бы посидеть с Хэпом, Нормом Брюеттом и Виком Палфри, выпить и пива и посмотреть, как Вик сворачивает одну из своих дерьмовых сигарок.

Его маленькие ручки были сжаты в кулачки. Лицо его было красным. На лоб ему свисал забавный клок темных волос. Глаза его были голубыми, и казалось, что он смотрел прямо на Стью, словно обвиняя его во всех своих несчастьях.

Лоб его пересекала глубокая вертикальная складка... линия «я-хочу».

Фрэнни снова плакала.

«Фрэнни, что с тобой?»

«Все эти пустые кровати», — проговорила она сквозь слезы, обведя взглядом палату для новорожденных. «Он здесь совсем один. Неудивительно, что он плачет, Стью. Эти пустые кровати, о, Господи...»

«Недолго ему придется быть одному», — сказал Стью и обнял ее за плечи. «И судя по его виду, мне кажется, что скоро он совсем выздоровеет. Как ты считаешь, Лори?»

Но Лори уже ушла, оставив их одних перед стеклянным окном палаты.

Морщась от боли в ноге, Стью наклонился к Фрэнни и неуклюже обнял ее. Они смотрели на Питера с таким удивлением, словно это был первый родившийся на земле ребенок. Скоро Питер уснул, прижав ручки к груди, но они продолжали смотреть на него... и удивлялись тому, что он вообще появился на свет.

ГЛАВА 71

Зима наконец-то осталась позади.

Она была длинной, и для Стью с его восточнотехасским прошлым она показалась невероятно холодной. Через два дня после возвращения в Боулдер его неправильно сросшуюся ногу снова сломали и наложили на нее тяжелый гипс, который ему пришлось таскать на себе до начала апреля. К тому времени гипс стал похож на чрезвычайно сложную дорожную карту — казалось, каждый житель Боулдера считал своим долгом поставить на нем свой автограф. Хотя, разумеется, это было невозможно, так как к первому мая население Свободной Зоны достигло девятнадцати тысяч — во всяком случае, так утверждал возглавляемый Сэнди отдел переписи населения, который часто просто не успевал фиксировать всех новоприбывших.

На праздник Мэйдэй в двух милях над городом, на Амфитеатре Санрайз, был устроен гигантский пикник.

Похоже, что это был последний массовый митинг в истории Зоны, разве что однажды все жители решат отправиться в Денвер и собраться на футбольном стадионе.

Питер лежал в манеже под одеялом. Неожиданно он громко заревел. Фрэн было двинулась к нему, но Люси, бывшая уже на восьмом месяце беременности, оказалась рядом с ним первой. Она положила его на другое одеяло и стала расстегивать синие вельветовые штанишки. Питер замахал ногами в воздухе.

«Почему бы вам не пойти прогуляться?» — спросила Люси. Она улыбнулась Фрэн, но Стью показалось, что улыбка ее была немного грустной.

«Действительно, почему бы и нет?» — согласилась Фрэн и взяла Стью под руку.

Стью позволил себя увести. Они перешли через дорогу и оказались на мягком зеленом лугу, который под крутым углом уходил вверх к белым облакам и голубому небу.

«Что ты хочешь этим сказать?» — спросил Стью.

«Чем этим?» Но Фрэн выглядела как-то уж чересчур невинно.

«Своим видом».

«Присядем, Стью».

«Так вот, значит, как?»

Они сели на траву и стали смотреть на восток. Где-то далеко, за голубой дымкой, была Небраска.

«Это очень серьезно. И я не знаю, как сказать тебе об этом, Стюарт».

«Скажи, как умеешь».

Из глаза Фрэн выкатилась слезинка. Рот ее дрогнул.

«Фрэн...»

«Нет, я *не* буду плакать», — сказала она сердито и разрыдалась. Стью положил ей руку на плечи и стал ждать.

Когда стало казаться, что худшее уже позади, он сказал: «Ну а теперь расскажи мне все. В чем дело?»

«Я грущу по дому, Стью. Я хочу вернуться назад в Мэн».

Где-то позади них радостно кричали дети. Стью посмотрел на Фрэн в полнейшем изумлении. Потом он

неуверенно усмехнулся. «И всего-то? А я то думал, что ты по меньшей мере решила со мной развестись».

«Я никуда не уеду без тебя», — сказала она. «Разве ты этого не знаешь?»

«Да знаю, наверное».

«Я хочу вернуться в Мэн. Мне он снится. Тебе когда-нибудь снился твой Восточный Техас, Стью?»

«Нет», — ответил он честно. «Я вполне могу прожить и без своего Арнетта. А тебе хочется в Оганквит, Фрэнни?»

«В конце концов, может быть, и да. Но не сразу. Я хочу поехать в западную часть Мэна, так называемый Озерный Район. Ты почти до него доехал, когда мы с Гарольдом встретили тебя в Нью-Хемпшире. Там есть такие красивые места, Стью. Брайтон, Суиден, Касл Рок... Озера, наверное, полны рыбой. Когда-нибудь мы поселимся на побережье. Но не в этот год. Слишком много воспоминаний. Море будет казаться слишком большим». Она опустила глаза на свои беспокойные руки. «Если ты захочешь остаться здесь... помочь им наладить жизнь... я пойму это. Горы тоже очень красивы, но... я не чувствую себя здесь дома».

Он посмотрел на восток и обнаружил, что он наконец-то может назвать то беспокойное чувство, которое одолевало его с тех пор, как начал таять снег. Это была тяга к перемене мест. Слишком уж много стало людей в Боулдере. Нельзя сказать, что яблоку негде было упасть, пока нет. Но он уже начинал нервничать. Были жители Зоны, которые не обращали на это внимания, более того, им даже нравилось, что вокруг много людей. Таким был Джек Джексон, возглавивший новый состав комитета (теперь в него входило уже девять членов). Таким был и Бред Китченер. У Бреда была масса проектов, и именно ему принадлежала идея вернуть к жизни одну из телестанций Денвера. Каждый вечер с шести до часа ночи по ней показывали старые фильмы, а в девять передавали короткую сводку новостей.

Человек, который в отсутствие Стью стал судебным исполнителем, Хью Петрелла, был не очень-то ему по душе. Сам факт того, что Петрелла провел *предвыборную* компанию, чтобы занять эту должность, внушал Стью

недоверие. Он был суровым пуританином с топорными чертами лица. У него было семнадцать человек в подчинении, и на каждом заседании Комитета Свободной Зоны он пробивал себе дополнительное количество людей. Петрелла не был плохим человеком, но он был тяжелым человеком... и Стью предполагал, что со своей верой в то, что закон дает ответы на все вопросы, он стал гораздо лучшим судебным исполнителем, чем мог бы стать Стью.

«Я знаю, что тебе предложили место в комитете», — неуверенно сказала Фрэн.

«У меня такое чувство, что это нечто вроде почетного звания, не так ли?»

На лице у Фрэн появилось облегчение. «Ну...»

«И еще у меня такое чувство, что они будут рады, если я откажусь. Я был бы единственным переизбранным на новый срок членом старого комитета. А ведь мы были комитетом кризиса. Теперь никакого кризиса уже нет. А что насчет Питера, Фрэнни?»

«Я думаю, к июню он уже сможет путешествовать», — сказала она. «И я хотела бы дожидаться, пока Люси родит».

Со дня рождения Питера — 4 января — в Зоне родилось еще восемнадцать детей. Четверо умерло, но с остальными было все в порядке. Очень скоро должны были начать рождаться дети от невосприимчивых к супергриппу родителей, и было весьма вероятно, что ребенок Люси окажется первым.

«Как насчет того, чтобы выехать первого июля?» — спросил он.

Фрэн просияла. «Ты согласен! Ты правда хочешь?»

«Конечно».

«Ты говоришь это только для того, чтобы доставить мне удовольствие?»

«Нет», — сказал он. «Другие люди тоже потихоньку начнут уезжать. Не все, но некоторые».

Она обвила руками его шею и прижалась к нему. «Может быть, это будут просто каникулы», — сказала она. «А может быть... может быть, нам действительно там понравится». Она посмотрела на него робко. «Может быть, мы захотим остаться».

Он кивнул, но в душе усомнился в том, что кто-то из них двоих сможет примириться с жизнью на одном месте в течение многих лет.

Он посмотрел в сторону Люси и Питера. Люси сидела на одеяле и побрасывала его в воздух, как мячик. Он хохотал и пытался схватить ее за нос.

«А ты думала о том, что он может заболеть? И ты сама? Что, если ты снова забеременеешь?»

Она улыбнулась. «Но есть же книги. Мы с тобой можем прочитать их. Не можем же мы всю жизнь провести в страхе, правда?»

«Да нет, конечно».

«Книги и хорошие лекарства». Фрэнни взяла его за руки. Глаза ее сияли. «Мы испытаем нашу удачу и проживем нашу жизнь так, как нам хочется».

«О'кей. Мне нравятся твои слова».

«Я люблю тебя, Восточный Техас».

«Взаимно, мадам».

Питер снова расплакался.

«Пошли посмотрим, что там стряслось с императором», — сказала она, поднимаясь на ноги.

«Он попытался ползти и ушиб себе нос», — сказала Люси, передавая Питера Фрэн. «Бедняжка».

«Бедняжка», — согласилась Фрэн и положила Питера себе на плечо. Он прислонился головой к ее шее, посмотрел на Стью и улыбнулся.

Люси перевела взгляд с Фрэн на Стью, а потом вновь посмотрела на Фрэн. «Вы уезжаете, так ведь? Ты уговорила его?»

«По-моему, да», — ответил Стью. «Однако, мы повалаемся тут, пока не увидим собственными глазами, кто там сидит у тебя в животе».

«Я рада», — сказала Люси.

Питер уснул. Втроем они стали подниматься к тому месту, где был накрыт общий ленч.

Они сидели на веранде и смотрели, как Питер с энтузиазмом ползает по пыльному двору. Стью сидел на стуле с плетеным камышовым сиденьем. От долгих лет службы

сиденье сильно прогнулось. Слева от него в качалке сидела Фрэн. Во дворе, по левую сторону от Питера, в лучах заходящего солнца висели качели из старой шины.

«Она ведь здесь очень долго прожила, да?» — тихо спросила Фрэн.

«Долго-долго», — согласился Стью и указал на Питера. «Он запачкается с головы до ног».

«Здесь есть вода. У нее был ручной насос. Так что все удобства к нашим услугам, Стюарт».

Он кивнул. Потом раскурил трубку. Питер оглянулся, чтобы проверить, на месте ли они.

«Эй, крошка», — сказал Стью и помахал ему рукой.

Питер упал. Потом он снова встал на колени и пополз, описывая по двору большой круг. В конце покрытой грязью дороги стоял небольшой домик на колесах. Спереди к нему была прикреплена лебедка. Они старались держаться подальше от главных дорог, но лебедка все равно часто была к стати.

«Ты чувствуешь себя одиноко?» — спросила Фрэн.

«Нет. Пока нет».

«Боишься за ребенка?» Она похлопала себя по животу, который пока был абсолютно плоским.

«Нет».

«Пит будет ревновать».

«Это скоро пройдет. А Люси родила двойню». Он улыбнулся, глядя в небо. «Подумать только».

«Как ты думаешь, когда мы попадем в Мэн?»

Он пожал плечами. «Где-то в конце июля. У нас еще будет куча времени, чтобы подготовиться к зиме».

«Ты только посмотри на него, как он вымазался!»

«Я же предупреждал».

Он наблюдал за тем, как она сошла с веранды и взяла ребенка на руки. Он сидел на том же самом месте, где так часто и долго сидела Матушка Абагейл, и думал о будущем. Ему казалось, что все должно быть в порядке. Со временем им надо будет поехать в Боулдер, чтобы их дети смогли познакомиться со своими сверстниками. Чтобы они нашли себе мужа или жену и смогли завести новых детей. А может быть, Боулдер приедет к ним. Были люди,

которые подробно расспрашивали об их планах, чуть ли не устраивали им допрос... но в глаза их было не презрение, и не гнев, а нетерпение. Очевидно, не только Стью и Фрэн испытывали тягу к перемене мест. Гарри Данбертон, бывший продавец очков, часто разговаривал о Миннесоте. А Марк Зеллман темой для своих разговоров избрал — что бы вы думали? — Гавайи. Он собирался научиться водить самолет и улететь туда.

«Марк, ты же убьешь себя!» — с негодованием воскликнула Фрэн.

«А ты на себя посмотри, Фрэнни», — с лукавой интонацией произнес Марк.

А Стэн Ноготни начал задумчиво поговаривать о путешествии на юг. Возможно, он остановится в Акапулько на несколько лет, а потом отправится в Перу. «Вот что я тебе скажу, Стью», — сказал он. «Все эти люли раздражают меня до чертиков. Из дюжины я едва ли одного знаю в лицо. Люди запирают на ночь свои дома... не смотри на меня так, это *факт*! Я часто думаю об Акапулько. Если бы я только смог убедить Джени...»

Не так уж будет плохо, — подумал Стью, наблюдая за тем, как Фрэн качает воду, — если Свободная Зона распадется. Глен Бэйтмен согласился бы с ним — он в этом абсолютно уверен. Свободная Зона выполнила свое предназначение. Так что лучше разбежаться в разные стороны, пока...

Пока что?

На последнем заседании Комитета Свободной Зоны, когда Стью и Фрэн еще были в городе, Хью Петрелла попросил и получил право вооружить своих подчиненных. В начале июня один пьяный избил подчиненного Петреллы и швырнул его в окно бара на Перл Стрит. Пострадавшему пришлось наложить свыше тридцати швов и сделать переливание крови. Петрелла считал, что этого никогда бы не произошло, если бы блюститель порядка был вооружен. В городе вспыхнула полемика, к которой никто не остался равнодушен. Многие люди (и Стью среди них) считали, что если бы блюститель порядка был вооружен, то он бы, конечно, не был ранен, но пьяный был бы убит.

Что происходит вслед за появлением вооруженной полиции? — спрашивал он себя. Каково следствие? И ему показалось, что в ответ на его вопрос зазвучал ученый, немного суховатый голос Глена Бэйтмена. «Вы вооружаете их более смертоносным оружием. Снабжаете их патрульными машинами. А когда где-нибудь в Чили или в Канаде обнаруживается еще одна Свободная Зона, вы назначаете Хью Петреллу министром обороны, просто на всякий случай, и, возможно, вы станете посылать шпионские отряды, потому что в конце-то концов...»

Оружие лежит вокруг и только и ждет, чтобы его подобрали.

«Давай уложим его», — сказала Фрэн, поднимаясь по ступенькам.

«О'кей».

«Что это ты тут сидишь с таким кислым видом, а?»

«С кислым видом?»

«Ну да».

Двумя пальцами он раздвинул уголки рта в улыбке. «Так лучше?»

«Гораздо. Помогите мне уложить его».

«С удовольствием».

Следуя за ней в дом Матушки Абагейл, он думал о том, насколько было бы лучше, если бы все просто разошлось в разные стороны. Отложили бы создание общества на возможно более долгий срок. Именно с созданием общества начинают возникать проблемы. Именно тогда клетки сходятся вместе и начинают наливаться темной силой. Нет нужды раздавать полицейским оружие, до тех пор, пока они не перестанут помнить имена... лица...

Фрэн зажгла керосиновую лампу, и вокруг распространилось мягкое желтое сияние. Питер сонно наблюдал за ними. Он наигрался вдоволь. Фрэн надела на него ночную рубашку.

Чего у нас вдоволь, так это времени, — думал Стью. Время жизни Питера, время жизни его детей, а может быть, даже внуков. Примерно до 2100 года, но не больше. За это время бедная старушка земля успеет немного оправиться. Сезон отдыха.

«Что?» — спросила она, словно подслушав его мысли.

«Сезон отдыха», — повторил он.

«Что это значит?» — спросила она.

«Все», — сказал он, взял ее за руку и посмотрел на Питера.

«Фрэнни», — сказал он после паузы и заглянул ей в глаза.

«Что, Стюарт?»

«Как ты думаешь... люди научатся чему-нибудь?»

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, помедлила и так и не решилась заговорить. Керосиновая лампа мигала. Глаза ее казались невероятно голубыми.

«Я не знаю», — сказала она наконец. Казалось, она была недовольна своим ответом, ей хотелось добавить что-то еще, как-то пояснить свои слова, но она смогла лишь повторить снова:

Я не знаю.

КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

Нам нужна помощь, — считал Поэт.

Эдвард Дорн

Он проснулся рано, и был восход.

Высоко над ним голубел небосвод.

Тогда он сел, огляделся вокруг. Острый риф выступал из темнеющих вод. Он был на пляже, белом, как кость. Бирюзовое море вздымало странные лодки. Это были
(*каноз, каноз с выносными уключинами*)

Он знал это... но откуда?

Он поднялся на ноги и чуть не упал. Его трясло с ног до головы. Он чувствовал похмелье.

Он обернулся. Зеленые джунгли прыгнули к нему в глаза, темная мешанина деревьев, лиан, широких листьев и цветов, которые были

(*розовыми, как сосок девочки из церковного хора*)

Он снова почувствовал изумление.

Кто такая девочка из церковного хора?

И, если уж на то пошло, то что такое сосок?

Попугай ара вскрикнул при виде его, слепо рванулся вперед, врезался в толстый ствол старой индийской смоковницы и упал мертвым у ее подножия, задрав лапки вверх.

Мангуста посмотрела в его обожженное, поросшее щетиной лицо и умерла от мозговой эмболии.

Жучок, деловито взбиравшийся по стволу пальмы, почернел и превратился в черный остов. На мгновение между двумя его антеннами зашипела молния голубого электричества.

Кто я?

Он не знал.

Где я?

Какая разница.

Он пошел — заковылял — к краю джунглей. В ушах у него зазвенело от голода. Его мозг был пуст, как мозг новорожденного ребенка.

Он был уже на полпути к темной зелени, когда из нее появилось трое человек. Четверо. Полдюжины.

Коричневые, гладкокожие.

Они уставились на него.

Он уставился на них.

Он начал вспоминать.

Шесть человек превратились в восемь. Восемь — в дюжину. Все они сжимали копья. Они стали угрожающе потрясать ими. Обросший щетиной человек посмотрел на них. Нам нем были джинсы и старые потрескавшиеся ковбойские ботинки. Больше ничего. Его торс был белым, как брюхо карпа, и очень худым.

Копья поднялись вверх. Один из коричневых людей — вождь — сдавленным голосом выкрикивал одно и то же слово, которое звучало примерно так:

Юн-нах!

Да, он начал вспоминать.

Теперь он знал свое имя.

Он улыбнулся.

Улыбка появилась на его лице, словно красное солнце, вышедшее из-за облака. Обнажившись ослепительно белые зубы, глаза засверкали. Он протянул им свои лишенные линий ладони в универсальном жесте мира.

Перед мощью этой усмешки они спасовали. Копья упали на песок.

«Вы говорите по-английски?»

В ответ только взгляды.

«Habla espanol?»

Едва ли. Едва ли эти мудаки хаблили на этом трахнутом эспаньоле.

Что это значит?

Где он?

Ну что ж, со временем это выяснится. Рим строился не в один день.

Место, где ты стоишь, не имеет никакого значения. Важно, чтобы ты был жив...

«Parlez-vous francais?»

Нет ответа. Они зачарованно уставились на него.

Он заговорил с ними по-немецки, а потом расхохотался над глупым, овечьим выражением их лиц. Один из них беспомощно зарыдал, совсем как ребенок.

Простые парни. Прimitивные, неграмотные. Но я могу использовать их. Да, я прекрасно могу это сделать.

Он двинулся к ним, все еще вытянув вперед свои лишённые линий ладони, все еще улыбаясь. В глазах его сверкала жаркое, безумное ликование.

«Меня зовут Рассел Фарадей», — сказал он медленным, чистым голосом. «Я пришел сюда с важной миссией».

Они смотрели на него испуганно и зачарованно.

«Я пришел, чтобы помочь вам».

Они стали опускаться на колени и склонять перед ним свои головы, и когда его темная, темная тень упала между них, его усмешка стала шире.

«Я пришел, чтобы сделать вас цивилизованными!»

«Юн-нах!» — выдохнул вождь, объятый ликованием и ужасом. И когда он поцеловал ступни Рассела Фарадея, темный человек засмеялся, и казалось, что его хохот никогда не прекратился.

Жизнь — это карусель, на которой никому не дано удержаться надолго.

И она всегда, в конце концов, возвращается на то же самое место, замыкая круг.

Февраль 1975

Декабрь 1988

С о д е р ж а н и е

АРМАГЕДДОН	6
Перевод А.Медведева	

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг
АРМАГЕДДОН

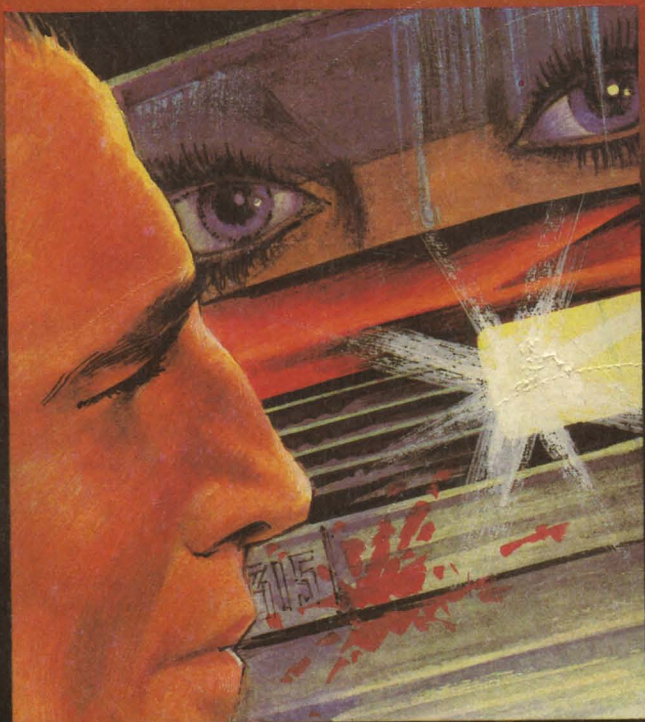
Выпуск 10

Сдано в набор 4.04.93. Подписано в печать 3.06.93 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 27 п.л. Печать офсетная. Тираж 125 000 экз.
№ Заказа 1170.

Издательство "Кэдмэн" 140160 г. Жуковский М.О. а/я 21.
Тел. в Москве 236-40-74

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГП "Техническая книга" Мининформпечати РФ.
198052 г.Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

СТИВЕН КИНГ

В одиннадцатом выпуске
нашей серии будет опубликован
роман Стивена Кинга
«Кристина», рассказывающий
о сверхъестественной любви
автомобиля к человеку.
Эта захватывающая история
никого не оставит равнодушным.